

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(27)

Москва
2014

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D, профессор, Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Лясковский Р. — D.Sc., профессор, Институт польского языка Польской академии наук, Краков, член-корреспондент Польской академии наук, Польша

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D, профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV INSTITUTE OF RUSSIAN LANGUAGE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 1 (27)

Moscow
2014

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Director, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Roman Laskowsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute of Polish Language of the PAN, Krakow, Corresponding Member of the Polish Academy of Sciences, Poland;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Mel'čuk, Ph.D (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tommola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>В. Ю. Апресян.</i> Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов	9
<i>Е. А. Гришина.</i> Вертикальная ось в жестике: лингвистический аспект	42
<i>Д. В. Сичинава.</i> «Увы, для них это всё плюсквамперфект»: лингвистический термин как языковой образ	90
<i>А. А. Козлов.</i> К грамматической семантике старославянских конструкций <i>хотѣти/имѣти</i> с инфинитивом	122
<i>Я. А. Пенькова.</i> К вопросу о семантике так называемого будущего сложного II в древнерусском языке (на материале «Жития Андрея Юродивого»)	150
<i>Е. А. Власова.</i> Инфинитив и сослагательное наклонение в косвенной речи в русских летописях XI—XVI вв.	185
<i>А. П. Майоров.</i> Явления устно-разговорного синтаксиса в языке деловой письменности XVIII века (по памятникам Забайкалья)	206
<i>Т. И. Афанасьева.</i> К вопросу о месте и времени славянского перевода Евхология Великой церкви	237
<i>В. Л. Васильев.</i> Этимологические наблюдения над лексикой и топонимией русского Северо-Запада и Севера. II. (Гидронимы на <i>Лин-</i> , термины <i>налым, налье, налой</i>)	252
<i>М. А. Бобрик.</i> Лих ли поп Упырь? (Значение эпитета <i>лихьи</i> в записи писца Толковых пророков)	265
<i>И. А. Горбушина.</i> О происхождении фразеологизма <i>втереть очки</i>	273

Информационно-хроникальные материалы

Международный научный семинар «Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича» (Н. В. Патроева, А. С. Кулева).....	284
--	-----

Из истории науки

Л. Ю. Астахина. Редактирование и дополнение А. И. Соболевским «Словаря столового обихода Московской Руси XVI—XVII вв.» Н. А. Смирнова.....	290
---	-----

Рецензии

Н. Михайлов. Творительный падеж в русском языке XVIII века (Е. В. Рахилина)	305
--	-----

Новые книги

Marguerite Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive (Д. В. Сичинава).....	313
Сведения об авторах / Authors	316
Правила подачи статей / Notes for contributors	318

CONTENTS

Articles

<i>Valentina Yu. Apresyan.</i> Tut 'right here', <i>zdes</i> 'here', and <i>sejčas</i> 'now'. On temporal meanings of spatial deictics.....	9
<i>Elena A. Grishina.</i> Vertical axis in gesticulation from the linguistic point of view.....	42
<i>Dmitriy V. Sitchinava.</i> «Alas, all this is just pluperfect for them»: a linguistic term as a language metaphor	90
<i>Alexey A. Kozlov.</i> On the semantics of Old Church Slavonic <i>xotěti / iměti</i> + infinitive constructions.....	122
<i>Yana A. Penkova.</i> Towards the problem of the so called «compound future II» semantics in the Old Russian language (on the material of the Life of St. Andrew the Fool).....	150
<i>Ekaterina A. Vlasova.</i> the use of infinitive and subjunctive forms in modal patterns of indirect speech in Russian chronicles of the 11 th —16 th centuries	185
<i>Alexandr P. Mayorov.</i> Phenomena of conversational syntax in the written business language of the 18 th century (based on the transbaikalian written records)	206
<i>Tatyana I. Afanasyeva.</i> On the problem of the provenance of the Slavonic translation of the Euchologion of the Great Church.....	237
<i>Valery L. Vasil'ev.</i> Etymological observations on vocabulary and placenames of the Russian Northwest and North. II. (Hydronyms with the root <i>lin-</i> , terms <i>nalym</i> , <i>nalye</i> , <i>naloj</i>)	252
<i>Marina A. Bobrik.</i> Pop Upyr' Lichyj (the syntactical function and the meaning of the epitheton <i>lichyj</i>)	265
<i>Irina A. Gorbushina.</i> On the origin of the phraseological unit <i>vteret' ochki</i>	273

Reports

- Highlights of the International Linguistic Seminar “Problems of Russian
Historical Grammar and Slavistics: celebrating the 175th anniversary
of the birth of Vatroslav Jagić” (*N. V. Patroyeva, A. S. Kuleva*).....284

History of Russistics

- L. Y. Astakhina.*
N. A. Smirnov’s Dictionary of Food and Cuisine of 16th—18th century
Moscovite Russia, and A. I. Sobolevskiy’s revision of it.....290

Reviews

- N. Mikhailov. Instrumental Case in the Russian Language of 18th century
(*E. V. Rakhilina*).....305

New Books

- Marguerite Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive
(*D. V. Sichinava*).....313
- Authors.....316
- Notes for contributors 318

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Ю. АПРЕСЯН

ТУТ, ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. О ВРЕМЕННЫХ ЗНАЧЕНИЯХ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ДЕЙКТИЧЕСКИХ СЛОВ

Введение¹

Данная работа является продолжением работ автора на тему развития временных значений у пространственных дейктических наречий [В. Апресян 2012а; 2012б].

Хорошо известно, что во многих языках идея времени передается при помощи слов со значением пространства. Время-пространство — одна из самых универсальных и хорошо изученных языковых метафор², которая проявляется, среди прочего, в развитии у пространственных предлогов временных значений. Однако в области дейксиса время и пространство существуют более обособленно, а именно, время обычно выражается собственными дейктическими средствами; ср. наречия *сейчас*, *теперь*, *тогда*, которые не являются производными от пространственных дейктических слов со значением близости или удаленности соответственно. Разграниченность пространственного и временного дейксиса достаточно универсальна — использование пространственных дейктических слов для обозначения времени как минимум не является распространенной тенденцией в европейских языках (*here* не значит *now*, *ici* не значит *maintenant*, *hier* не

---

¹ Исследование осуществлено при поддержке следующих грантов: гранта РГНФ № 13-04-00307а «Подготовка второго выпуска Активного словаря русского языка» (2014—2015); гранта НШ-3899.2014.6 для поддержки научных исследований, проводимых ведущими научными школами РФ на «Разработку материалов для Активного словаря русского языка» (2012—2014); в данной научной работе использованы результаты проекта «Корпусные технологии в лингвистических и междисциплинарных исследованиях», выполненного в рамках гранта Программы фундаментальных исследований отделения историко-филологических наук РАН «Язык и литература в контексте культурной динамики», проект «Создание электронной базы данных по Новому объяснительному словарю синонимов русского языка».

² Для подробного обсуждения см. [Radden 2003].

значит *jetzt* и т. п.). Ситуации, когда временной дейксис выражается через пространственный, как это возможно, например, в норвежском языке³, представляются скорее экзотическими. Однако на примере русского языка видно, что пространственный дейксис также подвержен метафорическому переосмыслению по модели ‘пространство-время’: русские локативные дейктические наречия *тут*, *там* и *здесь* имеют различные временные и таксисные значения; ср. анализ не-пространственных значений дейктических локативных частиц *вот* и *вон* в работе [Борисова, Овчинникова 2011].

Кроме того, в статье на примере наречия *тут* исследуется феномен семантического синкретизма, когда в значении одной лексемы объединены смыслы, относящиеся к разным семантическим полям, — в данном случае, ‘время’ и ‘место’⁴. Семантический синкретизм имеет отношение к полисемии и вместе с тем отличается от нее. При полисемии смыслы, относящиеся к разным семантическим полям (domains), относятся к разным лексемам одной вокабулы, и возможна либо одна, либо другая интерпретация, в зависимости от контекста; ср. например, локативные и пространственные значения предлогов (*в доме* vs. *в субботу*). При синкретизме смыслы, относящиеся к разным полям, слиты в одном значении; ср., например, синкретизм смыслов ‘плохо’ и ‘очень’ в переносном, MAGN-овом, значении наречия *чудовищно*, для которого возможны сочетания с предикатами негативной оценки, но не позитивной: *чудовищно распухший*, *чудовищно устать*, *чудовищно глупый*, *чудовищно раздражать*, но не **чудовищно красивая*, *чудовищно любить, ??*чудовищно умный*. Этим наречие *чудовищно* отличается от своего близкого синонима *ужасно*, у которого процесс семантического размывания (semantic bleaching) зашел дальше, и MAGN-овое значение утратило семантический компонент ‘плохо’: ср. *ужасно красивая*, *ужасно умный*, *ужасно любить*.

По-видимому, в некоторых случаях синкретизм является стадией, предшествующей четкому разделению на разные значения; ср. историю уступительного союза *хоть*, который, согласно [Пичхадзе 2012], на некотором этапе своего развития имел условно-уступительное значение ‘даже если’, т. е. объединял в себе значения малой вероятности и уступительности, а позднее приобрел чисто уступительное значение и соответственно стал возможен в контекстах фактивности. Интересно, что в некоторых лексемах разговорной вокабулы *хоть*, синонимичной *хотя* в значении уступительного союза, этот синкретизм сохранился на синхронном уровне; ср. условно-уступительный союз *хоть* (*Хоть режь меня, ничего не скажу*).

³ Ср. [Fretheim 2010] о показателе пространственной близости *her* в значении показателя недавнего прошлого: *Jeg var i London HER i oktober* ‘Я был в Лондоне *здесь* в октябре’ (в октябре, ближайшем к моменту речи) vs. *Jeg var i London i oktober* ‘Я был в Лондоне в октябре’ (в октябре любого года).

⁴ Идея синкретичного выражения смыслов ‘места’ и ‘времени’ в значении *тут* высказывается в работах [В. Апресян 2012а; В. Апресян 2012б; Гришина 2012].

Возможно, синкретизм особенно характерен в качестве промежуточного этапа при метафорических сдвигах, приводящих в итоге к развитию лексико-функциональных значений у глаголов: ср. английский глагол *to harbor* ‘затаить’, который в первом значении имеет смысл ‘укрывать, скрывать’ (например, преступника от правосудия). В переносном значении ‘испытывать’ в применении к эмоциям *to harbor* в некоторой степени, по-видимому, сохраняет семантику ‘стараться не показывать’ и, таким образом, выражает синкретичный смысл ‘испытывать и не показывать’, т. е. выражает комплексную лексическую функцию Oper1 + anti-Manif. Синкретизм значения отражается в его преимущественной сочетаемости с обозначениями эмоций и ментальных состояний типа *resentment* ‘обида’, *grudge* ‘обида, зависть’, *suspicious* ‘подозрения’, *malice* ‘злоба’, которые принято скрывать, по крайней мере, до поры до времени, что сближает его с русским глаголом *затаить*. Однако *to harbor* продвинулся дальше, чем *затаить*, в направлении грамматикализации и может употребляться, хотя и реже, с обозначениями эмоций, которые не предполагают отсутствия внешних проявлений, и даже наоборот; ср. *to harbor contempt* <*disdain*> ‘испытывать презрение’, что сближает его с лексико-функциональным глаголом *питать*, употребляемым в качестве Oper1 при названиях чувств-отношений.

Однако, по-видимому, некоторые сочетания смыслов в силу каких-то причин оказываются более устойчивыми и закрепляются в языке. Интересной исследовательской задачей является поиск таких «притягивающихся» смыслов и понимание причины их взаимной аттракции. При этом возможные комбинации смыслов, которые выражаются синкретично, не совпадают с инвентарем попарно связанных смыслов, лежащих в основе семантических переходов при полисемии. С одной стороны, при некоторых семантических переходах отсутствуют синкретичные значения; ср. например, смыслы ‘прозрачность’ и ‘понятность’, не дающие синкретичного значения. С другой стороны, некоторые синкретичные значения не лежат в основе известных семантических переходов; ср. например, смыслы ‘период времени’ и ‘состояние’, синкретично выраженные в значении слова *горячка* во фразах типа *Сейчас самая горячка наступит*; *В предотъездной горячке он забыл ей позвонить*; *Первая горячка немного схлынула*.

Многие конкретные типы семантических сдвигов хорошо изучены в лексической типологии; ср., например каталог семантических переходов, созданный группой под руководством Анны А. Зализняк (<http://semshifts.iling-ran.ru/>). Однако инвентаря смыслов, для которых возможно синкретичное выражение, не существует. При этом синкретизм — это интересное с теоретической точки зрения явление, отличное как от полисемии, так и от осцилляции (попеременной актуализации того или иного значения у полисемичной вокабулы в определенном контексте) или же так называемых промежуточных употреблений. С практической точки зрения синкретичные значения могут представлять определенную трудность для лексико-

графа, в связи с невозможностью однозначного выбора *genus proximum* в качестве вершинного компонента толкования.

Наконец, в статье ставится вопрос о возможных причинах развития временных значений у пространственных дейктических слов при наличии самостоятельных показателей временного дейксиса. Основные временные значения пространственных дейктических слов *тут* и *здесь*, которые рассматриваются в данной статье, — это таксисное значение следования и значение близости к настоящему моменту.

1.1. Полисемия *тут* и *здесь*

У обоих наречий выделяется три блока значений: пространственный, «ситуативный» и временной. Анализ сочетаемости по корпусным данным показывает, что при практически одинаковой встречаемости *тут* и *здесь* (примерно 10000 ipm по НКРЯ), их многозначность устроена ассиметрично⁵, и разные блоки значений имеют очень разный вес для этих двух наречий.

На основании анализа 20 наиболее устойчивых прилагательных коллокаций *здесь* и *там* можно сделать следующие выводы о структуре их полисемии:

Здесь:

- 1) Пространственное *здесь* (около 88 процентов употреблений)
- 2) Ситуативное *здесь* (около 12 процентов употреблений)
- 3) Временные значения *здесь* (не входят в первую двадцатку коллокаций)

Тут:

- Ситуативное *тут* (около 40 процентов употреблений)
- Временные значения *тут* (около 32 процентов употреблений)
- Пространственное *тут* (около 28 процентов употреблений)

Как видно из процентных распределений, для *здесь* доминирующее значение — пространственное, ситуативное достаточно хорошо представлено, а временные употребления маргинальны, в то время как у *тут* все три блока значений представлены в существенно более уравновешенных пропорциях, причем «лидирует» ситуативное значение, на втором месте временной блок, а пространственный оказывается на третьем⁶.

⁵ Описание многозначности основано на анализе наиболее устойчивых коллокаций по данным 15-миллиардного веб-базируемого корпуса RuTenTen, принадлежащего лексикографическому ресурсу Sketch Engine (<https://the.sketchengine.co.uk>). RuTenTen, в отличие от НКРЯ, не сбалансирован и не дает таких широких возможностей поиска, однако обладает важным для лексикографа преимуществом, а именно, упорядочивает выдачу по сочетаемости и взаимной «аттракции» слов. В каждом синтаксическом шаблоне выдается 20 наиболее устойчивых сочетаний. Для *тут* и *здесь* возможна одна синтаксическая функция — пре- или постпозиционный *adverbial modifier*.

⁶ Похожие выводы о синкретизме *тут* и о превалировании у *здесь* пространственного компонента приводятся в работе [Гришина 2012].

1.1.1. Сочетаемость *здесь* в разных значениях

Каждое значение у наречий *здесь* и *тут* «выбирает» свой круг предикатов.

У *здесь* распределение сочетаемости по значениям следующее:

1) На основное, пространственное, значение *здесь* приходится (в порядке убывания частотности) сочетания с предикатами *жить*, *находиться*, *иметься* (*Здесь имеются магазины*), *быть*, *представлять* (*Здесь представлены экспонаты*), *располагаться*, *собрать* (*Здесь собраны лучшие картины*), *собраться*, *делать*, *проходить*, *работать*, *появиться* (*Здесь появились новые здания*), *играть*, *проводиться*.

Как легко заметить, это предикаты, имеющие семантический актанта́нт 'место' (таких большинство), или предикаты, для которых место является естественным сирконстантом. В число первых входят прототипические предикаты **местонахождения** (*находиться*, *располагаться*), предикаты, обозначающие местонахождение в одном из значений (*быть*; у таких *здесь* «выбирает» именно пространственное значение), а также предикаты, указывающие на действие или деятельность, связанную с каким-либо местом (*жить*, *представлять*, *собрать*, *собраться*, *проходить*, *проводиться*). В число вторых входят **экзистенциальные** предикаты (*иметься*, *появиться*, *существовать*), а также наиболее прототипические деятельности и занятия (*работать*, *играть*).

2) Наиболее частотные «ситуативные» употребления у *здесь* представлены почти исключительно **модальными** прилагательными *важный*, *нужный*, *возможный*, *уместный*, *следует*, *стоит*; ср. *Здесь важно* (нужно, уместно) *подчеркнуть, что...*; *Здесь стоит не спешить*; *Здесь следует задуматься*. Единственный не-модальный предикат в первой двадцатке, который возможен в ситуативном значении, — это *возникать* (*И здесь возникает вопрос*). Это неудивительно, поскольку модальные контексты — одни из немногих, которые не дают возможности пространственной интерпретации, а пространственный компонент в семантике *здесь* настолько силен, что актуализуется практически во всех контекстах, где это в принципе возможно.

3) Временные контексты употребления *здесь*, хотя и представлены в узусе, не входят в первую двадцатку устойчивых коллокаций. Однако их легко получить из корпуса, моделируя «временную» сочетаемость *тут*; ср.: *Не правильнее ли думать, что управился с ним кто-то совсем другой? — и здесь незнакомец рассмеялся странным смешком.* (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929—1940); *Здесь из зала раздался не очень уверенный, но достаточно решительный голос* (В. Конецкий. На околоначной параболе (Путешествие в Академгородок)).

Однако во многих контекстах, где *тут* позволяет временную интерпретацию, *здесь* может иметь только пространственную; ср. контрастную пару примеров: *Тут началось строительство* vs. *Здесь началось строительство*. Фраза с *тут* может интерпретироваться как локативно (*В 2007 году тут началось строительство развлекательного центра*), так и темпо-

рально (*Жители уже обрадовались, что у них будет парк, и тут на месте предполагаемого парка началось строительство развлекательного центра*). Фраза со *здесь* естественно интерпретируется только локативно: *В 2007 году здесь началось строительство развлекательного центра*, при странности ²⁹*Жители уже обрадовались, что у них будет парк, и здесь на месте предполагаемого парка началось строительство развлекательного центра*.

1.1.2. Сочетаемость *тут* в разных значениях

У *тут* распределение контекстов по значениям следующее:

1) «Ситуативное» значение представлено, как и у *здесь*, модальными контекстами — прилагательными *важный, нужный, уместный, возможный*. Однако *тут* вовлекает в ситуативное значение гораздо более широкий круг контекстов. В частности, в этом значении *тут* образует ряд устойчивых коллокаций, почти идиом, с разными типами предикатов: *скорее* (*Тут скорее речь идет не об этом*), *поделать* (*Что тут поделать* — о безвыходных ситуациях); *сказать* (*Что тут скажешь* — о невозможности комментировать ситуацию), *говорить* (*О чем тут говорить* — об отсутствии предмета для обсуждения). Для *здесь* подобные сочетания не полностью невозможны, однако крайне нехарактерны: если сочетание *Что тут скажешь* в корпусе RuTenTen встречается более 21000 раз на 15 млрд, т. е. его частотность 6 ipm, то сочетание *Что здесь скажешь* встречается всего 124 раза.

2) Второй по частотности блок значений *тут* — временные (таксисное значение следования ситуаций и значение близости к моменту речи). Для каждого подзначения зафиксирован свой круг контекстов. Таксисное значение реализуется в основном в сочетаниях с **инхоативными** предикатами, особенно указывающими на **внезапное** начало, в форме СОВ или в результативных значениях НЕСОВ, что полностью соответствует семантике неожиданности, предполагаемой таксисным *тут*, и функции этого наречия как **маркера поворота в повествовании** (подробно см. раздел 2.1.4). Это предикаты *начаться* (*И тут началась катавасия*), *случиться, произойти, выясняться, выясниться* (*И тут выясняется/выяснилось, что они давно в разводе*), *появляться, появиться* (*И тут он появляется/появился*), *раздаться* (*И тут раздался звонок в дверь*), *вмешаться*. Значение близости к моменту речи, менее частотное, однако также представленное в первой двадцатке, реализуется наиболее часто в комбинации с ментальным предикатом *подумать* (*Я тут подумал, что все же хотел бы поехать*). Как будет показано ниже, для этого значения наиболее характерна реализация именно с различными **ментальными** предикатами в силу его ориентированности на говорящего и на первое лицо.

3) Третий блок значений *тут* — пространственные. В этом значении сочетаемость *тут*, естественно, пересекается с сочетаемостью *здесь*, одна-

ко в меньшей мере, чем этого можно было ожидать. В частности, в первой двадцатке полностью отсутствуют предикаты постоянного местонахождения типа *располагаться*, *находиться*, составляющие ядро пространственных употреблений *здесь* и указывающие на более «объективное» и вневременное положение объектов в пространстве; ср. *Здесь располагается <находится> самый крупный спортивный комплекс города*. Для *тут* ядро пространственных контекстов составляют сочетания с предикатами действий и деятельности *жить* (*Я тут живу*), *делать* (*Что вы тут делаете?*), *написать* (*Из того, что тут написано, ничего не понятно*), а также с предикатом временного местонахождения *сидеть* (*Чего вы тут сидите?*).

Подобная сочетаемость позволяет высказать предположение о следующем различии в пространственном значении *здесь* и *тут*: *здесь* имеет недейктические употребления и позволяет ориентировать объект, о котором идет речь, не только относительно говорящего, но и относительно других упоминаемых объектов, причем статичных: ср. пример из Основного корпуса НКРЯ: *Недалеко от него, в предгорьях Кавказа, — Утришский заказник. Его леса полны редчайшими растениями и отличаются удивительным микроклиматом. Здесь же [в Утришском заказнике] располагается Анапский дельфинарий под открытым небом*. (Е. Зенина. Морская симфония (2001) // «Туризм и образование», 2001.03.15). *Здесь*, таким образом, может описывать **объективное** местонахождение объектов, что и объясняет его сочетаемость со статичными предикатами постоянного месторасположения. Так, в Основном корпусе НКРЯ примеров на сочетание *здесь* с глаголом *располагаться* более 80.

Наречие *тут* в большей степени дейктично, оно ориентирует объект только относительно **местонахождения говорящего**, что объясняет большую динамичность предикатов, с которыми оно сочетается, т. к. говорящий, в отличие от статичных пространственных ориентиров, перемещается и в разное время находится в разных местах. Интересно, что хотя примеры с *тут* в сочетании с *располагаться* в НКРЯ встречаются (в восемь раз реже, чем с наречием *здесь*), они не указывают на объективную ориентацию, а только на дейктическую, относительно местонахождения говорящего в момент речи: *В комнату их заявился офицер, но без красной повязки, пожилой и усталый, похожий в своей зеленой форме на лягушку, капитанского звания. — Ельский призыв тут располагается? — огляделся он, будто сам не знал, что ему делать, угадывая*. (О. Павлов. Дело Матюшина (1996)). Прочие сочетания *тут* с *располагаться* и вовсе описывают не статичное местоположение, а действие: *Тут мы и располагаемся*.

Эту тенденцию можно проиллюстрировать на примере двадцати случайно выбранных из корпуса RuTenTen сочетаний наречий *здесь* и *тут* с глаголом *делать*. С наречием *здесь* девять сочетаний из двадцати описывают ситуации, где говорящий присутствует в том месте, о котором идет речь (сочетания типа *Что ты здесь делаешь*), а одиннадцать — ситуации, когда говорящий в этом месте не присутствует и анафорически отсылает к

какому-то другому, ранее упоминавшемуся, объекту в качестве ориентира; ср. фразы (которые были бы вполне уместны в путеводителе) типа *Ковры из Кайруана славятся по всему Востоку. Их здесь* [т. е. в Кайруане] *делают из шелка, кашемира и шерсти*. Таким образом, у *здесь* распределение дейктических и не-дейктических пространственных употреблений (соответствующее дейктическому и нарративному режимам употребления) примерно равно.

Из двадцати случайно выбранных сочетаний с *тут* семнадцать описывают ситуации, где говорящий присутствует в месте, о котором идет речь (дейктические употребления типа *Что ты тут делаешь?*), а три вообще относятся к ситуативному значению (употребления типа *Что тут делать — непонятно*). Таким образом, для *тут* абсолютная ориентация объекта относительно какого-то другого и анафорическое употребление если и возможны, то крайне нехарактерны. Замена во фразах типа *Ковры из Кайруана славятся по всему Востоку. Их тут* [т. е. в Кайруане] *делают из шелка, кашемира и шерсти* наречия *здесь* на наречие *тут* переводит режим употребления в дейктический: чтобы фраза была прагматически адекватной, говорящий должен в момент ее произнесения находиться в Кайруане.

Ср. также показательный пример из НКРЯ, в котором для отсылки к одному и тому же месту используются оба наречия, при этом *здесь* описывает это место как то, где находятся некие третьи лица, а *тут* — как место, где находится говорящий:

*На третий день меня похоронили,
Толпа большая вслед за гробом шла;
Друзья, враги, все налицо здесь были;
Тут был и я, душа моя была...*

(К. К. Случевский. Загробные песни.

2. Болезнь. Смерть. Первые впечатления. 11. (1901))

Таким образом, значения *тут* и *здесь* можно сформулировать следующим образом:

- (1) *тут* = ‘в месте, где в момент речи находится говорящий’,
- (2) *здесь* = ‘в месте, где в момент речи находится говорящий, или в месте, о котором идет речь’.

Таким образом, в семантике *тут* даже в пространственном значении временной смысл ‘в момент речи’ более обязателен, чем в значении *здесь*, что объясняет высокий удельный вес временных значений у *тут*.

В этом отношении наши выводы отчасти, но не полностью, пересекаются с выводами работы [Гришина 2012], где различие между *тут* и *здесь* описывается следующим образом: «Полные синонимы *здесь* и *тут* различаются по двум параметрам. Во-первых, наличием или отсутствием дистанции между субъектом и объектом указания (для *здесь* такая дистанция

более характерна, чем для *тут*: *здесь* употребляется в ситуации, когда объект указания находится близко к говорящему, но вне его личной сферы; в случае же употребления наречия *тут* говорящий позиционирует себя внутри объекта указания). Во-вторых, *здесь* и *тут* различаются типом объекта указания: для *здесь* характерна трактовка объекта указания как некоторой точки, черного ящика, своего рода «черной капсулы»; наречие *тут* трактует объект указания как развивающийся во времени трехмерный объект. Иными словами, *здесь* указывает на некоторое место, а *тут* указывает на событие, протекающее в некотором месте».

1.2. Ситуативные значения тут и здесь

Сочетаемостно и семантически *здесь* и *тут* наиболее близки в ситуативном значении, в котором они означают ‘в имеющей или имевшей место ситуации, о которой в данный момент идет речь’: *Здесь (тут) уместно вспомнить известное высказывание Черчилля о демократии; Здесь (тут) только доктор может дать правильные рекомендации; Здесь (тут) хотелось бы отметить роль наших зарубежных партнеров; Здесь (тут) важно было не торопиться; Здесь (тут) нужен был специалист, а не любитель.*

Как было сказано выше, оно реализуется в достаточно компактном круге контекстов, преимущественно в модальных и волитивных, для которых невозможна пространственная интерпретация. Именно эти контексты формируют наибольшую область пересечений в сочетаемости *здесь* и *тут*: корпус RuTenTen помещает контексты с модальными предикатами в зону общей сочетаемости этих двух наречий; это означает, что их частотности с этими предикатами наиболее близки.

Это значение необходимо отличать от чисто временных значений, поскольку оно не имеет обязательной временной «привязки» и одинаково свободно реализуется в контекстах настоящего и прошедшего (но не будущего) времени.

Некоторая явно ощущаемая темпоральность этого значения связана с тем, что оно указывает на обсуждаемую в настоящий момент ситуацию, которая имеет место в настоящий момент или имела место в какой-то момент в прошлом; во многих из упомянутых контекстов *здесь* и *тут* можно заменить на *сейчас* или *в тот момент*.

Однако в контекстах, где невозможна временная интерпретация, *здесь* и *тут* естественны, а *сейчас* и *в тот момент* неадекватны, что доказывает наличие смысла ‘в данной ситуации, при данных обстоятельствах’ в значении первой пары наречий; ср. *Здесь (тут) нужен неопределенный артикль, при странности ?? Сейчас нужен неопределенный артикль, ?? В тот момент был нужен неопределенный артикль.*

Выделить сколько-нибудь явные семантические различия между *тут* и *здесь* в ситуативном значении не представляется возможным; по-видимому, это достаточно чистый случай полной синонимии.

2. Временные значения *тут*

Кроме «ситуативного» блока, у обоих наречий выделяется блок временных значений. У наречия *тут* можно выделить два основных временных значения, связанных с идеей близости:

1. Таксисное значение ‘в момент, близкий к другому моменту в прошлом’: *Он начал делать доклад, и тут сломался проектор* (нарративный режим употребления).
2. Временное значение ‘в момент, близкий к моменту речи говорящего’: *Я тут сижу работаю; Я тут была в Лондоне; Я тут на конференцию еду* (диалоговый режим употребления).

Попытка подставить в эти контексты наречие *здесь* дает далекие от идеальных или же совершенно невозможные высказывания: ^{??}*Он начал делать доклад, и здесь сломался проектор; ?Я здесь сижу работаю; *Я здесь была в Лондоне; *Я здесь на конференцию еду*. Однако некоторые употребления, подобные вышеприведенным, для наречия *здесь* возможны; ср. вполне адекватные примеры из НКРЯ:

1. Таксисное значение: *Когда шок от этой новости сменился естественным состоянием тоски и безнадеги, я попытался проанализировать ситуацию [...] И здесь вдруг пришла в голову простая мысль* (А. Козлов. Козел на саксе (1998)).
2. Временное значение: *Пошел ты к черту! Что я там буду коптеть. Я здесь рассчитываю на днях получить в командование полк* (А. А. Игнатъев. Пятьдесят лет в строю. Кн. 3 (1947—1953)).

Таким образом, очевидно как наличие некоторого параллелизма во временных значениях *тут* и *здесь*, дающее основание для их сравнения, так и различия, которые будут подробно разобраны ниже.

2.1. Тут в таксисном значении

В своем таксисном значении, реализуемом в нарративном режиме употребления, *тут* имеет ряд особенностей, отличающих его как от другого временного значения *тут*, так и от наречия *здесь* в таксисном значении, равно как и от других временных операторов.

Во-первых, в этом значении *тут* достаточно редко реализуется самостоятельно (по данным НКРЯ, примерно в восемь раз реже, чем в сочетании с союзом *и*): наиболее частотны реализации вида *и тут*, возможны также реализации вида *тут и*, *а тут*, *но тут*, *вот тут* и *как тут*, хотя имеется и некоторое количество примеров реализации одиночного таксисного *тут*; ср.: *Вежливо попросил еще пару сигарет на потом, я отдал пачку, тут появился судья* (А. Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986—1987)); *Шагов через пять старик Мизгирев выдохся, тут подоспел меринок* (В. Личутин. Любостай (1987)).

Наиболее частотной и наиболее семантически нейтральной является реализация *и тут*, которая уже, по-видимому, оформилась в самосто-

тельную лексическую единицу (подобно тому, как самостоятельной единицей является сочетание *тут же* 'немедленно'). В отличие от сочетаний *а тут, но тут, как тут, вот тут*, в которых явно выделяется семантический вклад обеих частей, сочетание *и тут* существенно менее композиционно. Поскольку оно одновременно представляет собой наиболее частотную реализацию таксисного значения наречия *тут*, рассматриваться будет именно оно. Подобного рода сращение с союзом *и* свойственно и другим наречиям со значением следования; ср. наречия *вскоре* и *сразу*, которые также часто употребляются в комбинации с союзом *и*. Интересно, что сочетание *тут и*, также, по-видимому, являющееся самостоятельной единицей, отличается от *и тут* и семантически, и синтаксически. В частности, оно не является союзом (поскольку образовано с частицей *и*); во-первых, *тут и* допускает «разорванное» употребление (*Тут они и помирились*); во-вторых, оно возможно в контекстах, исключающих употребление сочинительного союза. Ср. следующие контексты, где возможно сочетание *тут и* и невозможно сочетание *и тут*: *А как молитва кончилась, тут и объяснилось дело* (В. С. Новицкая. Безмятежные годы (1912)); *Враг-то мой видит, что я ослаб, тут и вздумал насесть* (В. Г. Короленко. Ат-Диван (1892)), но не **А как молитва кончилась, и тут объяснилось дело, *Враг-то мой видит, что я ослаб, и тут вздумал насесть*.

2.1.1. Следование

Единица *и тут* имеет следующие семантические особенности. Во-первых, *и тут* указывает на **событие** А2, которое возникает **после** наступления какого-то другого события А1 или возникновения ситуации А1:

- (3а) *Я уже собиралась уходить [А1], и тут мне наконец позвонили [А2];*
- (3б) *Вышел я вчера на улицу [А1], и тут ко мне подходит какой-то незнакомый человек [А2];*
- (3в) *Все зрители расселись по местам [А1], в зале потушили свет [А1], и тут раздался чей-то страшный крик [А2].*

Ср. также примеры из НКРЯ, указывающие на следование событий: *У Таврического сада он притормозил и тут увидел Верочку* (С. Высоцкий. Крутой поворот // «Человек и закон»); *Сценарий был написан, одобрен, принят, поставлен, и тут наступил один из самых страшных моментов: показать фильм Василию Лукичу, получить его «добро»* (С. Лунгин. Виденное наяву (1989—1996)).

Употребления, когда событие, вводимое *и тут*, наступает не **после наступления** какой-то другой ситуации, а на **ее фоне**, воспринимаются как существенно менее приемлемые: ср. *Мы легли спать, и тут раздался звонок в дверь, Они начали целоваться, и тут в комнату зашла мама* (следование ситуаций) vs. *Мы спали, и тут раздался звонок в дверь, Они целовались, и тут в комнату зашла мама* (событие, вводимое *тут*, прерывает фоновую ситуацию).

Корпусные данные подтверждают это предположение: запрос на глагол в форме изъявительного наклонения **совершенного** вида прошедшего времени, отделенный от глагола в такой же форме сочетанием *и тут*, дает 59 вхождений с интерпретацией ‘следование ситуаций’, в то время как запрос на глагол в форме изъявительного наклонения **несовершенного** вида прошедшего времени, отделенный от глагола в такой же форме сочетанием *и тут*, дает лишь десять вхождений, только два из которых соответствуют интерпретации ‘событие происходит на фоне ситуации’: *Как-то под праздник возился я на огороде, что-то сажал, и тут пришли сказать: «Ворошилов умер»* (Г. Я. Бакланов. Жизнь, подаренная дважды (1999)); *Пауза затягивалась, и тут вмешался Сандрик* (А. Приставкин. Дядя Тумба магазин (1992)).

Однако в некоторых контекстах этот запрет нарушается; ср. полную естественность фраз типа *Иду я по улице, и тут ко мне подходит какой-то незнакомый мужик; Едем мы домой, и тут нас останавливает гаишник*, где событие, вводимое *тут*, происходит именно на фоне какой-то ситуации. С чем это связано? Представляется, что этому способствует инверсия: фразы типа *Сидим мы за столом, и тут вдруг вламывается пьяный сосед* существенно более естественны, чем фразы типа *Мы сидели за столом, и тут вломился пьяный сосед*. Интересно, что в примере из Бакланова *Как-то под праздник возился я на огороде, что-то сажал, и тут пришли сказать: «Ворошилов умер»* тоже присутствует инверсия, а без инверсии он звучит существенно хуже: *Я возился на огороде, и тут пришли сказать «Ворошилов умер»*.

Однако инверсия — это лишь синтаксическое оформление некоторого семантического содержания. А именно, инверсия, особенно в сочетании с настоящим историческим значением НЕСОВ (*Иду я в магазин, Сидим мы за столом*) используется для введения сообщения о чем-то **новом** для адресата — она типична для зачина рассказа. Настоящее историческое способствует актуализации прошедших событий для адресата. Событие, вводимое *и тут*, также является новым и неожиданным для адресата (см. разделы 2.1.3 и 2.1.4). Таким образом, во фразах с инверсией и настоящим историческим типа *Иду я в магазин [A1], и тут ко мне подходит незнакомый мужик [A2]* ситуация A1 представляется как начавшаяся в тот же временной промежуток, в который происходит событие A2, — они как бы помещаются говорящим для адресата в один мысленный кадр.

2.1.2. Немедленность следования

Во-вторых, в отличие от *потом, тогда* и даже таких единиц как *вскоре* и *сразу же*, которые допускают наличие некоторого, пусть небольшого, временного промежутка между A1 и A2, единица *и тут* указывает на непосредственное, немедленное следование событий друг за другом. Два события должны субъективно мыслиться как часть одного, небольшого временного пространства. В этой особенности временного *тут* проявляется

семантическая специфика исходного, локативного значения близости. Ср. естественность (6а) и странность (6б):

- (4а) *Они наняли хорошего адвоката и вскоре* (сразу же) — не больше, чем через неделю — все проблемы были улажены;
- (4б) [?]*Они наняли хорошего адвоката и тут* — не больше, чем через неделю — все проблемы были улажены.

Ср. также пример из НКРЯ, где уместно употребление *и вскоре* и странно употребление *и тут* именно в силу того, что *и тут* указывает на немедленное следование ситуаций, без какого-либо, сколь угодно малого промежутка: *Смерть Людвига была столь же странной и загадочной, как и жизнь: однажды он отправился с личным врачом на берег озера — и вскоре тела обоих были найдены на пустынном берегу* (В. Гаков. Сказочными дорогами Германии (2001) // «Туризм и образование», 2001.03.15) vs. **Однажды он отправился с личным врачом на берег озера — и тут тела обоих были найдены на пустынном берегу.*

2.1.3. Единство времени и места (синкретизм)

В-третьих, *и тут* указывает не только на единство времени, но и на единство места, т. е. А1 и А2 не могут происходить в разных пространствах (в этом смысле *и тут* противопоставлено таким единицам, как *после того как*, где А1 и А2 представляются более независимыми). При этом пространства могут быть физически разными, однако они обязательно должны быть объединены в сознании говорящего в некое единое наблюдаемое ментальное пространство. Ср. странность (5б), где пространства когнитивно не объединены, и естественность (6), где разные физические пространства составляют единое ментальное целое:

- (5а) *Вскоре после того, как ураган прошел через штат Иллинойс, он произвел разрушения в Новой Англии;*
- (5б) ^{??}*Ураган прошел через штат Иллинойс, и тут он произвел разрушения в Новой Англии;*
- (6) *В 1830 Алжир был захвачен французами, и тут во Франции разразилась революция.*

Ср. также примеры из НКРЯ, где естественно употребление *и вскоре*, но странно употребление *и тут* в силу того, что А1 и А2 происходят в разных пространствах: *С 1974 по 1977 год в 105 городах Советского Союза стали появляться фальшивые купюры в количестве, вызвавшем панику среди финансистов. Бригада лучших сыщиков занялась поисками шайки, в которой, как предполагалось, было не меньше 100 человек. Круг поисков постепенно сужался [А1], и вскоре милиционерам удалось задержать Баранова на рынке города Черкесска [А2]* (Б. Денисов. Враг Гознака (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10) vs. ^{??}*Круг поисков постепенно сужался, и тут милиционерам удалось задержать Баранова на рынке города Черкесска.*

Таким образом, в *и тут* заложено представление о наблюдателе, зрителе (он может быть также участником событий), который наблюдает некую последовательность событий, сценическое действие, условием которого является единство времени и места. Неудивительны поэтому видо-временные характеристики глаголов, которые употребляются с *и тут*: в контексте *и тут* глаголы часто используются в настоящем историческом, для создания эффекта присутствия и репортажа с места событий: *Идет он по улице, и тут ему на голову падает кирпич; И тут он входит.*

2.1.4. Неожиданность

Наконец, *и тут* вводит элемент некоторой неожиданности второго события; поэтому эта единица невозможна при описании событий, естественно вытекающих из предшествующих им; в этом смысле единица *и тут* противопоставлена одиночному союзу *и*, который одинаково свободно употребляется в описаниях естественного и неестественного хода событий:

- (7а) *Он включил компьютер, и на экране появилось изображение;*
 (7б) *?? Он включил компьютер, и тут на экране появилось изображение;*
 (7в) *Он включил компьютер, и произошло короткое замыкание;*
 (7г) *Он включил компьютер, и тут произошло короткое замыкание.*

Ср. также следующую тройку примеров:

- (8а) *Он сделал ей предложение, и она вышла за него замуж;*
 (8б) *?? Он сделал ей предложение, и тут она вышла за него замуж;*
 (8в) *Он сделал ей предложение, и тут она сказала ему все, что о нем думает.*

По этой причине *тут* часто употребляется в комбинации с частицей *-то*, также подчеркивающей неожиданность сообщаемой информации для адресата:

- (9) *Он сделал ей предложение в четвертый раз, и тут-то она наконец согласилась.*

Ср. также примеры из НКРЯ, предполагающие неожиданность, неестественное развитие событий, резкую «смену декораций»: *Мои глаза закрылись, и тут зазвенел мобильный* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки. (2004)); *Предмет объявили, деньги с родителей получили, и тут выяснилось, что педагог, под которого и было затеяно это мероприятие, нашел работу в более перспективном месте* (А. Берсенева). Полет над разлукой (2003—2005)). Высказывания с *и тут*, подобно фразам с противительными и уступительными союзами типа *а, но, хотя*, имплицитно некоторый естественный ход вещей, который в данном случае нарушается⁷.

⁷ Ср. также данные частотности по корпусу RuTenTen, приводившиеся выше: *тут* в этом значении наиболее частотно в коллокациях с инхоативными предикатами.

Однако не при всяком нарушении естественного хода событий возможно употребление единицы *и тут*; так, одинаково невозможны фразы типа (10а) и (10б), в первой из которых описывается неестественный ход событий, а во второй — естественный:

- (10а) *Он включил компьютер и тут закричал нечеловеческим голосом⁸;
 (10б) *Он включил компьютер и тут подсоединил его к проектору.

Очевидно, что если субъект у ситуаций А1 и А2 совпадает, то фраза с *и тут* невозможна: субъект ситуации А2 должен быть иным, чем субъект А1. Это связано с тем, что ситуация А2 является неожиданной именно для субъекта А1, а не для говорящего; ситуация А2 воспринимается говорящим как внешнее по отношению к А1, полностью неконтролируемое субъектом А1 событие. Для союза *и* это ограничение также нерелевантно; ср. возможность обеих фраз:

- (11а) Он включил компьютер и закричал нечеловеческим голосом;
 (11б) Он включил компьютер и подсоединил его к проектору.

Интересный контраст единице *и тут* (возникшей из союза *и* и наречия *тут*) в этом плане представляет собой единица *тут и* (возникшая из наречия *тут* и частицы *и*). На первый взгляд кажется, что *и тут* и *тут и* во многих контекстах взаимозаменяемы, а смысловая разница между ними минимальна. Ср. следующие литературные контексты, где *и тут* и *тут и* взаимозаменяемы: *Проходит месяц, настала уже и настоящая весна. Тут и разыгралась беда* (М. А. Булгаков. Театральный роман (1936—1937)); *Отеллилась, телка у ней обманном образом взяли, продали — тут и началось* (С. Н. Сергеев-Ценский. Благая весть (1912)) vs. *Они тронулись, и тут выяснилось, что с ликера их развезло* (Д. Гранин. Зубр. (1987)); *Я сбросил скорость, чтоб они заснули, и тут произошло чудо* (А. Азольский. Диверсант // «Новый Мир», 2002). Однако более внимательный анализ показывает, что, хотя обе единицы указывают на следование ситуаций, в некотором смысле они антонимичны, и связано это с их противоположной коммуникативной функцией.

Рассмотрим фразы, где *тут и* нельзя заменить на *и тут*:

- (12а) Она постарела, подурнела, тут он ее и бросил,

но не

- (12б) ??Она постарела, подурнела, и тут он ее бросил.

То, что фраза (12б) невозможна, ожидаемо — поскольку *и тут* описывает неестественный ход событий. Можно было бы подумать, что сочетание *тут и* в этом отношении противоположно *и тут*, и описывает естественный ход событий, однако это не так; ср. следующий контекст, где возможно как *и тут* (поскольку ход событий неестественный), так и *тут и*:

⁸ На невозможность такого рода фраз наше внимание обратил Л. Л. Иомдин.

(13а) *Она купила свадебное платье, и тут он ее бросил;*

(13б) *Она купила свадебное платье, тут он ее и бросил.*

Какая же разница между *и тут* и *тут и* в тех контекстах, где возможны обе единицы? Единица *и тут* во фразе (13а) вводит событие А2, неожиданное для субъекта ситуации А1 и одновременно неизвестное адресату; таким образом, *и тут* — коммуникативный маркер **нового**, маркер **поворота событий**.

Единица *тут и* может вводить как неожиданное для субъекта А1, так и ожидаемое им событие А2; однако коммуникативно *тут и* вводит уже **известное адресату** событие, которое упоминалось в предшествующем контексте. Сама ситуация А1 описывается для того, чтобы задать фон, на котором произошло ранее упомянутое событие А2. Таким образом, *тут и* — коммуникативный маркер **известного**. Поэтому контексты с *тут и* часто содержат анафорические слова, отсылающие к тому, что уже упоминалось (ср. слово *этот* ниже):

(14) *А год назад он закончил свой большой роман, и тот пошёл по рукам. Тут и посыпались все его неприятности, начиная с этих звонков и кончая редакционными отказами* (Ю. О. Домбровский. Ручка, ножка, огуречик (1977)).

Ср. еще один пример употребления *тут и*, иллюстрирующий коммуникативную особенность этой единицы, — возвращения к уже упоминавшемуся событию, чтобы объяснить фон, на котором оно возникло:

(15) *Любовь пришла позже, ей предшествовала жалость, затопившая Андрея в тот день, когда Алю привезли из роддома, без ребёнка. Она расстегнула пальто, но не сняла его, прошла в кухню, зажгла все конфорки, над синим огнём дрожали синие руки её; Аля плакала [...]. Вот тут и стала накатываться на Андрея жалость, древнейшее из чувств, порождённое общностью судеб всех живущих* (А. Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998).

Поскольку единица *тут и* вводит уже известное слушающему событие, она не употребляется в некоторых видо-временных контекстах, типичных для маркера поворота событий *и тут*. А именно, употребление *тут и* невозможно в контекстах повествования, где произошедшее в прошлом и ранее не упоминавшееся событие А2 представляется как происходящее непосредственно в момент речи перед глазами слушающего, т. е. в контекстах с настоящим историческим и будущим со значением прошлого. Ср. естественность фраз (16а) и (16б) и невозможность (16в) и (16г):

(16а) *И тут она кричит ему «Стреляй!»;*

(16б) *И тут она как закричит!*

но не

(16в) *Тут она и кричит ему «Стреляй!»;

(16г) *Тут она и как закричит!

Еще одна коммуникативная особенность единицы *тут и* — **контрастивность**; она не просто вводит уже упоминавшееся событие А2, но противопоставляет время его наступления другим возможным моментам; ср.

(17) *После обеденного перерыва, когда в опустевшей столовой, держа в руке большой кус свежего ржаного каравая, он хлебал алюминиевой ложкой супочные щи, положив в них твердой пшеничной каши, когда он на минуту отдался этой простой пище труженников, и ведь именно, когда отдался, — тут он и пропустил тот миг, когда в жизнь вступает судьба* (В. Дудинцев. Белые одежды / Третья часть (1987)).

Таким образом, толкование единицы *и тут* можно сформулировать следующим образом:

(18) *А1, и тут А2* ‘Событие А2, неожиданное для субъекта события или ситуации А1 и для адресата, произошло в момент, следующий за моментом, в который произошло событие А1, или в момент, входящий в тот же промежуток времени, в который начала иметь место ситуация А1, в том же пространстве, где произошло событие А1 или начала иметь место ситуация А1, так что А1 и А2 входят в один раунд наблюдения’.

Итак, специфика *и тут* по сравнению с другими средствами передачи идеи быстрого следования состоит в том, что у *и тут* А1 и А2 помещаются в один «мысленный кадр», в один раунд наблюдения, синкретично выражая единство времени и места, — в то время как другие наречия с этой семантикой (*быстро, вскоре, сразу* и т. п.) предполагают чисто временную характеристику и, таким образом, не предполагают наблюдателя.

Толкование единицы *тут и* можно сформулировать следующим образом:

(19) *А1, тут и А2* ‘Ранее упоминавшееся событие А2 произошло в момент, следующий за моментом, в который произошло событие А1, или в момент, входящий в тот же промежуток времени, в который начала иметь место ситуация А1, в том же пространстве, где произошло событие А1 или начала иметь место ситуация А1, так что А1 и А2 входят в один раунд наблюдения’.

При этом иногда *тут и* может использоваться в нарративе для введения именно новой информации — как риторический прием (для подачи нового в форме известного). Ср. следующий отрывок из Аксенова: *Настреляли немало специально подогнанной дичи. Потом кутили и рассказывали друг другу анекдоты, а Влажнодрев всегда сидел между ними. Потом поехали*

вместе в аэропорт, сидели вместе на заднем диване лимузина, а он, Влажнодрев, был между ними, как начинка сэндвича. Вот тут и произошел весьма интересный разговор, о котором можно рассказать, потому что тема вскоре будет известна всем (В. Аксенов. Таинственная страсть (2007)).

2.1.5. Отличия *тут* в таксисном значении от *тут* в значении близости к моменту речи

Назовем *тут* в значении близости к моменту речи *тут*₂. Между таксисным *и тут* и дейктическим *тут*₂ существуют многочисленные семантические и иные различия.

1) Во-первых, как было сказано выше, таксисное *тут* связывает некоторые события (обычно в прошлом, реже в будущем), в то время как *тут*₂ связывает некое событие в прошлом, настоящем или будущем с моментом речи:

и тут

- (20а) Я вышла гулять с собакой [A1], и тут он позвонил мне на мобильный [A2] [после события A1];
 (20б) Я выйду гулять с собакой [A1], и тут ты позвонишь мне на мобильный [A2] [после события A1];

*тут*₂

- (21а) Я тут гуляю с собакой [A1] [в момент речи];
 (21б) Я тут гуляла с собакой [A1] [незадолго до момента речи];
 (21в) Я тут буду гулять с собакой [A1] [вскоре после момента речи].

2) Во-вторых, наречие *и тут* семантически двухвалентно (речь идет о двух событиях, A1 и A2), в то время как для *тут*₂ вторая валентность является факультативной; ср. недоговоренность примера (22а) при прагматической самодостаточности примера (22б):

- (22а) И тут он приходит [*и тут*];
 (22б) Я тут сижу работаю [*тут*₂].

3) В-третьих, при реализации обеих валентностей (событие A1 и событие A2), распределение событий во времени у *тут*₂ и *и тут* противоположное: *и тут* вводит второе событие, т. е. такое, которое следует за чем-то, а *тут*₂ вводит первое событие, т. е. такое, за которым что-то следует. Ср.:

- (23а) Сдает он отчет [A1], и тут оказывается, что половины документов не хватает [A2] [*и тут*];
 (23б) Я тут съезжу в Лондон [A1] и сдам отчет [A2] [*тут*₂].

4) Между *и тут* и *тут*₂ существует важное просодическое отличие, которое маркирует их разный грамматический статус. *И тут* — полноценное сентенциальное наречие, которое, как всякое сентенциальное наречие, стоит

в начале предложения и может нести на себе, как и всякий полноправный член предложения, акцентное выделение (например, при логическом ударении):

(24) *Сдаёт он отчет, и тут оказывается, что половины документов не хватает.*

Логическое и акцентное выделение может быть дополнительно подчеркнуто присоединением частицы *-то*:

(25) *Сдаёт он отчет, и тут-то оказывается, что половины документов не хватает.*

Тут₂ — клитика, которая занимает в предложении ваккернагелевскую позицию, и не может нести на себе акцентного выделения; ср. неправильность:

(26) **Я тут была в Лондоне.*

Если фраза позволяет акцентное выделение *тут* в ваккернагелевской позиции, значит, *тут* реализуется в другом значении:

(27) *Я тут работаю* (локативное значение *тут*).

Эта особенность *тут₂* связана с особым статусом этой единицы: мы предполагаем, что она находится на пути к грамматикализации в качестве особого показателя актуальности ситуации и ее близости к моменту речи. Подробнее особенности *тут* в качестве показателя близости к моменту речи рассматриваются в следующем разделе, в сравнении с наречием *сейчас*. В заключение данного раздела приведем контрастный пример на *и тут* и *тут₂*, из которого видно, что перестановка *тут* из позиции синтаксического наречия в ваккернагелевскую позицию дает смену значения:

(28а) *И тут он засмеялся* (*и тут*, после наступления какой-то другой ситуации);

(28а) *Он тут засмеялся* (*тут₂*, после этого наступит какая-то другая ситуация).

Соответственно этим двум значениям может быть реконструирован естественный контекст для этих двух *тут*:

(29а) *Она стала что-то говорить ему со слезами на глазах, и тут он засмеялся* (*и тут*);

(29а) *Он тут засмеялся на уроке, и его выгнали из класса* (*тут₂*).

3. Тут и сейчас

В предыдущих разделах было показано, что *тут* в значении близости к моменту речи обладает рядом особенностей, отличающих его от других временных значений *тут*. В этом разделе предлагается ответить на вопрос о том, чем *тут* отличается от основного дейктического показателя близости

сти к моменту речи — наречия *сейчас* — и, таким образом, зачем русскому языку еще одна единица с подобным значением.

В русском языке основными дейктическими словами со значением близости к настоящему моменту являются *сейчас* и *теперь*; ср. их анализ в [Мельчук 1995: 55—79], [Урысон 2004: 1009—1013]. *Сейчас*, более универсальное слово, может употребляться и для референции к моменту речи, и к более абстрактному настоящему, и для выражения недавнего прошлого, и для выражения близкого будущего:

- (30а) *Мы сейчас читаем «Преступление и наказание»* (в момент речи, например, в данный момент на уроке);
- (30б) *Мы сейчас читаем «Преступление и наказание»* (в период времени, в котором говорящий себя мыслит, например, в школе в течение последних двух недель);
- (30в) *Мы сейчас читали «Преступление и наказание» и обсуждали отношение Достоевского к либералам* (незадолго до момента речи);
- (30г) *Мы прочли «Записки из подполья» и сейчас будем читать «Преступление и наказание»* (вскоре после момента речи).

Разные интерпретации *сейчас* анализируются в работе [Мельчук 1995] как разные значения, в работах [Падучева 1996] и [Урысон 2004] — как разные употребления слова *сейчас*. В работе [Падучева 1996] все перечисленные употребления относятся к дейктическому режиму, т. к. они все указывают на близость к настоящему моменту говорящего. Кроме того, в работе Е. В. Падучевой анализируются употребления *сейчас* в контекстах прошедшего времени, где они обозначают близость к настоящему моменту персонажа или повествователя.

Дейктическое наречие *теперь* обладает спецификой относительно семантически более универсального *сейчас*, а именно, указывает на то, что нынешней ситуации предшествовала какая-то другая⁹; ср. *сейчас* и *теперь* в следующих фразах:

- (31а) *Мне сейчас неудобно с ним разговаривать* (в данный момент);
- (31б) *Мне теперь неудобно с ним разговаривать* (после того, что произошло до этого).

Таким образом, русский язык обладает разными средствами выражения идеи настоящего, а также идеи недавнего прошлого и близкого будущего и, казалось бы, не имеет нужды в дополнительных подобных средствах. Однако оказывается, что в русском, как и в норвежском, возможно использование пространственного дейксиса со значением близости для обозначения близости временной. Подобным временным значением обладает наречие *тут* и, в меньшей мере, *здесь*. При этом, хотя словари русского языка отмечают таксисное значение для наречия *тут*, ни в одном словаре не

⁹ См. об этом [Мельчук 1995; Урысон 2004].

описано значение, в котором *тут* выражает близость к моменту речи, т. е. является псевдосинонимом *сейчас* в дейктическом режиме употребления (см., например, словарные статьи *тут* и *здесь* в МАСе).

1) Первое различие между *тут₂* и *сейчас* касается статуса этих единиц: так же, как таксисное наречие *и тут*, *сейчас* является полноценной лексической и просодической единицей, в то время как *тут₂* имеет полуграмматикализованный статус. Ниже будет рассмотрен вопрос о том, что именно, по сравнению с *сейчас*, выражает эта полуграмматикализованная единица. Здесь ограничимся замечанием, что *тут₂*, в отличие от *сейчас*, не допускает ни логического (или фразового) ударения с соответствующим просодическим выделением, ни какого-либо другого помещения в фокус внимания; ср. контрастные примеры:

(32a) — *Когда ты это будешь делать? — Сейчас.*

(32б) — *Когда ты это будешь делать? — *Тут.*

Ср. также:

(33a) *И не просто сейчас, а прямо сейчас, движется-крутится просто непонятное количество разных молекул* (Е. Гришковой).

(33б) **И не просто тут, а прямо тут, движется-крутится просто непонятное количество разных молекул* (невозможно с временной интерпретацией).

Как мы видим из этих примеров, помещение *тут₂* в фокус внимания неизбежно приводит либо к аномалии, либо к локативной интерпретации: единица *тут* в значении близости к моменту речи возможна только в качестве грамматикализованного показателя. Интересно, что *тут₂* часто употребляется в сочетании с *сейчас* (*Я тут сейчас отчет пишу, и мне нужны показатели за сентябрь*), что было бы невозможно, если бы эти две единицы обладали одинаковым статусом, как невозможно сочетание *сейчас* с его близким синонимом *в данный момент* (**Я сейчас в данный момент отчет пишу, и мне нужны показатели за сентябрь*). Ср. также литературные примеры на сочетание *сейчас* и *тут₂*, где *тут₂* явно используется не в локативном значении и, на первый взгляд, дублирует значение *сейчас*:

(34) — *Миля, — сказал он, — тут сейчас будет звонить опять Потоцкая, так я у Якова Абрамовича в триста пятидесятой* (Ю. Домбровский).

2) Проанализируем теперь смысловые различия между *сейчас* и *тут₂* в качестве показателей близости к моменту речи. Сначала рассмотрим те (более многочисленные) группы примеров, где возможно употребление *сейчас*, но не *тут₂*. Отметим предварительно, что все примеры, где наречие *сейчас* коммуникативно и просодически выделено, т. е. является ремой или контрастной темой, автоматически невозможны для *тут₂* и не будут

рассматриваться. Это примеры типа [↓]*Сейчас я живу в Америке; Поговори об этом [↓]сейчас, не откладывай; Если бы он занялся наукой, мог бы [↓]сейчас быть академиком.* Таким образом, примеры, которые приводятся ниже, — это примеры, которые являются для *тут*₂ потенциально допустимыми с коммуникативной и просодической точки зрения, но невозможны в силу каких-то других причин. Ср. пару (35а) и (35б), где пример с *тут*₂ прагматически неадекватен:

- (35а) *На Северном полюсе сейчас минус двадцать шесть;*
 (35б) **На Северном полюсе тут минус двадцать шесть.*

Можно предположить, что *тут*₂, в силу остаточной пространственной семантики, действительно накладывает ограничения на употребление в локативных контекстах, а именно, как и пространственное *тут*, требует, чтобы говорящий находился в том месте, о котором идет речь¹⁰. Однако на самом деле ограничение несколько тоньше, поскольку фразы типа (36) вполне могут быть произнесены человеком, находящимся в Петербурге:

- (36) *В Финляндии тут в очередной раз повысили цену на алкоголь, и все стали ездить за водкой к нам.*

Таким образом, пространство, о котором идет речь, может физически не совпадать с тем, в котором находится говорящий, но мыслиться должно как часть пространства говорящего (в этом смысле *тут*₂ не отличается от *и тут*). Собственно, при помощи *тут* говорящий **строит** это «свое» пространство; ср. типичную сочетаемость *тут у меня (у невестки неприятности на работе), тут у нас (беспорядки на Украине)*. Можно, конечно, предположить также, что в данном случае мы сталкиваемся не с временным, а с размытым локативным значением *тут*, похожем на *там*; ср. *Там в Финляндии в очередной раз повысили цену на алкоголь*. Однако это предположение легко опровергается; ср. невозможность употребления *тут*₂, если речь идет о **давнопрошедших** событиях, даже если событие имело место там, где находится говорящий:

- (37) **В России тут в XIX веке была война с Наполеоном.*

Правильные фразы типа (38) не являются контрпримерами, так как в них реализуется локативное значение *тут*, где *тут* является сентенциальным наречием (что невозможно для показателя близости к моменту речи *тут*₂).

- (38) *Тут, в России, в XIX веке была война с Наполеоном.*

Однако если событие произошло относительно недавно, то фразы типа (39) становятся возможными:

- (39) *В России тут прошла волна политических протестов.*

¹⁰ Фразы с локативным *тут* типа *Тут на Северном полюсе минус двадцать шесть* возможны только, если говорящий сам там находится.

Итак, сформулируем важное различие между *сейчас* и *тут*₂. *Сейчас* не накладывает никаких ограничений на местонахождение говорящего, но только на время события, о котором идет речь. *Тут*₂ требует, чтобы не только временной промежуток, о котором идет речь, включал в себя момент речи, т. е. мыслился говорящим как тот, в котором он сейчас живет, но и чтобы пространство, в котором происходит/ происходило/ произойдет событие, мыслилось говорящим как включающее его.

3) Рассмотрим теперь ситуации, когда возможно употребление *тут*₂, но не *сейчас*. Ср. следующие пары:

- (40а) **Я сейчас в прошлом году была в Лондоне;*
- (40б) *Я тут в прошлом году была в Лондоне;*
- (41а) **Я сейчас в будущем году буду в Лондоне;*
- (41б) *Я тут в будущем году буду в Лондоне.*

При этом возможны фразы с *сейчас*, где это наречие указывает на моменты до и после момента речи:

- (42) *Я сейчас была в Лондоне;*
- (43) *Я сейчас буду в Лондоне.*

Таким образом, как видно из этих примеров, *тут*₂ допускает большую удаленность момента события от момента речи, нежели *сейчас*. Более того, для *сейчас*, по-видимому, невозможны никакие уточнения касательно того, когда именно произошло событие, даже если промежуток времени, отделяющий его от момента речи, очень мал:

- (44а) **Я сейчас пять минут назад его видела;*
- (44б) **Я сейчас через пять минут буду с ним говорить.*

Для *тут*₂, как мы видим, это возможно, даже если временной промежуток объективно не так уж и мал. Однако примеры типа (45а) и (45б) уже невозможны:

- (45а) **Я тут тридцать лет назад была в Лондоне;*
- (45б) **Я тут через тридцать лет выплачу долг за квартиру.*

Как же можно сформулировать временные ограничения на употребление *тут*₂?

По-видимому *тут*₂ относится либо к моменту речи, либо к такому моменту до или после момента речи, когда то, что произошло/ произойдет, может быть актуально для настоящего:

- (46а) *Я тут год назад была в Лондоне и купила себе кучу одежды (имеется в виду, что я пользуюсь ею и сейчас, и поэтому у меня есть, в чем пойти в гости, не нужно покупать новую одежду и т. п.);*

(46б) *Я тут через год выплачу кредит за квартиру* (имеется в виду, что вскоре мое материальное положение улучшится — например, я смогу купить машину, дать кому-то в долг, пожертвовать на благотворительность и т. п.).

В этом смысле значение *тут*₂ отчасти сближается со значениями некоторых видо-временных глагольных форм в европейских языках, например английской формы Present Perfect (хотя *тут*₂ в равной степени ориентировано на связь настоящего с прошлым и с будущим, а Present Perfect — только на связь прошлого с настоящим), французского *passé recent* и *futur proche*. При этом *тут*₂, безусловно, еще не достигло окончательной грамматикализации, и его значение гораздо более конкретно, чем значение граммема.

4) Рассмотрим последнее отличие *тут*₂ от *сейчас*. В нижеследующих фразах *сейчас* является невозможным или звучит менее уместно, нежели *тут*₂:

- (47а) *У него тут обнаружили туберкулез;*
- (47б) [?]*У него сейчас обнаружили туберкулез;*
- (48а) *Мы тут полагаем, что пора уже действовать;*
- (48б) **Мы сейчас полагаем, что пора уже действовать;*
- (49а) *Я тут кое-что о нем знаю, но вам не скажу;*
- (49б) **Я сейчас кое-что о нем знаю, но вам не скажу.*

Пример (47б) не идеален, но не невозможен: если говорящий хочет сообщить именно и только о **времени** обнаружения туберкулеза и о том, что это событие произошло непосредственно перед моментом речи, то пример (47б) прагматически адекватен. Что касается примеров (48б) и (49б), то они аномальны, потому что **мнение** (тот его вид, который выражается глаголом *полагать*, — устойчивое мнение) и особенно **знание** по своей природе несовместимы с идеей существования исключительно в момент речи, которая вводится наречием *сейчас* в сочетании с глаголом в настоящем времени.

У знания есть начало (когда человек что-то узнает), но конец не предусматривается. Устойчивое мнение, выражаемое глаголом *полагать* (в отличие от *думать*) также не предполагает быстрой смены. Однако в сочетании с *тут*₂ и *полагать*, и *знать* возможны, из чего можно сделать вывод, что *тут*₂ выражает нечто помимо идеи настоящего момента. Уже было сказано, что *тут*₂ также предполагает местонахождение говорящего в том же мысленном пространстве, о котором идет речь. По-видимому, *тут*₂ имеет синтетическое значение **актуальности**, в котором объединены разные идеи: **период времени** и **пространство**, в котором говорящий себя мыслит, а также **ситуация**, участником или непосредственным наблюдателем которой он является. Кроме того, как было показано в разделе 2.1.2, *тут*₂ часто предполагает, что за ситуацией А1, о которой сообщает гово-

рящий, следует какая-то другая ситуация A2, обычно вытекающая из той, которая имеет место: *Я тут летом собираюсь в поход [A1], и у всех спрашиваю, нет ли палатки [A2]*. Этим *тут*₂ также отличается от чисто временного *сейчас*.

Таким образом, идея времени встроена в значение *тут*₂, однако не является в нем единственной. В этом смысле *и тут* и *тут*₂ сближаются: обе единицы предполагают некий репортаж, некую **эвиденциальность** — в противоположность объективному нарративу. Говорящий сообщает о том, к чему он имеет прямой непосредственный доступ — при этом *тут*₂ предполагает, что ситуация разворачивается в момент речи или в такой момент времени до или после момента речи, когда она еще сохраняет актуальность для настоящего и ее связь с настоящим не утрачена, а *и тут* обычно сообщает о событиях в прошлом и никакой связи с настоящим не предполагает.

Поскольку *тут*₂, в отличие от *сейчас*, имеет не чисто временное значение, для него возможны сочетания с обстоятельствами времени, невозможные для чисто временного *сейчас*; ср.:

- (50а) *Я тут летом в поход собираюсь;*
- (50б) *Я тут в октябре была в Лондоне;*
- (50в) *Я тут в пять должна уходить;*
- (51а) **Я сейчас летом в поход собираюсь;*
- (51б) **Я сейчас в октябре была в Лондоне;*
- (51в) **Я сейчас в пять должна уходить.*

В заключение сформулируем значение *тут*₂:

- (52) *Тут A1, A2* 'Имеет место ситуация A1, участником или наблюдателем которой является говорящий, которая может привести или приводит к наступлению ситуации A2, и которая разворачивается в том же реальном или мысленном пространстве, где находится говорящий, в промежуток времени, который включает в себя настоящий момент и такие моменты до и после настоящего момента, когда ситуация A1 сохраняет связь с настоящим моментом и может повлиять на наступление ситуации A2'.

4. Временные значения *здесь*

Как было сказано выше, у *здесь* есть такие же временные употребления, как у *тут* — а именно таксисное (следование ситуаций) и близость к моменту речи. Однако, как было показано, для *тут* временные значения формируют ядро полисемии, в то время как для *здесь* они существенно более окказиональны, хотя вполне возможны; ср. *То, что кража была совершена не без участия местных работников, было ясно с самого начала, но вот на каком уровне и кому это понадобилось? И здесь вдруг пришла в*

голову простая мысль (А. Козлов. Козел на саксе (1998)) (значение следования ситуаций); *Ребят, я здесь подумал вот что — а давайте будем делиться полезными советами* (значение близости к настоящему моменту). Однако в большинстве контекстов, где реализуются временные значения *тут*, подстановка *здесь* либо невозможна, либо приводит к пространственной интерпретации.

4.1. Таксисное значение *здесь*

Рассмотрим таксисное значение *здесь* ‘следование ситуаций’. Основная сочетаемость *тут* в этом значении представлена предикатами со значением начала существования. Запрос в НКРЯ на появление *здесь* и *тут* на расстоянии **1** от глаголов со значением начала существования в совершенном виде показывает следующее. Во-первых, такие сочетания в семь раз более частотны для *тут* (195 к 27 в Основном корпусе).

Во-вторых, даже в тех случаях, когда *здесь* употребляется в подобных контекстах, это наречие нередко употребляется анафорически и в качестве анафоры имеет пространственную интерпретацию (для *тут* в подобных контекстах характерна только не-анафорическая временная интерпретация). Ср. примеры, где *здесь* дает пространственную интерпретацию, а подстановка *тут* привела бы к временной трактовке фразы: *Меня пригласили в Пермь, и здесь* (в Перми) *начался второй, очень важный этап в моей жизни* (Г. Бурков. Хроника сердца (1953—1990)); *Гиммлер направил в «штаб Вали» самых опытных контрразведчиков, чтобы выявить причины провалов, и здесь* (в штабе) *создалась крайне опасная, напряженная обстановка* (В. Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)).

Другой контекст, характерный для *тут* в таксисном значении, — сочетание с наречием *вдруг*, — также обнаруживает значительные различия во встречаемости. Сочетаний *и тут вдруг* в корпусе RuTenTen 2508, а сочетаний *и здесь вдруг* — всего 84, т. е. в 30 раз меньше. При этом сочетания *и тут вдруг* практически все имеют временную интерпретацию, а сочетания *и здесь вдруг* отчасти интерпретируются пространственно; ср. *Эмигранты-евреи, которые приехали (в Израиль) из СССР и здесь вдруг осознали себя православными, приняли крещение (здесь анафорически отсылает к упомянутому в предшествующем контексте Израилю)*. Временное таксисное *тут* здесь было бы менее уместно, так как оно указывает на немедленное следование ситуаций, а подобная интерпретация в этом контексте недоступна (вряд ли может иметься в виду, что религиозное осознание произошло немедленно и неожиданно по приезде). Ср., напротив, контекст быстрой смены ситуаций, где предпочтительна временная интерпретация и использование *тут*: *Мы сели за стол и даже сделали заказ, и тут вдруг осознали ужас происходящего*.

В контекстах, которые позволяют обе интерпретации, *здесь* обычно «выбирает» пространственную, а *тут* — временную: *После 1917 года эти земли были объединены в крупный колхоз, а в 1960 году вошли в состав Мо-*

сквы, и *здесь* началось крупное массовое строительство (на этих землях) vs. После 1917 года эти земли были объединены в крупный колхоз, а в 1960 году вошли в состав Москвы, и *тут* началось крупное массовое строительство (сразу и неожиданно после вхождения земель в состав Москвы).

Однако интересно выяснить, есть ли различия между *здесь* и *тут*, когда оба наречия имеют временную интерпретацию, или эти наречия являются полными синонимами. Естественно было бы ожидать каких-то различий, поскольку полная синонимия в языке — явление чрезвычайно редкое. Имеющийся материал недостаточен для четкого проведения границ между *здесь* и *тут* в таксисном значении, поскольку у *здесь* это значение, по-видимому, только начинает оформляться (примеры на чисто временную интерпретацию *здесь* фиксируются в НКРЯ начиная с XX века), однако возможно сформулировать некоторые предположения относительно того, как оно может развиваться. Имеющиеся примеры демонстрируют определенную специфику таксисного *здесь* по сравнению с таксисным *тут*, которая отчасти мотивирована свойствами этого наречия в его основном — пространственном — значении.

Одно из важных свойств *здесь* — склонность к сентенциальному употреблению — отмечает И. М. Богуславский в своем известном примере *Здесь солнце садится здесь*, где в сферу действия первого *здесь* входит все предложение, а в сферу действия второго *здесь* — только предикат. Эта синтаксическая особенность связана с семантикой *здесь* — это наречие может указывать не только на небольшое, близкое к говорящему место в пространстве, но и на более широкое пространство; ср. *Не оставляй компьютер в машине — у нас тут воруют* vs. *Не оставляй компьютер в машине — у нас здесь воруют*. В первом случае говорящий скорее имеет в виду небольшую территорию — возможно, свой микрорайон, во втором вполне вероятно более широкая интерпретация — в Москве или в России.

Широта *здесь* и точечность *тут* (ср. [Гришина 2012]) в пространственном значении преобразуются в следующее различие в таксисном значении: в то время как *тут* обычно описывает быстрое и неожиданное **следование событий**, *здесь* описывает **ситуацию**, на **фоне** которой происходит некоторое событие, не обязательно неожиданное. То есть временное *здесь* указывает скорее на одновременность в прошлом, а не на последовательность; в этом смысле его употребление напоминает использование форм *past simple* в сочетании с формами *past progressive* в английском языке (*She was watching TV when I came*); ср. примеры из НКРЯ и RuTenTen:

- (53) *Но пришла в чью-то умную голову мысль сделать на этом месте Рыбинское водохранилище... Здесь я посмотрел на Алю. В глазах ее не было ни слез, ни сожаления* (Ю. Абрамов. Аля из Китежа // «Общая газета», 1998) (на фоне рассказа говорящий смотрит на Алю);
- (54) *Михаил Васильевич спросил меня, как прошло выступление, и тогда я ответил, что принимали нас прекрасно, что мы не ударили*

там в грязь лицом, что даже на обложке программы фестиваля поместили мой портрет (здесь я показал ему принесенную с собой книжечку) (А. Козлов. Козел на саксе (1998)) (на фоне рассказа об успехах говорящий показывает книжечку);

- (55) *Пока у Московского открытого фестиваля нет собственного гимна и лозунга. Но на открытии по традиции исполнялась «Возьмёмся за руки, друзья...». И здесь за руки взялись не только барды, слушатели, но и представители правительства Москвы в лице Людмилы Швецово́й* (В. Тарасова. Купол неба и — песня! (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.06.13) (на фоне исполнения песни люди берутся за руки).

Для *здесь* в таксисном значении предлагается следующее толкование:

- (56) *A1*, и *здесь A2* ‘Событие *A2* произошло в момент, входящий в тот же промежуток времени, в который имела место ситуация *A1*’.

В таксисном значении *здесь* имеет некоторые синтаксические и сочетаемостные особенности. А именно, в этом значении *здесь* тяготеет к сентенциальной позиции (в пространственном значении возможны и сентенциальная, и обстоятельственная функции): *Здесь я наконец понял, о чем идет речь*. Это связано с коммуникативными различиями между пространственными и непространственными значениями: временное и ситуативное *здесь* — тематичны, а локативное — может быть ремой; ср. *Но, к слову сказать, здесь я понял мудрость пословицы: на миру и смерть красна* (В. Ф. Панова. Спутники (1945)); *Здесь я подумал, что девочка в таком состоянии может провисеть от силы минут двадцать* (Ю. И. Визбор. Завтрак с видом на Эльбрус (1983)) [естественна временная интерпретация].

Вынос *здесь* в рему дает форсированную локативную интерпретацию:

- (57) *Я понял мудрость пословицы* ↓ *здесь* (на этом месте).

Ср. похожее явление на материале разных значений глагола *быть* [Апресян 1995], где экзистенциальному значению соответствует тематическая коммуникативная функция, а рематизация глагола приводит к локативной интерпретации:

- (58) *Был в московском зоопарке ручной лев* (экзистенциальное значение);
 (59) *Ручной лев был в московском зоопарке* (локативное значение).

4.2. Здесь как показатель близости к моменту речи

Второе временное значение, значение близости к моменту речи, для *здесь* существенно менее характерно, чем таксисное. Интерпретация *здесь* как указания на близость к моменту речи возможна только тогда, когда недоступны никакие другие интерпретации; ср.

- (60) *В Англии, например, запретили детям ходить с мобильными телефонами в школу — у входа мобильники отбирают. У нас до это-*

го дело не дошло. Я здесь разговаривала с одной мамой, у которой дочке 10-12 лет. Говорю: зачем ей мобильный телефон? (RuTenTen).

Контекст не позволяет в данной случае ни пространственной, ни ситуативной интерпретации, и *здесь* указывает на близость события к моменту речи. Однако в конструкциях, где пространственная или ситуативная интерпретация возможны, *здесь*, в отличие от *тут*, «выбирает» их; ср. *здесь* и *тут* в конструкции *Я здесь <тут> решил X*. В подобных конструкциях *тут* выбирает интерпретацию близости к настоящему моменту — решение недавно было принято и еще актуально, в то время как *здесь* выбирает пространственные и ситуативные интерпретации; ср. *Я тут решил с девушкой познакомиться; Я тут решил отказаться от бумажных носителей; Я тут решил не включать их в окончательный список* (незадолго до момента речи) vs. *Я здесь решил употребить термин «Экологический подход»* (применительно к упоминавшейся ситуации); *Привет всем. Это первое, что я здесь решил написать* (в упоминавшемся месте).

Итак, можно предположить, что смысл ‘близость к моменту речи’ не формирует отдельного самостоятельного значения у наречия *здесь* — речь скорее идет о достаточно редких изолированных употреблениях, которые возникают в условиях замены *тут* на *здесь* и недоступности иных интерпретаций. Также, в отличие от *тут*, имеющего яркие грамматические особенности в значении близости к моменту речи (в первую очередь клитичность), *здесь* остается в этом употреблении полноударным наречием.

Заключение

Итак, в заключение можно сказать, что временные значения *тут* и *здесь* наследуют некоторые особенности пространственных значений этих дейктических слов. *Тут* обладает сильной дейктичностью и в пространственном значении всегда указывает на место, в котором в момент речи находится говорящий, таким образом, синкретически сочетая два смысла — ‘пространство’ и ‘время’ — в одном значении. Синкретичность и дейктичность сохраняются и во временных значениях *тут*. В таксисном значении *тут* указывает на два следующих друг за другом события, объединенных в единый раунд наблюдения, — т. е. происходящих в одном пространстве и в два непосредственно связанных момента времени. Прагматически в таксисном значении *тут* является маркером поворота событий, вводящим указание на событие, которое является новым и неожиданным как для адресата, так и для субъекта ситуации. В значении близости к моменту речи *тут* является полуграмматикализованным маркером актуальности, вводящим событие, которое произошло, происходит или произойдет в момент, близкий к моменту речи и в пространстве, в котором мыслит себя говорящий. Наречие *здесь* способно к не-дейктическим употреблениям, имеет го-

раздо более выраженную пространственную семантику и склонность к сентенциальному употреблению. Среди его не-пространственных значений доминируют ситуативные, временные представлены значительно меньше. *Здесь* не развивает полноценного временного значения близости к моменту речи, по-видимому, поскольку его пространственное значение не содержит обязательного указания на время речи говорящего. В таксисном значении *здесь*, в отличие от *тут*, вводит представление о фоновой ситуации, в какой-то из моментов существования которой происходит некоторое событие.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Избранные труды. т II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 503—537.

В. Апресян 2012а — В. Ю. Апресян. «Тут» как показатель темпоральной близости // Материалы международной конференции «Диалог'2012». Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Бекасово, 2012. С. 1—17.

В. Апресян 2012б — В. Ю. Апресян. 'Here' and 'now' // Смыслы, тексты и другие захватывающие сюжеты. Сб. ст. в честь 80-летия И. А. Мельчука / Под ред. Ю. Д. Апресяна, И. М. Богуславского, Л. Ваннера, Л. Л. Иомдина, Я. Миличевич, М.-К. Л'Ом, А. Польгера. М., 2012. С. 30—41.

Борисова, Овчинникова 2011 — Е. Г. Борисова, Т. Е. Овчинникова. Параметр близости в метафорическом пространстве // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии / По материалам ежегодной Международной конференции «ДИАЛОГ» (2011). Вып. 10. М., 2011. С. 153—158.

Гришина 2012 — Е. А. Гришина. Здесь и тут: Корпусной и жестикюляционный анализ полных синонимов // Русский язык в научном освещении. 2012. № 23. С. 39—71.

Мельчук 1995 — И. А. Мельчук. 'СЕЙЧАС' и 'ТЕПЕРЬ' в современном русском языке // И. А. Мельчук. Русский язык в модели "Смысл — Текст". М.; Вена, 1995. С. 55—79.

МАС — Малый академический словарь русского языка в 4-х томах. М., 1999.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М., 1996.

Пичхадзе 2012 — А. А. Пичхадзе. К истории русского союза *хотя*. Международная конференция «Языкознание sub specie русистики: взаимодействие языковых элементов». 24—26 октября 2012 года. (<https://www.academia.edu/6060460/>).

Урысон 2004 — Е. В. Урысон. Синонимический ряд СЕЙЧАС 1 // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Издание второе, исправленное и дополненное / Под общим руководством акад. Ю. Д. Апресяна. Ю. Д. Апресян, В. Ю. Апресян, Е. Э. Бабаева, О. Ю. Богуславская, И. В. Галактионова, С. А. Григорьева, Б. Л. Иомдин, Т. В. Крылова, И. Б. Левонтина, А. В. Птенцова, А. В. Санников, Е. В. Урысон. М., 2004. С. 1009—1013.

Fretheim 2010 — T. Fretheim. Reference to the near past by means of the Norwegian "spatial" term 'her' (here). Unpublished paper presented at "Space and Time across Languages, Disciplines and Cultures" Conference, Cambridge, UK, April 2008.

Radden 2003 — G. Radden. The metaphor TIME AS SPACE across languages // C. B. N. Baumgarten, M. Motz and J. Probst (eds.), Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprachvermittlung: Das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag. Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. Vol. 8. (2/3). 2003. P. 226—239.

References

Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Leksikograficheskiye portrety (na primere glagola *byt*) // Izbrannyye trudy. t. II. Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moskva, 1995. S. 503—537.

V. Apresyan 2012a — V. Yu. Apresyan. «Tut» kak pokazatel temporalnoy blizosti // Materialy mezhdunarodnoy konferencii «Dialog'2012». Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii. Bekasovo, 2012. S. 1—17.

V. Apresyan 2012b — V. Yu. Apresyan. 'Here' and 'now' // Smysly, teksty i drugiye zakhvatyvayushchiye syuzhety. Sb. st. v chest 80-letiya I. A. Melchuka / Pod red. Yu. D. Apresyana, I. M. Boguslavskogo, L. Vannera, L. L. Iomdina, Ya. Milichevich, M. K. L'Om, A. Polgera. Moskva, 2012. S. 30—41.

Borisova, Ovchinnikova 2011 — Ye. G. Borisova, T. Ye. Ovchinnikova. Parametr blizosti v metaforicheskom prostranstve // Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii / Po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferencii «DIALOG» (2011). Vyp. 10. Moskva, 2011. S. 153—158.

Fretheim 2010 — T. Fretheim. Reference to the near past by means of the Norwegian “spatial” term ‘her’ (here). Unpublished paper presented at “Space and Time across Languages, Disciplines and Cultures” Conference, Cambridge, UK, April 2008.

Grishina 2012 — Ye. A. Grishina. *Zdes i tut*: Korpusnoy i zhestikulyacionnyy analiz polnykh sinonimov // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. 2012. № 23. S. 39—71.

Melchuk 1995 — I. A. Melchuk. ‘SEYCHAS’ i ‘TEPER’ v sovremennom russkom yazyke // I. A. Melchuk. Russkiy yazyk v modeli “Smysl — Tekst”. Moskva; Vena, 1995. S. 55—79.

MAS — Malyy akademicheskiy slovar russkogo yazyka v 4-kh tomakh. Moskva, 1999.

Paducheva 1996 — Ye. V. Paducheva. Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni i vida v russkom yazyke. Semantika narrativa. Moskva, 1996.

Pichkhadze 2012 — A. A. Pichkhadze. K istorii russkogo soyuza *khotya*. Mezhdunarodnaya konferenciya «Yazykoznaniiye sub specie rusistiki: vzaimodeystviye yazykovykh elementov». 24—26 oktyabrya 2012 goda. (<https://www.academia.edu/6060460/>).

Radden 2003 — G. Radden. The metaphor TIME AS SPACE across languages // C.B.N. Baumgarten, M. Motz and J. Probst (eds.), Übersetzen, Interkulturelle Kommunikation, Spracherwerb und Sprachvermittlung: Das Leben mit mehreren Sprachen. Festschrift für Juliane House zum 60. Geburtstag. Zeitschrift für Interkulturellen Fremdsprachenunterricht. Vol. 8. (2/3). 2003. P. 226—239.

Uryson 2004 — Ye. V. Uryson. Sinonimicheskiy ryad SEYCHAS 1 // Novyy obyasnitelnyy slovar sinonimov russkogo yazyka. Izdaniye vtoroye, ispravlennoye i dopolnennoye / Pod obshchim rukovodstvom akad. Yu. D. Apresyana. Yu. D. Apresyan, V. Yu. Apresyan, Ye. E. Babayeva, O. Yu. Boguslavskaya, I. V. Galaktionova, S. A. Grigoryeva, B. L. Iomdin, T. V. Krylova, I. B. Levontina, A. V. Ptencova, A. V. Sannikov, Ye. V. Uryson. Moskva, 2004. S. 1009—1013.

Резюме

Метафора ‘пространство-время’ — одна из универсалий семантической типологии (особенно на материале предлогов и наречий), однако в дейксисе этот перенос происходит значительно реже (так, *здесь* не развивает значение ‘сейчас’, *там* не развивает значение ‘тогда’ и т. п.). Однако и в дейксисе эта метафора не столь экзотична, как может показаться на первый взгляд, что можно продемонстрировать на примере полисемии пространственных дейктических наречий *тут* и *здесь*, которые развивают временные значения и употребления, а именно, таксисное значение следования двух событий в прошлом, а также значение близости к моменту речи. Временные значения этих наречий наследуют некоторые особенности их пространственных значений. *Тут* обладает сильной дейктичностью в пространственном значении и всегда указывает на место, в котором в момент речи находится говорящий, таким образом, синкретически сочетая два смысла — ‘пространство’ и ‘время’ — в одном значении. Синкретичность и дейктичность сохраняются и во временных значениях *тут*. В таксисном значении *тут* указывает на два следующих друг за другом события, объединенных в единый раунд наблюдения, — т. е. происходящих в одном пространстве и в два непосредственно связанных момента времени, а в значении близости к моменту речи *тут* является полуграмматикализованным маркером актуальности, вводящим событие, которое произошло, происходит или произойдет в момент, близкий к моменту речи и в пространстве, где находится говорящий. Наречие *здесь* в пространственном значении способно к недейктическим употреблениям, имеет гораздо более выраженную пространственную семантику и склонность к сентенциальному употреблению. *Здесь* не развивает полноценного временного значения близости к моменту речи, поскольку его пространственное значение не содержит обязательного указания на время речи говорящего. В таксисном значении *здесь*, в отличие от *тут*, вводит представление о фоновой ситуации, в какой-то из моментов существования которой происходит некоторое событие.

Ключевые слова: пространственный и временной дейксис, момент речи, семантика, просодия, ситуация, коммуникативная функция, грамматикализация.

Статья получена 17.12.2013

VALENTINA YU. APRESYAN

TUT ‘RIGHT HERE’, *ZDES* ‘HERE’, AND *SEJČAS* ‘NOW’. ON TEMPORAL MEANINGS OF SPATIAL DEICTICS

Though space-time metaphor is one of the universals of semantic typology and a source of regular prepositional and adverbial polysemy in many languages, this phenomenon is much rarer in deixis; thus, spatial deictics develop temporal meanings not as frequently. However, space-time metaphor in deixis is not as exotic as it might seem, as demonstrated by the Russian spatial proximity markers *tut* and *zdes* ‘here’, which develop temporal meanings — the meaning of consecutivity and the meaning of temporal proximity. Temporal meanings of these adverbs inherit some of the semantic peculiarities they display in their spatial meanings. *Tut* is strongly deictic in its spatial meaning and always points to the location of the speaker at the moment of speech, thus demon-

strating semantic syncretism of 'space' and 'time'. Temporal meanings of *tut* preserve this syncretism. In the meaning of consecutivity *tut* points to two quickly following events that take place within one round of observation in one space and one short period of time. In its meaning of temporal proximity it acts as a marker of *actuality*, consisting of the following semantic elements: (a) a time period which includes the moment of speech, and such moments preceding and following it that are sufficiently close to the moment of speech to retain connection with it; (b) a physical or mental space that includes the speaker; (c) a situation in which the speaker is either a participant or an observer; (d) a resulting situation. Besides semantic peculiarities, *tut* has a special semi-grammaticalized status (it is not a full-fledged adverb, but rather a semi-formed grammatical marker); communicative peculiarities (it cannot be part of rheme or contrastive theme); prosodic properties (it is a clitic). The adverb *zdes'* has non-deictic usages in its spatial meaning, strong spatial semantics, and frequently has wide scope in the sentence, referring to the whole situation rather than to the predicate alone. As a consequence, it does not develop a full-fledged meaning of proximity to the moment of speech, and in its consecutive meaning introduces the notion of a background situation which serves as a backdrop for a certain event.

Keywords: spatial and temporal deixis, moment of speech, semantics, prosody, communicative function, grammaticalization.

Received on 17.12.2013

Е. А. ГРИШИНА

**ВЕРТИКАЛЬНАЯ ОСЬ В ЖЕСТИКУЛЯЦИИ:
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

1. Введение

1.1. Вводные замечания

В работах [Гришина 2013а; б] нами была проанализирована русская жестикуляция с точки зрения ее расположения в декартовых координатах. В [Гришина 2013а] мы описали статистические предпочтения в распределении дейктических жестов по сагиттальной оси (вперед—назад) и по поперечной оси (вправо—влево), что позволило нам сделать следующие выводы:

— в русской жестикуляции **сагиттальная ось (ось прогресса)** в терминологии Ж. Кальбрис [Calbris 2008]) предназначена для передачи временных значений: «позади» говорящего мыслится неактуальное в момент речи прошедшее время, а в точке расположения говорящего и перед ним — актуальные времена (настоящее актуально-длительное и уверенное будущее); настоящее узуальное не имеет жесткой привязки ни к одной из осей, но чрезвычайно редко располагается в неактуальной зоне позади говорящего;

— **поперечная (когнитивная) ось** в русской жестикуляции (если вывести за скобки жестикуляционное обозначение последовательностей типа *сначала А, потом Б*) предназначена для передачи эвиденциальных и оценочных аспектов высказывания:

- 1) слева от говорящего расположена зона фактов, которые чаще всего передаются прошедшим узуальным временем как временем полностью завершено, полностью случившегося события, а справа — зона мнений говорящего, которые передаются высказываниями, включающими в свой состав в той или иной форме вероятностный семантический компонент;
- 2) слева от говорящего расположена зона чужого, далекого, дурного, в то время как правая зона закреплена за своим, близким и хорошим.

---

* Исследование проведено при поддержке программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (2012—2014) и гранта РФФИ № 8 14-06-00245.

— в этой же работе мы крайне скупо говорили о **вертикальной оси** (**ось роста** по Ж. Кальбрис), которая в случае, если жест направлен сверху вниз, под ноги говорящему, предназначена прежде всего для передачи идеи одновременности некоторого события акту речи, т. е. для передачи настоящего актуально-длительного времени.

Дальнейший анализ материала показал, что лингвистический потенциал вертикальной оси в русской жестикуляции не исчерпывается темпоральным аспектом. Настоящая статья посвящена изложению основных лингвистических значений, которые передаются жестикуляционными движениями по вертикальной оси.

1.2. Методология работы с материалом

Данная статья написана на основе анализа базы данных жестов, отобранных из Мультимедийного русского корпуса (МУРКО), которая содержит порядка 3 тыс. жестопотреблений. База включает в себя контексты, в подавляющем большинстве которых ударная часть жеста выровнена с глаголами. Под выравниванием имеется в виду совпадение ударной фазы жеста с глаголом или с непосредственно примыкающими к глаголу именной группой или обстоятельством. Смещение ударной части жеста с глагола на примыкающие именные и обстоятельные группы имеет место обычно в тех случаях, когда на последние падает эмфаза любого происхождения, — в таких случаях ударная часть жеста тяготеет именно к эмфатически выделенному фрагменту фразы.

По сравнению с работой [Гришина 2013а], которая включала в себя только дейктические жесты, как видим, материал несколько изменен. Мы включили в рассмотрение не дейктические жесты, а ручные жесты, которые в работе [McNeill 1992] названы иконическими жестами, отражающими точку зрения наблюдателя (OVPT, *observer viewpoint gestures*).

Д. Макнилл разбивает иконические (изобразительные) жесты на две группы — с одной стороны, жесты, отражающие точку зрения наблюдателя (OVPT), с другой, — то, что можно назвать «ручной пантомимой», или жесты, отражающие точку зрения персонажа (CVPT, *character viewpoint gestures*). Для ручной пантомимы характерен следующий принцип: говорящий как бы совмещает свое тело с телом персонажа и жестикулирует так, словно он и есть этот персонаж. Например, глагол *копать* сопровождается движениями рук, изображающими действия копающего человека, глагол *бежать* — движениями бегущего человека, словосочетание *рвать на себе волосы* — изображением вырывания волос из головы, и так далее.

Напротив, жесты наблюдателя (OVPT) предполагают внаходимость жестикулирующего относительно передаваемой с помощью жестов ситуации. Как пишет Д. Макнилл, по сравнению с ручной пантомимой жесты наблюдателя являются схематичными — они описывают ситуацию, являющуюся предметом речи, как бы издали, тело говорящего и тело персонажа разделены, т. е. говорящий не отождествляет себя с персонажем

речи, и, как следствие, говорящий передает только отдельные аспекты реальных или потенциальных действий персонажа, в частности, направление движения. Так, глагол *копать* в режиме наблюдателя может быть передан только движением руки вниз (поскольку глагол *копать* включает в себя семантический компонент ‘земля’, см. ниже), глагол *бежать* — направлением руки вверх и в сторону (поскольку глагол *бежать* включает в себя сему ‘расстояние’, см. ниже), а словосочетание *рвать на себе волосы* — движением руки на говорящего, поскольку именно это движение передает сему ‘себя’ вне зависимости от того, к кому именно эта сема относится, — к говорящему, слушающему или персонажу¹.

Возникает закономерный вопрос — как те закономерности, которые были нами выявлены для указательных жестов (см. разд. 1.1), проявят себя на новом материале? Точнее: если указательные жесты имеют то или иное тяготение к разным зонам осуществления (право-лево, впереди-сзади) в зависимости от лингвистических, прагматических или референциальных параметров, то сохранятся ли эти закономерности, если мы выйдем за пределы дейктической сферы в жестикуляции и затронем жестикуляцию иконическую?

Для ответа на этот вопрос из нашей базы данных были отобраны глагольные (т. е. выровненные с глаголами) жесты, являющиеся объектно-свободными, или когнитивными (см. об этом понятии [Гришина 2013а; в]), т. е. те жесты, которые отсылают к абстрактным (отсутствующим в поле видимости) ситуациям и объектам, причем расположение этих ситуаций в пространстве невозможно привязать ни к какой точке, локализация которой известна (см. ниже пример (1); впрочем, данная статья практически полностью построена на материале именно объектно-свободной жестикуляции).

Описанная ниже методика работы с материалом лежит в основе всех дальнейших наблюдений в данной статье; впервые этот способ анализа

---

¹ Естественно, в реальности ситуация значительно сложнее, чем предполагает бинарное противопоставление речевой пантомимы и жестов наблюдателя. В частности, что имеет непосредственное отношение к нашему исследованию, возникает вопрос, как классифицировать ручные жесты, выровненные с глаголами, семантика которых предполагает действия руками, например, *бросать*, *держать*, *махать (рукой)* и под. В этих случаях противопоставление жестов персонажа и жестов наблюдателя в ряде случаев нейтрализуется, и мы не можем определить, чью именно точку зрения отражает говорящий, — свою или чужую. Для этих случаев мы приняли следующее решение: если жест является объектно-свободным (когнитивным, см. об этом ниже), то мы считали возможным включить его в анализ, даже если есть подозрение, что это не жест наблюдателя, а жест персонажа. Такое решение обосновано тем, что свобода выбора направления в когнитивной жестикуляции существенно важнее для лингвистического анализа жеста, чем точка зрения, с которой он производится, поскольку именно объектная свобода жеста выводит на первый план лингвистические аспекты жестикуляции.

больших массивов жестикуляционных данных, которые анализируются с точки зрения топологии жеста, был опробован нами при анализе жестикуляционных профилей русских приставок в работе [Гришина 2013б].

Поскольку жестикуляция осуществляется в трех пространственных координатах, то каждый жест может быть разложен на векторы (от одного до трех), направленные вдоль одной из осей — сагитальной, поперечной или вертикальной, так, как на рис. 1 вектор DB_1 разложен на векторы DA , DD_1 , DC .

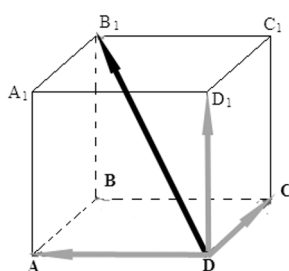

Рис. 1

В примере (1) жест, сопровождающий синтагму *шагнули куда-то вперед*, осуществляется левой рукой, которая направлена одновременно вперед по сагитальной оси, в левую зону по когнитивной оси и снизу вверх по вертикальной оси.

(1)	Словесный ряд	<i>Все мы страшно</i>	<i>шагнули куда-то вперед.</i>
	Жестовый ряд		левая рука вперед—влево—вверх

Т. Березанцева и др. Старомодная комедия. 1978

Такое разложение жеста по осям позволяет нам приписывать каждому жесту некоторый набор векторов, что дает возможность использовать при анализе статистические методы, а также вычленять в каждом жесте отдельную интересующую нас ось для анализа. Жесту, зафиксированному в примере (1), в базе данных будет приписано три параметра: 1) вперед (по сагитальной оси), 2) влево (по поперечной оси), 3) вверх (по вертикальной оси). Одновременно с лингвистической точки зрения фраза будет охарактеризована как утверждение, имеющее предикат в прошедшем узואльном времени.

Таблица 1 демонстрирует распределение объектно-свободных иконических жестов, связанных с позицией наблюдателя (ОВРТ жестов), по сагитальной и поперечной осям в зависимости от видовременных значений и модальных параметров (для анализа брались только утверждения, чтобы нивелировать воздействие на жестикуляцию иллюкутивной силы императивов и вопросов). В таблицу не включены данные по направлению движения снизу вверх по вертикальной оси, поскольку они, как выяснилось, не демонстрируют ни временных, ни модальных, ни видовых предпочтений.

Таблица 1²

Направление Временные характеристики	Сагиттальная ось		Поперечная ось		Вертикальная ось
	вперед	за спину	влево	вправо	сверху вниз
будущее время	144 ($\chi^2=1,7$)	4	59	32	171 ($\chi^2=5,1$)
ирреалис	310	11	148	261 ($\chi^2=43,2$)	331
настоящее актуально- длительное	69	0	23	26	88 ($\chi^2=3,4$)
настоящее историческое	62 ($\chi^2=3,5$)	3	27	11	52
настоящее узуальное	85	7	34	38	92
прошедшее перфектное	93	5	49	52	133 ($\chi^2=2,3$)
прошедшее узуальное	259	18 ($\chi^2=2,8$)	160 ($\chi^2=8,85$)	112	271
$\chi^2=126,7$; $p \leq 6,1^{-16}$; распределения достоверны, параметры связаны					

Если сравнить данные табл. 1 с данными, приведенными нами в работе [Гришина 2013а], то можно заметить, что основные закономерности, найденные нами на материале указательных жестов, сохранились:

- уверенное будущее тяготеет к направлению вперед и сверху вниз,
- ирреальное наклонение — к направлению вправо,
- настоящее актуально-длительное — к направлению сверху вниз,
- прошедшее узуальное — за спину и налево,
- настоящее узуальное не имеет каких бы то ни было топологических предпочтений.

Изменения касаются перфектного прошедшего, которое не демонстрирует слабого тяготения вправо, как это было с указательными жестами, но зато показывает отчетливую связь с движением сверху вниз³ (см. о причинах этого ниже, в разд. 6.2).

² В таблицах здесь и далее полужирным отмечены ячейки, в которых данные существенно отклоняются от средних (ожидаемых в случае, если бы параметры не были связаны) в большую сторону, курсивом — в меньшую сторону. При существенно отклоняющихся данных приводятся значения χ^2 для данной ячейки. Мы не учитывали в своих выводах данные в тех ячейках, где количество примеров невелико.

³ Может быть, дело в том, что анализируемая база существенно больше по объему, чем база объектно-свободных указательных жестов, которая была в нашем распоряжении при написании работы [Гришина 2013а]. Что касается настоящего исторического (тяготеет к направлению вперед по сагиттальной оси), то ранее то-

Таким образом, мы видим, что топологические характеристики объектно-свободных жестов не зависят от их типа (дейктические или иконические). Именно поэтому мы считаем, что жестикуляционную топологию можно изучать на объектно-свободных жестах любой природы (дейктических или иконических ОВПТ-жестах) и что данное исследование, проведенное на несколько ином материале, дополняет нашу работу о темпоральных дейктических жестах и их расположении на сагиттальной и поперечной осях.

В заключение раздела сделаем два существенных замечания. В работе [Гришина 2013a], мы рассматривали темпоральные дейктические жесты, не различая, каким органом совершается жест, — рукой или головой. Это было оправдано, поскольку для сколь бы то ни было обоснованного ответа на вопрос — есть ли какие-то закономерности в том, что говорящий иногда выбирает для темпорального жеста руку, а иногда голову, — материала было явно недостаточно. В основной части данной работы также не проводится такой границы между жестами, однако в Заключении мы планируем затронуть этот вопрос, поскольку накопленный материал уже позволяет делать определенные обобщения.

Второе замечание касается следующего. В данной работе будет рассмотрено большое количество факторов, которые влияют на выбор направления движения руки или головы вниз или вверх. И в остальных наших работах по жестикуляционной лингвистике, часть из которых цитируется в данной статье, мы рассматривали факторы (грамматические, прагматические, референциальные), влияющие на топологию жеста, на его тип (например, выбор между разными типами дейктических движений головы), на конфигурацию указующей руки. Естественным образом возникает вопрос, соположены ли эти факторы как равноправные или иерархизованы?

Этот вопрос разбивается на два подвопроса. Во-первых, если на жест воздействуют одновременно два фактора, которые предполагают противоположные результаты (например, модальный фактор, ирреальный модус фразы, требует движения руки направо, а значение приставки, предположим, у-, — движения налево; или лексический фактор требует движения вверх, а прагматический — вниз), в пользу какого фактора говорящий делает выбор? есть ли какие-то закономерности в этом выборе или он совершенно случаен, т. е. обусловлен какими-то внеязыковыми причинами?

тология этого времени нами не анализировалась. Интересно, однако, что настоящее историческое демонстрирует тяготение к направлению вперед, как и уверенное будущее. Вполне возможно, что это связано с модальными особенностями этого времени, которое предполагает перемещение говорящего в прошлое и изложение событий, относящихся к прошлому, в модальности непосредственного наблюдения, как будто эти события протекают непосредственно перед глазами говорящего. В работе [Гришина 2013a] именно в таком ключе нами описывалось уверенное будущее — в отличие от ирреальных модальностей, которые непосредственно говорящим не наблюдаются, а являются продуктами его мыслительной деятельности.

Во-вторых, если на жест действуют одновременно несколько сонаправленных факторов (например, иллокутивная сила высказывания, императив, требует указания указательным пальцем, и того же требуют прагматическая дальность указания и его определенность), — какой из факторов в данном случае является решающим?

В статье мы не даем ответа на эти вопросы. Прежде чем ответить на них, нужно попытаться в принципе осознать и выделить состав факторов, имеющих влияние на конфигурацию и топологию жеста. Попытка построить иерархию таких факторов — задача другого исследования.

Однако необходимо специально отметить, что из нерешенности данной проблемы на сегодняшний день проистекают два довольно важных следствия.

Во-первых, в ряде примеров мы столкнулись с возможностью двойного толкования, т. е. выбор жестикуляционного направления иногда может выглядеть как мотивированный двумя факторами одновременно. На наш взгляд, двойственность такого рода на имеющемся уровне наших знаний о русской жестикуляции неизбежна и непреодолима.

Во-вторых, ряд наших утверждений мы не можем подтвердить статистически. В случае, если на вертикально ориентированный жест воздействуют два сонаправленных фактора, и при этом мы не знаем их иерархии (сравнительной «силы» факторов), то не можем с уверенностью говорить, что один из двух факторов является определяющим, а вторым можно пренебречь. Соответственно, в ряде случаев мы не можем полагаться на статистику, и для того, чтобы интерпретировать материал, нам приходится ограничиваться лишь качественными характеристиками и не применять количественных. Этот недостаток работы на данном этапе представляется непреодолимым.

1.3. Краткий синопсис

В разд. 2 мы вводим понятие жестикуляционного этимона, т. е. того явления действительности, которое мотивирует целую группу жестов с какой-то одной точки зрения (конфигурация руки, направление движения и проч.). В разд. 3—6 мы рассматриваем четыре жестикуляционных этимона, к которым, с нашей точки зрения, можно возвести все замеченные нами случаи топологической ориентации руки и головы вдоль вертикальной оси: ‘верх’/‘низ’, ‘выше’/‘ниже’, ‘расстояние’, ‘здесь’. В Заключении приводится таблица, содержащая краткий обзор основных лингвистических значений вертикальной оси в русской жестикуляции, а также делается несколько замечаний о соотношении ручных и головных жестов.

2. Этимон жеста

Речевые жесты, т. е. жесты, сопровождающие речь (в английской традиции *co-speech gestures*), в отличие от собственно языковых единиц, чрезвычайно редко являются немотивированными, т. е. связь между формой

речевого жеста и его значением не является условной. Семантика речевых жестов представляет собой результат метафорического восхождения от конкретного к абстрактному. Иными словами, базовым мотивирующим фактором в жестикуляционной семантике является обычно максимально конкретное явление, которое можно назвать **жестикуляционным этимоном** и которое является основой для ряда метафорических переносов.

В качестве жестикуляционного этимона может, например, выступать иконический жест, в ходе исполнения которого рука изображает форму физического объекта. Так, например, в книге [Calbris 2011: 19—22] автор рассматривает жест *кольцо* (кончики указательного и большого пальца соединены, остальные пальцы отведены в сторону, см. рис. 2) и показывает, что в основе одной метафорической цепочки, характерной для семантики этого жеста, лежит иконический жест со значением 'круг, окружность'.

Рис. 2

Дальнейшее развитие этого этимона дает значение 'деньги' в Японии (поскольку монеты круглые), значение 'прекрасно, отлично' во Франции (сюда же, по-видимому, должен быть отнесен и жест ОК), поскольку круг расценивается как символ совершенства, значение 'ноль, ничего' во Франции же, поскольку цифра 0 имеет округлую форму, а также обценное значение на Мальте (кольцо символизирует отверстия человеческого тела).

Другим этимоном для данного жеста является **естественное дожестовое соединение пальцев**, пытающихся аккуратно взять какой-то маленький предмет. Этот этимон порождает метафорический ряд со значением 'точно, именно' (значение этого жеста в итальянском языке блестяще описано в книге [Kendon 2004: 238—247]).

Аналогичным образом определены этимоны для жестов, включающих в себя компонент *ладонь вверх* [Müller 2004; Kendon 2004: 264—271], *ладонь вниз* [Kendon 2004: 248—251] и др.

В качестве этимона может выступать также физиологическая структура руки. Например, ряд значений указания большим пальцем, по-видимому, основывается на особом положении большого пальца относительно ладони и остальных пальцев (см. [Гришина 2012б]). Этимоном могут выступать как **стандартные типы касаний** (например, касание указательным пальцем или наложение ладони на объект для указания открытой ладонью,

ориентированной вниз, см. [Гришина 2012а]), так и **отсутствие** возможности прикоснуться к предмету для указания большим пальцем [Гришина 2012б] или головой [Гришина 2013в].

Группа жестов, базирующихся на одном и том же этимоне, получила название **семейства жестов** [Müller 2004; Kendon 2004].

Как явствует из предшествующих исследований, в качестве этимона для семейства жестов может выступать и ориентация жеста в пространстве. Так, направление говорящим жеста за спину, в невидимую зону, является этимоном для неактуальных времен (прошедшее время) или наклонений (ирреальное наклонение), в отличие от жестов, направленных в видимую зону перед говорящим и передающих актуальные времена (настоящее и уверенное будущее, см. [Гришина 2013а]). Направление жеста влево, в зону, противоположную зоне доминантной (правой) руки, является этимоном для негативной оценки или объективно состоявшегося факта, в то время как правая (доминантная) зона является этимоном для положительной оценки и для жестов, связанных с самим говорящим, его мнением (там же).

В настоящей статье мы рассмотрим четыре основных жестикуляционных этимона, которые порождают семантическое поле жестикуляции, связанной с вертикальной осью.

3. Этимон ‘верх’/‘низ’

3.1. Лексическое сопровождение этимона ‘верх’/‘низ’

Очевидно, что в повседневной жизни человека ряд объектов, явлений и процессов связан с объективным положением вверх (т. е. выше человека) и вниз (ниже человека). Понятно, что жесты, апеллирующие, явно или скрытно, к таким объективно высоко/низко расположенным объектам, вынужденно бывают направлены либо снизу вверх (для высоко расположенных объектов), либо сверху вниз (для низко расположенных).

Основными объектами такого плана в повседневной жизни человека (на которую, собственно, и опирается речевая жестикуляция) являются, естественно, *небо* и *земля*. Соответственно, контексты, которые содержат лексемы или семантические компоненты ‘небо’ и ‘земля’, имеют сильную тенденцию к движению руки/головы по вертикали вверх и вниз соответственно, см. примеры (2)—(5).

(2)	Словесный ряд	<i>Фонтаны выбрасывают к небу</i>	<i>свои голубые струи</i>
	Жестовый ряд		движение двумя открытыми ладонями снизу вверх

В. Вайншток и др. Дети капитана Гранта. 1936

(3)	Словесный ряд	<i>а Пенчо, зарытый в землю</i>	
	Жестовый ряд	многократное движение указательным пальцем сверху вниз	

О. Николаевский, В. Масс. Трембита. 1968

(4)	Словесный ряд	<i>в воздух</i>	<i>чепчики</i>	<i>бросать</i>
	Жестовый ряд		движение открытой ладонью снизу вверх (слово воздух включает компонент 'небо')	

В. Басов, Ю. Бондарев. Тишина. 1963

(5)	Словесный ряд	<i>Я бы и</i>	<i>рад его зарыть</i>
	Жестовый ряд		движение открытой ладонью правой руки справа налево и сверху вниз (глагол зарыть содержит компонент 'земля')

М. Пежемский, К. Мурзенко. Мама, не горюй! 1997

Очевидно, что жестикуляционное движение вверх (рукой/руками, глазами), которое обычно сопровождает любое обращение к Богу, к судьбе, к любым высшим силам, связано с тем, что их стандартным расположением в повседневной картине мира являются небеса.

Аналогично 'небу' и 'земле' ведут себя семантические компоненты 'пол' (движение сверху вниз) и 'потолок' (снизу вверх).

Однако такие абсолютные ориентиры для использования вертикальной оси в жестикуляции совершенно необязательны. Достаточно того, чтобы в актуальной картине мира говорящего какой-либо объект находился ниже или выше точки отсчета, связанной с говорящим. Так, в примере (6) слово *гнездо* сопровождается движением снизу вверх, поскольку — если не обозначено иное — прототипическое гнездо расположено в ветвях дерева, а прототипическая крона дерева расположена выше говорящего:

(6)	Словесный ряд	<i>забираются</i>	<i>в гнездо</i>
	Жестовый ряд		движение открытой ладонью снизу вверх

Д. Дьяченко и др. День радио. 2008

В примере (7) синтагма *молния угодила* сопровождается движением вниз, поскольку прототипическая карета заведомо расположена ниже молнии (впрочем, в этом примере движение сверху вниз может быть мотивировано также тем, что молния исходит с небес на землю, по которой движется карета).

(7)	Словесный ряд	<i>мне же сказали, что в почтовую карету</i>	<i>молния угодила</i>
	Жестовый ряд		движение открытой ладонью сверху вниз

П. Лунгин и др. Дело о мертвых душах. 2005

В работе [Гришина 2013б] мы писали о том, что с жестикуляционной точки зрения, как и с собственно лингвистической, русский язык типологически принадлежит к языкам сателлитного типа, в которых способ передвижения передается корнем глагола, а траектория перемещения — глагольными сателлитами, прежде всего, префиксами. Статистическое исследование материала показало, что сателлитный характер в русской жестикуляции проведен не абсолютно (не наблюдается исключительного закрепления траектории за сателлитами (прежде всего, приставками, например, *по-* и

вы-, см. [Гришина 2013б]). Выяснено, что ряд глагольных корней с большей или меньшей силой тяготеет к определенным векторам или сочетаниям векторов. Более того, корни образуют определенные группы по предпочтению тех или иных направлений, и эти группы и предпочтения в ряде случаев могут быть интерпретированы содержательно. В табл. 2 мы приводим данные о тяготении тех или иных глагольных групп к тому или иному направлению по вертикальной оси. Помимо направлений сверху вниз и снизу вверх, мы включили в табл. 2 данные по выгнутой дуге (см. рис. 3), которая сочетает в себе подъем руки вверх из одной точки, а потом ее спуск вниз в другую точку (как станет ясно из дальнейшего изложения, это довольно важная и частотная траектория в ручной вертикальной жестикуляции).

Рис. 3

Таблица 2⁴

Направление движения	Дуга	Сверху вниз	Снизу вверх
Глагольные основы			
Группа основ, включающая семантический компонент 'расстояние': <i>гнать/гонять, кричать, кидать/кидывать/кинуть</i> ⁵ , <i>править/правлять, -слать/сылать, бегать/бежать</i> ⁶	12	48 ($\chi^2=4,2$)	45 ($\chi^2=12,4$)
Глаголы с основой <i>летать/лететь</i>	6 ($\chi^2=4,43$)	4 ($\chi^2=5,59$)	10 ($\chi^2=4,7$)

⁴ Специально подчеркнем, что в табл. 2 использовались данные без учета вертикально ориентированных приставок, т. е. не учитывались жесты, сопровождающие глаголы с приставками *воз-*, *под-*, *про-*, *в-*, *до-*, *на-*, *о-* (см. [Гришина 2013б]) — чтобы избежать возможного искажения статистических закономерностей. В группу «Остальные глаголы» включены глаголы с основами, которые не имеют топологических предпочтений (например, *бросать/бросить/брасывать, валить/валивать*), а также глаголы, для определения топологии которых не хватает данных.

⁵ В отличие от *бросать/бросить/брасывать*, которые не показывают никаких предпочтений по вертикальной оси.

⁶ Как видим, *бегать/бежать*, как и глагол *лететь/летать*, отличаются набором предпочитаемых векторов по вертикальной оси от остальных глаголов перемещения.

Направление движения Глагольные основы	Дуга	Сверху вниз	Снизу вверх
Глаголы перемещения ⁷ : <i>ездить/езжать/ехать, -йти/ходить, нести/носить, везти/возить, вести/водить, вернуть/возвращать/возвратить, давать/дать</i>	92 ($\chi^2=17,6$)	246 ($\chi^2=4,48$)	120
Глагольные основы, включающие компонент 'соединение в одной точке': <i>найти/находить, встретить/встречать</i>	3	30 ($\chi^2=1,52$)	6 ($\chi^2=1,57$)
Ментальные глаголы, включающие в себя внутренний объект: <i>думать, ждать/-ждать, решать/решить</i>	3	30 ($\chi^2=3,35$)	2 ($\chi^2=5,38$)
Глагольные основы с компонентом 'подавление/нанесение ущерба': <i>кончить, бить/бивать, ударить/ударять, держать/держивать</i>	3 ($\chi^2=5,64$)	75 ($\chi^2=11,28$)	5 ($\chi^2=12,36$)
Глагольные основы с компонентом 'движение вниз': <i>-кладывать/-лагать/-ложить, падать/пасть, -садить/сесть/сидеть/сажать, лежать/лечь</i>	15	82 ($\chi^2=6,86$)	3 ($\chi^2=19,87$)
Остальные глаголы	435 ($\chi^2=1,3$)	2171	924
$\chi^2=125,1$; $p < 6,3 \cdot 10^{-20}$; распределения достоверны, параметры связаны			

В табл. 2 обращаем внимание на глаголы с основами *лететь/летать*: они имеют два пика — дугообразное движение руки (мы вернемся к этому позже) и движение руки/головы снизу вверх. При этом мы видим явное отталкивание от направления сверху вниз. Пик на *снизу вверх* вызван, на наш взгляд, тем, что в семантическую структуру этого глагола входит этимон 'верх'.

С другой стороны, отчетливо выделяется группа глаголов, включающих в свою семантическую структуру компонент 'низ', — *-кладывать/-лагать/-ложить, падать/пасть, -садить/сесть/сидеть/сажать, лежать/лечь*: эти глаголы демонстрируют отчетливое тяготение к движению сверху вниз и отталкивание от движения снизу вверх.

3.2. Префиксы и этимон 'верх'/'низ'

В работе [Гришина 2013б] мы привели список приставок, которые, по нашим данным, ориентированы по вертикальной оси. Это приставки, направленные снизу вверх, — *воз-, под-, про-*, и приставки, направленные сверху вниз, — *в-, до-, на-, о-*. По нашему мнению, из этой группы этимон 'верх' включают лишь приставки *воз-* и *под-*. Остальные приставки содержат этимоны других групп, о чем мы будем писать ниже. Кроме того, этимон 'низ' содержит приставка *низ-* (*нисходить, низводить*), данных по ко-

⁷ Кроме *бегать/бежать* и *летать/лететь*.

торой в нашей базе слишком мало, и по этой причине эта приставка в указанной работе не рассматривалась.

Приставки *воз-* и *низ-* являются двухфокусными, т. е. в их семантике фиксируется начальная и конечная точка (для *воз-* это $\text{низ}_1 \rightarrow \text{верх}_2$, для *низ-* это $\text{верх}_1 \rightarrow \text{низ}_2$)⁸. Приставка *под-* является однофокусной, т. е. фиксирует только один, финальный фокус, не фиксируя начального. Приставка же *воз-* с жестикуляционной точки зрения может быть как векторной (т. е. сопровождаемой движением руки по прямой снизу вверх), так и маршрутной, когда рука движется от начальной точки к конечной не по одному вектору, а по двум — сначала опускается вниз, фиксируя начальную, нижнюю точку движения, а потом поднимаясь вверх, так что в результате получается траектория *вогнутая дуга* (рис. 4).

Рис. 4

Мы полагаем, что приставки *воз-* и *низ-*, с жестикуляционной точки зрения, отражают прежде всего траекторию физического перемещения снизу вверх или сверху вниз, соответственно. Что же касается однофокусной векторной приставки *под-*, то она фиксирует только конечную точку

⁸ Двухфокусными, по жестикуляционным данным, являются также приставки *пере-* (точка 1 $\rightarrow$ точка 2 на некотором расстоянии от точки 1), *раз-* (точка единства в плоскости симметрии $\rightarrow$ две точки разъединения, симметричные относительно плоскости симметрии), *с-* (в значении 'вместе' — *соединить, собирать*: две точки разъединения, симметричные относительно плоскости симметрии $\rightarrow$ точка единства в плоскости симметрии), *о-/об-* (в значении 'по кругу' — *оглядеться, обойти*: точка 1 $\rightarrow$ точка 2, совпадающая с точкой 1 после кругового движения). Для всех этих двухфокусных приставок (кроме, по-видимому, *с-*) нет соответствующих предлогов (предлоги *о, об* в большинстве случаев не имеют значения 'по кругу'), и это, видимо, не случайно. Двухфокусные приставки фиксируют не только начальную/промежуточную/конечную **единственную** точку, но и траекторию (именно потому, что эти приставки двух-, а не однофокусные). Описание же траектории — это, скорее, наречное, а не предложное значение.

движения ('верх'), а соответственно, «равнодушна» к обозначению начальной точки движения и к описанию траектории.

Это различие (между *воз-* и *под-*) хорошо видно в табл. 3⁹. Каждый жест, сопровождающий глаголы с одной из приставок, разлагался нами на составляющие векторы. Заметим, что в этом случае возможны два типа сочетаний этих векторов:

- 1) вертикальный вектор используется изолированно, не сочетаясь с векторами по остальным осям (сагиттальной и/или поперечной),
- 2) вертикальный вектор сочетается с векторами, направленными по остальным осям, — сагиттальной и/или поперечной.

Табл. 3 демонстрирует, как именно распределяются эти векторные комплексы между тремя русскими приставками, ориентированными вверх.

Таблица 3

Приставка	<i>воз-</i>	<i>под-</i>	<i>про-</i>
Сочетание векторов			
Самостоятельное движение снизу вверх	33 ($\chi^2=3$)	11	2 ($\chi^2=5,43$)
Сочетание движения снизу вверх с другими векторами	35 ($\chi^2=1,68$)	24	23 ($\chi^2=3,05$)
$\chi^2=13,47$; $p < .001$; распределения достоверны, параметры связаны			

Как видим, для приставки *воз-* характерно самостоятельное использование вертикального вектора, приставка *под-* «равнодушна» к этому параметру, т. е. вертикальный вектор с равной вероятностью может сочетаться или не сочетаться с остальными осями, а для приставки *про-* в высшей степени характерно несамостоятельное употребление вертикального вектора.

Различие между приставками *воз-* и *под-*, таким образом, с жестикуляционной точки зрения выглядит аналогично различию между наречием, описывающим траекторию физического движения снизу вверх (*воз-*), и предлогом, описывающим аксиологическую, а не физическую цель движения (*под-*): движение, описываемое приставкой *под-*, может иметь и физический, и ценностный характер. В обоих случаях, по-видимому, исходная точка движения для приставки *под-* неважна, что и приводит к свободе при сочетании вертикального вектора с векторами остальных двух направлений. Поскольку аксиологическая, ценностная цель не предполагает физической траектории ее достижения, логичным является выбор для описания такой цели однофокусной векторной, а не двухфокусной маршрутной (наречной) приставки.

⁹ В табл. 3 включены также данные по приставке *про-*, ориентированной вверх, о которой будет сказано позже.

3.3. Метафорические переносы

3.3.1. Перенос 'верх' → 'хорошо', 'важно'

Возможность трактовать цель движения как ценностно окрашенную точку, которую демонстрирует жестикационное сопровождение приставки *под-*, подводит нас к описанию основного метафорического переноса, который базируется на жестикационном этимоне 'верх'. Компонент 'верх' получает **положительную ценностную окраску**.

В результате все то, что говорящим оценивается как хорошее и/или важное, размещается им (с жестикационной точки зрения) наверху. Интересно, что противоположной закономерности (все, что оценивается говорящим как плохое и/или неважное, размещается внизу) на нашем материале обнаружить не удалось: по-видимому, это означает, что нейтральный или дурной объект с жестикационной точки зрения является немаркированным, в отличие от объекта, который оценивается положительно и который — в результате — размещается с помощью жестикации вверху. Несколько примеров.

(8)	Словесный ряд	<i>Я знаю себе цену.</i>	
	Жестовый ряд	движение открытой левой ладонью налево снизу вверх (говорящий оценивает себя высоко)	
- Ф. Эрмлер и др. Великий гражданин. 1938
(9)	Словесный ряд	<i>Придут цыгане!</i>	
	Жестовый ряд	движение открытой правой ладонью вперед и снизу вверх (говорящий оценивает приход цыган как положительный факт)	
- В. Венгеров, Л. Н. Толстой. Живой труп. 1968
(10)	Словесный ряд	<i>Десять минут</i>	<i>посмотрел, пошел на футбол</i>
	Жестовый ряд	движение открытой левой ладонью налево и снизу вверх (говорящий оценивает срок <i>десять минут</i> как важный, достойный внимания)	
- А. Райкин и др. Люди и манекены. 1974
(11)	Словесный ряд	<i>я целый месяц</i>	<i>провел в боях и походах</i>
	Жестовый ряд		движение открытой левой ладонью налево снизу вверх, говорящий оценивает свое время проведения как заслуживающее внимания ¹⁰
- П. Арсенов, К. Булычев. Гостя из будущего. 1984

¹⁰ В данном примере первый подъем руки происходит на синтагме *Я целый месяц*, а на синтагме *провел в боях и походах* ударная часть этого же жеста повторяется. В принципе, возможно трактовать этот жестикационный паттерн как жестикационное скандирование (см. [Гришина 2014а]), однако этому мешает слишком большая временная дистанция между ударом на *месяц* и ударом на (*провел*) в боях, т. е. неравенство временных отрезков между ударными фазами жестов. Это позво-

Компонент ‘важно’ регулярно передается движением вверх указательного пальца. Как мы показали в работе [Гришина 2009], кончик указательного пальца в этом стандартном жесте, привлекающем внимание слушающего к некоторой важной информации, как бы фиксирует некую точку в информационном континууме, а движение пальца вверх символизирует важность этой информации:

(12)	Словесный ряд	<i>Переходим</i>	<i>на ручное управление</i>
	Жестовый ряд	указательный палец левой руки снизу вверх	

В. Селиванов, С. Михалков. Большое космическое путешествие. 1974

(13)	Словесный ряд	<i>Его схватили!</i>	
	Жестовый ряд	указательный палец левой руки снизу вверх	

Э. Рязанов, Г. Горин. О бедном гусаре замолвите слово. 1980

Таким образом, на жестикуляционном этимоне ‘верх’ основываются целые классы жестов, обозначающих положительный характер информации или ее важность.

3.3.2. Перенос ‘низ’ → ‘располагать объект’

Выше мы обратили внимание, во-первых, на то, что движение вниз не используется для передачи дурной оценки некоторого объекта, а во-вторых, на то, что компонент ‘низ’ является регулярным для ряда глаголов (*-кладывать/-лагать/-ложить, -садить/сажать*), в семантике которых в той или иной форме наличествует компонент ‘располагать объект на некотором месте’. Мы можем, тем самым, предположить, что жестикуляционный этимон ‘низ’, не порождая оценочных метафорических переносов, может служить для порождения топологических метафор, связанных с идеей расположения объекта в той или иной точке.

Обратимся к известному факту. Последовательности, т. е. высказывания структуры *сначала X, потом Y*, в культурах с ориентацией письма слева направо чрезвычайно часто имеют следующую особенность: Y с жестикуляционной точки зрения размещается правее X (см. литературу в [Гришина 2013a]). Пример:

(14)	Словесный ряд	<i>Сегодня он живой</i>	<i>а завтра покойник</i>
	Жестовый ряд	движение ладони сверху вниз до соприкосновения со столешницей	движение ладони сверху вниз до соприкосновения со столешницей правее первой точки соприкосновения

И. Щеголев, Л. Корсунский. Американский дедушка. 1993

ляет нам считать, что в этом примере мы имеем дело с двумя одинаковыми жестами в одинаковом значении (‘важно’) на обстоятельственной группе *целый месяц* и на именной группе *в боях*.

(15)	Словесный ряд	<i>я им</i>	<i>разрезал</i>	<i>потом</i>	<i>кольцо (...)</i> <i>растянул</i>
	Жестовый ряд		движение двумя открытыми ладонями сверху вниз	движение двумя открытыми ладонями сверху вниз правее зоны первого движения	

Скопин. Город мастеров. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура»). 2008

Однако мы хотели бы обратить внимание на то, что фиксация точек X и Y сопровождается движением сверху вниз (в примере (14) — в обоих случаях, в примере (15) — на словоформе *потом*: движение сверху вниз на словоформе *разрезал*, скорее всего, имеет иконический характер — движение руки имитирует акт разрезания объекта). С нашей точки зрения это связано с тем, что в случае жестиколяционных последовательностей говорящий размещает первое и второе событие в цепи событий на некоторой временной шкале, т. е. в жестиколяционных последовательностях присутствует компонент 'размещение объекта', который и передается движением сверху вниз. Если это верно, то в синтаксических конструкциях, которые передают последовательность событий, с неизбежностью должны возникать движения сверху вниз, которые фиксируют последовательное расположение объектов на временной шкале.

И действительно, в конструкциях **перечисления**, когда называются последовательности событий, очень часто каждое из них отмечается движением сверху вниз.

(16)	Словесный ряд	<i>ну он на дрожжах</i>	<i>приехал</i>	<i>сюда</i>	<i>перемерз</i>	<i>голодный</i>
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз (см. сноску 16)		кивок сверху вниз правее точки первого кивка	кивок сверху вниз правее точки второго кивка

Станица Тамань. Таманские казаки. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура»). 2008

(17)	Словесный ряд	<i>этак</i>	<i>захотелось</i>	<i>подойти</i>	<i>к нему</i>	<i>похлопать по плечу</i>	<i>спросить</i>	<i>его</i>
	Жестовый ряд		движение правой открытой ладонью сверху вниз	повтор движения сверху вниз		иконическое изображение действия	движение правой открытой ладонью сверху вниз	

П. Лунгин и др. Дело о мертвых душах. 2005

Заметим, что если в примере (16) сохраняется движение вертикальных «зарубок» на временной оси слева направо, то в примере (17) такого перемещения нет. Это послужило основанием для того, чтобы ряд исследова-

телей высказали предположение, что в конструкциях перечисления вертикальное движение сверху вниз не имеет никакого лингвистического смысла, кроме ритмического: движения руки или головы в этом случае отмечают лишь изоморфные синтаксические конструкции. Однако такая интерпретация в отличие от нашей не объясняет, почему для ритмических целей в данном случае выбрано именно движение сверху вниз, а не любое другое направление.

Что касается отсутствия смещения слева направо в примерах типа (17), то нужно обратить внимание на следующее. Смещение жестикуляции по поперечной оси слева направо предполагает картину мира, в которой ось времени является неподвижной, а наблюдатель, отмечающий последовательность событий, движется вдоль этой неподвижной оси, отмечая на ней те или иные моменты времени. Однако эта же идея может передаваться изменением точки отсчета, когда движется сама ось времени (справа налево), а наблюдатель, оставаясь неподвижным, отмечает на ней те или иные события. Во втором случае наблюдателю нет необходимости смещать свою жестикуляцию, и ее место остается постоянным.

Развитием этого же метафорического переноса 'последовательность' является использование движения сверху вниз в конструкциях **противопоставления** (собственно, последовательности и являются частным случаем противопоставления, когда последующий временной момент противопоставляется предыдущему). И действительно, противопоставления достаточно регулярно сопровождаются именно этим топологическим явлением.

(18)	Словесный ряд	<i>Значит я вроде</i>	<i>ухожу,</i>	<i>а вы вроде</i>	<i>остается.</i>
	Жестовый ряд		движение правой рукой справа налево сверху вниз		движение правой рукой слева направо сверху вниз

С. Аранович и др. Торпедоносцы. 1983

(19)	Словесный ряд	<i>Одни трусят (...)</i>	<i>а другие крепче</i>	<i>берутся за весла</i>
	Жестовый ряд	кивок сверху вниз	кивок сверху вниз правее первого кивка	

А. Столпер и др. Повесть о настоящем человеке. 1948

Таким образом, мы видим, что этимон 'низ', не имея аксиологического значения, приобретает значение синтаксическое и используется в таких характерных для языка конструкциях, как конструкции противопоставления и перечисления. Далее, в разделе 6, мы опишем еще несколько синтаксических конструкций, которые связаны с движением руки/головы сверху вниз, но основаны, впрочем, уже на другом жестикуляционном этимоне.

4. Этимон 'выше'/'ниже'

4.1. Лексическое сопровождение этимона 'выше'/'ниже'

Жестикуляционный этимон, который мы рассмотрим в этом разделе, тесно связан с этимоном 'верх'/'низ', однако и существенно отличается от него. Этимон 'верх' предполагает стационарное расположение того или иного объекта вверху. Напротив, этимон 'выше' предполагает стационарное расположение некоторого объекта в прототипически нейтральной, средней зоне — при одновременном разрастании этого объекта вверх, что выражается в движении верхней точки объекта в направлении вверх, в то время как нижняя точка объекта остается фиксированной в средней зоне. Именно имея в виду этимон 'выше', Ж. Кальбрис аттестовала вертикальную ось как ось роста, считая именно семантический компонент 'рост', 'развитие' основным для этой оси.

Лексически жестикуляционный этимон 'выше' — движение снизу вверх — сопровождает глаголы с основами *расти/ращивать, развить/развивать, усложнять/усложнить* и производные (примеры (20)—(22)).

(20)	Словесный ряд	<i>Давление</i>	<i>растет</i>
	Жестовый ряд		движение правой рукой вперед направо снизу вверх

С. Герасимов, Ю. Герман. Семеро смелых. 1936

(21)	Словесный ряд	<i>А дальше, если</i>	<i>развивать</i>	<i>эту тему</i>
	Жестовый ряд		движение открытой правой ладонью вперед и вверх	

С. Михалков и др. Двенадцать. 2007

(22)	Словесный ряд	<i>но их же можно</i>	<i>усложнять</i>
	Жестовый ряд		движение открытой правой ладонью снизу вверх

Асимметрия и возникновение жизни. Программа «Гордон» (НТВ). 2003

Этимон 'ниже' предполагает свертывание, сокращение, уменьшение объекта, т. е. движение верхней точки объекта со среднего, нейтрального, прототипического уровня — вниз, по направлению к нижней точке объекта.

Соответственно, жестикуляционный этимон 'ниже' — движение сверху вниз — сопровождает глаголы *деградировать, упрощать/упростить* (примеры (17)—(18)¹¹).

(23)	Словесный ряд	<i>И показывая каким образом</i>	<i>деградировала</i>	<i>речь у homo sapiensa</i>
	Жестовый ряд		движение открытой левой ладонью сверху вниз	

Регресс в эволюции многоклеточных. Программа «Гордон» (НТВ). 2003

¹¹ Сюда же, вероятно, слово *регресс*, но в МУРКО и в материалах к корпусу пока не нашлось соответствующего контекста.

(24)	Словесный ряд	<i>по сути дела</i>	<i>упрощаясь</i>	<i>а не усложняясь</i>
	Жестовый ряд		движение открытой правой ладонью налево сверху вниз	

Живая и неживая материя. Программа «Гордон» (НТВ). 2003

К значениям, которые базируются на этимоне 'ниже', может быть добавлен компонент 'каузировать', т. е. 'заставлять (становиться ниже)'. Сочетание этих двух смысловых компонентов приводит к тому, что рука, движущаяся вниз, сопровождает лексемы, в состав которых входит компонент 'подавление'. Если мы обратимся к табл. 2, то увидим, что глаголы, которые включают в себя компонент 'подавление' и 'нанесение ущерба' (*кончить, бить/-бивать, ударить/ударять, держать/-держивать*), отчетливо соотносятся с движением сверху вниз. Аналогично, как показано в [Гришина 2014а], отчетливо тяготеет к движению сверху вниз императив глагола, что связано, очевидно, с идеей подавления свободной воли собеседника, включенной в его семантику.

Идея подавления и нанесения ущерба, вплоть до уничтожения, может быть выражена и другими глаголами, см. примеры (25)—(26).

(25)	Словесный ряд	<i>а вот когда жареный петух</i>	<i>в задницу</i>	<i>клюнул</i>
	Жестовый ряд		движение указательным пальцем правой руки вперед и сверху вниз	

В. Сергеев, И. Агеев. Гений. 1991

(26)	Словесный ряд	<i>чем</i>	<i>травмирует</i>	<i>их еще больше</i>
	Жестовый ряд		движение указательного пальца левой руки вперед налево и сверху вниз	

Т. Березанцева и др. Старомодная комедия. 1978

В заключение раздела заметим, что среди приставок нам не удалось обнаружить элементов, для которых был бы характерен этимон 'выше'/'ниже'. Может быть, это связано с тем, что данный этимон является двухфокусным, т. е. фиксирует одновременно и неподвижную точку, и точку движения (вверх или вниз), а следовательно, должен скорее тяготеть к сопровождению наречий, а не приставок, которые в основном являются одноклаузульными (векторными, а не маршрутными).

4.2. Метафорические переносы

Растущий объект увеличивается в размерах по вертикальной оси, а следовательно, становится более заметным для окружающих. Именно на этом метафорическом переносе основано использование жестикуляционного движения вверх в контекстах, включающих в себя семантический компонент 'появление в зоне видимости' (примеры (27)—(28)).

(28)	Словесный ряд	<i>Когда</i>	<i>откроешь</i>	<i>талант в гуще учеников</i>
	Жестовый ряд		движение открытой левой ладонью влево снизу вверх	

П. Арсенов, К. Бульчев. Гости из будущего. 1984

(28)	Словесный ряд	<i>выбираясь</i>	<i>из архаики на просторы</i>	<i>современного мышления</i>
	Жестовый ряд	<i>так сказать</i>	две открытые ладони снизу вверх	

С. Герасимов. Любить человека. 1972

В работе [Гришина 2014а] мы описали стандартный способ передачи восклицания посредством жестикуляции: рука говорящего на важной или оцениваемой положительно зоне высказывания делает заметное движение открытой ладонью вверх, что соответствует восклицательной интонации:

(29)	Словесный ряд	<i>Только позвонил в Москву,</i>	<i>невеста</i>	<i>приезжает!</i>
		<i>и —</i>		
	Жестовый ряд		движение открытой ладонью вверх	

Г. Шенгелия и др. Классик. 1998

(30)	Словесный ряд	<i>Ну хорошо! спал, спал, на этом месте</i>	<i>написал!</i>	
	Жестовый ряд		движение открытой ладонью вверх	

Ю. Мамин, В. Вардунас. Фонтан. 1988

По нашему мнению, в основе жестикуляционного восклицания также лежит метафора роста. Отмечая некоторую часть своего высказывания движением руки вверх, говорящий как бы подчеркивает, что данная часть его высказывания «выросла» по сравнению с предшествующим текстом и, соответственно, стала более заметной, а следовательно, слушающий должен обратить на нее внимание и не упустить из виду.

Метафорический перенос ‘выше’ → ‘появление’ регулярно используется в одной специфической ситуации: в случае, если говорящему нужно донести некоторую важную информацию до слушающего максимально быстро и одновременно передать мысль о том, что эта информация важна, говорящий перемещает свою жестикуляцию из стандартного среднего положения (напротив груди/живота) — в верхний регистр, т. е. на уровень головы, а чаще — выше головы. Говорящий поднимает руки вверх и осуществляет жестикуляцию на «верхнем этаже», тем самым увеличивая размер своего тела, вытягивая его вверх и делая его заметным слушающему:

(31)	Словесный ряд	<i>Стоп! Пьеса окончена!</i>	<i>Довольно! Занавес!</i>	
	Жестовый ряд		руки из скрещенного над головой положения разводятся в стороны, ладони делают движение снизу вверх	

К. Худяков, А. Гребнев. Успех. 1984

Антонимом к этому значению являются так называемые **маргиналии**, описанные нами в работе [Гришина 2014а], — жестикуляция, осуществляемая не выше, а ниже стандартной жестикуляционной зоны и сопровождающая замечания «в скобках», вводные конструкции, а также фразы, являющиеся репликами в сторону и обращенные не к основному, а к побочному собеседнику, т. е. во всех случаях, когда произносимая реплика является — так или иначе — аксиологически ущербной. Аксиологическая ущербность приводит к тому, что говорящий стремится не привлечь внимания слушающего к своему высказыванию и производит жестикуляцию на «нижнем этаже».

Как антоним к жестикуляции, обращенной вверх и сопровождающей семантический компонент ‘появиться в зоне видимости’, используется жестикуляция, обращенная вниз и сопровождающая компонент ‘исчезнуть из зоны видимости’. Метафорический перенос такого типа основан на том, что деградирующий объект уменьшается в размерах, а следовательно, становится менее заметным:

(32)

Словесный ряд	<i>и усталость</i>	<i>исчезала</i>	<i>из его глаз</i>
Жестовый ряд		движение открытой ладонью влево сверху вниз	

А. Баширов. Железная пята олигархии. 1998

(33)

Словесный ряд	<i>простыл</i>	<i>и след!</i>	
Жестовый ряд		движение открытой правой ладонью слева направо и сверху вниз	

Я. Фрид и др. Благочестивая Марта. 1980

Естественно, встречаются контексты, в которых невозможно различить два чрезвычайно близких этимона, например, ‘низ’ и ‘ниже’. Так, в примере (34) жест, направленный сверху вниз, одновременно связан и с идеей исчезновения, и с лексемой *земля*:

(34)

Словесный ряд	<i>пропал</i>	<i>провалился сквозь</i>	<i>землю</i>
Жестовый ряд		движение открытой ладонью сверху вниз	

Ю. Гусман и др. Не бойся, я с тобой. 1981

Семантические компоненты ‘появление’ и ‘исчезновение’ могут сочетаться с компонентом ‘каузация’. В таких случаях ‘каузировать появление’ дает нам значение ‘показывать’ (35), а ‘каузировать исчезновение’ — значение ‘прятать’ (36).

(35)

Словесный ряд	<i>гляди</i>	<i>какая грандиозная демонстрация</i>	
Жестовый ряд	движение открытой правой ладонью слева направо и снизу вверх		

Д. Храбровицкий. Укрощение огня. 1972

(36)	Словесный ряд	<i>Столько лет</i>	<i>прятались</i>	<i>по углам</i>
	Жестовый ряд		движение двумя открытыми ладонями сверху вниз	

Г. Натансон, А. Володин. Старшая сестра. 1966

Как показано в работах [Müller 2004; Kendon 2004; Гришина 2012a], ладонь, ориентированная вверх, — жестикуляционный этимон, одним из основных значений которого является демонстрация слушающему некоторого абстрактного объекта. Одновременно, согласно нашим данным, демонстрация (показывание) абстрактного объекта является метафорическим переносом, основанным на жестикуляционном движении руки снизу вверх. Если это действительно так, то оба эти жестикуляционных компонента должны использоваться согласованно. Посмотрим, так ли это. В табл. 4 приведены данные из нашей базы, которые показывают связь двух параметров — ориентация ладони и направления движения.

Таблица 4

Ориентация ладони \ Направление движения	вверх	не вверх
	сверху вниз	255 ($\chi^2=5,93$)
снизу вверх	213 ($\chi^2=10,29$)	378 ($\chi^2=4,19$)
$\chi^2=22,82$; $p \leq 1,78 \cdot 10^{-6}$; распределения достоверны, параметры связаны		

Можно видеть, что ориентация ладони вверх достаточно сильно связана с движением руки снизу вверх (оба этимона передают семантический компонент ‘показывать’), все остальные ориентации ладони (вертикальная, комбинированная, ориентация вниз) в совокупности, напротив, тяготеют к движению руки сверху вниз.

5. Этимон ‘расстояние’

5.1. Лексическое сопровождение этимона ‘расстояние’

В [Гришина 2014б] говорится о том, что основным способом выразить с помощью жестикуляции идею прагматической отдаленности/близости объекта указания является конфигурация указующей руки, но, помимо этого, в русской жестикуляции для передачи этого же значения используется дополнительный, факультативный способ (так называемый жестикуляционный обертон), а именно, угол между вытянутой рукой и телом говорящего: если этот угол острый или прямой, то объект указания трактуется как прагматически близкий, если угол тупой, то — как прагматически далекий.

Выбор такого жестикуляционного приема для передачи идеи близкого/далекого расстояния основывается на следующем. Вытянутая рука символизирует расстояние между говорящим и объектом указания. Если рука

расположена под острым или прямым углом, то она задает расстояние в виде прямой. Если рука расположена под тупым углом, то она задает расстояние в виде дуги (см. рис. 5).

Рис. 5

Поскольку кратчайшей линией, соединяющей две точки, является прямая, то дуга, а значит, и тупой угол в данной ситуации символизируют далекое расстояние.

Таким образом, мы предполагаем, что два движения — дугообразное и движение снизу вверх (которое в данном случае задает начало длинной дуги, середина и конец которой домысливаются) — являются жестикуляционным этимоном со значением 'расстояние'.

(37)	Словесный ряд	<i>и возвращайся к себе</i>	<i>в Полтаву</i> (разговор происходит в Москве)
	Жестовый ряд		дугообразное движение правой руки направо

А. Михалков-Кончаловский, А. Смирнова. Глянец. 2007

(38)	Словесный ряд	<i>а я потом</i>	<i>тащил на руках</i>	<i>до дому</i>
	Жестовый ряд		дугообразное движение правым кулаком вперед	

Р. Гигинейшвили. Жара. 2006

(39)	Словесный ряд	<i>я</i>	<i>до Москвы дойду!</i> (разговор происходит в Донбассе)
	Жестовый ряд		движение указательным пальцем правой руки направо и снизу вверх

Ф. Эрмлер и др. Великий гражданин. 1938

(40)	Словесный ряд	<i>мы же в Румынию</i>	<i>едем</i>
	Жестовый ряд	движение открытой правой ладонью вперед и снизу вверх	

К. Шахназаров, А. Бородянский. Зимний вечер в Гаграх. 1985

На нашем материале зафиксировано некоторое количество примеров, в которых жестикуляционные сопровождения предикатов могут передавать идею 'расстояние' и базирующиеся на этой идее метафорические переносы (см. ниже). Точно так же, как в табл. 3 мы приводили данные о самостоятельности вертикального вектора в жестикуляционном сопровождении приставок *воз-*, *под-*, *про-*, мы можем проанализировать, насколько самостоятелен вертикальный вектор в группе контекстов, где жестикуляция, с нашей точки зрения, передает идею 'расстояние'. Табл. 5 демонстрирует

степень самостоятельности движения снизу вверх в этой группе контекстов — по сравнению с остальными контекстами, где мы не обнаруживаем этимона 'расстояние'. Самостоятельным вертикальный вектор считается в том случае, если он использован изолированно, вне сочетаний с векторами, расположенными по сагиттальной и/или поперечной оси.

Таблица 5

Тип этимона \ Степень самостоятельности	Самостоятельный вектор снизу вверх	Связанный вектор снизу вверх
с компонентом 'расстояние'	11 ($\chi^2=31,42$)	282 ($\chi^2=6,63$)
остальные	112 ($\chi^2=22,29$)	378 ($\chi^2=4,19$)
$\chi^2=65,04$; $p \leq 7,35^{-16}$; распределения достоверны, параметры связаны		

Как видим, в контекстах, где мы предполагаем наличие жестикуляционного этимона 'расстояние', вертикальный вектор снизу вверх характеризуется исключительной несамостоятельностью — он в подавляющем большинстве случаев сочетается с другими векторами — по сагиттальной и/или поперечной оси (напротив, для остальных контекстов более характерно самостоятельное использование движения снизу вверх). А это и означает, с геометрической точки зрения, что движение снизу вверх в случае этимона 'расстояние' передает не собственно вертикальное направление (что характерно для этимонов 'верх' и 'выше'), а только лишь вертикальный компонент (радиус) АВ дугообразного движения, направление которого PQ задано сагиттальным или поперечным вектором (см. рис. 6).

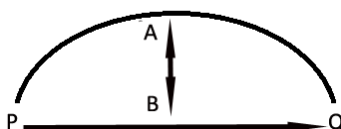

Рис. 6

В связи с вышесказанным очевидно, что дугообразное движение должно быть в высшей степени характерно для контекстов, содержащих в себе семантический компонент 'расстояние', что и подтверждает табл. 6.

Таблица 6

Тип движения \ Тип этимона	Дугообразное	Прямолинейное сверху вниз или снизу вверх
с компонентом 'расстояние'	187 ($\chi^2=254,62$)	313 ($\chi^2=35,83$)
остальные	180 ($\chi^2=51,44$)	2295 ($\chi^2=7,24$)
$\chi^2=349,12$; $p \leq 6,58^{-78}$; распределения достоверны, параметры связаны		

Если мы вернемся к данным, приведенным в табл. 2, то мы заметим, что для глаголов, включающих в себя семантический компонент 'перемещение' (*ездить/езжать/ехать, -йти/ходить, нести/носить, везти/возить, вести/водить, вернуть/возвращать/возвратить, давать/дать*) доминантой является дугообразное движение. Глагол *лететь/летать*, помимо очевидного для него этимона 'верх' (движение снизу вверх), также содержит этимон 'расстояние' и, соответственно, показывает второй пик на дугообразном движении. И, наконец, группа глаголов, которая в той или иной форме включает в себя идею расстояния, отличающегося от нормального в большую сторону (*гнать/гонять, кричать, кидать/кидывать/кинуть, править/правлять, слать/-сылать, бегать/бежать*), имеет пик на движении снизу вверх, которое в данном случае символизирует начало длинной дуги (= большого расстояния), середину и конец которой говорящий и слушающий домысливают.

На этом фоне приставка *про-*, для которой, как мы показали в табл. 3, в высшей степени характерно несамостоятельное использование движения снизу вверх, должна трактоваться не как приставка, обозначающая направление вверх (т. е. содержащая этимоны 'верх' или 'выше'), а как приставка, передающая идею движения на далекое расстояние (вперед по сагиттальной или вбок по поперечной оси).

5.2. Метафорические переносы

5.2.1. 'Расстояние' → 'длительность'

Поскольку жестикуляция не имеет других способов передать идею времени, кроме апелляции к пространству, то самым первым естественным метафорическим переносом для этимона 'расстояние' является обозначение значительного промежутка времени, длительности. С этим связано использование дугообразного движения и движения снизу вверх в контекстах, включающих в себя компонент 'длительность'.

(41)	Словесный ряд	<i>и продлило</i>	<i>срок моей службы</i>
	Жестовый ряд	дугообразное движение открытой ладонью вперед	

Л. Квинихидзе, Э. Лабиш. Соломенная шляпка. 1975

(42)	Словесный ряд	<i>если постепенно будешь бросать</i>
	Жестовый ряд	дугообразное движение двумя открытыми ладонями вперед

Где-то там в Омутнинске. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура»). 2008

Встречаются контексты, в которых ни лингвистически, ни жестикуляционно невозможно различить пространство и время:

(43)	Словесный ряд	<i>съездите</i>	<i>два часа на машине</i>
	Жестовый ряд	движение указательным пальцем правой руки вперед и снизу вверх	

П. Лунгин, Г. Островский. Бедные родственники. 2005

В примере (43) синтагма *два часа на машине* имеет одновременно и пространственное, и временное значение, — но и движение пальцем снизу вверх здесь также синкретично передает идеи времени и расстояния через обозначение начала большой дуги.

5.2.2. ‘Расстояние’ → ‘неопределенность’

Как уже было сказано, движение снизу вверх в значении ‘расстояние’ задает начало дуги, середина и конец которой не видны и достраиваются говорящим и слушающим мысленно. Отсутствие окончания этой воображаемой дуги в реальной зоне видимости подразумевает неизвестность, неопределенность ситуации на самой удаленной точке этой дуги. Это является основой для следующего метафорического перехода — от удаленного расстояния к идее неопределенности.

Именно на этом переходе основывается факт, который уже описан в [Гришина 2014а]: для вопроса как типа иллокуции, имеющего в своей семантической структуре компонент неопределенности, в заметной степени характерно дугообразное движение руки (44) или движение снизу вверх (45).

(44)	Словесный ряд	<i>Кто приехал-то?</i>	
	Жестовый ряд	дугообразное движение правой ладонью вперед	

Э. Рязанов, А. Н. Островский. Жестокий романс. 1984

(45)	Словесный ряд	<i>Не приехал еще</i>	<i>господин пастор?</i>
	Жестовый ряд	движение открытой правой ладонью направо снизу вверх	

М. Захаров, Г. Горин. Тот самый Мюнхгаузен. 1979

Дугообразное движение и движение снизу вверх также часто сопровождают высказывания, включающие в себя неопределенные местоимения.

(46)	Словесный ряд	<i>к кому-то</i>	<i>прилепиться, прицепиться</i>
	Жестовый ряд		дугообразное движение двумя кулаками вперед

А. Митта и др. Экипаж. 1979

(47)	Словесный ряд	<i>мне необходимо обсудить</i>	<i>кое-что</i>	<i>с Юрой</i>
	Жестовый ряд		дугообразное движение открытой правой ладонью направо	

Г. Шенгелия и др. Классик. 1998

(47)	Словесный ряд	<i>как-нибудь</i>	<i>выберу</i>	<i>время</i>
	Жестовый ряд		движение открытой левой ладонью вперед налево снизу вверх	

А. Корнев, Г. Садовников. Большая перемена. 1973

(49)	Словесный ряд	<i>у нее тут муж будет где-то</i>	<i>выступать</i>
	Жестовый ряд		движение открытой левой ладонью вперед налево снизу вверх

Д. Астрахан, О. Данилов. Ты у меня одна. 1993

Жестикуляция может подчеркивать элемент неопределенности, формально в высказывании не выраженный, но подразумеваемый:

(50)	Словесный ряд	<i>бери</i>	<i>мускулистых мальчишек</i>
	Жестовый ряд	дугообразное движение открытой правой ладонью направо вперед	

А. Михалков-Кончаловский, А. Смирнова. Глянец. 2007

В примере (50) имеются в виду любые, все равно какие мускулистые мальчишки, а не конкретные, и именно этот компонент неопределенности передается дугообразным движением руки.

5.2.3. 'Расстояние' → 'большое количество'

Последний метафорический перенос, который актуален для этимона 'расстояние', основан на том, что перемещение на заметное расстояние предполагает преодоление большой территории, на которой расположено большое количество тех или иных объектов. Таким образом, перемещение над такой территорией как бы формирует множество объектов, что позволяет использовать данный этимон как основу для семантического компонента 'много' или 'все'.

(51)	Словесный ряд	<i>давай мы все это</i>	<i>распишем</i>	<i>на бумаге</i>
	Жестовый ряд		дугообразное движение открытой ладонью налево	

Г. Шенгелия и др. Классик. 1998

(52)	Словесный ряд	<i>все</i>	<i>двери</i>	<i>отворю</i>
	Жестовый ряд		движение двумя открытыми ладонями вперед, изнутри наружу и снизу вверх ¹²	

В. Бортко, Ф. М. Достоевский. Идиот. 2003

(53)	Словесный ряд	<i>а теперь</i>	<i>швыряет</i>	<i>деньги направо и налево</i>
	Жестовый ряд		дугообразное движение открытой левой ладонью налево, словосочетание <i>швырять деньги</i> содержит компонент 'много'	

М. Калатозов и др. Верные друзья. 1954

¹² В данном жесте направление изнутри наружу является иконическим изображением открывания воображаемых дверей, а вот движение открывающих воображаемую дверь рук снизу вверх передает, с нашей точки зрения, сему 'все', 'много'.

(54)	Словесный ряд	о котором так	много	накричали ему
	Жестовый ряд		движение открытой левой ладонью вперед и снизу вверх	

В. Бортко, Ф. М. Достоевский. Идиот. 2003

В принципе, возможна и иная интерпретация этого метафорического переноса: значение ‘много’ или ‘все’ может восходить не к этимону ‘расстояние’, а к этимону ‘выше’ (см. раздел 4). Действительно, если некий объект становится выше, то радиус обзора у него удлиняется, а следовательно, в поле его зрения попадает большее количество других объектов, что также формирует основу для перехода ‘выше’ → ‘много/все’. Однако наши данные показывают, что дугообразное движение или движение снизу вверх в значении ‘много/все’ практически во всех случаях сопровождается движением руки не только в вертикальном направлении, но и по сагиттальной и/или поперечной оси, т. е. в значении ‘много/все’ вертикальный вектор является не самостоятельным, а связанным (как это мы наблюдали в случае приставки *про-* и глаголов перемещения), что и послужило для нас основанием связать это значение с этимологом ‘расстояние’.

6. Этимон ‘здесь’

6.1. Лексическое сопровождение этимона ‘здесь’

В разделах 3—4 мы рассмотрели симметричные этимоны ‘верх’/‘низ’ и ‘выше’/‘ниже’, где направление жестикуляционного движения снизу вверх имело соответствие в симметричном движении сверху вниз, которое соответствовало противоположным по знаку этимонам. Напротив, этимон ‘расстояние’, рассмотренный в разд. 5, является несимметричным: символика расстояния предполагает только движение по выгнутой дуге или направление снизу вверх¹³.

¹³ Надо отметить, что довольно редко, но в русской жестикуляции встречается движение по вогнутой дуге. Один из таких случаев (сопровождающий приставку *воз-*) мы уже упоминали выше. Но обычно движение по вогнутой дуге семантически распадается на два движения — сверху вниз, а затем снизу вверх, для каждого из которых в контексте присутствует свое собственное обоснование. Например, во фразе *и оно немедленно воскреснет* (П. Арсенов и др. Король-олень, 1969) на глаголе происходит движение по вогнутой дуге, и при этом начальное движение сверху вниз относится к наречию *немедленно* (об этом см. в разделе 6.4.1), а движение снизу вверх соответствует значению приставки *воз-* в составе глагола *воскреснуть*. Или во фразе *и оба трах-тарарах! взрываются* (Н. Кошеверова, М. Вольпин. Каин XVIII, 1967) на глаголе также имеем вогнутую дугу, которая распадается на движение сверху вниз, характерное для глагола уничтожения (*взрываться*), и на движение снизу вверх, которое, опять же, сопровождает приставку *воз-* в глаголе *взрываться*.

Этимон, который будет рассмотрен в этом разделе, также является асимметричным — он предполагает только движение сверху вниз и не имеет антонима снизу вверх.

Движение руки сверху вниз или кивок сверху вниз (среди прочих значений) может направлять внимание слушающего под ноги говорящему. Место, на котором находится говорящий в момент речи, имеет значение 'здесь'. Именно это значение является базовым значением данного этимона. Оно может быть описано формулой

$$\{1\} L_P=L_U,$$

где L_P — место, в котором происходит некоторое событие P , а L_U — место, где происходит данное высказывание U , т. е. место совершения некоторого события совпадает с местом, где находится говорящий, фиксирующий данное событие:

(55)	Словесный ряд	<i>здесь его</i>	<i>не поняли</i>
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз

Г. Натансон, А. Володин. Старшая сестра. 1966

В примере (55) место события P (*его не поняли*) совпадает с местом, где в момент рассказа находится говорящая, на что и указывает кивок сверху вниз.

(56)	Словесный ряд	<i>А как вы сюда</i>	<i>вошли?</i>
	Жестовый ряд		двукратное движение открытой левой ладонью сверху вниз

А. Сурикова и др. Ищите женщину. 1983

В примере (56) место события P (*войти*) также совпадает с местом, где находится говорящий и где происходит акт речи, на что указывает движение руки сверху вниз по направлению к «пяточку», на котором располагается говорящий в момент речи.

На лексическом уровне данный этимон сопровождается лексемами *здесь, тут, сюда, отсюда*. Очевидно, эти лексемы могут отсутствовать во фразе, но подразумеваться:

(57)	Словесный ряд	<i>он</i>	<i>заехал из Вены</i>
	Жестовый ряд		движение открытой левой ладонью справа налево сверху вниз

П. Лунгин и др. Дело о мертвых душах. 2005

В примере (57) подразумевается *заехал к нам, сюда*, т. е. опять же, место события P *заехал* совпадает с местом речи.

Важно иметь в виду, что в речи, как в устной, так и в письменной, говорящий очень часто меняет свою точку зрения, отождествляя себя либо со слушающим, либо с персонажами своей речи. Этот эффект многократно описан как лингвистами, так и философами (см., например, цитированную

выше работу [McNeill 1992], а также книгу [Гоготишвили 2006]). В случае, если имеет место такое переключение точки зрения, формула $L_P=L_U$ может апеллировать не к месту расположения говорящего в момент речи, а к месту расположения того персонажа, с точкой зрения и местоположением которого говорящий отождествил себя в данный момент:

(58)	Словесный ряд	<i>скажет вы тут</i>	<i>постойте</i>
	Жестовый ряд		движение открытой левой ладонью сверху вниз

В. Крючков, Э. Акопов. Сдается квартира с ребенком. 1978

В примере (58), отождествляя себя с персонажем рассказа и цитируя его воображаемую речь, говорящий жестикулирует так, как будто он и есть этот персонаж, произносящий данную реплику.

6.2. Метафорический перенос 'здесь' → 'сейчас'

Временные компоненты значения в языке и жестикуляции могут передаваться только посредством апелляции к пространственным категориям. Поэтому вполне естественно, что формула {1} является основой для метафорического переноса 'пространство' → 'время' (ср. выше, раздел 5.2.1, о метафорическом переносе 'расстояние' → 'длительность'):

$$\{1\} L_P=L_U \rightarrow \{2\} T_P=T_U,$$

где T_P — время некоторого события P , T_U — время речи, а формула передает идею одновременности события P и события речи U .

Таким образом, способ передачи этимона 'здесь' используется и для передачи значения 'сейчас' (лексически — *сейчас, теперь, сегодня* и прочие).

(59)	Словесный ряд	<i>Настасья Филипповна</i>	<i>подарила сегодня</i>	<i>Гавриле Ардалионовичу свой портрет</i>
	Жестовый ряд		движение двумя ладонями сверху вниз	

В. Бортко, Ф. М. Достоевский. Идиот. 2003

Временное значение 'сейчас', которое выражено жестикуляционным движением сверху вниз, является компонентом настоящего актуально-длительного времени. Именно поэтому, как было показано в ряде работ по жестикуляционной лингвистике (литературу см. в [Гришина 2013а]), это временное значение жестикуляционно выражается движением рук/руки сверху вниз или кивком головы сверху вниз:

(60)	Словесный ряд	<i>эти вещи</i>	<i>я везу сейчас</i>
	Жестовый ряд		движение правой руки сверху вниз

В. Назаров, Б. Можаев. Хозяин тайги. 1968

Это же направление, сверху вниз, используется и в тех случаях, когда временное значение включает в себя компонент 'актуально-длительное

время' как один из временных компонентов значения, например, в случае прошедшего перфектного времени: некоторое действие было совершено в прошлом, но его результаты все еще актуальны в момент произнесения реплики (61). Аналогичным образом, в случае уверенного будущего времени, описывающего событие, которое непременно наступит непосредственно после произнесения данного высказывания (62), используется этот же тип движения (см. данные табл. 2).

(62)	Словесный ряд	<i>сейчас</i>	<i>выбежит</i>	<i>моя помощница</i>
	Жестовый ряд	движение указательным пальцем сверху вниз	повтор жеста	

А. Стриженов, А. Курейчик. Любовь-морковь. 2007

6.3. Метафорические переносы на базе этимона 'здесь'

6.3.1. Метафорический перенос 'здесь' → 'контакт'

Вернемся еще раз к формуле {1} $L_P=L_U$. Естественным семантическим сдвигом является замена в этой формуле события высказывания U на любое другое событие Q. В этом случае формула принимает вид

$$\{3\} L_P=L_Q$$

и может быть прочитана двояко.

Первое прочтение — в одном и том же месте пересекаются два разных события, P и Q. Такое прочтение формулы передает идею контакта в одной и той же точке двух или более объектов.

Лексически идея контакта может быть передана глаголами с основами *встретить/встречать*, *встрянуть между кем-л.*, *застать/заставать*, *знакомить*, *клеить*, *лепить/-леплять*, *найти/находить*, *объединить/объединять*, *попасть/попадать*, *присобачить*, *собрать/собирать*, *совнасть/совпадать*, *угодить во что-л.*, *-цепить/цеплять*¹⁴ (статистические данные по глаголам *встретить/встречать*, *найти/находить* см. в табл. 2). Приведем несколько примеров.

(63)	Словесный ряд	<i>вырывали каждую минуту, чтобы</i>	<i>встретиться</i>
	Жестовый ряд		движение открытой правой ладонью сверху вниз

Г. Натансон, А. Володин. Старшая сестра. 1966

(62)	Словесный ряд	<i>причем начало</i>	<i>совпадает</i>	<i>с концом так верно</i>
	Жестовый ряд		движение левой щепотью слева направо сверху вниз	

К. Худяков, Д. Рубина. На Верхней Масловке. 2004

¹⁴ Перечислены глаголы, зафиксированные в нашей базе. Естественно, это не исчерпывающий список.

(65)	Словесный ряд	<i>Нашелся</i>	<i>Кешка</i>
	Жестовый ряд	кивок сверху вниз	

В. Меньшов и др. Ширли-мырли. 1995

(66)	Словесный ряд	<i>Попадаю</i>	<i>олению в лоб</i>
	Жестовый ряд	движение левым указательным пальцем вперед, налево, сверху вниз	

М. Захаров, Г. Горин. Тот самый Мюнхгаузен. 1979

Напомним, что в работе [Гришина 2013б] мы привели список приставок, ориентированных вниз, — *в-, до-, на-, о-*. Следует обратить внимание на то, что все эти приставки предполагают движение некоторого объекта А вплоть до соприкосновения (т. е. до совпадения, хотя бы частичного, в одной точке) с некоторым другим объектом В (*войти, прийти, накрыть, одеть*). Таким образом, можно усматривать в значении этих приставок ту же идею контакта, т. е. воплощение формулы {3}. Если это так, то русские приставки, ориентированные вниз (кроме приставки *низ-*), передают не этимоны 'низ' или 'ниже', как можно было бы ожидать, а идею 'контакт', 'совпадение двух или более разных объектов в одной точке', которая восходит к базовому жестикуляционному этимону 'здесь'.

6.3.2. Метафорический перенос 'здесь' → 'тождество'

Второе прочтение формулы {3} $L_P=L_Q$ таково: если два события/объекта занимают одно и то же место, то они должны трактоваться как тождественные, как одно и то же событие, т. е. из формулы $L_P=L_Q$ следует, что $P=Q$.

Этот метафорический перенос порождает целый класс лексических и синтаксических явлений в русской устной речи, которые связаны с идеей тождества и которые, соответственно, регулярно сопровождаются жестикуляционным движением сверху вниз. Ниже мы перечислим самые важные из них.

6.3.2.1. Лексические явления

Естественно, раз мы говорим о тождестве, то прежде всего это лексемы *тоже* и *также*. И действительно, они регулярно сопровождаются жестикуляционным движением сверху вниз.

(67)	Словесный ряд	<i>мы</i>	<i>тоже</i>	<i>будем их</i>	<i>проверять</i>	<i>на частоту</i>
	Жестовый ряд		движение левым указательным пальцем направо и сверху вниз		повтор жеста	

Д. О. Добровольский. Ответы на вопросы после доклада на конференции Диалог'2012. 2012

(68)	Словесный ряд	<i>Я</i>	<i>также</i>	<i>с ним буду делать все что захочу</i>
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз	

А. Стриженов, А. Курейчик. Любовь-морковь. 2007

Очевидно, что этим же типом жестикуляции должны сопровождаться сочетания местоимений с *же* тождества (*он же, туда же, тот же* и проч.). Именно это и наблюдается на практике (примеры не приводим, они многочисленны).

Глаголы, включающие в свою семантику компонент 'тот же', также сопровождаются движением сверху вниз. Так, глаголы *вернуть/возвратить/возвращать*, а также *остаться/оставаться*, которые включают в себя семантический компонент 'то же самое место', часто сопровождаются вертикальной жестикуляцией, направленной вниз.

(69)	Словесный ряд	<i>Машину ты</i>	<i>возвращаешь</i>
	Жестовый ряд		движение открытой правой ладони вперед и сверху вниз

Э. Рязанов, Э. Брагинский. Старики-разбойники. 1971

(70)	Словесный ряд	<i>оставят</i>	<i>Женечка, оставят</i>
	Жестовый ряд	движение открытой левой ладонью сверху вниз	

А. Панкратов, А. Усов. Счастливая, Женька! 1984

Идея тождества передается также лексемами, с помощью которых объекту присваивается некоторое имя: глаголы *называть/назвать/звать*, а также глагол *назначить* (*время, что/кого чем/кем*), *считать* (*что/кого чем/кем*).

(71)	Словесный ряд	<i>Значит</i>	<i>невесту зовут</i>	<i>Нина?</i>
	Жестовый ряд		движение указательным пальцем правой руки сверху вниз	

Л. Гайдай и др. Кавказская пленница. 1966

(72)	Словесный ряд	<i>Уже</i>	<i>день был назначен</i>
	Жестовый ряд		многократные движения правым кулаком сверху вниз

Н. Михалков, В. Мережко. Родня. 1981

Надо заметить, что *да* согласия, которым говорящий фиксирует согласованность чьего-либо высказывания и объективного положения вещей, также содержит идею тождества (см. об ассертивном и остальных типах русского *да* [Гришина 2011]). Поэтому движение сверху вниз (кивок согласия) на ассертивном *да* может гипотетически рассматриваться как воплощение этого же метафорического переноса.

6.3.2.2. Синтаксические явления

Итак, при метафорическом переносе 'здесь' → 'тождество' мы имеем дело с событием отождествления двух сущностей, P и Q, которое жестикуляционно кодируется с помощью движения сверху вниз рук/руки/головы. Это отражается в ряде синтаксических конструкций, прежде всего, в **сравнительных конструкциях**, в которых некоторое явление P приравнивается, по тому или иному параметру, к явлению Q.

(73)	Словесный ряд	Грабил	старик	похожий	на вас
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз		движение открытой правой ладонью сверху вниз

Э. Рязанов, Э. Брагинский. Старики-разбойники. 1971

(74)	Словесный ряд	Вы	шутите	как	сумасшедший
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз		движение головы вперед и сверху вниз

В. Басов, Ю. Бондарев. Тишина. 1963

(75)	Словесный ряд	Загорела, хорошо ест, бегаёт			как мальчик.
	Жестовый ряд				кивок сверху вниз

Э. Гарин и др. Обыкновенное чудо. 1964

Далее, аналогичные жестикуляционные явления встречаются в конструкциях структуры **Х есть Y** (и синонимичных), т. е. в конструкциях с **именным сказуемым** (и синонимичных).

(76)	Словесный ряд	Моя цель	воспитывать	ребят
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз	

Где-то там в Омутнинске. Д/ф из цикла «Письма из провинции» (ТК «Культура»). 2008

(77)	Словесный ряд	который утверждает, что он	сын	Львова
	Жестовый ряд		движение открытой левой ладонью сверху вниз	

Е. Ташков и др. Адьютант его превосходительства. 1969

(78)	Словесный ряд	Всё	знать	входит в мои скромные	обязанности
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз		кивок сверху вниз

В. Меньшов, М. Мареева. Зависть богов. 2000

(79)	Словесный ряд	Я принимаю	всё что ты	сказал, Евгений Палыч,	за шутку.
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз		кивок сверху вниз

В. Бортко, Ф. М. Достоевский. Идиот. 2003

(80)	Словесный ряд	Телефонистка	становится	посмещцем
	Жестовый ряд	движение правым указательным пальцем налево сверху вниз	повтор движения	кивок сверху вниз

А. Сурикова и др. Ищите женщину. 1983

Это же движение сверху вниз практически регулярно используется в конструкциях **это-идентификаций**:

(81)	Словесный ряд	Это значит первый факт.			
	Жестовый ряд	жестикуляционное скандирование (см. [Гришина 2014а]) открытой правой ладонью сверху вниз			

М. Жаров и др. Анискин и Фантомас. 1974

(82)	Словесный ряд	<i>Это следование основополагающим демократическим принципам</i>
	Жестовый ряд	жестикуляционное скандирование указательным пальцем правой руки и указательными пальцами обеих рук сверху вниз

Д. Астрахан и др. Леди на день. 2002

Из двенадцати примеров *это*-идентификаций, имеющих в нашей базе данных, которые можно считать объектно-свободными, девять примеров сопровождаются движением сверху вниз.

Напротив, для *вот*-идентификаций характерно движение снизу вверх (из имеющихся в базе данных двенадцати примеров *вот*-идентификаций, в которых вертикальное направление можно считать объектно-свободным, не обнаружилось ни одного, направленного сверху вниз)¹⁵:

(83)	Словесный ряд	<i>Вот пожалуйста пример.</i>	<i>По инициативе бывшего мелиоратора...</i>
	Жестовый ряд	движение открытой правой ладонью вперед снизу вверх	

Ю. Мамин, В. Вардунас. Фонтан. 1988

И, наконец, одно из важнейших синтаксических значений движения сверху вниз, основанного на идее тождества, это **сложноподчиненные предложения с соотносительным *тот***:

(84)	Словесный ряд	<i>тому</i>	<i>кто</i>	<i>переправил</i>	<i>меня, я доверяю всецело</i>
	Жестовый ряд	кивок сверху вниз		кивок сверху вниз	

Т. Лиознова, Ю. Семенов. Семнадцать мгновений весны. 1973

(85)	Словесный ряд	<i>как вы отнесетесь</i>	<i>к тому</i>	<i>чтобы приобрести у меня яичный порошок</i>
	Жестовый ряд		движение правой рукой сверху вниз	

Л. Квинихидзе, Н. Фомина. 31 июня. 1978

Соотносительное *тот* в главном предложении вводит обобщенное имя некоторого объекта, а придаточное предложение расшифровывает конкретное содержание этого обобщенного объекта. Тем самым, мы имеем

¹⁵ Предпочтение направления снизу вверх при *вот*-идентификациях связано, очевидно, с идеей демонстрации активируемого объекта слушающему, а следовательно, с этимологией 'выше', см. раздел 4.

Напомним, что в работах [Гришина 2012а, 2013в] мы описали различие между *вот*- и *это*-идентификациями как различие между первичным введением в зону внимания слушающего (активацией) некоторого объекта, уже имеющегося в зоне внимания говорящего (*вот*), и отнесением некоторого уже активированного ранее объекта Р к классу Q, т. е. отождествлением Р и Q (*это*). Как видим, только для *это*-идентификаций характерна идея тождества, что и отражается на ориентации жестикуляционного сопровождения этих идентификаций сверху вниз.

здесь операцию отождествления объекта *тот* с его реальным наполнением. И именно эта операция отождествления кодируется движением сверху вниз: из 32 примеров сложноподчиненных предложений с соотносительным *тот* в нашей базе данных — в 26-ти *тот* сопровождается движением руки или головы сверху вниз.

Если мы обратимся еще раз к табл. 2, то мы увидим, что ментальные глаголы с внутренним объектом *думать*, *ждать/-жидать*, *решать/решить* (к ним, по-видимому, примыкают также глаголы *знать*, *помнить*, *понять/понимать*, *верить*, по которым недостаточно данных) регулярно сопровождаются жестикующей, ориентированной сверху вниз:

- (86)

Словесный ряд	Он	придумал	что у нас	с Машей	связь
Жестовый ряд		кивок сверху вниз		кивок сверху вниз	кивок сверху вниз

Д. Нейманд и др. Жесть. 2006
- (87)

Словесный ряд	Подожду	маненько			
Жестовый ряд	кивок сверху вниз				

В. Дорман и др. Пропавшая экспедиция. 1975
- (88)

Словесный ряд	да если б я	знала	что ты меня этим попрекать-то будешь		
Жестовый ряд	кивок сверху вниз				

В. Меньшов, В. Гуркин. Любовь и голуби. 1984
- (89)

Словесный ряд	я конечно	понимаю	мы с вами условились		
Жестовый ряд	движение двумя открытыми ладонями сверху вниз				

Э. Рязанов и др. Дайте жалобную книгу. 1965
- (90)

Словесный ряд	я	решил	что это смерть!		
Жестовый ряд	движение двумя открытыми ладонями сверху вниз				

В. Вайншток и др. Дети капитана Гранта. 1936

По-видимому, такое достаточно регулярное сопровождение ментальных глаголов движением сверху вниз связано с тем, что они включают в свою семантику соотносительное *тот* (*жду того, что; думаю то, что; понимаю то, что; решил то, что*), которое не реализуется на поверхностном уровне, а следующие за этими глаголами придаточное или именная группа, раскрывая содержание ментального процесса, отождествляют с этим содержанием «встроенное» *тот*.

6.3.2.3. Определенность как отождествление

Рассмотрим следующую ситуацию. Имеется некоторое множество {P} объектов P, каждый из которых потенциально может обладать свойством Q. Говорящий, выбирая из этого множества объектов данный конкретный

объект P_N , присваивает данное свойство Q именно этому объекту — противопоставляя его тем самым остальным членам множества $\{P\}$. Таким образом, выбирая определенный объект P_N из множества однородных объектов $\{P\}$, говорящий совершает два действия: 1) вычленяет объект из множества, индивидуализируя его и определяя, 2) присваивает некоторое свойство Q этому объекту P_N , т. е. проводит операцию отождествления по типу *это*-идентификаций: P_N — это Q -объект.

В [Гришина 2012a] утверждается, что определенность объекта передается в русской ручной дейктической жестикуляции посредством указания пальцем (а неопределенность, соответственно, тяготеет к указанию открытой ладонью). Если изложенное верно, то мы можем ожидать, что конструкции, содержащие акт конкретной референтной привязки некоторого объекта, должны также преимущественно сопровождаться не только указанием пальцем, но и движением сверху вниз.

В качестве примера конструкций, содержащих акт индивидуализации объекта, можно взять конструкции с наречием *именно*.

(91)	Словесный ряд	<i>Господин начальник, вы абсолютно уверены, что там находится та дама</i>	<i>именно та</i>	<i>дама, которую я разыскиваю</i>
	Жестовый ряд		движение левым указательным пальцем сверху вниз	

М. Козаков, А. Хмелик. Безымянная звезда. 1978

(92)	Словесный ряд	<i>Именно в нем</i>	<i>заклучено ваше счастье.</i>
	Жестовый ряд	движение указательного пальца правой руки, указывающего на собеседника сверху вниз	

Л. Квинихидзе, Н. Фомина. 31 июня. 1978

Из 29 примеров с наречием *именно* в нашей базе данных примерно две трети (18 примеров) сопровождаются движением руки сверху вниз.

Интересно, что ситуация выбора из множества, которая сопутствует акту индивидуализации объекта, сама по себе провоцирует вертикальное жестикуляционное движение сверху вниз. Так, глагол *выбрать/выбирать*, судя по нашим данным, достаточно регулярно сопровождается движением сверху вниз, при том что приставка *вы-* не имеет никаких жестикуляционных предпочтений (см. [Гришина 2013б]), а корень этого глагола, как и глагола *хватать*, тяготеет к автоуказанию на говорящего, что символизирует семантический компонент 'себе' в составе этих глаголов, и не демонстрирует никакого тяготения к движению сверху вниз:

(93)	Словесный ряд	<i>потому что Та- нечка выбрала</i>	<i>тебя</i>	<i>своим принцем</i>
	Жестовый ряд		движение правым указатель- ным пальцем сверху вниз	

П. Лунгин, А. Галин. Свадьба. 2000

В примере (94) глагол *выбрать* сочетается с наречием *именно*:

(94)	Словесный ряд	<i>а мы хорошо с вами сде- лали, что</i>	<i>выбрали</i>	<i>именно</i>	<i>эту арию</i>
	Жестовый ряд		движение пра- вым указатель- ным пальцем сверху вниз	движение тем же пальцем сверху вниз, но существенно большей амплитуды	повтор движения большой амплитуды

А. Ивановский и др. Антон Иванович сердится. 1941

Отметим также, что индивидуализация объекта в составе множества может выражаться интонационно, без использования каких-либо специальных лексем типа *именно*, но с поддержкой *это*-идентификаций:

(95)	Словесный ряд	<i>Это ОН меня на расстрел вез</i>
	Жестовый ряд	многократное движение правым указательным пальцем сверху вниз

Э. Рязанов, Г. Горин. О бедном гусаре замолвите слово. 1980

(96)	Словесный ряд	<i>Это я</i>	<i>я</i>	<i>ограбил инкассатора</i>
	Жестовый ряд		движение правым кулаком сверху вниз	

Э. Рязанов, Э. Брагинский. Старики-разбойники. 1971

6.4. Метафорический перенос 'сейчас' → 'одновременно'

Точно так же, как в формуле {1} $L_P=L_U$ в результате метафорического расширения U (событие высказывания) заменяется любым другим событием Q , в формуле {2} $T_P=T_U$ событие высказывания также может быть заменено любым другим событием, что дает нам формулу

$$\{4\} T_P=T_Q,$$

которая описывает идею одновременности двух или более событий.

Таким образом, этот метафорический перенос порождает сопровождение высказываний, в которых зафиксирована одновременность некоторых событий, жестикуляционным движением сверху вниз.

6.4.1. Лексическое выражение идеи 'одновременность'

И действительно, если мы обратим внимание, как с жестикуляционной точки зрения устроены высказывания с лексемами *сразу*, *тотчас*, *немедленно*, *резко* (в значении 'концентрированно, одновременно'), *вовремя*

(т. е. ‘в тот самый момент, когда и следовало’), *как раз* (в значении ‘в тот самый момент, когда происходило какое-то другое событие’), *тут же* (во временном значении), *сейчас же*, *сию минуту*, *моментально*, то заметим, что в подавляющем большинстве случаев эти лексемы сопровождаются движением сверху вниз. В нашей базе данных — 31 контекст такого плана, и при этом в 25 случаях мы видим движение сверху вниз, а в 6-ти случаях — движение по дуге (вогнутой или выгнутой), которая содержит компонент сверху вниз. И при этом не зафиксировано ни одного контекста, в котором бы наблюдалось движение снизу вверх. Несколько примеров.

- (97)

Словесный ряд	<i>Он тут же</i>	<i>и взорвется</i>
Жестовый ряд	движение открытой ладонью сверху вниз	повтор движения

Н. Кошеверова, М. Вольпин. Каин XVIII. 1977
- (98)

Словесный ряд	<i>одна на миллион</i>	<i>и это сразу бросается в глаза</i>
Жестовый ряд		многократное движение разведенными в сторону открытыми ладонями сверху вниз

И. Авербах, А. Соколова. Фантазии Фарятьева. 1979
- (99)

Словесный ряд	<i>вот этот вот</i>	<i>сразу же</i>	<i>в него</i>	<i>выстрелил</i>
Жестовый ряд		движение правым указательным пальцем налево сверху вниз		

К. Серебrenников и др. Изображая жертву. 2006

6.4.2. Синтаксическое выражение идеи ‘одновременность’

Очевидно, что идея ‘одновременность’ воплощается не только в лексике, но и в синтаксических конструкциях. Если проанализировать сложно-подчиненные предложения с **временным придаточным**, имеющиеся в нашей базе данных, то можно заметить, что они достаточно регулярно сопровождаются жестикуляционными движениями сверху вниз.

- (100)

Словесный ряд	<i>Да ведь это как мать</i>	<i>председателем колхоза выбрали, не дом, а проходной двор стал</i>
Жестовый ряд		движение правой руки сверху вниз

Т. Лукашевич и др. Свадьба с приданым. 1953
- (101)

Словесный ряд	<i>а теперь, когда остается только</i>	<i>взять</i>	<i>клад</i>	<i>он</i>	<i>забирает</i>	<i>у тебя и ножны и кортик</i>
Жестовый ряд		движение обеими открытыми ладонями вперед и вниз			движение обеими открытыми ладонями вперед и вниз	

Н. Калинин, А. Рыбаков. Кортик. 1973

(102)	Словесный ряд	<i>а когда</i>	<i>возвращался</i>	<i>находил</i>	<i>его на старом месте</i>
	Жестовый ряд		движение открытой правой ладонью направо сверху вниз	движение открытой правой ладонью налево сверху вниз	

А. Сурикова и др. Ищите женщину. 1983

(103)	Словесный ряд	<i>Начнет</i>	<i>светать</i>	<i>уходите.</i>
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз	кивок сверху вниз

С. Тимошенко. Небесный тихоход. 1945

Известно, что сложноподчиненные предложения с **условным придаточным** тесно связаны и исторически, и семантически со сложноподчиненными предложениями с временным придаточным: два события, связанные одним и тем же моментом времени, легко трансформируются семантически в два события, связанные причинно-следственными связями. Соответственно, нет ничего удивительного в том, что в предложениях с придаточным условным используется этот же тип жестикуляции:

(104)	Словесный ряд	<i>стоило</i>	<i>судье произнести</i>	<i>два</i>	<i>слова...</i>	<i>и звание чемпиона</i>	<i>перешло бы</i>	<i>к Никите Крутикову</i>
	Жестовый ряд	движение правым указательным пальцем сверху вниз		повтор жеста	повтор жеста		движение правым указательным пальцем сверху вниз	

А. Фролов, А. Филимонов. Первая перчатка. 1946

(105)	Словесный ряд	<i>прямо</i>	<i>пойдешь</i>	<i>на дикую поляну</i>	<i>попадешь</i>
	Жестовый ряд		движение изнутри наружу сверху вниз двумя открытыми ладонями		движение открытой левой ладонью сверху вниз

А. Роу. Варвара-краса, длинная коса. 1969

(106)	Словесный ряд	<i>если вы</i>	<i>не переменили намерения</i>	<i>жить у нас, то я вас</i>	<i>доведу.</i>
	Жестовый ряд		кивок сверху вниз		кивок сверху вниз

В. Бортко, Ф. М. Достоевский. Идиот. 2003

7. Заключение

Итак, мы видим, что движения руки/рук/головы по вертикали имеет очень большой лингвистический потенциал и выражает чрезвычайно разнообразный набор значений. Изложенное в статье можно подытожить в табл. 8.

В заключение хотелось бы отметить еще один момент, на который в статье мы не обращали достаточного внимания, — а именно, с помощью какого органа осуществляется вертикально ориентированная жестикуляция. По умолчанию нами было принято, что движения сверху вниз с помощью руки/рук и с помощью головы (кивок сверху вниз) являются в принципе синонимичными и способными выражать один и тот же набор значений¹⁶.

Однако, если мы обратимся к нашей базе данных и проанализируем, какой орган жестикуляции характерен каждого из трех этимонов ('низ', 'ниже', 'здесь'), то мы заметим существенную асимметрию распределений.

Действительно, этимон 'низ' имеет отношение к объектам, которые расположены внизу. В частности, это отражено в том, что жестикуляция, восходящая к этому этимону, сопровождается в основном лексемами, которые описывают движение к объекту, расположенному внизу, или синтаксические конструкции, основанные на исчислении объектов (последовательности, перечисления), расположенных на оси времени.

Если же мы обратимся к этимону 'здесь', то увидим, что он имеет отношение уже не к объектам, а к отношениям объектов — тождества, контакта, одновременности, включая и широкий спектр синтаксических конструкций.

Табл. 7 демонстрирует, как в нашей базе данных жестикуляция головой и рукой/руками распределена между основными этимонами, которые предполагают движение сверху вниз.

Таблица 7

Этимон \ Орган	Голова	Рука/руки
'низ'	49 ($\chi^2=7,86$)	183 ($\chi^2=3,6$)
'ниже'	199	475
'здесь'	240 ($\chi^2=6,69$)	406 ($\chi^2=3,07$)
$\chi^2=22,38$; $p \leq 1,38^{-3}$; распределения достоверны, параметры связаны		

Как видим, для этимона 'ниже' данный параметр несуществен, а данные по этимонам 'низ' (объектный этимон) и 'здесь' (этимон отношений) распределены крестообразно: для этимона 'низ' характерна ручная жестикуляция, а для этимона 'здесь' — головная.

¹⁶ Движение снизу вверх в этом контексте мы не рассматриваем, поскольку для русской головной жестикуляции этот тип движения в высшей степени не характерен: движения головой вверх, действительно, иногда встречаются, но слишком редко для того, чтобы можно было делать какие-то выводы. Именно поэтому в дальнейших рассуждениях нами не учитывается жестикуляция, основанная на этимоне 'расстояние', поскольку для нее характерно только движение снизу вверх.

Эти- мон	Метафорический перенос	Метафо- рический перенос	Лексика
'верх'/'низ'			<i>небо, земля, бог, пол, потолок, лететь/летать, -кладывать/-лагать/ -ложить, падать/пасть, -садить/ сесть/сидеть/сажать, лежать/лечь</i>
	'верх' → 'хоро- шо', 'важно'		
	'низ' → 'распо- лагать объект'		
'выше'/'ниже'			<i>расти/-рацивать, развить/развивать, усложнять/усложнить, деградировать, упрощать/упростить; с компонентом 'каузировать': кончить, бить/бивать/ударить/ударять, держать/держивать</i>
	'выше' → 'появ- ление в зоне ви- димости'; с ком- понентом 'каузи- ровать': 'показывать'		
	'ниже' → 'исчез- нуть из зоны ви- димости'; с ком- понентом 'каузи- ровать': 'прятать'		
'расстояние'			<i>ездить/-езжать/ехать, -йти/ходить, нести/носить, везти/возить, вести/ водить, вернуть/возвращать/возвратить, давать/дать, лететь/летать, гнать/гонять, кричать, видеть/глядеть/ глянуть/смотреть, кидать/-кидывать/ кинуть, править/-правлять, слать/-сылать, бегать/бежать</i>
	'Расстояние' → 'длительность'		
	'Расстояние' → 'неопреде- ленность'		неопределенные местоимения
	'Расстояние' → 'большое количество'		

Таблица 8

Префиксы	Грамматика и прагматика	Семантика	Синтаксис
<i>воз-, низ-, под-</i>			
		‘хорошо’, ‘важно’	
			последовательности, противопоставления, перечисления
	императив		
	восклицание	‘появление в зоне видимости’; с компонентом ‘каузировать’: ‘показывать’	<i>вот</i> -идентификации
		‘исчезнуть из зоны видимости’; с компонентом ‘каузировать’: ‘прятать’	
<i>про-</i>			
		‘длительность’	
	вопрос	‘неопределенность’	
		‘большое количество’	

Этимон	Метафорический перенос	Метафорический перенос	Лексика
'здесь'			<i>здесь, тут, сюда, отсюда</i>
	'здесь' → 'контакт'		<i>встретить/встречать, встрянуть между кем-л., застать/заставать, знакомить, клеить, лепить/-леплять, найти/находить, объединить/объединять, попасть/попадать, присобачить, собрать/собирать, совпасть/совпадать, угодить во что-л., -цепить/цеплять</i>
	'здесь' → 'тождество'		<i>тоже, также</i> и др. сочетания с отождествительным <i>же</i> ; глаголы <i>вернуть/возвратить/возвращать, остаться/оставаться</i> ; присвоение имени <i>называть/назвать/звать, назначить, считать</i> ; <i>да</i> согласия; ментальные глаголы с внутренним объектом <i>думать, ждать/-ждать, решать/решить, знать, помнить, понять/понимать, верить</i> ; <i>именно; выбрать/выбирать</i>
	'здесь' → 'сейчас'		<i>сейчас, теперь, сегодня, в данный момент</i>
		'сейчас' → 'одновременно'	<i>сразу, тотчас, немедленно, резко, вовремя, как раз, тут же, сейчас же, сию минуту, моментально</i>

Представляется, что такое распределение связано с разным уровнем абстрактности — отношения (этимон 'здесь') — более абстрактная сущность, чем объект (этимон 'низ'). Согласно нашим данным, полученным в работе [Гришина 2013в], головные движения, в частности, указания, в целом должны рассматриваться как более абстрактные, чем ручные. Например, именно система головных указаний предназначена для того, чтобы выразить такие противопоставления, как абстрактность объекта (его отсутствие в поле зрения и невозможность прикоснуться к нему) vs. конкретность объекта (присутствие в поле зрения говорящего и возможность прикоснуться). Для ручных указаний этот параметр оказывается практически незначимым. Кроме того, в противопоставлении когнитивных (объектно-свободных) и объектно-связанных указаний, т. е. в противопоставлении указаний на чисто мыслительные объекты, не имеющие пространственной привязки, и объектов, точное расположение которых известно, — головные указания предпочтительно используются в отношении первых (когнитивных) объектов, в то время как ручные указания отчетливо тяготеют ко вторым. На этом фоне неудивительно, что именно движение головы сверху вниз в большей степени используется в жестикуляции для передачи разнообразных отношений, в то время как ручная жестикуляция тяготеет к сопровождению объектных этимонов и метафорических переносов.

Префиксы	Грамматика и прагматика	Семантика	Синтаксис
<i>в-, до-, на-, о-</i>			
		категория определенности	сравнительные конструкции, конструкции с именным сказуемым, <i>это</i> -идентификации, предложения с соотносительным <i>то</i>
	настоящее актуально-длительное время, прошедшее перфектное время, уверенное будущее		
			сложноподчиненные с временными и условными придаточными

Л и т е р а т у р а

Гогтишвили 2006 — Л. А. Г о г т и ш в и л и. Непрямое говорение. М., 2006.

Гришина 2009 — Е. А. Г р и ш и н а. К вопросу о соотношении слова и жеста (вокальный жест *О* в устной речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии (по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог'2009»). Вып. 8 (15). М., 2009. С. 80—90.

Гришина 2011 — Е. А. Г р и ш и н а. *Да* в устном русском диалоге // Russian Linguistics. 35 (2). 2011. С. 169—207.

Гришина 2012а — Е. А. Г р и ш и н а. Указания рукой как система (на материале Мультимедийного русского корпуса) // Вопросы языкознания. № 3. 2012. С. 3—50.

Гришина 2012б — Е. А. Г р и ш и н а. Указание большим пальцем: основные лингвистические функции // Poljarnyj Vestnik/Полярный вестник. V. 15. 2012. С. 3—30, Библиотека университета Трёмсё, Норвегия, (<http://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/2414>).

Гришина 2013а — Е. А. Гришина. Темпоральные дейктические жесты // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2013. т. 72. № 1. С. 3—31.

Гришина 2013б — Е. А. Г р и ш и н а. Жестикуляционные профили русских приставок // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог'2013». Вып. 12 (19). М., 2013. С. 250—271.

Гришина 2013в — Е. А. Гришина. Указания головой как система // Вопросы языкознания. № 3. 2013. С. 90—130.

Гришина 2014а — Е. А. Гришина. Жесты и прагматические характеристики высказывания // Мультиmodalная коммуникация: теоретические и эмпирические исследования М., 2014, с. 25—47.

Гришина 2014б — Е. А. Гришина. О жестикуляционных оборотах // Актуальные вопросы теоретической и прикладной фонетики: Сборник в честь юбилея О. Ф. Кривновой (в печати).

Гришина 2014в — Е. А. Гришина. *Кольцо и щепоть*: семантика соединенных пальцев в русской жестикуляции // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог'2014». Вып. 13 (20). М., 2014. С. 184—203.

Calbris 2008 — G. Calbris. From left to right...: Coverbal gestures and their symbolic use of space // A. Cienki & C. Müller (eds.). *Metaphor and Gesture*. University Amsterdam / Europa-Universität Viadrina, Frankfurt; Oder, 2008. P. 27—53.

Calbris 2011 — G. Calbris. *Elements of Meaning in Gesture*. Amsterdam; Philadelphia, 2011.

Kendon 2004 — A. Kendon. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge, 2004.

McNeill 1992 — D. McNeill. *Hand and Mind*. Chicago, 1992.

Müller 2004 — C. Mueller. The Palm-Up-Open-Hand. A case of a gesture family? // C. Mueller & R. Posner (eds.). *The Semantics and pragmatics of everyday gesture*. The Berlin conference. Berlin, 2004. P. 233—256.

References

Gogotishvili 2006 — L. A. Gogotishvili. *Nepryamoye govoreniye*. Moskva, 2006.

Calbris 2008 — G. Calbris. From left to right...: Coverbal gestures and their symbolic use of space // A. Cienki & C. Müller (eds.). *Metaphor and Gesture*. University Amsterdam / Europa-Universität Viadrina, Frankfurt; Oder, 2008. P. 27—53.

Calbris 2011 — G. Calbris. *Elements of Meaning in Gesture*. Amsterdam; Philadelphia, 2011.

Grishina 2009 — Ye. A. Grishina. K voprosu o sootnoshenii slova i zhesta (vokalnyy zhest *O* v ustnoy rechi) // *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii (po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferencii «Dialog 2009»)*. Vyp. 8 (15) Moskva, 2009. S. 80—90.

Grishina 2011 — Ye. A. Grishina. *Da v ustnom russkom dialoge* // *Russian Linguistics*. 35 (2). 2011. S. 169—207.

Grishina 2012a — Ye. A. Grishina. Ukazaniya rukoy kak sistema (na materiale Multimediynogo russkogo korpusa) // *Voprosy yazykoznaniiya*. № 3. 2012. S. 3—50.

Grishina 2012b — Ye. A. Grishina. Ukazaniye bolshim palcem: osnovnyye lingvisticheskiye funktsii // *Poljarnyj Vestnik/Polyarnyy vestnik*. V. 15. 2012. S. 3—30, Biblioteka universiteta Trømsø, Norvegiya, (<http://septentrio.uit.no/index.php/vestnik/article/view/2414>).

Grishina 2013a — Ye. A. Grishina. Temporalnyye deyticheskiye zhesty // *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*. 2013. T. 72. № 1. S. 3—31.

Grishina 2013b — Ye. A. Grishina. Zhestikulyacionnyye profili russkikh pristavok // *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii: Po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferencii «Dialog'2013»*. Vyp. 12 (19). Moskva, 2013. S. 250—271.

Grishina 2013v — Ye. A. Grishina. Ukazaniya golovoy kak sistema // *Voprosy yazykoznaniiya*. № 3. 2013. S. 90—130.

Grishina 2014a — Ye. A. Grishina. Zhesty i pragmaticheskiye kharakteristiki vyskazyvaniya // *Multimodalnaya kommunikaciya: teoreticheskiye i empiricheskiye issledovaniya*. Moskva, 2014. S. 25-47.

Grishina 2014b — Ye. A. Grishina. O zhestikulyacionnykh obertonakh // *Aktualnyye voprosy teoreticheskoy i prikladnoy fonetiki: Sbornik v chest yubileya O. F. Krivnovoy (v pechati)*.

Grishina 2014v — Ye. A. Grishina. *Kolco i shchepot: semantika soedinennykh palcev v russkoy zhestikulyacii* // *Kompyuternaya lingvistika i intellektualnyye tekhnologii (po materialam yezhegodnoy Mezhdunarodnoy konferencii «Dialog'2014»)*. Vyp. 13 (20). Moskva, 2014. P. 184—203.

Kendon 2004 — A. Kendon. *Gesture: Visible Action as Utterance*. Cambridge, 2004.

McNeill 1992 — D. McNeill. *Hand and Mind*. Chicago, 1992.

Müller 2004 — C. Mueller. The Palm-Up-Open-Hand. A case of a gesture family? // C. Mueller & R. Posner (eds.). *The Semantics and pragmatics of everyday gesture. The Berlin conference*. Berlin, 2004. P. 233—256.

Резюме

В статье анализируются русские иконические жесты, выровненные с глаголами и содержащие в себе топологические компоненты 'движение сверху вниз' и 'движение снизу вверх'. Последовательно рассматриваются четыре семейства вертикально ориентированных жестов, основанные на базовых жестикуляционных этимонах 'верх'/ 'низ', 'выше'/ 'ниже', 'расстояние', 'здесь', а также описываются метафорические переносы, мотивированные данными этимонами и способствующие развитию у вертикально ориентированной жестикуляции разнообразных лингвистических функций. Работа выполнена на материале Мультимедийного русского корпуса (МУРКО).

Ключевые слова: русская жестикуляция, топология жеста, вертикальная ось, ручные жесты, кивок, мультимодальность, семейство жестов, Мультимедийный русский корпус (МУРКО).

Статья получена 16.10.2013

ELENA A. GRISHINA

VERTICAL AXIS IN GESTICULATION FROM THE LINGUISTIC POINT OF VIEW

The paper describes Russian iconic gestures, which are aligned with the verbs and include in their topology a vertical component, i.e., upward/downward movements. Four gesture families of vertically oriented gestures are analyzed, which are based on four gesture etymons, 'top'/'bottom', 'higher'/'lower', 'distance', 'here'. These etymons motivate the whole range of semantic, pragmatic, referential, and syntactic functions of the vertical axis, which really may be called the linguistic axis in Russian gesticulation. The paper is based on the MURCO (Multimodal Russian Corpus) data.

Keywords: Russian gesticulation, gesture topology, vertical axis, manual gestures, nods, multimodality, gesture family, Multimodal Russian Corpus (MURCO).

Received on 16.10.2013

Д. В. СИЧИНАВА

«УВЫ, ДЛЯ НИХ ЭТО ВСЁ ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТ»: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ТЕРМИН КАК ЯЗЫКОВОЙ ОБРАЗ

Грамматический термин *плюсквамперфект* (< лат. plus quam perfectum; букв. «более, чем совершенное [действие]») в XX веке получил необычно широкое распространение в метафорическом употреблении, в том числе как публицистически-философский и художественный образ (в контекстах типа *это уже плюсквамперфект, перенестись в плюсквамперфект, очарование плюсквамперфекта*). И само это событие, и то содержание, которым термин наполнился в нефилологическом контексте, нельзя назвать вполне ожидаемыми. В свете информации, известной благодаря типологическому изучению плюсквамперфекта в языках мира, употребление данного термина в ненаучном контексте представляет особый интерес.

Основными источниками примеров из публицистики, эссеистики и художественной литературы послужили Национальный корпус русского языка, материалы Google Books и тексты различных «толстых» журналов 1990—2010-х гг., электронные версии которых включены в «Журнальный зал» на сайте russ.ru. Подчеркивание в примерах наше.

1. От «школьного» термина к философским обобщениям

1.1. «Ведь мы когда-то проходили в школе плюсквамперфектум»: символ изучения языков

Изначально в русском языковом контексте термин *плюсквамперфект* был применен к достаточно узкой сфере, а именно, к грамматике классических языков (латыни и древнегреческого), первоначально, как и другие грамматические термины, без русификации окончания (латиницей *plusquamperfectum*, — слитно или, гораздо реже, раздельно в три слова, — или кириллицей *плюсквамперфектум*¹). После попыток калькирования этого термина (например, *минувшее пресвершенное* у Дмитрия Герасимова в пе-

¹ А. П. Евгеньева ещё в 1951 году, говоря о (древне)русском материале, пишет *plusquamperfectum* латиницей (с немецким исходом, хотя со строчной буквы) и прибавляет русские окончания косвенных падежей через апостроф [Евгеньева 1951].

реводе Доната в XVI в.) с конца XVIII—начала XIX века в русском языке укореняется его прямая адаптация. Сфера изучения древних языков после 1917 г. резко сократилась, и соответствующая латинская терминология, постоянно мелькавшая в гимназическом или ином контексте в русской литературе предреволюционных десятилетий², отступила на далёкую узко специализированную периферию лексики (ср., особенно, симптоматичные пояснения современных комментаторов к текстам носителей дореволюционной культуры, см. пример 16 и далее). Специалисты-филологи/лингвисты с XIX века постоянно применяли в русских текстах термин *plusquamperfectum* / *плюсквамперфект* (ум) и к другим древним и новым языкам мира, однако это употребление изначально оставалось достоянием только узкой профессиональной среды. Исключительно прямое «научное» значение, не привязанное к какому-либо конкретному языку, и только вариант *плюсквамперфект*, без -ум, фиксируется обоими Большими академическими словарями, соответствующие тома которых вышли в 1959 и 2011 гг. Статьи в них совпадают дословно и не содержат примеров:

«**Плюсквамперфѣкт**, а, м. Одна из форм прошедшего времени, обозначающего [sic]³ действие, осуществившееся раньше другого прошедшего действия» [БАС 1959, 9: 1470; БАРС 2011, 17: 119—120].

Что касается распространённых в российском, в том числе советской эпохи, школьном преподавании живых языков, то это слово может ассоциироваться с немецкой формой Plusquamperfekt. Ср. употребление в художественной литературе этого слова в прямом «школьном» значении, хотя и с ошибкой (герой пытается сдать «гнусный зачёт» по языку, которого не знает) в выборе вспомогательного глагола (надо *war gegangen*):

- (1) — Майн гот! Это же совсем просто. Хатте геганген. Плюсквамперфект от «геен». Коротко и ясно, думаю (С. Довлатов. Филиал (Записки вудушего). 1988).

В латинизированной форме (раньше принятой также и в преподавании немецкого) слово *плюсквамперфектум* неоднократно употребляется в ка-

² Приведём примерно треть густо насыщенного этой терминологией типичного описания экзамена из произведения второстепенного прозаика (кстати, с семинарской латинской фамилией) М. Н. Альбова: *In extemporale было пять ошибок... Это «плевать»! За extemporale он получил тройку,.. Подгадил устный ответ! Он хорошо проспиргал plusquamperfectum conjunctivi от глагола «facio» в страдательном залоге (a verbo: fio, factus sum, fieri). Он перечислил, почти без ошибки, все имена существительные 3-го склонения, оканчивающиеся на is, по исключению мужского рода: Много есть имен на is masculini generis...{...}* (М. Н. Альбов. На точке. 1888).

³ В академическом Словаре украинского языка толкование слова *плюсквамперфект* в основном переведено с русского (обычная практика советской восточнославянской лексикографии), но согласование при этом исправлено на более естественное: «Одна з форм минулого часу, яка означає дію, що відбувалася або відбулася раніше від іншої минулої дії» [СУМ 1975, VI: 600].

честве символа немецкого языка как такового (тема актуализировалась в связи с войной, ср. (2)—(3)):

- (2) Он, видно, ранен — морщится от боли. / Лицом к лицу поговорим давай. / Ведь мы когда-то проходили в школе / Плюсquamперфектум и футурум цвай (Е. Долматовский. 1946).
- (3) В уши его, сверля мозг, вошла чужая, страшная речь; он хотел узнать, о чем они говорят, и напряг память, но она подсказала ему всего лишь два слова: «дертыш» (= *der Tisch* ‘стол’ — Д. С.) и «плюсquamперфектум» («Наш современник». 1965).
- (4) Его, видите ли, тошнило при одном слове «плюсquamперфектум». И вступительный экзамен по немецкому он не сдавал («Урал», № 7. 1987)⁴.

Изучающие английский или французский язык закономерно называют соответствующие формы этих языков в русской речи терминами их грамматики (*Past perfect* и *plus-que-parfait*) и, как правило, не осознают их как «плюсquamперфект»⁵. Ср. гораздо более знаменитый литературный пример, где неуверенность персонажа в семантике объясняемых им глагольных форм тоже вызывает комический эффект:

⁴ Ср. аналогичные символические контексты с английским грамматическим временем: *И таинство лондонских туманов роднится с таинством английской речи: паст перфект ин зе фьюче, перфект ин зе паст* [(А. Битов. Записки из-за угла. 1964); отметим фантастичность или, по крайней мере, нетрадиционность обоих «терминов»], *Английский Потапову давался так легко, как никому из их класса, а Марусе в самых кошмарных снах до сих пор снились эти проклятые времена «паст перфект» и «герундий»* (Т. Устинова. Большое зло и мелкие пакости. 2003), *Она преподавала английский в частном детском саду, бегала по урокам, натаскивая подростков на паст перфект и неправильные глаголы* (М. Трауб. Мотив для свадьбы // Известия, 2007.08.05). Любопытно, что во всех этих «школьных» контекстах используется кириллица, в то время как в «метафорических» контекстах название английского времени пишется латиницей (см. раздел 1.3, конец).

⁵ Люди, изучающие несколько языков, при известной метаязыковой рефлексии могут всё же соотносить аналогичные термины в разных грамматических традициях и/или вникать в их внутреннюю форму, ср. примечательный диалог из «Живого журнала» (февраль 2003 г., воспроизводим вместе с игровой орфографией и «смайликами»): *Это passato remoto, “отдалённое прошедшее время”, которое в повседневной речи используется очень редко, зато в операх навалом. “Вы даровали смерть”. — Какой прекрасный термин. %) “Отдаленное”! — Меня учили его называть “давнепрошедшее” ;)) Вот так, в одно слово. Но вообще это наше родное passe simple. — А я еще люблю plus-que-parfait.)) “Более, чем безукоризненно”, lol [laughing out loud — «смеюсь громко/вслух», популярное сокращение в Интернете — Д. С.]. — Да, мой [sic!] любимое название было, пока я не осознал, что это же то мерзкое слово “плюсquamперфект”, только на игривый французский лад. Латынь окончательно очарованием развеяла :\ — А вот не надо докапываться до корней и истоков патамушта.))*

- (5) Если вы не совсем еще пришли, то импарфе, а если уже, значит, окончательно, со всеми вещами, то плюскепарфе (Тэффи. Репетитор. 1912).

1.2. Масштабы метафорического осмысления

Казалось бы, данное слово не должно было относиться к числу сравнительно широко известных или тем более способных к нетерминологическому осмыслению: оно должно было ограничиться весьма специфическим «школьным» употреблением (после того, как в очередной раз «вышла из моды» латынь — в основном у изучающих немецкий) и еще более специфическим — «научным» (в специальных работах, описывающих грамматику древних и новых языков мира). И тем не менее, как мы уже сказали, слово «плюсквамперфект» начинает употребляться в большом числе художественных произведений, эссе и публицистических сочинений XX—XXI вв., переосмысляясь как философское понятие, не привязанное к лингвистическому объекту вообще (и тем более конкретно к латинскому или немецкому языку). Оно проникает в этом качестве как в рассчитанную на филологически искушенную аудиторию поэзию начала XXI века (цитируемые ниже стихотворения И. Кабыш (38), Т. Нещумовой и Е. Катишон, причём последняя использовала «Plusquamperfectum» как заглавие; кроме того, поэт Алексей Бердников озаглавил свой итоговый стихотворный сборник «Блеск и нищета плюсквамперфекта»), так и в ориентированный на гораздо более массового читателя детектив (36, 52—53). Уже в 1989 г. переносное значение слова *плюсквамперфектум* заметила лингвистика (хотя, как видим, оно и не попало, даже в 2011 г., в академические лексиконы): это слово в ряду с другими научными терминами, развивающими метафорические значения (*гравитация*, *мезозой* и др.) приводится в работе [Харченко 1989: 23]. Назовём этот третий круг значений (в отличие от «школьного» и «научного») «**метафорическим**» употреблением.

Часто метафорическое употребление сопровождается более или менее подробным авторским комментарием, вплоть до того, что слову *плюсквамперфект(ум)* так или иначе посвящается весь текст. В 1968 году Пётр Жаткин озаглавливает свой мемуарный очерк о Всеволоде Иванове «Плюсквамперфектум» (опубликован в журнале «Волга» и через два года переиздан в сборнике «Всеволод Иванов — писатель и человек», М., 1970). Тридцать лет спустя, в 1999 году, появляется эссе Ильи Фаликова («Арион», 1999, № 1), в центре которого также вынесенное в заглавие слово «Плюсквамперфектум» (и в нём также есть некрологическая нота — оно посвящено памяти поэта и переводчика Андрея Сергеева). В обоих случаях (по-видимому, независимо) отправной точкой для рассуждений авторов служат определения плюсквамперфект(ум)а из анонимных «учебников латинского языка», после чего как Жаткин, так и Фаликов излагают собственные ассоциации, связанные с этим понятием. Добавим сюда насыщенный

ное собственно лингвистической проблематикой эссе И. Померанцева «Был помнивши» (подробнее см. (33)). Помимо этих случаев, а также упомянутых сборника Бердникова и стихотворения Катишонок, «Плюсквамперфект» как заглавие текста использовал также прозаик Юрий Малецкий, назвавший так все главы своего произведения «Проза поэта», где действие происходит в ирреальном мире (см. пример (59)). В более ранней литературе одиноким (и, по-видимому, не вызвавшим прямого подражания) предшественником такого выбора заглавий был только Сергей Заяицкий с тремя «грамматическими» подзаголовками своего романа «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» (1928), среди которых есть и «Plusquamperfectum»; см. подробнее в конце раздела 3.1.

Ничего подобного по масштабу не происходит с другими латинскими грамматическими терминами классической традиции — допустим, *аблатив*, *конъюнктив* или хотя бы ближайшими «родственниками» нашего термина *перфект* и *имперфект*⁶. «Семинарская» этимология *ерунда* < *gerundium/герундий*, несмотря на её популярность (она принята в словаре Фасмера), подвергалась критике [Черных 1993: I, 286—287], но если она и верна, то грамматическое содержание латинского термина никак в русском слове не отразилось. Любопытно, что из классического терминологического наследия определённую самостоятельную метафорическую жизнь обрёл сам греческий термин *метафора*, связанный не только с лингвистикой как таковой, но и с теорией литературы; речь идёт о контекстах типа *Рай* — *это не метафора*, ср. недавнее корпусное исследование [Кураш 2012]. Более привычная славянизированная терминология тоже с трудом поддаётся такому осмыслению. Отметим фразеологизмы типа *история не терпит сослагательного наклонения*, а также окказиональные авторские употребления, например, название книги Г. Брускина «Прошедшее время несовершенного вида» (между прочим, это образ с содержанием, близким стандартной «метафорике плюсквамперфекта»).

1.3. «Плюс ко мне что?»: внешняя форма

По-видимому, в описанной выше метафорической популярности сыграли определённую роль внешние характеристики латинского термина, длинного и с необычными сочетаниями согласных, его яркая «учёная» ок-

⁶ Возможно, в дореволюционный период с тем же значением, что *плюсквамперфект*, мог окказионально метафоризоваться (тоже в латинском виде) и термин *имперфект*, ср.: *Хороша литература, у которой изъяты все части речи, междометия и повелительные наклонения и которую оставили при одном imperfectum'e, — при «милых, ушедших, невозвратных годах»* (К. И. Чуковский. О Сологубе. 1907). Ср. также ниже примеры метафорического употребления термина *плюсквамперфект* или его аналогов в одном ряду с названиями других иностранных грамматических форм — у А. И. Герцена, К. С. Аксакова, В. В. Розанова, С. С. Заяицкого, И. С. Шкловского. Однако чем дальше, тем сильнее «конкуренты» плюсквамперфекта «сходят с дистанции».

раска (ср. ниже в примере (41) *академический плюсквамперфект* в значении ‘предмет только академического интереса’). Любопытно, что в тех случаях, когда комментируется фонетический облик этого слова, окраска ему придаётся негативная: «тошнило при одном слове» (пример 4), «мерзкое слово» (сноска 5), «смешное квакание» (см. в следующем абзаце цитату из А. Гаврилова). С этой точки зрения очень важно, что метафорический флёр и контекст языковой игры вплоть до постсоветского периода сопутствовали, как кажется, исключительно варианту *плюсквамперфектум* с его окончанием *-ум*, укоренённым в русской культуре (и нередко высмеиваемым) маркером учёного латинизма, с неустоявшимися родом и типом склонения, в то время как более прозаический и лучше морфологически освоенный *плюсквамперфект* долго использовался только как собственно научный термин (см. ниже, 3.2).

Нередки случаи чисто формальной языковой игры с данным термином, при которой осмысление его содержания является факультативным. В 1962 г. в журнале «Иностранная литература» впервые появляется перевод романа Дж. Стейнбека «Зима тревоги нашей», где образованный герой-«дауншифтер» в шутку обращается к жене: *Нет, мой плюсквамперфектум*. Переводчицы Н. Волжина и Е. Калашникова не без остроумия (хотя с семантической точки зрения, вероятно, и неудачно: «мой плюсквамперфектум» применительно к лицу противоположного пола получает совершенно определённые коннотации, ср. (7)) подставили слово *плюсквамперфектум* на место другого латинского грамматического термина, который употреблен у Стейнбека в оригинале, но без немецкой «поддержки» в советское время был уже полностью забыт нефилологами: *No, my ablative absolute* [The winter of our discontent (1961)]. Созвучие среднего отрезка *-квям-*, лишённого для носителя русского языка внутренней формы (ср. *плюс*, *перфекционизм*), с русскими словами (*к вам*, оноματοпоэтическое междометие *ква*) дополнительно провоцирует языковую игру, в том числе абсурдистскую: *Смешное квакание — перфект плюс к вам. То есть — вот он ты, а к тебе (то есть к вам) еще перфект — совершенное совершенство. Если перевести в первое лицо, выйдет: я и мои свершения. Я и мной созданные обстоятельства* (А. Гаврилов, рец.: Юрий Малецкий. Проза поэта. Новый мир. 2000, № 1); ср. тот же каламбур: *Плюс-к-вам-перфект пришел, / и к вам, и к нам {...}* (начало стихотворения Татьяны Нешумовой, 2009) или: *ведая заране, что всё, / что происходит на экране, отнюдь не в настоящем, / а в плюсквамперфектум (хорошо бы к нам / слегка от вас перфектума прибавить, лениво думаешь)* (Е. Катишонок. «Plusquamperfectum». Сб. «Порядок слов». 2011)⁷. В этих случаях «питательным материалом»

⁷ Есть ещё пример этого русского каламбура в украинском тексте, причём очень ранний: *Так от, — сказав хіромант, дочекавшись, поки матрос дочитав повідчення до кінця, — як свідчить наука, параболо вашого життя виразно гіперболічна. І це є нонсенс. Імперфектум і плюсквамперфектум... — Плюс ко мне*

для развёртывания текста служит в основном формальная сторона слова, хотя и одновременное метафорическое обыгрывание его содержания не исключено. Ср. в метафорическом контексте любопытное усечение начального *плюс-* (то ли автор/герой осмысляет его как отдельное слово, то ли ему важно «выпятить» начальное комическое *квам-*): *Пропуская детство, юность, сразу перехожу из квамперфекта в сейчас* (Г. Щербакова. Эмиграция по-русску... // Огонек. № 9. 1991).

Интересен пример, где *плюсквамперфект* не только иронически сопоставляется с другим учёным «латинозвучащим» словом из совсем другой области, но ещё и «переводится» на русский язык именно в интересующем нас ключе (при помощи оссиановско-пушкинской цитаты):

- (6) — Рома, за кого ты нашего Вовика сватаешь? Она окрашена в обручальный цвет? Прошу подробности. — Даму зовут Александра, — сдержанно сообщил Роман. — Правда, Михеевна. — И смолк. — Что-то ты подозрительно немногословен, — заметил Иван. — Не со своего ли плеча?.. Инцест грядет? — Дама — коллега, — уклонился от вопроса Роман. — Коммерческий зам. Сикина. Генерального директора нашего КСП. — И продолжил: — Инцест отчасти есть. Плюсquamперфект. — Кого? — нахмурился Синяк. — Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой... — перевел Ваня (С. Каледин. Записки гробокопателя. 1987—1999).

Внешняя форма играет определённую роль при упоминаниях *плюсквамперфект(ум)а* в качестве знака школьного изучения языка (латыни или немецкого) как такового, хотя единственной причиной этого не является (ср. такие же «английские» контексты в сноске 4). Вероятно, символом изучения иностранных языков *плюсквамперфект* может становиться и из-за отсутствия чего-то подобного, в том числе согласования времён европейского типа, в русском языке, хотя недостаточно и этого (например, не менее сложные для русского английские или немецкие артикли в таких контекстах употребляются реже). И, конечно, одной фонетической окраски не хватило бы и для популярности слова в метафорических контекстах. Укажем опять-таки, что в русском тексте переосмысление время от времени затрагивает и аналоги латинского термина из других языков, например, того же английского: *До конца следующей недели здесь работает выставка фотографий Игоря Пальмина «Время Past Perfect» (то есть совсем прошедшее время)* (Н. Молок. Архив прошедшего времени. Выставки (2002) // Известия, 2002.03.21); *Астероид нового года полсутки назад врезался в Землю примерно на долготе Новой Зеландии, приливная волна один*

што? — *Плюсквамперфектум* (Ю. Смолич. Театр невидимого актёра. К., 1959). Помимо этих литературных примеров, автору неоднократно приходилось слышать в личном общении с разными людьми обыгрывание созвучий этого слова с *кв*а и/или *к* *вам*, вплоть до «антонима» *минус от вас перфект*.

за другим *накрывает часовые пояса, переводя Present Continuous в Past Perfect: обнуление, count zero interrupt* (А. Гаррос, А. Евдокимов. [Голово]ломка (2001); *Кто растёт вниз головой, зимой и летом одним цветом, светит да не греет, в огне не горит, в воде не тонет, не лаёт, не кусает, а в дом не пускает. Отгадка: past perfect* (М. Вишневецкая. Вышел месяц из тумана. 1997). Неоднократно употребляет этот излюбленный английский термин Андрей Битов, например: *он все еще не знал, ни что было, ни как стало, не ощутил никаких изменений, потому что и до и после существовал лишь в своем личном времени, да еще в глубоком past perfect* (А. Битов. Азарт, или Неизбежность ненаписанного. 1997—1998) (ср. также другие битовские примеры: макароническое *паст-перфектум* в начале раздела 3.2 или сконструированное *паст перфект ин зе фьюче* в сноске 4). Кроме того, два из самых ранних хронологически переосмысления названия этой грамматической формы в русском тексте — у Пушкина (7) и Герцена (8) — связаны с французским термином *plus-que-parfait*.

В необычной «карьере» нашего термина важна сама семантическая идея, заложенная в нём, растущая из трактовки как «давнопрошедшего» и/или «предшествования в прошедшем». Прежде чем анализировать примеры из текстов, зададимся вопросом о том, что, собственно, в действительности значит плюсквамперфект в глагольных системах языков мира. В последние десятилетия ему посвящено немало типологических работ. Казалось бы, эти сведения не могут иметь отношения к ассоциативному ряду, которым обрастает книжный термин в русском языке под пером авторов-нелингвистов. И вместе с тем, как мы увидим, типологические данные играют важную роль в данном контексте.

2. Плюсквамперфект с типологической точки зрения

В лингвистической типологии плюсквамперфект — устойчиво отмечаемая в различных языках мира видо-временная граммема [Dahl 1985], обычно возникающая из сочетания перфекта с показателем прошедшего времени (или так называемого «ретроспективного сдвига»). В языках с «согласованием» и «последовательностью времён» западноевропейского типа эта форма передаёт таксисное значение «предшествования в прошедшем», однако типологически наиболее характерно для неё значение «неактуальное прошедшее» («сверхпрошлое»), означающее перенос ситуации в план, не связанный с моментом речи и эксплицитно «разорванный» с ним (см. [Plungian, Auwera 2006; Сичинава 2007] и др.).

В частности, речь может идти:

- об аннулированном результате (*это окно открывали*),
- прекращённой ситуации (*наша деревня была больше*),
- неактуальном «ностальгическом» опыте (*случалось мне покупать это по две копейки*),

- нереальной упущенной ситуации (*если б молодость знала, если б старость могла*)⁸
- ситуации вежливой просьбы (*я бы хотел попросить вас о помощи*) и т. п.

В (литературном) русском языке плюсквамперфект отсутствует по крайней мере с XVI века, когда формы с согласованным вспомогательным глаголом типа *пошелъ былъ* [Петрухин, Сичинава 2006] были вытеснены сочетанием с частицей типа *пошёл было*, сохранившим семантику аннулированного результата / аномального хода ситуации, см. подробнее [Вагентаген 1986; Сичинава 2009] и др. Хотя он сохраняется во многих русских говорах Севера (в диалектах появились и «новые» плюсквамперфектные формы типа *был приходиши*, ср. (33)), в украинском и белорусском языках, а также в большинстве других славянских языков, эти факты неизвестны среднему русскоязычному неспециалисту, не говоря уже о том факте, что соответствующие формы могут называться словом *плюсквамперфект*.

В этой связи оказывается очень интересным, что трактовки «плюсквамперфекта» в лингвистической и ненаучной литературе неожиданно перекликаются с типологическими данными о плюсквамперфекте и его прагматических функциях в языках мира. Эти данные заведомо не известны авторам публицистики и художественных текстов, представляющим себе плюсквамперфект (например, в латыни) как «давнопрошедшее» (классическая школьная традиция) или, гораздо реже, «предшествование в прошедшем» (трактовка, отразившаяся и в некоторых типологических работах XX века, например, [Reichenbach 1947]).

3. «Потерявшиеся в сумерках плюсквамперфекта»: неактуальный анахронизм

В нетерминологических употреблениях слова *плюсквамперфект(ум)* частотнее всего трактовка, связывающая его с «замкнутым временным интервалом» в прошедшем (*past temporal frame*, ср. [Dahl 1985; Squartini 1999]; ср. также типологическую интерпретацию как «сверхпрошлое» и «неактуальное прошедшее»). Подчёркивается разрыв с планом настоящего, необратимость изменений. Нередка идея «анахронизма», резкой неприемлемости и неуместности в текущей ситуации, или, напротив, «ностальгии» (сожаления об этой необратимости). Обычна сочетаемость слова *плюсквамперфект* со словами, указывающими, «где» или «для кого» соответствующая ситуация является неактуальной: *моё плюсквамперфектум, это здесь плюсквамперфект, это для них плюсквамперфект* и т. п.

⁸ Формы славянского сослагательного наклонения типа *пошёл бы* возникли, скорее всего, при участии форм с изначально плюсквамперфектной семантикой [Сичинава 2004; Крысько 2011].

3.1. «*Plusquamperfectum* моей духовной жизни»: до 1930-х годов

Метафорические осмысления слова *plusquamperfectum* / плюсквамперфектум (только с окончанием -ум и практически всегда латиницей) в русском тексте⁹ появляются в середине XIX века. В XIX веке отмечены также метафорические употребления французского термина *plus-que-parfait*. В ранний период нередко встречаются употребления этих терминов в ряду с другими названиями иностранных глагольных времён — назовём такие контексты «**парадигматическими**».

Самый ранний известный нам пример метафоризации данного понятия встретился в краткой альбомной записи, принадлежащей или, по крайней мере, приписываемой А. С. Пушкину и не включённой, насколько нам известно, ни в одно собрание его сочинений, хотя и давно введённой в отечественный научный оборот. Речь идёт о следующем пассаже из воспоминаний О. Н. Оом, внучки А. А. Олениной:

- (7) Зная, как я интересовалась её прошлым, бабушка оставила мне альбом, в котором, среди других автографов, Пушкин в 1829 году вписал стихи «Я вас любил, любовь ещё, быть может...». Под текстом этого стихотворения он в 1833 году сделал приписку: «plusqueparfait — давно прошедшее. 1833». Завещая мне этот альбом, Анна Алексеевна выразила желание, чтобы этот автограф с позднейшей припиской не был предан гласности (Оленина А. А. Дневник (1828—1829) / Предисл. и ред. О. Н. Оом. Париж, 1936).

Оригиналы альбомов, принадлежавших Олениной и её внучке, были утрачены во время революции. К сожалению, существование разнообразной апокрифической пушкинианы, особенно поздней, исходящей от потомков современников поэта, не позволяет принять данное свидетельство со стопроцентной уверенностью. При этом в иной недобросовестности публикатор как будто не замечен, да и не видно особых оснований изобретать приписку с таким смыслом и тоном, которую адресат просил скрыть. Ср. аргументацию изначально весьма скептически настроенной Т. Г. Цявловской: «Но сообщаемое Оом дополнительное сведение, что Пушкин сделал под текстом позднейшую приписку: «plusqueparfait «давно прошедшее» [угловые скобки принадлежат Цявловской. — Д. С.]. 1833», заставляет нас с сугубой осторожностью высказывать наши возражения. В этой помете Пушкин отказывается от своего чувства, говорит, что оно давно прошло. Такие тщеславные и самовлюбленные женщины, как Оленина, никогда не согласятся признать охлаждения к ним чужого чувства. Оленина и не позволяла сообщать в печати эту помету... Самый факт опубликования пометками Олениной подобного текста является речательством за его под-

⁹ Напрашивается поиск источника метафоризации термина во французском (ср. примеры XIX в.) и немецком словоупотреблении; вопрос требует дальнейшего исследования. Ср. также слова Маринетти о русских футуристах (сноска 11).

линность» [Цявловская 1958: 291]¹⁰. Если этот рассказ достоверен, то Пушкину принадлежит своего рода эталонный сверхкраткий метафорический «текст о плюсквамперфекте», состоящий полностью из этого термина (в его французском варианте). Семантика этой пометы («неактуальные, миновавшие времена и чувства») взаимодействует с содержанием более раннего стихотворения, на котором она оставлена («Любовь ещё, быть может, // В душе моей угасла не совсем; // Но пусть она вас больше не тревожит» и т. д.). Что касается русской «гlossы» *давно прошедшее*, то, думается, права Цявловская, заметившая, хотя и без аргументации: «Слова «давно прошедшее» едва ли написаны Пушкиным. Вернее думать, что этот перевод слова «plusqueparfait» сделан О. Н. Оом» [Там же: 290]. Наш анализ метафорического употребления данного термина действительно показывает, что русская глосса станет стандартной спутницей слова *плюсквамперфект(ум)* гораздо позже, уже в советское время (см. 3.2), а первые ее примеры относятся как раз к 1920—1930-м годам, когда запись и была опубликована.

Другой пример переосмысления французского термина (в «парадигматическом» контексте рядом с другим — *prétérit défini*, соответствие современного термина *passé simple*) встретился в отрывках из восьмой части «Былого и дум» А. И. Герцена:

- (8) Затем мы en plein в мире умолкших теноров, потрясавших наши восемнадцатилетние груди лет тридцать тому назад, ножек, от которых таяло и замирало наше сердце вместе с сердцем целого партера, — ножек, оканчивающих теперь свою карьеру в стоптанных, собственноручно вязанных из шерсти туфлях, пошлепывающих за горничной из бесцельной ревности и по хозяйству — из очень целесообразной скупости... (...) Здесь villa Taglioni, там Palazzo Rubini, тут Campagna Fanny Elssner и других лиц... du prétérit défini et du plus-que-parfait. Возле актеров, сошедших со сцены маленького театра, — актеры самых больших подмосток в мире, давно исключенные из афиш и забытые — они в тиши доживают век Цинциннатами и философами против воли (А. И. Герцен. Отрывки из восьмой части «Былого и дум». 1865—1868).

Что касается собственно латинского термина, то первые известные нам его употребления связаны с публицистикой оппонентов западника Герцена — славянофилов братьев Константина и Ивана Аксаковых; отметим,

¹⁰ Ср. аналогичную аргументацию (но уже с более сдержанной оценкой личности Олениной) в популярной статье, вошедшей в Корпус: *Есть подозрение, что именно из-за этой строчки почти восьмидесятилетняя уже Оленина запретила открыть миру свой альбом. Наверное, это как раз по-женски: отвергнуть Пушкина, благосклонно принять «Я вас любил», но не простить этих двух слов — «давно прошедшее»...* (Д. Власов. Первая среди равных // Наука и жизнь, 2006).

что Константин Аксаков был и лингвистом, одним из наиболее крупных русских учёных XIX в. в этой области.

- (9) Давно ли, например, когда раздалась обличительная речь Щедрина, — все были ею захвачены, все были ею полны, ее слушали жадно, эту речь; казалось, вот оно, настоящее слово... А теперь Щедрин есть уже прожитое явление, plusquamperfectum (мы говорим не о таланте его, а о характеристике самых первых его сочинений, наделавших столько шуму); внимание к нему охладело. Конечно, всегда прочтут с любопытством, что он напишет; но жадность прошла. — Откуда же это странное явление? Что это: прожитой литературно момент исторический? Да, прожитой момент (К. С. Аксаков. Наша литература. 1859).
- (10) Надобно признаться, впрочем, что адреса Петербургского дворянства и Думы произвели сильное ощущение (sensation) в здешнем обществе. (...) К тому же нашлись некоторые поляки, живавшие долго в России, во время оно, и как нарочно хранящие об оном времени самую свежую память. Они порассказали кое-что о том, как, бывало, составлялись подобные адреса в прежние годы, и хотя это время perfectum, plusquamperfectum, однако они постарались набросить тень сомнения в действительном значении адресов (И. С. Аксаков. Письма Киселева. Париж, 10 апреля 1863 г.).

В примере из статьи Константина Аксакова метафора развёртывается, причём в различных выражениях — «прожитое явление», «прожитой литературно момент исторический», «внимание охладело», хотя сам грамматический термин ещё не глоссируется и полагается известным читателю. Такой приём в дальнейшем станет очень распространённым. Что касается примера из Ивана Аксакова, то для него, как и для Герцена, метафорика иностранных прошедших времён ещё не стала явлением, привязанным исключительно к плюсквамперфекту; этот грамматический термин Аксаков называет в парадигматическом контексте с названием латинского простого прошедшего perfectum (функционально как раз примерно соответствующего французскому «prétérit défini» у Герцена).

В XX веке ранний и интересный пример принадлежит не кому иному, как В. И. Ленину. В ленинской цитате мы видим одновременно и мотив «анахронизма» («одеревеневшие мумии»), и неодобрительно оцениваемый мотив «ностальгии» («меланхолический взгляд назад»):

- (11) А с другой стороны, вместо лозунга получается описание, вместо бодро призыва идти вперед получается какой-то меланхолический взгляд назад. Перед нами точно не живые люди, которые вот теперь же, сейчас хотят бороться за республику, а какие-то одеревеневшие мумии, которые sub specie aeternitatis рассматривают вопрос с точки зрения plusquamperfectum (В. И. Ленин. Две тактики социал-демократии в демократической революции. 1905).

Название латинской грамматической формы вообще было в ходу в политической публицистике эпохи русской революции. Из других социалистов, например, его впоследствии используют в последнем слове на сталинском процессе Н. И. Бухарин (18) и в мемуарах эсер В. М. Чернов:

- (12) От этой неожиданной речи на меня повеяло воспоминаниями о тех днях наивной веры, когда на меня находил молитвенный экстаз — и в которых для меня был уже plusquamperfectum моей духовной жизни... (Чернов В. М. Записки социалиста-революционера. 1922).

Слово встречается и в историко-литературных контекстах Серебряного века (в том числе уже в эмиграции) с уничижительным «анахронистическим» значением:

- (13) Даже эго-поэты посмеиваются: «Московская фракция Будущего [футуристов] есть фракция Давно-прошедшего, их Futurum есть Plusquamperfectum» (К. И. Чуковский. Кубофутуристы. 1922, цитируемый манифест эгофутуристов относится, судя по контексту, к 1912—1913 гг.)¹¹.
- (14) После прозы Ливия или «Слова о полку» доморощенная проза Чернышевского была жалка. Прочитав страниц восемьдесят, я вернул книгу брату. В тот день я узнал, что в мировой литературе существует свое захолустье. Впоследствии я научился снисходительнее соразмерять свои требования, но «Что делать?» ни разу не мог дочитать до конца. Роман остался в моем сознании образцом литературно-общественного плюсквамперфектума. И уж никак я не ожидал, что почти через двадцать лет после первого знакомства с «Что делать?» доведется мне лично встретиться с его героиней — да еще жить с нею под одной кровлей (В. Ф. Ходасевич. Здравница. 1929).

В предреволюционные годы образ начинает проникать и в художественную литературу и в философскую эссеистику (у Розанова — снова «парадигматический» контекст из целых четырёх временных терминов, с приравниванием plusquamperfectum к perfectum, как и у Аксакова):

- (15) И когда я, как-то, напомнил ему ту весну, Барельеф, Милостивого Государя, он сердито мотнул головой и сказал: — А, батенька, все

¹¹ Практически то же самое сказал о русских футуристах, уезжая из России, и Ф. Маринетти в 1914 г. (цит. в английском переводе по Anna M. Lawton, Herbert Eagle. Russian futurism through its manifestoes, Cornell University Press, 1988): «[these] pseudo-futurists live in plusquamperfectum rather than in futurum». Аналогично атаковали футуристический «мейнстрим» «Гилеи» и другие их конкуренты, претендовавшие на то же звание — поэты группы «Центрифуга», правда, предпочитавшие французскую, а не латинскую грамматическую терминологию: в «Грамоте» Асеева, Боброва и Пастернака 1914 г. «гилейцы» названы «пассеистами».

это ерунда и *plusquamperfectum*! (В.Стражев. Давно-недавно // Утренники. Товарищеский сборник. М., <1909>. С. 101)¹².

- (16) Он лицеист (Москва). Умница. Страсть — Рембрандт и Россини. Пишет. Но что-то «не выходит». Родился до книгопечатания и «презирает жить в веке сем». У него нет *praesens*, а все *perfectum* и *plusquamperfectum*. *Futurum* яростно отвергает (В. В. Розанов. «Опавшие листья. Короб второй». 1915).

В довоенном Советском Союзе подобная лексика, подразумевавшая «старорежимный» общеобразовательный ценз адресата, становится маргинальной и нежелательной в печати, но при этом люди с дореволюционным гимназическим образованием всё же продолжали использовать слово *плюсквамперфектум* (уже нередко кириллицей) метафорически. Может быть, не случайно, что в двух приводимых ниже примерах 1930-х годов мы имеем дело с посланиями жертв, адресованными государственной машине; подобные тексты были существенно менее ограничены стилистически, чем регулярные публикации. Еще два примера — (52) и (62) — мы приводим, в соответствии с их семантикой, в других разделах; они принадлежат «внутренним эмигрантам» Сигизмунду Кржижановскому и Георгию Оболдуеву, произведения которых при их жизни практически не публиковались.

- (17) Один лишь раз, в начале моей известности, было замечено с оттенком как бы высокомерного удивления: «М. Булгаков *хочет* стать сатириком нашей эпохи» («Книгоноша», № 6, 1925 г.). Увы, глагол «хотеть» напрасно взят в настоящем времени. Его надлежит перевести в плюсквамперфектум: М. Булгаков *стал сатириком* как раз в то время, когда никакая настоящая (проникающая в запретные зоны) сатира в СССР абсолютно немыслима (М. А. Булгаков. Письмо Правительству СССР. 1930).
- (18) В нашей стране так называемая *l'âme slave* и психология героев Достоевского есть давно прошедшее время, плюсквамперфектум (Н. И. Бухарин. Последнее слово обвиняемого на процессе «право-троцкистского блока». 1938).

Характерно, что в предсмертной речи Бухарин уже «гlossирует» используемый им термин — приём, который станет обычным в послевоенное время (см. ниже); к тем же 1930-м годам, вероятно, относится и глосса «давно прошедшее» к пушкинской записи, сделанная в эмиграции внучкой А. А. Олениной (7). Одна из частей фантазмагорического романа «несозвучного эпохе» и быстро забытого советского писателя Сергея Заяицкого «Жизнеописание Степана Александровича Лососинова» (1928) называется «Давнопрошедшее (*plusquamperfectum*)», также с глоссой. Следует отме-

¹² Интересно, что здесь в паре с *plusquamperfectum* выступает слово *ерунда*, по одной из расхожих версий (см. раздел 1.2.) образованное от *gerundium*; скорее всего, автор не имел этого в виду.

титель, что это название «парадигматическое» и входит в ряд двух других таких же: «Прошедшее совершенное (perfectum)» и «Прошедшее несовершенное (imperfectum)», то есть для Заяицкого, как в своё время для Герцена, Аксакова или Розанова, схожее метафорическое переосмысление не привязывалось только к плюсквамперфекту. Любопытно, что современный литературовед академик А. В. Лавров в статье о Заяицком [Лавров 2012] замечает, что в круг занятий его героя входили *«исторические, историко-филологические и искусствоведческие штудии (преимущественно на материале «Давнопрошедшего. Plusquamperfectum», как называется одна из частей романа Заяицкого о Лососинове)»*, безошибочно выбирая из трёх подзаголовков романа именно тот, метафорическое употребление которого к нашему времени прочно закрепилось в языке.

Вот пример из языка человека самого младшего дореволюционного поколения, не прошедшего через советский опыт — историка-эмигранта С. А. Зеньковского, приехавшего в Ленинград в 1970-е годы в качестве интуриста и делящегося впечатлениями в письме другому эмигранту, своему примерному ровеснику поэту И. В. Чиннову. Значение, в котором употреблено слово — «примета давнего времени, уже ни для кого не актуальная (в данном случае — как знак чего-то враждебного советской власти)»:

- (19) ...в СПб отдыхаю — есть знакомые, много встреч и разговоров. Город, я думаю, самый красивый в мире и сохранился таким, каким был в 1914 году. Даже кое-где на мостах и памятниках снова восстановлены орлы двуглавые — но это здесь plus quam perfectum и никто не обращает на это особенного внимания.

При публикации этого текста (в сборнике переписки Чиннова под редакцией О. Ф. Кузнецовой «Письма запрещённых людей», М., 2003) возникла курьёзная ситуация. Публикатор решил откомментировать слова plus quam perfectum и сделал к ним сноску: «Дополнительные усовершенствования (*лат.*)». По-видимому, такой результат мог получиться только при самостоятельном обращении к латинско-русскому словарю и при незнании грамматики этого языка. Этому поспособствовало и нестандартное раздельное написание латинского термина, использованное Зеньковским, из-за которого стал возможен такой пословный перевод: тем самым почти вскрылась внутренняя форма термина «более чем совершенное / совершённое [действие]»¹³.

¹³ Такое семантическое развитие (ср. шуточный перевод французского названия «более, чем безукоризненно» в сноске 5) возможно и всерьёз. Например, в английском языке слово *pluperfect*, обозначающее в научном контексте плюсквамперфект в разных языках мира (в том числе Past Perfect в английском), имеет также значение, никак не связанное с неактуальностью или вообще с семантикой этого времени и ориентированное именно на значение прилагательного *perfect* ‘совершенный’ — ‘наиболее совершенный’, ‘выраженный в наивысшей степени’, ‘максимальный’.

Спустя 10 лет похожий (хотя и не столь разительный) курьёз произошёл с известным поэтом Полиной Барсковой и литературоведом Т. С. Поздняковой, комментаторами дневника родившейся в 1902 г. С. К. Островской (Новое литературное обозрение. М., 2013; на этот пример указал нам В. А. Плунгян). Здесь к словам автора (запись от 26 марта 1936 г.): «Так, должно быть, и со мною: некая бытность в *plusquamperfectum*. Наисовершеннейшая форма прошедшего, вопреки всей грамматической логике, делящаяся в настоящем, причем настоящее это весьма сомнительно и носит в себе некоторые признаки значительной условности» (с. 153) дана следующая удивительная сноска (с. 633): «От лат. *plus quam perfectum* — “больше, чем перфект”, т. е. “больше, чем совершенное”; иногда (! — Д. С.) в смысле “давнопрошедшее”, “предпрошедшее”». Отметим, что это слово встречается в дневнике Островской неоднократно, ср.: «Пролетающий изредка мирный самолет будит своим гудением бессознательное чувство опасности, которое мозг сразу же относит ко времени *plusquamperfectum*» (запись от 2 сентября 1945 г.), причём, как видно из примеров, с колебанием между немецким *-k-* и латинским *-c-* (если здесь нет опечаток).

Несмотря на эти красноречивые свидетельства забвения классической грамматической терминологии в (пост)советское время, это слово в данном метафорическом значении вновь стало употребляться именно в позднесоветский (с 1960-х годов) и особенно активно в постсоветский период.

3.2. «Никак его не вытащишь из этих первых пятилеток»: позднесоветский период

В позднесоветских метафорических примерах по-прежнему используется, как и в дореволюционных и эмигрантских, вариант с конечным *-um*: *плюсквамперфектум*. Однако латиницей он больше не записывается: уже в 1930-е годы начался процесс освоения данного варианта как элемента русского словаря. Морфологические характеристики этой лексемы еще не ус-

---

симальный’. Ср. в Британском национальном корпусе пример *a pluperfect realisation of Bartok’s Second Violin Concerto*. В американском английском это слово часто употребляется в пейоративных контекстах. Так, например, в «Молчании ягнят» Т. Харриса мы видим достаточно изысканное ругательство *What a pluperfect asshole* (в русском переводе И. Бессмертной и И. Данилова — «Настоящий мешок с дерьмом»); неоднократно встречаются в текстах также сочетания *pluperfect hell*, *pluperfect fool* и т. д. При этом существуют и метафорические употребления английского *pluperfect*, вполне аналогичные русским. Например, *The first half of the novel is curiously uneventful: births, deaths, couplings are looked back upon in a kind of remote, pluperfect time by Marianna as she sits by a sickbed or suffers insomnia* или *So he made no comment. He was always afraid that if the conversation proceeded into a danger zone, she might bring up things he didn’t want to talk about, their own sad pluperfect* (примеры из Корпуса американского английского СОСА). Французский термин *plus-que-parfait* также каламбурно обыгрывается в языке рекламы как «более чем совершенный» (благодарим за указание Н. М. Заику).

тоялись: она могла быть несклоняемой (*личное знакомство с плюсквамперфектум*, (36)) или склоняемой (*будешь плюсквамперфектумом*, (25)), в том числе встретилось нестандартное склонение (типа *Христос*) с морфемой *-ум* только в номинативе (одушевлённое употребление, о человеке: Им. ед. *плюсквамперфектум*, но Вин. ед. — *этого плюсквамперфекта*, (21)). Обычно это слово мужского рода (*вам только один плюсквамперфектум нравится* (20)), но засвидетельствован и пример (у П. Жаткина), где сохраняется свойственный латыни средний род (*моё плюсквамперфектум*, (24)). Что касается сильнее русифицированного варианта *плюсквамперфект*, то в этот период, судя по данным Google Books, он был зарезервирован за собственно грамматическим термином и соответствующей специальной литературой, где, в свою очередь, вариант с *-ум* практически не употреблялся¹⁴. Таким образом, в советское время финальное *-ум* стало как бы лексическим маркером, отделяющим «школьное» и «метафорическое» употребления, с одной стороны, от «научного» употребления, с другой. Показательно, например, что Андрей Битов употребляет в метафорическом контексте фантомную, макароническую форму, где к английскому названию прибавлено латинское *-ум*: *⟨...⟩ эти часы до сих пор позванивают в прошлом времени, звуковой паст-перфектум, и как-то напоминают мне ⟨...⟩ что на «хрустальном облаке Петербурга», с внутренней стороны колпака были тоже пятна голубой эмали ⟨...⟩* (А. Битов. Фотография Пушкина. 1980—1990). При этом «школьный» / «метафорический» вариант выглядел с морфологической точки зрения более экзотическим, а «научный» — более освоенным (см. выше, раздел 1). Как мы уже видели (там же), лексикография фиксирует только «научный» вариант. Нам известно одно обсуждение разницы между формами с *-ум* и без в контексте метафоризации — но не в научной работе, а на Интернет-форуме игроков в интеллектуальные игры, см. подробнее в разделе 3.3.

Характерным для метафорического круга употреблений в новой культурной ситуации является нередкое авторское глоссирование термина «плюсквамперфект»: в этом случае авторы, по-видимому, уже (ещё) не рассчитывают, что читатели свободно его опознают. При таком глоссировании это слово, как мы уже видели выше в примерах (13) и (18), так или иначе «переводится» на более понятный советскому читателю язык, причём для перевода могут использоваться как славянский грамматический термин *давно( )прошедшее время* (в слитном или раздельном написании), так и различные авторские интерпретации, представляющие для исследователя наибольший интерес. Если в начале века при употреблениях данного слова (которое обычно не комментировалось) имелись в виду, несом-

¹⁴ Вариант *плюсквамперфектум* кириллицей в лингвистических работах встретился нам только в книге «Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол» (1963) Г. Д. Санжеева (неспециалистам он известен как адресат одного из «ответов» Сталина в ходе дискуссии о марксизме в языкознании в 1950 г.).

ненно, классические языки, то в описываемый период в тех случаях, когда речь заходит о конкретных языках, конкуренцию латыни составляет прежде всего привычный в советском школьном преподавании немецкий язык, а один раз (в украинской повести) упоминается старославянский. С семантической точки зрения советские контексты, как и досоветские, не слишком разнообразны: речь идёт в основном об анахронизмах и безвозвратно ушедших событиях.

До 1960-х годов нам встретился только один изолированный, зато очень важный, послевоенный советский пример метафорического употребления слова *плюсквамперфект(ум)*: даже не в литературе в собственном смысле слова, а в таком массовом виде искусства, как кино, причём эпохи позднесталинского «малокартинья». Речь идёт о фильме «Смелые люди» (1950), сценаристы которого — известные драматурги Н. Р. Эрдман и М. Д. Вольпин, «звёздный час» которых пришёлся на 1920-е годы, а творческий тандем в кино сложился в 1930-е; личности авторов непосредственно связывают данный текст с предшествующей эпохой. В «Смелых людях» уже налицо типовая для 1960—1980-х годов (и даже позже, ср. эссе И. Фаликова) схема введения данного слова в текст: автор или герой-резонёр оглашает цитату из учебника с определением, а затем применяет это слово к какому-нибудь конкретному жизненному явлению — в данном случае к идее «несозвучности советской эпохе». В «Смелых людях» *плюсквамперфект(ум)* становится одним из (полукомических) лейтмотивов образа главной героини, занимающейся в «кружинязе» немецким языком:

- (20) [Надя Воронова] (с учебником в руках, повторяет по памяти) Плюсквамперфектум, плюсквамперфектум¹⁵. Давно прошедшее. Употребляется для обозначения прошедшего законченного действия... законченного действия, которое произошло раньше также уже прошедшего действия, причём первое действие является причиной второго действия¹⁶. (...) [Воронов] Ох уж этот ваш Маяковский. [Надя Воронова] Ну да, конечно, вы всё современное не признаёте. Вам только один плюсквамперфектум нравится. [Воронов] Чего-чего? [Надя Воронова] Плюсквамперфектум, давно прошедшее. Даже Вася и то говорит, что вы консерватор.

¹⁵ Отметим, что Надя произносит [пл'усквмпэрфэктум] (иногда с приглушённым, но несомненно читающимся по губам финальным -ум), в то время как в другой сцене чуждый каким бы то ни было иностранным языкам директор конного завода, зачитывая вслух попавшую к нему по ошибке страничку из Надиного конспекта, выговаривает [пл'усквмп'и'рф'экт], адаптируя и «снижая» его и фонетически, и морфологически.

¹⁶ Источники этих анонимных определений из «учебников» нуждаются в дополнительных разысканиях. Идея непрерывной причинно-следственной связи между двумя событиями, выраженными плюсквамперфектом и другим прошедшим временем, в «научном» контексте не часта, а в «школьном» тем более.

В 1962 году Н. Волжина и Е. Калашникова опубликовали перевод «Зимы тревоги нашей» Стейнбека (см. выше, раздел 1), где метафоризации нет, а просто обыгрывается «учёное» звучание привнесённого переводчицами термина. В том же году в повести Бориса Полевого «На диком берегу» появляется метафорический *плюсквамперфектум*, тоже в контексте «несозвучности эпохе» и тоже с вводящей ссылкой на немецкий язык; Полевой повторяет апелляцию к немецкому и в своих записках о войне «Эти четыре года».

- (21) Опять воспитывал этого... Ну, как это по-немецки-то будет... Ну, давно прошедшее время?... — Плюсквамперфектум? — Вот-вот, этого плюсквамперфекта... Трудно, очень трудно поддается. Простейших современных истин не хочет понимать. Упрямейшее существо, никак его не вытащишь из этих первых пятилеток (Б. Полевой. На диком берегу // Знамя. 1962).
- (22) Форменные шаровары давно, как говорят немцы, плюсквамперфектум — разлезлись на коленях и сзади, и я шеголяю в ватных штанах (Б. Полевой. Эти четыре года: из записок военного корреспондента. М., 1974 — ср. эту же формулу *как говорят немцы* в (45)).

Отметим также очень ранние украинские советские примеры: роман Ю. Смолича «Театр невідомого актора» (1959, см. выше, сноска 7, где тоже только обыгрывается звучание), а также повесть из журнала «Дніпро» (1963) с такой же мизансценой, как в фильме «Смелые люди» (любопытно, что об украинском плюсквамперфекте, который тоже называется *давно( )минулий час*, героиня даже не вспоминает, возможно, потому что он, как и соответствующая белорусская форма, в советское время был достаточно ограниченно признан в нормативной грамматике):

- (23) Дівчина сіла на плиті, глянула на годинник: — Завтра у цей час ми провалимось на екзамені. Зітхнувши, дістала підручник, читає: — В старослов'янській мові, крім минулого часу, існував давно минулий час. Плюсквамперфектум <...> Несподівано — з печаллю прозріння: — І скажуть колись про нас: «Такі були молоді. Горіли. Плюсквамперфектум вчили... І самі стали — плюсквамперфектум».

Не приходится удивляться, что и уже упоминавшийся мемуарный текст П. Жаткина о Всеволоде Иванове (1968) выстроен по отработанной схеме — приводится анонимное определение из «учебника» и даётся переход к личной судьбе:

- (24) «Преждепрошедшее или предпрошедшее время выражает действие, законченное до наступления другого прошедшего действия...». Так говорит учебник латинского языка. Годы, о которых я собираюсь рассказать — моё плюсквамперфектум.

Интересен пример (25), рассчитанный на то, что аудитория уже знакома с латинской или немецкой системой грамматической терминологии; здесь,

как в XIX — начале XX века, «парадигматически» использовано другое название времени — в данном случае *praesens* ‘настоящее время’:

- (25) Назовем хотя бы Презента, юриста по образованию, одно время поставленного Трофимом [Лысенко] деканом сразу двух (!) биологических факультетов — МГУ и ЛГУ. Вот тогда на стене нашего доброго старого здания на Моховой я увидел написанную мелом фразу: «Презент, Презент! Когда ты будешь плюсквамперфектом?» (И. Шкловский. Эшелон. 1984, опубл. 1989; описываемый эпизод относится к концу 1940-х годов).

В 1960—1970-е годы метафорическое употребление слова *плюсквамперфектум*, уже с меньшим числом комментариев, появляется у самых разных советских писателей, крупных и второстепенных, а также проникает даже в литературоведческий текст:

- (26) — Слушай, старпом, нет ли у тебя чего-нибудь такого антисептического?.. — Нашел у кого спрашивать. Живешь на базе... — И-и, голубчик! Все это плюсквамперфектум. На базе сейчас институт благородных девиц. Из крепких напитков только чай (А. Крон. Дом и корабль. 1964; действие романа происходит в 1941—1942 гг.).
- (27) Про Германа забудьте. Герман — это давно прошедшее прошлое. Плюсквамперфектум. — Хорошо, про Германа постараюсь забыть (Ю. Трифионов. Бесконечные игры: о спорте, о времени, о себе. М., 1989 (время написания 1960-е—1981)).
- (28) Слегка захмелевший Жорик — Олин однокурсник и поклонник — все продолжал вспоминать про тот воскресный день, когда Оля и Герман приезжали к нему в гости под Можайск. И, вероятно, юноша говорил бы еще долго, если бы его несколько резковато не прервала Ольга: — Жорик!.. Довольно... Это все плюсквамперфектум. И никому не интересно... (Тайник / Огонёк. № 5. 1970).
- (29) За смутной, неуловимой дымкой времени мерцает вообще былое, минувшее, светлый плюсквамперфектум. Вопреки собственным усилиям, некогда; направляемым на некоторое ослабление «мира сладких мечтаний», теперь Бунин заставляет громче звучать именно его элегическую струну (Русская литература XX века: дооктябрьский период. М., 1973. Т. 4. С. 14).
- (30) — Память — штука несовершенная. Давно уж очень было, ох как давно... Слишком много произошло после... Плюсквамперфектум.... <...> Санокская хроника уже не плюсквамперфектум, многое преломляется через нее, причастно к ней (В. Кардин. Открытый фланг: документальные повести. М., 1975).
- (31) — Ну что вы! — вяло отозвалась она. Всё это времена давно прошедшие. плюсквамперфектум (А. Спешнев. Триптих. М., 1981).

3.3. «*Может быть, разгадка российской истории заключена в слове плюсквамперфект*»: *постсоветский период*

На исходе советской эпохи, в 1989 году, мода на переносное значение слова *плюсквамперфектум*, напомним, стала уже заметной для лингвистики и отразилась в работе В. К. Харченко. Но особо частотными такие употребления (как и использование этого слова в ненаучном контексте вообще) становятся уже в постсоветское время. Возможно, это следует связать с объяснением Александра Кушнера, см. пример (55): *в такие пограничные времена обостряется интерес и тяготение к плюсквамперфекту, давнему прошедшему*. Не случайно сильное оживление «ностальгических» мотивов (34, 38, 47), в частности, обыгрывание ставшего популярным фразеологизмом названия фильма Станислава Говорухина *Россия, которую мы потеряли* в (43). В этот же период, помимо стандартной «неактуальной» метафоризации, активизируются контексты, связанные просто со значительной временной дистанцией или с ирреальными трактовками (см. разделы 4 и 5), причём последние также не исключают «ностальгического» оттенка.

Появившееся в 1999 году пессимистическое эссе Ильи Фаликова, озаглавленное «Плюсквамперфектум», ещё построено по классической схеме советского «текста о плюсквамперфекте» — цитата из анонимного учебника (правда, в отличие, например, от очерка Жаткина 1960-х годов, не в начале, а в середине текста, что уже указывает на более высокий уровень предполагаемого читателя) и собственные интериоризированные комментарии автора. Оно интересно (с точки зрения типологических данных) демонстрирует, как из трактовки «предшествования в прошедшем» (цитируемый «учебник латинского языка» не идентифицирован) полностью самостоятельно, без обращения к типологии языков мира и работам Даля или Сквартини, вырастает теория «замкнутого временного интервала» в прошлом. При этом автор, открыто декларирующий «метафоризирующий» подход, выходит на достаточно глубокие обобщения, связанные с судьбой поколения (в частности, поэтического):

- (32) “Plusquamperfectum (прошедшее время [sic. — Д. С.] означает действие законченное, совершившееся раньше другого действия, относящегося к прошлому” (учебник латинского языка). Если метафоризировать — что это означает применительно к поэзии?

У меня есть сильное ощущение, что все мы живем внутри глагола прошедшего времени, которое закончилось, но — раньше другого действия. Другое действие распознается по тем признакам, которые уже существуют¹⁷. Мы балансируем между законченным и другим. Но в том-то и дело, что в поэзии нет ничего законченного.

¹⁷ Отметим, что это фаликовское определение «другого действия» вполне точно соответствует типологическому определению перфекта (ср. [Dahl 1985] и другие работы о перфекте).

Поэзия — постоянное саморазвитие. Здесь другое время... (И. Фаликов. Плюсквамперфектум // Арион. 1999. № 1).

Другое программное эссе на эту тему, автором которой является Игорь Померанцев, озаглавлено «Был помнивши» — русской (новой) диалектной формой плюсквамперфекта. Оно соединяет в себе «ностальгическую» метафоризацию (слово *плюсквамперфект* применено к эмигрантскому творчеству Бунина, ср. (29), (61)) и перетекающие из типологии в философию рассуждения об отсутствии плюсквамперфекта в русском языке, напоминающие модные лингвистические представления о «картине мира». Эссе заслуживает пространной цитаты:

- (33) Может быть, разгадка российской истории заключена в слове *плюсквамперфект*. В его отсутствии. В латинском языке плюсквамперфектом называют предпрошлое время. Образуют его посредством вспомогательного глагола. Вставил такой глагол-«жучок», и ты уже в прошедшем, канувшем в прошлое. Такие «жучки» до сих пор точат английский, немецкий, французский. Были они когда-то и в русском, но источились. В старых книжках остались лишь просторечия вроде «он был привыкши». Грамматику приходится восполнять лексикой: «помню, бывало...» или «давным-давно...». Этот грамматический недобор или, если угодно, грамматический романтизм дорого обходится носителям языка. Их история никак не становится историей; как упрямая страница в новенькой книге, не переворачивается; рвется в настоящее. Нет на нее, российскую историю, грамматической узды. А вот в русской жизни плюсквамперфект случается. Классический пример — эмиграция. Зрелая проза Бунина и Шмелева — двух Иванов, очаровательно помнящих родство, — написана как бы в предпрошлом. Очарование их прозы в этом «как бы», в грамматической недосказанности (И. Померанцев. Был помнивши / И. Померанцев. По шкале Бофорта. // Urbi: Литературный альманах. Выпуск десятый. СПб., 1997. С. 117—118).

В постсоветский период в метафорическом контексте численно уже начинает явно преобладать «научная» форма без конечного *-um* с предсказуемыми морфологическими характеристиками — *плюсквамперфект* (хотя и форма на *-um*, в том числе латиницей, не исчезает); встречается, чего раньше не было, также термин в немецкой орфографии без *-um* (*Plusquamperfekt*). Другим признаком освоения становится то, что это слово существенно реже глоссируется в тексте при помощи слов «давнопрошедшее» или подобных; переход к метафоре происходит более непосредственно.

- (34) И тут звонит ни больше ни меньше как Саня Годорович. Я бы сказал — ниоткуда: вот уж кого никогда нигде никаким боком не бы-

- ло, разве что в плюсквамперфекте, что, как известно, выражает полную смерть когда-то бывшего (А. Найман. Славный конец бесславных поколений. 1994).
- (35) Не буду темнить — плюсквамперфект, факты вчерашнего дня. И апелляция к ним не от хорошей жизни. Если и ретро, то вынужденное. С подтекстом. С надеждой — на что? На молодых реформаторов, естественно (Л. Теракопян, «Расстыковка» / Дружба народов. 1998).
- (36) Я много думал о нём, и он приходил ко мне. — Гоголь?! — Да... напряжением мысли видел его наяву и в снах. — Интересно... Личное знакомство с давно прошедшим, с плюсквамперфектом... Он должен быть руками и глазами в сегодняшнем дне, в нашей эпохе... а не в плюсквамперфектом (Юность. 1994).
- (37) И Бог как чистый Дух, и абстрактный ум-разум Науки и Техники — встречаются в Ноо-сфере, минуя «слова, слова, слова» художественной литературы, оставляя ее где-то внизу, как рудимент и плюсквамперфект (Г. Гачев // Знамя. 2000).
- (38) Дача: клубничное жаркое детство, / плюсквамперфект, почти мезозой¹⁸, / гений: ребенок с геном злодейства / хищно охотится за стрекозой (И. Кабыш // Дружба народов. 2000).
- (39) Межевые распри — это не «плюсквамперфектом», это наше настоящее и, возможно, будущее (Е. Козырева. Дамская охота. 2001).
- (40) Это пройденная жизнь, пройденный этап, плюсквамперфект, ушедшее время (А. Васильев. Континент. 2002).
- (41) Московские взрывы стали (разумеется, не для родственников погибших) таким же академическим плюсквамперфектом, как и, скажем, проблема, был ли Ленин немецким шпионом (Неприкосновенный запас. 2002).
- (42) Те, чья жизнь была сопричастна полувековой истории культуры двух столиц, с горечью назовут десятки имен, щедро одаренных ярким талантом, но потерявшихся в сумерках плюсквамперфекта... (З. Плавинская. Отражение // Интернет-альманах «Лебедь». 2003.07.28).
- (43) А кроме всего прочего, Древняя Русь для обитателей нашей Российской Федерации — plusquamperfectum, Русь, которую мы потеряли (А. Ранчин // Новое литературное обозрение. 2003).
- (44) Образовательные стандарты перегружены плюсквамперфектами, перегружены специальной информацией, которая не должна входить в ядро общего образования (Е. Бунимович. Фурсенко закончил школы // Новая газета. 2005).

¹⁸ Отметим, что уже в 1989 году, *avant la lettre*, В. К. Харченко рассматривает метафорические употребления слов *плюсквамперфектом* и *мезозой* на одной странице [1989: 23].

- (45) Впрочем, все это уже, как говорят немцы, Plusquamperfekt, давно прошедшее... (Г. Николаев. Вещие сны тихого психа // Звезда. 2002) (ср. эту же формулу *как говорят немцы* у Б. Полевого, (22)).
- (46) Офелия не имеет никакого значения для развития характера Гамлета, она для него — Plusquamperfekt, поэтому и в сюжете она может с равным успехом как присутствовать, так и отсутствовать: ее глупоговорение ничего не добавляет пьесе (Ю. Буйда. Щина // Знамя. 2000).

Метафорические употребления слова *плюсквамперфект(ум)*, тоже обычно уже без какого-либо пояснения, в большом количестве представлены в блогах и социальных сетях начала XXI века, наряду, разумеется, со «школьными» контекстами в дневниках студентов и преподавателей и даже попытками философски осмыслить типологию языков в духе цитировавшегося эссе Померанцева: *Кроме того, в русском градации времяобразования недостаточно развиты — например, в итальянском несколько будущих и несколько прошедших; также [sic] во многих европейских. Тут, вероятно, связано с письменной историей — в России плюсквамперфектум не очень-то нужен, если уже дедушек своих мы помним плохо. А про будущее и говорить не приходится — какое на хрен будущее...* (Живой журнал, 2011). Вот характерные примеры из Интернет-коммуникации (сохраняем орфографию и пунктуацию оригиналов):

- (47) Все, что было так обаятельно в нашей общей повседневности, по напечатанию кажется блеклым и грустным — нищета и принужденность советского литературного быта здесь выползает на первый план. А очарование плюсквамперфекта, когда любой «засохший, безуханный» фактик трогает сердце, — еще не сформировалось (Живой журнал, 2005).
- (48) Несмотря на обилие в ФВ idiotских репостов, ЖЖ с его интерфейсом и ориентированностью на текст выглядит плюсквамперфектом (Живой журнал, 2013).
- (49) Здравый смысл просто, Эрдоган [премьер-министр Турции] похоже уже плюсквамперфектум, и нужно приспособливат(ь)ся к данной реальности (Твиттер, 2013).
- (50) Вся жизнь его, весь многообразнейший опыт общения с прекрасным полом (даже в тех случаях, когда сей эпитет безнадежный плюсквамперфект) научили его, что почтение это последнее, чего женщина ждет от мужчины (forum-people.ru/, 2013).

«Одинаковая неактуальность различных давних событий и полное безразличие к ним» — вот примерно какой образ стоит за словом *плюсквамперфект*, употребленном в 2012 г. (к 200-летию Отечественной войны 1812 г.) в дискуссии на Facebook:

- (51) [Участник 1:] Из олимпиадного сочинения (...): «И тогда Кутузов вскричал: “Ребята! Велика Россия, а позади Москва — отступить

некуда!» И ещё — из этого же текста: «Многие русские женщины, как Наташа Ростова, готовы были продать свои драгоценности, живя под лозунгом: всё для фронта, всё для Победы!» Вот такая каша в головах у бедных детей. Боюсь, что это системное... :(

[Участник 2:] Увы, для них это все плюсквамперфект...

Именно в Интернете, на форуме игроков в интеллектуальные игры (типа «Что? Где? Когда?» или «Своей игры») нам встретилось едва ли не единственное обсуждение метафоризации слова *плюсквамперфект* в контексте разницы между вариантами с конечным *-ум* и без него. В 2004 году (<http://www.wowwi.org.ru/cgi-bin/casino/forum.cgi?page=1637>) там обсуждался вопрос, предложенный участницей с ником Ольга_С, который выглядел так:

Тема: ... ква...

Вопрос: Это время глагола давно стало нарицательным. В смысле «дела давно минувших дней»...

Подсказка: Полатинистее, пожалуйста

Ответ: ПЛЮСКВАМПЕРФЕКТУМ

Здесь мы видим, наряду с уже знакомым нам набором мотивов (оссиановско-пушкинская парафраза, внимание к отрезку *-ква-*), еще и метаязыковую рефлексию — осознание того, что термин давно стал «нарицательным» (то есть метафоризируется), а также не встретившуюся в лингвистической литературе совершенно верную мысль о том, что для метафорического употребления нужна более «латинистая» форма с конечным *-ум*. Интересно и то, что вопрос вызвал протесты других участников форума, указавших на то, что в словарях встречается только форма *плюсквамперфект*, а также контраргументы, в том числе со ссылкой на уже знакомые нам примеры (письмо Булгакова, перевод Стейнбека, эссе Фаликова).

Итак, метафорическое употребление слова *плюсквамперфект* в значении «неактуальные события давнего временного интервала», «анахронизм», «предмет ностальгии» пережило советскую эпоху и предстаёт в современном языке уже привычным и широко освоенным. Однако у этого термина есть и другие, более редкие метафорические употребления, которые мы ниже также разберём.

4. «Из глубины плюсквамперфектума»: временная дистанция и её переосмысление

В ряде примеров, на наш взгляд, у слова *плюсквамперфект(ум)* преобладает значение «давнопрошедшего», то есть чистой временной дистанции без идеи неактуальности:

- (52) Пафос монархии, особенно абсолютистской, всегда направлен на прошлое. Монархии опираются на плиты могил, с их «сын сына сына»; заслуги предков — взамен дел живущих; генеалогическое древо, растущее ветвями вспять и выставившее корень в пустоту. Во время закрепления таких династий появляются угодливые историки и поэты-эпики, пишущие медленными размерами бесконечные шах-намэ, то есть описи царей и деяний. Такого рода дастаны, поэмы царей обычно обрываются вместе со смертью эпика, не успевающего дойти из глубины плюсквамперфектума до настоящего времени. И новый преемник, подобрав последний стих, длит шах-намэ дальше (С. Д. Кржижановский. Салыр-Гюль. 1933).

В современных текстах трактовка в русле временной дистанции (иногда с подчёркнутой актуальностью давних событий) проявилась разве что в нескольких примерах, где наш термин всюду эксплицитно «гlossирован» как «давнопрошедшее время»:

- (53) Ну, первая промышленная революция — это понятно, это давно прошедшее, так сказать, плюсквамперфект. Конец XVIII — начало XIX века. Символ — паровая машина. Суть — механизация производства. Социальные последствия весьма значительные и общеизвестные (И. Бестужев-Лада. Прогноз на завтра // Студенческий меридиан. 1985. № 9).
- (54) И вышло так, что хотя с Нюрой жил он очень коротко в каком-то давно прошедшем плюсквамперфекте, с тех пор ничего о ней не слышал и сам ей ни разу не написал, а не было у него на свете существа более близкого, чем она (В. Войнович. Замысел. 1999).
- (55) Стихи, продиктованные близостью нового тысячелетия (в такие пограничные времена обостряется интерес и тяготение к плюсквамперфекту, давнему прошедшему) (А. Кушнер. «С Гомером долго ты беседовал один...» (2001) // Звезда. 2003).

Тем не менее само использование глоссы «давно( )прошедшее», как мы уже неоднократно видели выше, не исключает именно трактовки неактуальности и анахроничности:

- (56) Так написать об истории мог лишь человек, живущий в середине века XX-го и прекрасно понимающий, что массовидность тоталитарных режимов этого века — не настоящее, а плюсквамперфект, давно прошедшее, и нет за этим не только будущего, но и права на реинтерпретацию (Н. Полтавцева. «Исторична ли история?» // Знамя. 1997).

Отметим в этом разделе, что наряду с «высоколобыми» эссе и прозой, слово *плюсквамперфект* уже осваивает даже ориентированный на массо-

вого читателя детектив. В данных примерах оно выступает в форме с -ум, с канонизированным в советский период комментарием-гlossированием при помощи слова «давнопрошедший» и одновременной метафорикой неактуального прошедшего. Ср. также пример из детектива Е. Козыревой «Дамская охота» (39).

- (57) Саша Маневич шел-шагал по Москве, по проспекту, название которого для приезжего с берегов Невы звучит как «плюсквамперфектум», как знак из давно прошедшего времени. Он шел по Ленинградскому проспекту и втихую завидовал жителям столицы (М. Баконина. Школа двойников. 2000).
- (58) — Савин стратег, каких мало, — вступился, хоть и понимал, что безнадежно, Забелин. — Никто так рынок не промаркетит. Умник редкий. — Именно что. А мне умники не нужны, я сам умник. Мне умницы требуются. И неожиданно закончил: — Как ты. — Я-то теперь плюсквамперфектум — давно прошедшее время (С. Данилюк. Рублевая зона. 2004).

5. «Пространство сказки»: ирреальность

Интересна трактовка плюсквамперфекта в рамках понятийного аппарата «возможных миров», широко используемого в лингвистике для объяснения ирреальных употреблений плюсквамперфекта типа *If I had come, I would see that* [Dahl 1997; Плунгян 2004], применительно к русскому языку (наследующая плюсквамперфекту конструкция с частицей *было*) механизм «возможных миров» использован, например, в работе [Kagan 2011]. В следующем примере за такую трактовку ответственен сам автор рецензируемого произведения — Юрий Малецкий; сам же рецензент Гаврилов прибавил к ней лишь каламбурное обыгрывание внешней формы слова *плюсквамперфект* (см. выше, раздел 1).

- (59) В другом месте романа сказано о вероятности существования сказочных драконов: «Мы имеем дело с областью прошлого, а в “прошлом”, в отличие от “настоящего”, все бывает на правах равно возможного». Одно слово, «плюсквамперфект» (этим грамматическим термином поименованы все главки про Акопа, его фабрику и Владиков) (А. Гаврилов, рец.: Ю. Малецкий. Проза поэта. // Новый мир. 2000. № 1).

В нижеследующих примерах плюсквамперфект ассоциируется с «пространством сказки», «игрой воображения», что можно соотнести с широко представленной в языках мира тенденцией развития у плюсквамперфекта ирреальных, пересказывательных значений. Характерно использование в соответствующих контекстах глаголов *перенести, перевести*:

- (60) Но игры Анны Андреевны — иные: Нет, ни в шахматы, ни в теннис,/ То, во что с тобой играют,/ Называют по-другому,/ Если нужно называть... Перевести эти игры в плюсквамперфект, приписать их игре воображения не удастся (А. Кушнер. // Новый мир. 2000. № 2).
- (61) Еще в 1920-е Бунин перенес эту реальную Россию в пространство сказки, используя плюсквамперфект (рассказ «Косцы») (Е. Пономарёв // Вопросы литературы. 2004).

Вспомним, что «светлый плюсквамперфектум» и «мир сладких мечтаний» для характеристики ностальгического творчества Бунина — почти общее место (29), (33), здесь автор делает следующий шаг и превращает эту картину в «сказочную». Ирреальный оттенок имеет «плюсквамперфектум» (снова с глаголом *перевести!*) и в письме Михаила Булгакова правительству, когда он говорит о невозможности «стать сатириком нашей эпохи» в СССР (17).

6. «Давайте-ка споём о самом главном»: лирическое отступление

Особняком среди изученных нами примеров в разных отношениях стоит первое употребление нашего термина в стихах — до 2000-х годов другие стихотворные примеры нам неизвестны. Автор этого текста — почти не печатавшийся при жизни поэт Георгий Оболдуев, успевший получить «старое» филологическое образование; его поэма «Я видел» (примерная датировка — 1941—1952) входит в поэтический подкорпус НКРЯ (на нее указал нам И. А. Ахметьев):

(62) И вот теперь, когда
 В восьмом заезде
 Восходит череда
 Моих созвездий,
 Опять ввожу с эффектом
 (Ну, и напорист!)
 Чуть не plusquamperfectum
 В quasi аорист?

Смысл этого неожиданного употребления сразу двух грамматических терминов («парадигматический контекст», см. выше) становится ясен только при обращении к произведению в целом. Поэма Оболдуева, как и многие более известные произведения этого жанра, представляет собой эпический рассказ о событиях из жизни персонажей, перемежаемый лирическими отступлениями. Данное отступление находится в начале восьмой главы («восьмого заезда»): «Привычным нам стихом, // пусть своенравным, // давайте-ка споём // о самом главном...», после окончания отступ-

ления автор вновь обращается к судьбам своих героев. Таким образом, «плюсквамперфект» здесь выступает как символ дискурсивной функции отхода от основной линии повествования, от классического нарратива, выражением которого (например, в древнегреческом или старославянском) является именно аорист. Именно такая функция («дигрессия») характерна для плюсквамперфекта типологически (ср. [Плунгян 2004] и указанную там литературу).

7. Выводы

Мы проследили историю употребления слова *плюсквамперфект(ум)* в нелингвистических русских текстах XIX века — от легко расшифровываемого читателем термина гимназической латыни через советский период трудного повторного освоения этого образа к современному периоду, когда *плюсквамперфект*, почти утративший конечное *-ум*, беспрецедентно часто встречается в публицистике, художественной литературе, коммуникации в Интернете, причём уже выработались и воспроизводятся определённые формулы и штампы, сопровождающие это слово от автора к автору (вводное цитирование учебника; обыгрывание внешней формы; глоссирование при помощи слова *давнопрошедшее; как говорят немцы; это для него (здесь) плюсквамперфект; перенести/перевести в плюсквамперфект; дела давно минувших дней*; применение данного слова к творчеству Бунина и т. п.).

Значения и коннотации, в которых употребляется слово *плюсквамперфект*, демонстрируют нетривиальные схождения с данными грамматической типологии. Они представляют большой интерес как материал для исследования механизмов метафоризации и прагматического осмысления грамматических категорий — как у наивных носителей языков мира, где плюсквамперфект есть, так и у весьма искушённых литераторов, носителей русского языка, где плюсквамперфекта нет. Изученный нами материал, где преобладают интерпретации, связанные с «замкнутыми временными интервалами», как представляется, может служить аргументом в пользу защищаемой Б. Комри [Comrie 1985] и С. Г. Татевосовым [Майсак, Татевосов 2001] точке зрения, согласно которой значения плюсквамперфекта имеют «имплицатурную» природу. С их точки зрения, типологически устойчивая полисемия плюсквамперфекта может быть связана с прагматической имплицатурой, вытекающей из некоторого изначального значения (может быть, именно «давнего прошедшего»). Вместе с тем такая имплицатура, по-видимому, в принципе не может «предсказывать» весь представленный в языках мира ряд частных значений плюсквамперфекта, вроде семантики ирреального условия или вежливой просьбы (хотя и «предсказывает» ирреальность как таковую). Схождения между этими механизмами напоминают, что в каких-то отношениях *minds think alike* — вовсе не обязательно *great minds*.

Л и т е р а т у р а

- БАС — Словарь современного русского литературного языка. М., 1948—1965.
 БАРС — Большой академический словарь русского языка. СПб., 2004—
- Евгеньева 1951 — А. П. Е в г е н ь е в а. Сочетание «жили-были» в сказочном зачине // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880—1944). Сб. статей. Л., 1951. С. 165—174.
- Крысько 2011 — В. Б. К р ы с ь к о. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь-февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М., 2011. С. 798—837.
- Кураш 2012 — С. Б. К у р а ш. Фрагмент корпусного исследования концепта «метафора»: метафора и её антиподы // Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина. Вып. 2. Гомель, 2012. С. 63—67.
- Лавров 2012 — А. В. Л а в р о в. С. Заяицкий — корреспондент Максимилиана Волошина // Toronto Slavic Quarterly. № 40. P. 182—205.
- Майсак, Татевосов 2001 — Т. А. М а й с а к, С. Г. Т а т е в о с о в. Ядерные формы глагольной парадигмы // А. Е. Кибрик (ред.-сост.). Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М., 2001. С. 345—366.
- Петрухин, Сичинава 2006 — П. В. П е т р у х и н, Д. В. С и ч и н а в а. «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 193—214.
- Плунгян 2004 — В. А. П л у н г я н. О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Исследования по теории грамматики, 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 273—291.
- Сичинава 2004 — Д. В. С и ч и н а в а. К проблеме происхождения славянского условного наклонения // Исследования по теории грамматики, 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 292—312.
- Сичинава 2007 — Д. В. С и ч и н а в а. Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков: Материалы круглого стола, М., 2007. С. 102—130.
- Сичинава 2009 — Д. В. С и ч и н а в а. Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с было по корпусным данным // К. Л. Киселёва и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М., 2009. С. 362—396.
- СУМ — Словник української мови: в 11 т. Т. 6. Киев, 1975.
- Харченко 1989 — В. К. Х а р ч е н к о. Переносные значения слова. Воронеж, 1989.
- Цявловская 1958 — Т. Г. Ц я в л о в с к а я. Дневник А. А. Олениной // Пушкин: Исследования и материалы. М.; Л., 1958. Т. 2: С. 247—292.
- Черных 1993 — П. Я. Ч е р н ы х. Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1993.
- Barentsen 1986 — A. A. B a r e n t s e n. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics. Amsterdam, Vol. 8. 1986. P. 1—68.
- Comrie 1985 — B. C o m r i e. Tense. Cambridge, 1985.
- Dahl 1985 — Ö. D a h l. Tense and Aspect Systems. Oxford, 1985.
- Dahl 1997 — Ö. D a h l. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). On Conditionals Again. Amsterdam, 1997. P. 97—114.

- Kagan 2011 — O. Kagan. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // *Linguistics and Philosophy*/ 2011. Vol. 34. P. 57—84.
- Plungian, Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* — Language typology and universals. Vol. 59 (2006). 4. P. 317—349.
- Reichenbach 1947 — H. Reichenbach. *Elements of Symbolic Logic*, N.Y., 1947.
- Squartini 1999 — M. Squartini. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // *Linguistic Typology*. 3. 1999. P. 51—89.

References

- Barentsen 1986 — A. A. Barentsen. The use of the particle БЫЛО in modern Russian // *Dutch Studies in Russian Linguistics*. Amsterdam, Vol. 8. 1986. P. 1—68.
- BARS — Bolshoy akademicheskii slovar russkogo yazyka. St-Peterburg, 2004—.
- BAS — Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. Moskva, 1948—1965.
- Chernykh 1993 — P. Ya. Chernykh. *Istoriko-etimologicheskii slovar russkogo yazyka*. Moskva, 1993.
- Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge, 1985.
- Cyavlovskaya 1958 — T. G. Cyavlovskaya. *Dnevnik A. A. Oleninoy // Pushkin: Issledovaniya i materialy*. Moskva; Leningrad, 1958. T. 2: S. 247—292.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford, 1985.
- Dahl 1997 — Ö. Dahl. The relation between past time reference and counterfactuality: a new look // A. Athanasiadou, R. Dirven (eds.). *On Conditionals Again*. Amsterdam, 1997. P. 97—114.
- Evgenyeva 1951 — A. P. Evgenyeva. Sochetaniye «zhili-byli» v skazochnom zachine // *Pamyati akademika Lva Vladimirovicha Shcherby (1880—1944)*. Sb. statey. Leningrad, 1951. S. 165—174.
- Kagan 2011 — O. Kagan. The actual world is abnormal: on the semantics of the *bylo* construction in Russian // *Linguistics and Philosophy*/ 2011. Vol. 34. P. 57—84.
- Kharchenko 1989 — V. K. Kharchenko. *Perenosnyye znacheniya slova*. Voronezh, 1989.
- Krysko 2011 — V. B. Krysko. Morfologicheskiye osobennosti zhitiynoy chasti Sofiyskogo prologa // *Slavyano-russkiiy Prolog po drevneyshim spiskam. Sinaksar (zhitiynaya chast Prologa kratkoy redakcii) za sentyabr-fevral. T. II: Ukazateli. Issledovaniya*. Moskva, 2011. S. 798—837.
- Kurash 2012 — S. B. Kurash. Fragment korpusnogo issledovaniya koncepta «metafora»: metafora i yeye antipody // *Kompyuternaya lingvistika: nauchnoye napravleniye i uchebnaya disciplina. Vyp. 2*. Gomel, 2012. S. 63—67.
- Lavrov 2012 — A. V. Lavrov. S. Zayaickiy — korrespondent Maksimiliana Voloshina // *Toronto Slavic Quarterly*. № 40. P. 182—205.
- Maysak, Tatevosov 2001 — T. A. Maysak, S. G. Tatevosov. Yadernyye formy glagolnoy paradigmy // A. Ye. Kibrik (red.-sost.). *Bagvalinskiy yazyk. Grammatika. Teksty. Slovare*. Moskva, 2001. S. 345—366.
- Petrukhin, Sitchinava 2006 — P. V. Petrukhin, D. V. Sitchinava. «Russkiy plyuskvamperfekt» v tipologicheskoy perspektive // *Verenica liter: K 60-letiyu V. M. Zhivova*. Moskva, 2006. S. 193—214.

Plungian, Auwera 2006 — V. A. P l u n g i a n, J. van der A u w e r a. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung — Language typology and universals. Vol. 59 (2006). 4. P. 317—349.

Plungian 2004 — V. A. P l u n g i a n. O kontrafakticheskikh upotrebleniyakh pluskvamperfekta // Issledovaniya po teorii grammatiki, 3: Irrealis i irrealnost. Moskva, 2004. S. 273—291.

Reichenbach 1947 — H. R e i c h e n b a c h. Elements of Symbolic Logic, N. Y., 1947.

Sichinava 2004 — D. V. S i t c h i n a v a. K probleme proiskhozhdeniya slavyanskogo uslovnogo nakloneniya // Issledovaniya po teorii grammatiki, 3. Irrealis i irrealnost. Moskva, 2004. S. 292—312.

Sichinava 2007 — D. V. S i t c h i n a v a. Dva areala sverkhshlozhnykh form v Evrazii: slavyanskiy pluskvamperfekt mezhdru Zapadom i Vostokom // Arealnoye i geneticheskoye v strukture slavyanskikh yazykov: Materialy kruglogo stola, Moskva, 2007. S. 102—130.

Sichinava 2009 — D. V. S i t c h i n a v a. Stremitsya presekati na kornyu: russkaya konstrukciya s bylo po korpusnym dannym // K. L. K i s e l e v a i dr. (red.) Korpusnyye issledovaniya po russkoy grammatike. Moskva, 2009. S. 362—396.

Squartini 1999 — M. S q u a r t i n i. On the semantics of pluperfect: evidences from Germanic and Romance // Linguistic Typology. 3. 1999. P. 51—89.

SUM — Slovník ukraínskoi movi: v 11 t. T. 6. Kiev, 1975.

Резюме

В статье анализируются метафорические употребления русского слова *плюсквамперфект(ум)* в нелингвистическом контексте, в основном в художественной литературе и публицистике XX—XXI вв. Показана близость ассоциаций, возникающих при осмыслении этого термина нелингвистами, с типологическими данными о семантике плюсквамперфекта в языках мира.

Ключевые слова: плюсквамперфект, терминология, метафора, грамматическая семантика.

Статья получена 19.06.2013

DMITRI V. SITCHINAVA

«ALAS, ALL THIS IS JUST PLUPERFECT FOR THEM»: A LINGUISTIC TERM AS A LANGUAGE METAPHOR

The paper presents metaphorical uses of the Russian word *pluskvamperfekt(um)* ‘Pluperfect’ as an image of literature and journalism during different periods. It is shown that the semantic associations of this word in non-linguistic contexts are strikingly close to the typology of the pluperfect semantics in the languages of the world.

Keywords: pluperfect, linguistic terms, metaphor, grammar semantics.

Received on 19.06.2013

А. А. КОЗЛОВ

К ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ СТАРОСЛАВЯНСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ХОТѢТИ / ИМѢТИ С ИНФИНИТИВОМ¹

Процесс развития грамматических показателей будущего времени из глаголов со значениями ХОТЕТЬ, ИМЕТЬ, ИДТИ и т. д. — один из самых популярных сюжетов современной теории грамматикализации; кроме классических работ [Bybee, Dahl 1985; Bybee et al. 1994], отметим хотя бы [Fleischman 1982; Heine 1994; Майсак 2005].

Предмет нашего исследования — старославянские конструкции с вспомогательными глаголами *хотѣти* / *имѣти* и инфинитивом основного глагола — представляет собой, в сущности, начальный этап грамматикализации будущего времени. Авторы традиционных описаний ([Селищев 1952; Вайан 1952] и др.) указывают, что наиболее распространённым способом референции к будущему в старославянском были формы финитного презенса:

- (1) ѡще бо и **поидѣ** посрѣдѣ сѣни съмрътъныѣ не **убоюѣ** сѣ зѣла ѣко ты съ мноюѣ юси [Син Пс 22:4].
ἐὰν γὰρ καὶ **πορευθῶ** ἐν μέσῳ σκιάς θανάτου οὐ **φοβηθήσομαι** κακὰ ὅτι σὺ μετ' ἐμοῦ εἶ.
Nam et si **ambulavero** in valle umbrae mortis, non **timebo** mala, quoniam tu mecum es.
Если я **пойду** и долиною смертной тени, не **убоюсь** зла, потому что Ты со мной².

¹ Работа поддержана грантом РФФ № 14-18-02624 «Диакронически нестабильные аспектуальные категории». Автор бесконечно признателен В. А. Плуныну за советы и постоянную поддержку на всём протяжении исследования и работы над статьёй.

² Для примеров из Библии мы даём вместе со старославянским текстом соответствующие места из греческого Нового Завета / Септуагинты и Вульгаты, используя для этого современные богослужебные тексты (используемый нами греческий текст в интересующих нас отношениях устроен так же, как и текст, реконструированный А. А. Алексеевым [Алексеев 2002]). Русский текст в примерах из Нового Завета и Псалтири основан на Синодальном переводе, который уточнён в релевантных для темы исследования местах. Греческие и латинские тексты даются по [PROEL], греческие соответствия текстам из Супрасльской рукописи по [Viprbaum 1958].

Вместе с тем, если верить описаниям, футуральную референцию могли иметь также обе интересующие нас конструкции — как конструкция с *хотѣти*:

- (2) оучителю. когда оубо си бжджть. и что есть знамение егда **хотать** си **быти**. [Мар Лк 21:7]
 διδάσκαλε πότε οὖν ταῦτα ἔσται καὶ τί τὸ σημεῖον ὅταν **μέλλῃ** ταῦτα **γίνεσθαι**;
 Praeceptor, quando ergo haec erunt, et quod signum, cum **feri incipient**?
 Учитель! когда же это будет? и какой признак, что это **произойдёт**?

так и конструкция с *имѣти*:

- (3) иди елико имаши продаждь и даждь ништиимъ и **имѣти** имаши съкровиште на нѣбсхъ [Зогр Мк 10:21].
 ἐν σε ὑστερεῖ ὑπάγε ὅσα ἔχεις πώλησον καὶ δὸς τοῖς πτωχοῖς καὶ ἔξεις θησαυρὸν ἐν οὐρανῷ.
 vade, quaecumque habes, vende et da pauperibus et **habebis** thesaurum in caelo.
 Всѣ, что имеешь, продай и раздай нищим, и **будешь иметь** сокровище на небесах.

Кроме этого, референция к будущему времени была возможна у конструкций с глаголами на *-чати*, аналитических форм *futurum exactum* (конструкции типа *бждж + -лъ*) и некоторых других более редких выражений, которые мы в настоящей статье рассматривать не будем.

Как известно (ср. [Маслов 1956; Kuteva 2000]), в современном болгарском языке вспомогательные глаголы *хотѣти* и *имѣти* развились в аналитические показатели будущего времени. С типологической точки зрения парадигма болгарского футурума выглядит достаточно необычно: она «склеена» из двух частей — форма без отрицания восходит к *хотѣти*-конструкции, форма с отрицанием — к *имѣти*-конструкции:

БОЛГАРСКИЙ

- (4) Искайте, и **ще** ви **се даде**; търсете, и **ще намерите**; хлопайте, и **ще** ви **се отвори** [ББ Мф 7:7].
 Просите, и **дано будет** вам; ищите, и **найдете**; стучите, и **отворят** вам.
- (5) Лукав и прелюбодееен род иска личби; но личба **няма да му се даде**, освен личбата на пророк Иона [ББ Мф 12:39].
 Род лукавый и прелюбодейный ищет знамения, но знамение **не будет дано** ему, кроме знамения пророка Ионы.

В современном болгарском языке есть и другие потомки старославянских «околофутуральных» форм. Конструкция *има да V* передаёт *внешнюю необходимость*:

- (6) Висш американски представител добави, че НАТО има да свърши още много работа в БиХ [БНК].
 Высший американский представитель добавил, что НАТО **придётся сделать** ещё многое в Боснии и Герцеговине.

Конструкция *цях да V*, восходящая к *хотѣти*-конструкции в форме имперфекта, имеет значения *будущего в прошедшем*, *контрфактивного вывода* в условной конструкции и *авертива* ‘имела место подготовительная фаза ситуации, но не сама ситуация’ (это значение примерно — но не точно — соответствует русскому *чуть было не*). В примере (7) успешное решение проблемы готовилось, но так и не было достигнуто:

- (7) Един успех **щеше да бъде** и важно постижение за изпълнения с проблеми мандат на Кофи Анан като генерален секретар на ООН. <...> Все пак бариерите, които са възпрепятствали постигането на споразумение в продължение на десетилетия, се оказаха прекалено трудни за прескачане [БНК].
 Успех **оказался бы** и одним из важнейших результатов, достигнутых в течение наполненного проблемами пребывания Кофи Анана на посту генсека ООН. <...> Однако барьеры, преграждавшие путь к улаживанию дела десятилетиями, оказалось сложно преодолеть.

Цель этой работы — как можно более точно, используя в том числе и данные современной грамматической типологии, описать значения *хотѣти*- и *имѣти*-конструкций в старославянских памятниках. Более внимательный взгляд на эту промежуточную стадию грамматикализации болгарского будущего может быть полезен и для понимания причин такого нетривиального её результата.

Для этих конструкций мы предлагаем следующие семантические ярлыки: для *хотѣти*-конструкции — значение ПРОСПЕКТИВА, для *имѣти*-конструкции — значение БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ С УСИЛЕННОЙ АССЕРЦИЕЙ.

1. Хотѣти-конструкция: старославянский перспектив

1.1. Экскурс: немного о перспективе вообще

Судьба перспектива как теоретического понятия довольно сложна: хотя о существовании такого грамматического значения стало известно довольно рано, работы, посвящённые детальному семантическому анализу перспектива хотя бы внутри какого-нибудь конкретного языка, — насколько нам известно — до сих пор отсутствуют. Поэтому перед тем, как перейти к собственно старославянскому материалу, мы сочли уместным изложить основные существующие в литературе точки зрения относительно сущности этого значения, а также некоторые наши собственные наблюдения и умозаключения.

Обычно термин *проспектив* или *проксиматив* (последний скорее в традиции Б. Хайне) применяют к конструкциям вроде англ. *X is going to V*, *X is about to V*, фр. *X va V* или лат. *X V-urus est*; существование подобных или схожих значений засвидетельствовано во многих языках мира, см. напр. [Nevskaya 2005] о тюркских, [Heine 1994] о языках Африки, [Маслова 2004] о юкагирском и т. д.

Впервые слово *prospective* для описания аспектуального значения употребил Б. Комри в известной книге «Aspect» — одном из первых исследований, специально посвящённых типологии аспектуальных значений [Comrie 1976]. Комри пишет о проспективе так: «...prospective forms, where a state is related to equally subsequent situation, for instance where someone is in a state of being about to do something».

Впервые выделены два главных компонента значения проспектива — некоторого рода *состояние* и следующая за ним *ситуация*; остаётся непонятным главное — то, как они в точности должны быть «связаны» (related); английское выражение *to be about to* сам Комри далее приводит в качестве примера выражения проспективной семантики, так что, строго говоря, в его работе значение проспектива остаётся без определения.

Теоретико-семантическое описание проспектива (впрочем, не слишком подробно) даёт В. Клейн в работе [Klein 1994]. Клейн определяет проспектив следующим образом: «Прспектив: время ассерции включает в себя момент высказывания и предшествует времени ситуации». ³ Далее делается важное уточнение: отношения времени ассерции и времени высказывания могут быть и другими, то есть проспектив, как обычное видовое значение, может свободно сочетаться с граммемами и прошедшего, и будущего (что бывает, однако, реже) времени.

В. Клейн не обходит вниманием известный путь грамматикализации конструкций типа английской *X is going to V*: «перифрастическая» конструкция → проспектив → будущее. Будущее время, по Клейну, отличается от проспектива тем, что время ассерции находится **после** момента высказывания и включает в себя время ситуации; отличие же перифрастической конструкции (lexical future, источник грамматикализации проспектива) в том, что время ассерции включает в себя дополнительное значение, часто модальное. Получается, что состояние, предшествующее ситуации, никак не специфицировано и никак не связано с этой ситуацией. По мнению Клейна, мы можем взять любой отрезок временной шкалы, предшеству-

---

³ Поясним основные теоретические понятия, используемые Клейном: *время ситуации* — это весь отрезок временной шкалы, в течение которого имеет место ситуация, называемая глаголом; *время ассерции* — отрезок временной шкалы, относительно которого говорящий делает утверждение. Разнообразные значения категории вида получаются в результате того, что время ассерции (называемое иногда другими авторами *окном наблюдения*) чаще всего не совпадает с временем ситуации и «выхватывает» те или иные фазы ситуации.

ющей ситуации, и описать его проспективной конструкцией — а это попросту неверно (странно было бы ожидать граммему проспектива в предложениях типа *Через два года, если меня не завалят на экзаменах, я **поступлю** в колледж*).

Интуитивно кажется разумным решение, принятое, например, в работах [Dik 1994]; [Smith 1991/1997] или [Плунгян 2011]: кроме начальной, конечной и срединной фазы идеальная модель ситуации включает ещё две стадии — *результатирующую* и *подготовительную*. Результатирующую стадию ситуации маркирует хорошо изученное аспектуальное значение результата; предлагается считать, что проспектив каким-то симметричным образом маркирует «подготовительную» стадию. В данной статье нами предложен следующий способ развития такого анализа проспектива.

Заметим, что срединная и результирующая фазы ситуации связаны каузальной связью: если *кто-то выкопал яму*, то получается, что *яма выкопана*; по причине того, что *Мэри нарисовала единорога*, *единорог* оказывается *нарисован*. Обычно срединная фаза ситуации представляет собой динамическое изменение свойств её участников, а результирующее состояние (как и вообще любое состояние) — период относительной стабильности этих свойств. Естественно, что *динамическая* ситуация может влечь за собой как следствие *стабильное* результирующее состояние. Однако перенести это же каузальное отношение на «подготовительную» фазу не удаётся, так как она по определению должна иметь место до самой ситуации. Сама подготовительная фаза в общем случае также не бывает причиной ситуации: *стабильное* состояние не может внезапно повлечь за собой *динамическое* изменение свойств.

Несмотря на то, что каузальной связи между «подготовительной» фазой и самой ситуацией нет, первая концептуализуется как *часть* второй. По нашему мнению, это происходит потому, что они часто встречаются вместе: вообще как единая сущность обычно концептуализуется то, что часто бывает соположено в опыте воспринимающего мир человека.

Эти отношения можно формализовать с помощью понятия *вероятности*: если имеет место «подготовительная» стадия ситуации, то с большой вероятностью будет иметь место сама ситуация. Обратное неверно, потому что у ситуации может быть сколь угодно много вариантов подготовительных стадий; например, французское предложение (6) с проспективной конструкцией *X va V* —

ФРАНЦУЗСКИЙ

(8) Je **vais quitter** la terre, ce séjour des douleurs.

Я **покидаю** / **скоро покину** землю, эту юдоль скорби.

— может быть произнесено на смертном одре во время блаженной кончины в окружении родственников, у костра на аутодафе, перед началом заведомо неравного боя и т. д. При этом как импликатура возникает дополнительный компонент близости ситуации во времени (если по состоянию

участников мы можем предсказать наступление ситуации с близкой к единице вероятностью, то, скорее всего, оно произойдёт уже скоро).

В этом смысле можно сказать, что проспектив *беден дескриптивными свойствами* — в отличие от результата, он ничего не сообщает нам о конкретных физических свойствах ситуации, которую он описывает. В языках мира обычно существует большой класс предельных глаголов, в лексической семантике которых кроме дескриптивных характеристик самой ситуации однозначно заданы характеристики её результирующего состояния. Граммема результата выводит это состояние на поверхность: предложение *Доска исцарапана* означает совершенно определённые физические свойства доски. В случае с проспективом ситуация устроена принципиально иным образом: в известных нам языках нет глаголов, однозначно специфицирующих «подготовительную» фазу ситуации, а значит, информация о том, что именно происходит в момент времени, описываемый проспективной конструкцией, каждый раз возникает прагматически.

Из предложенного выше анализа следует и другой вывод: семантическая структура проспектива очень близка к значениям из зоны модальности. От значения *необходимости* ('X должен V') проспектив, в сущности, отличается лишь тем, что вероятность наступления ситуации при данном состоянии не просто высока, а почти равна единице (поэтому состояние и концептуализуется как собственная часть ситуации). Это сходство является причиной другого: проспектив претерпевает те же самые семантические сдвиги, что и модальные значения *par excellence*.

Как известно (см. [Palmer 1986; Bybee et al. 1994; Plungian, van der Auwera 1998; Nuyts 2006]), обычно история модального показателя начинается со значения *внутренней модальности*, описывающей состояние потенциального участника ситуации ('X-у нужно V'); далее следует почти универсальный метонимический переход к значению *внешней модальности*, означающей состояние не участника, а мира, который его окружает ('X-у придётся V'). Следующий семантический переход приводит нас к значению *эпистемической модальности* — говорящий утверждает, что ситуация имела, имеет или будет иметь место с той или иной вероятностью. Естественно, что «величина» вероятности обычно сохраняется на всём пути семантического развития — возможность остаётся возможностью, необходимость необходимостью; например, французский глагол *pouvoir*, имевший первоначально значение внутренней возможности, сейчас достиг стадии возможности эпистемической.

То же самое верно и для проспектива: в зависимости от того, что является субъектом состояния, соответствующего «подготовительной» фазе ситуации, имеет смысл выделять *внутренний проспектив* (описывающий состояние *участника*, выраженного подлежащим проспективной конструкции) и *внешний проспектив* (состояние *мира* вокруг этого участника). Так как вероятность наступления грядущей ситуации, закодированная в значении проспектива, близка к единице, то естественно, что последней, «эпистемической» стадии развития у него соответствует просто будущее время.

Отметим, что последний переход — от внешней модальности к эпистемической — неэлементарен: он представляет собой целую цепь разнородных процессов, из-за чего на поверхности мы получаем большое количество промежуточных стадий (см. [Traugott 1989, 2010; Gamon 1994; Nordlinger, Traugott 1997] и др.). Для проспектива одной из таких стадий, важной для описания старославянского материала, является значение *предестинативного проспектива* ('X-у суждено / предстоит V'). Во фрейме этого значения присутствуют и «подготовительная» фаза, и грядущая ситуация, однако сложно сказать, что из них находится в окне ассерции, которое, собственно, находится в процессе «переноса» с первого на второе; при этом как «подготовительная» фаза осмысливается не какое-либо определённое положение дел, а ненаблюдаемые метафизические свойства мироустройства. В силу того, что на протяжении всего существования мира его метафизика остаётся в общем неизменной, высказывание типа *X-у суждено V* будет верным на любом отрезке временной шкалы от её левого конца до ситуации V — «подготовительная» фаза на этом этапе развития значения становится максимально неконкретной и размытой⁴.

Все разновидности проспективного значения объединены тем, что некое состояние, в котором «зреет» грядущая ситуация, является собственным компонентом значения, а не возникает как импликация. Поэтому употребление граммы проспектива невозможно в главном предложении (аподосисе) условной конструкции (*Если P₁, то P₂*): существование ситуации, которая однозначно предсказывается по наличному положению вещей, не может зависеть от какой-то иной ситуации в будущем.

1.2. Значения *хотѣти*-конструкции в старославянских памятниках

Греческие соответствия обсуждаемых конструкций удобно представить в виде следующей таблицы:

Греческие тексты	Старославянские памятники
синтетические формы с референцией к будущему	финитный презенс
<i>μέλλω</i> -конструкция	<i>имѣти</i> -конструкция
	<i>хотѣти</i> -конструкция

Как можно видеть, нормальным греческим соответствием *хотѣти*-конструкции является аналогичная конструкция с глаголом *μέλλω*. Для этого

⁴ Закономерно, что подобное поведение на позднем этапе развития обычно обнаруживает грамматическое значение *перфекта*: ситуация в прошлом уже не влечёт за собой конкретного физического состояния, а имеет для участников речевого акта лишь *прагматическую релевантность*: налицо схожий эффект «размывания» результирующего состояния.

правила есть три класса исключений: во-первых, в значении желания глагол *хотѣти* соответствует греческому глаголу θέλω; во-вторых, конструкциями типа *хотѣи прѣдати* (как в примере 20) обычно передаются греческие причастия будущего времени; в-третьих, есть несколько исключений, связанных с собственно проспективным значением *хотѣти*-конструкции, речь о которых будет идти ниже.

В памятниках хорошо зафиксирован исходный этап семантического развития *хотѣти*-конструкции — значение *желания*; в этом случае она переводит сочетание греческого глагола θέλω с (синтаксически необязательным) инфинитивом:

- (9) мытарь из далече стоѣ. **не хотѣаше** ни очию възвести на небо [Мар Лк 18:13].
 ὁ δὲ τελώνης μακρόθεν ἐστὼς **οὐκ ἤθελεν** οὐδὲ τοὺς ὀφθαλμοὺς ἐπᾶραι εἰς τὸν οὐρανόν.
 Et publicanus a longe stans **nolebat** nec oculos ad caelum levare.
 Мытарь же, встав в отдалении, **не желал** и глаз поднять на небо.
- (10) аште **хоштеши** можеши ма иштитити [Мар Мк 1:40].
 ἐὰν **θέλης** δύνασαι με καθαρίσαι.
 Si **vis**, potes me mundare.
 Если **хочешь**, можешь меня очистить.

Следующий класс употреблений — значение *намерения*, которое, вообще говоря, не равно желанию: ирреальная ситуация становится не только объектом желания, т. е. некоего эмоционального состояния протаганта, но и объектом его воли (об этом различии см., в частности, [Шатуновский 1996]). По-гречески это значение всегда передаётся μέλλω-конструкцией.

- (11) і посьла ѣ по двѣма прѣдъ лицемъ своимъ. въ всѣкъ градъ и мѣсто. ѣможе **хотѣаше** самъ **ити** [Мар Лк 10:1].
 καὶ ἀπέστειλεν αὐτοὺς ἀνὰ δύο δύο πρὸ προσώπου αὐτοῦ εἰς πᾶσαν πόλιν καὶ τόπον οὗ **ἤμελλεν** αὐτὸς **ἔρχεσθαι**.
 et misit illos binos ante faciem suam in omnem civitatem et locum, quo **erat ipse venturus**.
 И послал их по два перед Собой во всякий город и место, куда Сам **собирался идти**.
- (12) Ἰ̅с же разоумѣвъ ѣко **хотѣтъ прити** да възхытѣтъ і и сѣтворатъ ц̅ср̅ѣ. отиде паки въ горж ть единъ [Мар Ин 6:15].
 Ἰησοῦς οὖν γνοὺς ὅτι **μέλλουσιν ἔρχεσθαι** καὶ ἀρπάζειν αὐτὸν ἵνα ποιήσωσιν βασιλέα ἀνεχώρησεν πάλιν εἰς τὸ ὄρος αὐτὸς ὀμόνος.
 Iesus ergo, cum cognovisset quia **venturi essent**, ut raperent eum et facerent eum regem, secessit iterum in montem ipse solus.
 Иисус же, узнав, что **собираются прийти**, взять Его и сделать царем, опять удалился на гору один.

- (13) воєвода же всѣдѣ въ корабѣ **хотѣаше прѣйти** къ антинополи [Супр 150, 12-14].
καὶ ὁ ἡγεμὼν ἐμβὰς εἰς πλοῖον **ἔμελλε διαπερᾶν** ἐπὶ τὴν Ἀντινόπολιν.
Воевода, сев на корабль, **намеревался достигь** Антинополя.

Стабильно обнаруживается у *хотѣти*-конструкции и *собственно проспективное значение*; интересно, что в этом случае в греческом мы часто видим не μέλλω-конструкцию, а разнообразные формы с прогрессивным значением. Вообще, различие между значением проспектива и значением прогрессива (в особенности от моментальных предикатов) — отдельная интересная тема, которой мы не касаемся (ср. обсуждение конструкций типа *X was reaching the summit* в [Smith 1991/1997]).

- (14) бысть боурѣ вѣтрѣна велиѣ. вѣлны же вливахъ сѧ въ ладияхъ. ꙗко юже **погразнѣти хотѣаше** [Мар Мк 4:37].
καὶ γίνεται λαίλαψ μεγάλη ἀνέμου καὶ τὰ κύματα ἐπέβαλλον εἰς τὸ πλοῖον ὥστε ἤδη **γεμίζεσθαι** τὸ πλοῖον.
Et exoritur procella magna venti, et fluctus se mittebant in navem, ita ut iam **impleretur** navis.
И поднялась великая буря; волны били в лодку, так что она уже **наполнялась** водою.

Никольское евангелие даёт в этом месте дословный перевод: *ꙗко юже погрозжати се еи* ([Ник] по [SJS 1994]).

- (15) съ слышавъ како исоусъ приде отъ иѣудеі въ галилеѣхъ. и иде къ нѣмоу и молкаше и да сънидеть исцѣлѣть сынъ юго. **хотѣаше бо оумрѣти** [Остр Ин 4:47].
οὗτος ἀκούσας ὅτι Ἰησοῦς ἦκει ἐκ τῆς Ἰουδαίας εἰς τὴν Γαλιλαίαν ἀπῆλθεν πρὸς αὐτὸν καὶ ἠρώτα ἵνα καταβῆ καὶ ἰάσηται αὐτοῦ τὸν υἱὸν **ἦμελλεν γὰρ ἀποθνήσκειν**.
Hic, cum audisset quia Iesus advenerit a Iudaea in Galilaeam, abiit ad eum et rogabat, ut descenderet et sanaret filium eius; **incipiebat enim mori**.
Он, услышав, что Иисус пришел из Иудеи в Галилею, пришел к Нему и просил Его прийти и исцелить сына его, который **был при смерти**.

Глаголические евангелия в этом месте дают вариант *ѡѣ бо оумираѧ*.

- (16) и прѣди текъ възлѣзе на сѣкомориѣхъ. да видѣть і. ꙗко тждѣ **хотѣаше мимо ити** [Асс Лк 19:4].
καὶ προδραμὼν εἰς τὸ ἔμπρο-σθεν ἀνέβη ἐπὶ συκομορέαν ἵνα ἴδῃ αὐτόν ὅτι ἐκείνης **ἦμελλεν διέρχεσθαι**.
Et praecurrens ascendit in arborem sycomorum, ut videret illum, quia inde **erat transiturus**.
И *⟨Закхей⟩*, забежав вперёд, влез на смоковницу, потому что Он **должен был пройти** мимо неё.

В примере (16) глагол *хотѣти* управляет контролируемым предикатом, поэтому у всей конструкции может быть усмотрено и значение намерения. Тем не менее, мы считаем собственно проспективную интерпретацию предпочтительней: в данном отрывке «фокус эмпатии» рассказчика находится несомненно на стороне Закхея, мы «видим» разворачивающуюся ситуацию его глазами. Ожидать в таком контексте проспектив вполне естественно, при том что намерение Христа не было непосредственно доступно наблюдению Закхея. Заметим, что в переводах этого места на новые европейские языки выбираются конструкции со значением эпистемической необходимости ('с высокой вероятностью ожидалось P'): *Ему надлежало проходить мимо неѣ* (Синодальный перевод), *he was to pass that way* (King James' Bible), *poiché doveva passare di là* (Conferenza Episcopale Italiana), *parce qu'il devait passer par là* (Louis Segond). Для следующих примеров мы также предлагаем не интенциональное, а собственно проспективное прочтение:

- (17) въ тѣ оубо день събираѣштоу сѧ народоу и **хоташте** из града **излѣсти** вьнезапъ пристѣпивъ стѣи кононь показа сѧ имъ въ томъ градѣ [Супр 26, 23].
 Ἐν ταύτῃ ἡμέρᾳ συναγομένον τῶν ὄχλων καὶ **μελλόντων ἐξορμᾶν** ἀπὸ τῆς πόλεως (...).
 В тот день, когда народ собирался [к оружию] и уже **был готов выступить** из города, внезапно обнаружив себя, показался им в том городе святой Конон.
- (18) пѣснь іереміа̅з̅ ізекию людемъ прѣселенье егда **хотѣахъ ізити** [Син Пс 64:1].
 ψδῆ Ἱερειμοῦ καὶ Ἰεζεκιηλ ἐκ τοῦ λόγου τῆς παροικίας ὅτε **ἔμελλον ἐκπορεύεσθαι**.
 Песнь Иеремии и Иезекииля, переселенцев (из Вавилона в Иудею), когда они **уходили**.

Наконец, *предестинативные* употребления *хотѣти*-конструкции всегда (кроме случаев типа (20) с причастиями будущего времени, см. далее) переводятся на греческий конструкцией с глаголом μέλλω.

- (19) се же рече о доусѣ иже **хотѣахъ приимати** вѣроуѣштеи въ него [Мар Ин 7:39].
 τοῦτο δὲ εἶπεν περὶ τοῦ πνεύματος ὃ **ἔμελλον λαμβάνειν** οἱ πιστεύσαντες εἰς αὐτόν.
 Нос autem dixit de Spiritu, quem **accepturi erant** qui crediderant in eum.
 Сие сказал Он о Духе, Которого **имели принять** верующие в Него.
- (20) вѣдѣаше бо искони ѿсь. кто сѣтъ не вѣроуѣштеи. і кто естъ **хотан прѣдати** и [Мар Ин 6:64].
 ἦδει γὰρ ἐξ ἀρχῆς ὁ Ἰησοῦς τίνες εἰσὶν οἱ μὴ πιστεύοντες καὶ τίς ἐστὶν ὁ **παραδώσων** αὐτόν.

Sciebat enim ab initio Iesus, qui essent non credentes, et quis **traditurus esset** eum.

Ибо Иисус от начала знал, кто суть неверующие и кому **предстояло предать** Его.

Сложно представить себе, чтобы в описываемое время (6 и 7 главы Евангелия от Иоанна) апостолы находились в какой-то конкретной «подготовительной» фазе Духосошествия, а Иуда был уже готов или намерен предать Христа; как кажется, предестинативная интерпретация здесь однозначна.

Сравнение следующего примера с примером (13) отчетливо демонстрирует разницу, соответственно, между предестинативным и собственно проспективным значением: они являются своего рода минимальной парой, отличаясь лишь интерпретацией *хотѣти*-конструкции:

(21) сего же о себѣ не рече. нѣ архиереи сы лѣтоу томоу прорече. ѿко **хотѣаше** ѿс **оумръѣти** за люди [Мар Ин 11:51].

τοῦτο δὲ ἄφ' ἑαυτοῦ οὐκ εἶπεν ἀλλὰ ἀρχιερεὺς ὄν τοῦ ἐνιαυτοῦ ἐκείνου ἐπροφήτευσεν ὅτι **ἔμελλεν** ὁ Ἰησοῦς **ἀποθνήσκειν** ὑπὲρ τοῦ ἔθνους.

Hoc autem a semetipso non dixit; sed, cum esset pontifex anni illius, prophetavit quia Iesus **moriturus erat** pro gene.

Сие же он сказал не от себя, но, будучи на тот год первосвященником, предсказал, что Иисусу **суждено умереть** за народ.

То, что предестинативные употребления *хотѣти*-конструкции находятся на поздней стадии грамматикализации, подтверждают и их синтаксические свойства: аспектуальный оператор модифицирует не именную группу, находящуюся в позиции подлежащего (как это происходит в случае, например, с интенциональным значением *хотѣти*-конструкции), а всю пропозицию, демонстрируя тем самым синтаксическое явление *подъёма* (см. хотя бы [Polinsky 2013] и др.). Поэтому, например, подлежащим *хотѣти*-конструкции могут выступать анафорические местоимения, отсылающие к одной из пропозиций предшествовавшего дискурса.

(22) оучителю. когда оубо си бжджть. и что естъ знамение егда хотать си быти. [Мар Лк 21:7]

διδάσκαλε πότε οὖν ταῦτα ἔσται καὶ τί τὸ σημεῖον ὅταν **μέλλῃ** ταῦτα **γίνεσθαι**;

Praeceptor, quando ergo haec erunt, et quod signum, cum **fieri incipient?**

Учитель! когда же это будет? и какой признак, когда это **должно произойти?**

Греческим влиянием, видимо, объясняется употребление *хотѣти*-конструкции в форме Имперфекта в аподосисе контрфактических условных предложений, три примера чему мы видим в текстах из Постной Триоди, например, (23):

- (23) ашти бо не вьсталь то ни та хотѣахж имъ вѣрна быти [Супр 442, 17—18].
 Εἰ γὰρ μὴ ἀνέστη οὐδὲ ἐκεῖναι ἤμελλον εἶναι αὐτοῖς πισταί.
 Если бы он *⟨Христос⟩* не воскрес, то и это *⟨обещания Учителя⟩*
оказалось бы неправдой.

Подобное использование «будущего в прошедшем» свойственно современному литературному болгарскому и македонскому языку, но в старославянском в этом месте ожидаются специализированные формы условного наклонения на *быхъ/бимь* + *-ль* [Сичинава 2004]. В переводе «Слова на Благовещение» Иоанна Златоуста (принадлежащего к минейной части рукописи) встречаем любопытную грамматическую контаминацию собственно славянского и греческого способов кодирования контрфактического аподосиса:

- (24) не бѣ никогоже аште ли бы кто былъ то раждаемоуоумоу са оуто
бы хотѣлъ отьць **быти** [Супр 241, 27—29].
 οὐδεὶς παρῆν. Ἐλεῖ οὐδεὶς ἔμελλεν εἶναι τοῦ τικτομένου πατῆρ.
 Никого не было. Если бы кто-то был, то это, конечно, и был бы отец Рождаемого.

(Речь идёт о том, что Иосиф Обручник просит, чтобы Мария показала ему отца Младенца, а Марии некого показать).

Безусловно, при употреблении *хотѣти*-конструкции переводчик ориентировался на греческий оригинал, однако можно уверенно утверждать, что она присутствовала в живом языке славян IX—X веков. Во-первых, собственно перспективные её употребления, как мы видели, обладают известной самостоятельностью. Во-вторых, имеется нижеследующий замечательный случай неправильного понимания первоисточника славянским книжником.

В глаголических евангелиях часть стиха Мф 26:15 читается так: *что хоитете ми дати. і азъ вамъ прѣдаде и* (рус. *что хотите мне дать, и я вам предаю его?*) Однако в Саввиной книге на этом же месте встречаем финитный презент глагола: *что ми дасте* (заметим, что греческий текст читается как *τί θέλετέ μοι δοῦναι καθὼς ὑμῖν παραδώσω αὐτόν*, глагола *μέλλω* в подлиннике нет). Можно предположить, что перед автором этой правки была конструкция *хоитете дати*, и он исправил её на *дасте*. Исходный контекст нарушает известное «островное ограничение» для сочинительной конструкции — вопросительный вынос из составляющей, связанной сочинительной связью, как правило, запрещён. По-видимому, писец переинтерпретировал сочинительный союз *и* как подчинительный ('если'); так как в аподосисе условной конструкции, как мы видели, перспектив невозможен, он заменяет его простой формой презенса с футуральной референцией. Эта правка является дополнительным свидетельством того, что граммема перспектива существовала в живом языке, а её употребление было подвержено естественным ограничениям.

2. *Имѣти*-конструкция: будущее время с усиленной ассерцией.

Для *имѣти*-конструкции мы предлагаем значение *будущего времени с усиленной ассерцией*.

Как замечают Дж. Байби, Р. Перкинс и В. Пальюка, «it appears that the prototypical use of future grams... is to signal that the *assertion about the future time* is being made, or in other words, to signal a *prediction* ([Bybee et al. 1994: 244], выделение авторское — А. К.)». Высказывания о будущих событиях являются всего лишь своего рода эпистемической гипотезой с очень большим уровнем вероятности — т. е., предсказаниями, в истинности которых сам говорящий не может быть абсолютно уверен. Поэтому, например, если в языке есть грамматическое противопоставление по *категории реальности ситуации*, форма будущего времени, в отличие от других временных форм, часто маркируется граммемой *ирреалиса* [Урманчиева 2004].

Иногда уверенность в грядущем бывает более высокой, чем обычно; тогда может потребоваться способ её выразить. Нам неизвестны типологические или конкретно-языковые работы, специально посвящённые описанию высокоассертивного будущего, но, как представляется, структура этого значения сама по себе довольно проста и не требует подробного теоретического обсуждения⁵.

Греческие соответствия *имѣти*-конструкции — в основном синтетические формы с референцией к будущему времени и обсуждавшаяся выше конструкция с глаголом μέλλω. *Имѣти*- и *хотѣти*-конструкциями, а также несколькими исключениями, обсуждавшимися нами выше, исчерпываются способы передачи глагола μέλλω.

Выбор между двумя стратегиями перевода осуществлялся следующим образом. Финитный презенс или *хотѣти*-конструкция, тем или иным образом отсылая нас к некоей ситуации в будущем, предполагают любой источник знания о нём — в частности, намерение Агенса предполагаемого действия совершить его или предсказание, сделанное на основе наблюдаемого положения вещей. Если же говорящий употребляет *имѣти*-конструкцию, это почти всегда означает то, что источник знания о будущем у него сверхъестественный.

В евангельских текстах *имѣти*-конструкция используется исключительно для передачи слов Христа (как кажется, единственное исключение — цитата из пророка Исаии, Мф 13:14); часто встречаем её после слов типа *аминь глагольж вамъ*.

Ещё одной сразу бросающейся в глаза чертой *имѣти*-конструкции является крайнее её тяготение к отрицательной полярности. По подсчётам Х. Бирнбаума, из встречающихся в памятниках 123 примеров *имѣти*-конструкции (кроме них, ещё 9 являются прямой калькой греческих предложе-

⁵ Понятие ассерции в описании эпистемической модальности мы используем вслед за Т. Гивоном (см. [Givón 1984/2001: 301–302]).

ний с глаголом ѣхω, прямым дополнением и зависимым от него инфинитивом) всего 39 не имеют отрицания в том или ином виде. В этом случае она всегда соответствует греческому двойному отрицанию (οὐ μὴ) [Birnbbaum 1958].

Прототипические примеры употребления *имѣти*-конструкции таковы:

- (25) амин глѣж вамъ. іже аште не прииметь цѣрквиѣ бѣжиѣ. ѣко отроча. **не имать вѣннѣти** въ не [Мар Мк 10:15].
 ἀμὴν λέγω ὑμῖν ὅς ἂν μὴ δέξῃται τὴν βασιλείαν τοῦ θεοῦ ὡς παιδίον **οὐ μὴ εἰσέλθῃ** εἰς αὐτήν.
 Amen dico vobis: Quisquis non receperit regnum Dei velut parvulus, **non intrabit** in illud.
 Истинно говорю вам: кто не примет Царствия Божия как дитя, тот **не войдет** в него.
- (26) аминъ глѣж вамъ. **не имать** съде **остати** камень на камени. іже не разорить са [Мар Мф 24: 2].
 ἀμὴν λέγω ὑμῖν **οὐ μὴ ἀφεθῇ** ὧδε λίθος ἐπὶ λίθον ὃς οὐ καταλυθήσεται.
 Amen dico vobis: **non relinquetur** hic lapis super lapidem, qui non destruetur.
 Истинно говорю вам: **не останется** здесь камня на камне; всё будет разрушено.
- (27) а іже пиеть отъ воды ѣже азъ дамъ емоу **не имать вѣждадати са** въ вѣкъ [Зогр Ин 4:14].
 ὅς δ' ἂν πῖν ἐκ τοῦ ὕδατος οὗ ἐγὼ δώσω αὐτῷ **οὐ μὴ διψήσῃ** εἰς τὸν αἰῶνα.
 Qui autem biberit ex aqua, quam ego dabo ei, **non sitiet** in aeternum.
 А кто будет пить воду, которую Я дам ему, тот **не будет жаждать** вовек.

В то же время встречаем примеры и без отрицания:

- (28) вѣсѣ елико имаши продаждь и раздаи нищимъ. и **имѣти** имаши съкровиште на небесе [Мар Лк 18:22].
 πάντα ὅσα ἔχεις πώλησον καὶ διάδος πτωχοῖς καὶ ἔξεις θησαυρὸν ἐν τοῖς οὐρανοῖς.
 Omnia, quaecumque habes, vende et da pauperibus et **habebis** thesaurum in caelo.
 Все, что имеешь, продай и раздай нищим, и **будешь иметь** сокровище на небесах.
- (29) глѣж же вамъ. ѣко илиѣ юже приде и не познаша его. нъ сътвориша о немъ вѣсѣ елико вѣсхотѣша тако и снѣ члѣвчскы **имать страдати** отъ нихъ [Мар Мф 17:12].
 λέγω δὲ ὑμῖν ὅτι Ἡλίας ἤδη ἦλθεν καὶ οὐκ ἐπέγνωσαν αὐτὸν ἀλλὰ ἐποίησαν ἐν αὐτῷ ὅσα ἠθέλησαν, οὕτως καὶ ὁ υἱὸς τοῦ ἀνθρώπου **μέλλει πάσχειν** ὑπ' αὐτῶν.

Dico autem vobis, quia Elias iam venit, et non cognoverunt eum, sed fecerunt in eo, quaecumque voluerunt; sic et Filius hominis **passurus est** ab eis.

Но говорю вам, что Илия уже пришел, и не узнали его, а поступили с ним, как хотели; так и Сын Человеческий **пострадает** от них.

Μέλλω-конструкция в контексте пророческих слов Иисуса Христа о Его страданиях и смерти, сказанных Им во время Его земного служения, могут переводиться и *хотѣти*-конструкцией (ср., напр., пример (20)); тем не менее, переводчик использует здесь не её. Заметим, что предестинативное значение *хотѣти*-конструкции вообще денотативно близко смыслу, который передаёт *имѣти*-конструкция: часто они могут взаимозаменяться.

В случае сверхъестественного знания о будущем *имѣти*-конструкция не является обязательной; контексты, очень похожие на прототипические, допускают и простой финитный презенс:

(30) аште ли не отъпоушаете члѣвкомъ съгрѣшени ихъ. **ни** отѣцъ вашъ **отъпоуститъ** съгрѣшении вашихъ. [Мар Мф 6:15].

ἐὰν δὲ μὴ ἀφήτε τοῖς ἀνθρώποις οὐδὲ ὁ πατὴρ ὑμῶν ἀφήσει τὰ παραπτώματα ὑμῶν.

Si autem non dimiseritis hominibus, **nec** Pater vester **dimittet** peccata vestra.

А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш **не простит** вам согрешений ваших.

Примеры (25—26) и (30) очень похожи, с точки зрения пропозициональной семантики почти идентичны; разница между ними, с нашей точки зрения, состоит в том, что всё высказывание, например, в (25), выделено на уровне дискурса (о чём свидетельствуют и слова *аминь глагольж вамъ*) в то время как высказывание в (30) не принадлежит к основной линии повествования. В шестой главе Евангелия от Матфея Христос излагает Своим ученикам основные принципы религиозной жизни — сперва Он рассказывает о том, как следует творить милостыню, затем — о том, как молиться и произносит молитву «Отче наш»; стихи 6:14—15, следующие сразу за молитвой, представляют собой краткое пояснение её смысла и не относятся напрямую к главной линии проповеди, к которой Христос и возвращается уже в стихе 6:16, начиная говорить о посте. Мы считаем, что разница между этими двумя примерами есть известная разница между семантикой *основной линии* и *фона* как частей дискурса; для основной линии характерна более высокая степень ассерции, что и обусловило двойное отрицание (οὐ μὴ) в греческом тексте и глагол *имѣти* в старославянском.

Как видим, область употребления *имѣти*-конструкции в Евангелии ограничена контекстами «сверхъестественного источника знаний», тогда как финитный презенс его не специфицирует и может употребляться в любых контекстах с референцией к будущему времени.

Супрасльская рукопись существенно расширяет контексты употребления *имѣти*-конструкции. Нужно сказать, что широкое использование этой конструкции — отличительная черта переводчика минейной части рукописи: по подсчётам Бирнбаума, на неё приходится 42 вхождения *имѣти*-конструкции во всём корпусе старославянских памятников (то есть треть; в триодной части 22 вхождения, для *хотѣти*-конструкции соответствующие цифры — 23 и 27). Она всё так же употребляется в контекстах сверхъестественного знания о будущем (пример ниже — слова Господа, явившегося в темнице святому Василиску):

- (31) нѣ не бои са отъ мжкъ азъ бо ѣсмь с тобою и **не имать** тебѣ **врѣдѣти** страхъ чловѣчьскъ [Супр 16, 7—9].
καὶ μὴ φοβηθῆς ἐν ταῖς βασάνοις μηδὲ ἠττηθῆς ἐν ταῖς ἀπειλαῖς ὅτι ἐγώ εἰμι μετὰ σοῦ καὶ **οὐ μὴ** σε **ἀδικήσει** φόβος ἀνθρώπου.
Но не бойся мук, ибо Я с тобою, и утрашения человеческие **не принесут** тебе **вреда**.

Мы встречаем эту конструкцию, когда пророчествует не Христос, а мученики (пример (32) — полный достоинства ответ святого Конона мучителям):

- (32) аште ѣго не любите явѣ ѣсть яко зли ѣсте и матежници и **не имате мошти** сътрѣпѣти гнѣва ѣго [Супр 29, 12—15].
ἐὰν μὴ ἀγαπᾶτε εὐδελόν ἐστιν ὅτι φαῦλοί ἐστε καὶ ἀντάρται καὶ **οὐ μὴ δυνηθῆτε** ἐνεγκεῖν αὐτὸν ὀργιζόμενον.
Если вы Его не любите, то становится ясно, что вы — грешники и никак **не сможете** стерпеть Его гнева.

Имѣти-конструкция употребляется и в речи язычников, когда они обещают что-то, в особенности если они при этом произносят ритуальную клятвенную формулу:

- (33) тако ми богы азъ ва **имамъ мжчити** да никтоже възможеť помошти вама [Супр 2, 17—19].
μὰ τοὺς θεοὺς ἐγὼ ὑμᾶς **βασανίσο** ὅπως μηδεὶς δυνηθῆ ἐξελεῖσθαι ὑμᾶς.
Боги мне свидетели, я **буду** вас **мучить**, и никто вам не сможет помочь.

Более того, иногда эта конструкция и вообще указывает на событие в будущем, которое предсказывается с очень большой вероятностью на основании текущего положения дел и общих знаний говорящего об устройстве мира:

- (34) аште бо своѣа вѣры не съхрани то ни нашеа **имать съхранити** [Супр 66, 8—10].
εἰ γὰρ τὴν αὐτοῦ πίστιν οὐκ ἐφύλαξεν **οὐδὲ** τὴν ἡμετέραν **φυλάξει**.
Если он не сохранил своей веры, то и нашей, конечно, **не сохранил**.

В предыдущем примере приведены слова вельмож о некоем маловерном христианине, которого персидский царь лукавыми словами соблазнил попрыгать ногами крест; до некоторого времени они созерцали это спокойно, потом, подумав, предложили его всё равно убить по изложенной ими причине.

(35) мене же самого вѣдѣ яко **любити имаши** [Супр 48, 20—21].

Καὶ ἐμὲ δὲ αὐτὸν οἶδα, ὅτι **ἀγαπήσεις**.

И меня самого, я знаю, ты обязательно **полюбишь**.

(Воевода Магдон прельщает святого Конона властью, почётом, местом языческого жреца, предлагая отступить от христианской веры, и, убеждая святого, произносит эти слова).

В трёх местах *имѣти*-конструкция встречается в пресуппозитивных зависимых клаузах, для которых говорить об ассерции было бы странно: здесь мы считаем возможной интерпретацию в духе *внешней возможности* (примеры 36—38):

(36) і вы не иштете что **имате ѿсти**. и что **пити** [Мар Лк 12:29].

καὶ ὑμεῖς μὴ ζητεῖτε τί **φάγητε** καὶ τί **πίητε**.

Et vos nolite quaerere, quid **manducetis** aut quid **bibatis**.

Итак, не ищите, что́ вам **придётся есть**, или что́ **пить**.

(37) можета ли пити чашѣ. ѡже азъ **имамъ пити** [Мар Мф 20:22];

δύνασθε πιεῖν τὸ ποτήριον ὃ ἐγὼ **μέλλω πίνειν**;

Potestis bibere calicem, quem ego **bibiturus sum**?

Можете ли пить чашу, которую Я **должен** буду **пить**?

(38) рѣци намъ когда се бждеть. і кое бждеть знамение. егда **имѣть съконьчати са** всѣ си [Мар Мк 13:4].

εἰπὸν ἡμῖν πότε ταῦτα ἔσται καὶ τί τὸ σημεῖον, ὅταν **μέλλη ταῦτα συντελεῖσθαι πάντα**;

Dic nobis: Quando ista erunt, et quod signum erit, quando haec omnia **incipient consummari**?

Скажи нам, когда это будет, и какой признак, когда всё это **должно совершиться**?

Для каждого из примеров 36—38 верно, что из их уместности автоматически следует истинность пропозиций, находящихся в зависимых клаузах. Информация, кодируемая зависимыми клаузами, не утверждается в речевом акте, а скорее принадлежит общему фонду знаний говорящего и слушающего; иными словами, это не ассертивный, а пресуппозитивный компонент высказывания. Ассерции здесь вовсе нет, поэтому и не имеет смысла рассуждать о её «количестве» (в терминах Гивона).

Однако в общем именно семантический ярлык УСИЛЕННОЙ АССЕРЦИИ лучше всего предсказывает обнаруженные нами контексты употреблений: слова Христа о будущем, которое Он знает в точности, пророчества, обещания, клятвы, предсказания с высокой степенью уверенности.

3. Замечания о диахронической эволюции болгарского будущего

Таня Кутева, первой описавшая универсальное грамматическое значение авертива в своей статье [Kuteva 1998], не ограничиваясь синхронным описанием, предложила также и путь грамматикализации для болгарского авертива типа (7), то есть, по сути, для *хотѣти*-конструкции в имперфекте. Путь, предложенный Т. Кутевой, выглядит так:

желание-в-прошедшем → интенционалис-в-прошедшем →
контрфактив → авертив

Т. Кутева обосновывает возможность этого пути грамматикализации примерами из среднегреческого и современного английского, которые, по её мнению, остановились на третьем этапе, и современного болгарского языка, который прошёл все четыре стадии. Далее она упоминает возможность проспективно-авертивной полисемии, наблюдаемой, например, в языке пипил, и объясняет это дальнейшим развитием авертива:

авертив → проспектив

Кутева упоминает и другой, более короткий, способ получения проспектива из желания, впервые описанный Б. Хайне ([Heine 1994]) на материале африканских языков:

желание → проспектив от неагентивных одушевленных подлежащих
(формулировка Хайне) → проспектив от неодушевленных подлежащих.

Тем не менее, исследовательница настаивает на том, что болгарский, среднегреческий и английский языки развивались именно по первому пути. Она постулирует расширение сферы употребления авертива с начальными компонентами (*imminence; pastness; counterfactuality*) на проспективные контексты, включающие только *imminence*. «Расширение сферы употребления» — это действительно разрешённый в теории грамматикализации манёвр; однако сами первоначальные «компоненты» значения выделяются Т. Кутевой в значительной степени априорно. В этом месте теория грамматикализации оказывается недостаточно ограничительной; учение о «расширении сферы употребления» не позволяет отсечь неверные гипотезы.

Мы можем предложить несколько чисто эмпирических аргументов против гипотезы Кутевой. Во-первых и в-главных, два базовых значения *хотѣти*-конструкции в старославянском — интенционалис и проспектив, авертивное же значение, если и существует, то маргинально. Нанося эти значения на путь развития, предложенный Кутевой, мы получаем попросту разрыв.

Во-вторых, диагностируя у современной болгарской конструкции *цях да V* «намечающееся» развитие из авертива в проспектив, Кутева отмечает, что проспективная интерпретация возможна только в ограниченном числе контекстов, например, (39):

- (39) Когато Милена **щеше да улови** друга улица
 когда Милена хотеть.IPF.3SG пойти.по.CONJ другая улица
 тя видя на железната чешма, че се миеха
 она видеть.AOR на железный.DEF колонка что мыться.IPF.3PL
 няколко солдати... [Kuteva 1998: 72].
 несколько солдат-PL

Когда Милена уже **поворачивала** на другую улицу, она увидела, что несколько солдат мылись у колонки...

Кутева поясняет: «This context involves complex sentences containing temporal subordinating clauses where the verb situation indicated by *štjax + da* + main verb acts as a “reference point” serving to temporally localize the verb situation denoted by the main clause» [Ibid.]. Однако, по нашему мнению, этот пример свидетельствует ровно об обратном направлении развития. Известно, что диахронические изменения в семантике затрагивают сначала главные клаузы, а не зависимые; предикации «основной линии», а не «фона» (см. [Givón 1979]). Клаузы со значением временного контекста *rag excellence* относятся к уровню «фона», от них естественно ожидать скорее сохранения архаичной семантики, чем введения новой⁶.

Поэтому мы предлагаем другой путь грамматикализации для *хотѣти*-конструкции:

- (0) желание → (I) интенционалис →
 (II) собственно проспектив → (III) предестинатив

Далее в имперфекте:

- (II) собственно проспектив → (IV) авертив → (V) контрфактив
 (III) предестинатив → (VI) будущее-в-прошедшем

Далее в настоящем времени:

- (III) предестинатив → (VII) будущее время

Постулируемые нами переходы естественны и засвидетельствованы типологически.

Переход (I) предполагает семантический переход от *желания* к *намерению*; о связи этих двух значений см. подробное рассуждение И. Б. Шату-

⁶ К исследованию Кутевой есть и другие вопросы: обсуждая два якобы разных пути грамматикализации «non-past volition → proximative» и «past volition → avertive» она упоминает, что в старославянском (называемом Кутевой в соответствии с болгарской филологической традицией Old Bulgarian) был проспектив первого типа и даже цитирует в подтверждение древнесербский список жития Бенедикта Нурсийского XIV века с аналогом *хотѣти*-конструкции в настоящем времени; про этот проспектив она пишет, что он «did not survive into Modern Bulgarian». Остается непонятным, откуда же, по мнению Кутевой, происходит современное болгарское будущее время, которое она вообще упорно обходит молчанием. Примеры контрфактива из Супрасльской рукописи (см. примеры 23—24) также являются обычными кальками и т. д.

новского [Шатуновский 1996]. На этом этапе, как нам представляется, конструкция лишается контекстов с отрицанием: если из утверждения ‘X хочет V’ следует прагматическая *импликатура* ‘X намерен V’, то из обратного утверждения обратной же импликации не следует. Случаи закрепления импликации представляют также переход (IV) — если говорящий высказывается лишь о подготовительной фазе ситуации в прошлом, но не о самой ситуации, то естественно заключить, что она и вовсе не имела места — и (V), обладающий более сложной природой, обсуждать которую здесь, к сожалению, нет возможности.

Переход (II) представляет собой *метафору* — явление, ожидаемое на ранней стадии грамматикализации. Вопреки Б. Хайне [Heine 1994], мы хотели бы утверждать, что это не «выцветание», т. е. расширение контекстов употребления путём утраты того или иного семантического компонента, а именно метафора: слоты конструкции начинают допускать заполнение аргументами другого таксономического класса, что вызывает семантический сдвиг у самого предиката (*Вода бурлит* → *Толпа бурлит*). Несмотря на то, что старославянский не позволяет нам развести две возможности, мы — если, конечно, мы верим в то, что существует универсальный путь грамматикализации будущего из глаголов желания — можем обратиться к материалу других языков. Однозначный выбор в пользу второй из них позволяет сделать материал мокша-мордовского языка⁷, где аналогичная конструкция с глаголом *jorams* ‘собираться’ находится на существенно более ранней стадии грамматикализации. Проспективное прочтение конструкции получает только с неодушевлённым аргументом, тогда как с одушевлённым возможна исключительно интенциональная интерпретация:

МОКША-МОРДОВСКИЙ

(40) Ol’ga **jora-j** mol’ə-ms vandi oš-u.

Ольга собираться-PRS.3SG идти-INF завтра город-ILL

Ольга **собирается** завтра **поехать** в город.

(41) T’ε kagəd-ən’ venčš-s’ načkə. Son **jora-j**

этот бумага-GEN лодка-DEF.NOM мокрый он собираться-PRS.3SG

vaja-ms.

утонуть-INF

Этот бумажный кораблик совсем мокрый. Он **сейчас** **утонет**.

(42) Son **jora-j** urmas’kədə-ms

он собираться-PST.3SG заболеть-INF

Он **намеревается заболеть** {например, чтобы пропустить контрольную}.

*Он вот-вот заболет (ненамеренно).

⁷ Мокша-мордовский язык относится к финно-волжской группе финно-угорской подгруппы. Автор выражает глубокую благодарность С. О. Никифоровой за соместную работу над мокшанским проспективом.

Мокша-мордовские данные противоречат предположению Б. Хайне о том, что сначала проспектив становится возможным с одушевлёнными аргументами: на семантической карте Хайне образуется разрыв. Между тем, если считать переход от интенционалиса к проспективу метафорой, то мордовская картина выглядит вполне естественно: *новое* значение возникает у предиката сперва с аргументами *нового* таксономического класса (в случае с проспективом — с неодушевлёнными именами), и только затем становится возможным для прежнего таксономического класса (здесь — одушевлённых имён).

Если считать, что «окно ассерции» классической аспектологии представляет собой коммуникативный фокус, располагающийся на одном из элементов фрейма, то переходы (III), (VI) и (VII) представляют собой *метонимию*, т. е. перемещение этого фокуса (см. [Падучева 2004; Кустова 2004]).

У *имѣти*-конструкции нас интересует конечный отрезок пути грамматикализации:

(0) обладание → ... → (n) внешняя необходимость →
(n+1) будущее время с усиленной ассерцией → (n+2) будущее время.

Развитие глагола обладания в показатель внешней необходимости широко засвидетельствовано (ср. англ. *X has to V*, фр. *X a à V*). Следующий переход мы предлагаем, пользуясь всё тем же правилом: низкоассертивные (пресуппозитивные) контексты сохраняют архаичные употребления предикативных единиц, а значит, значение внешней возможности, наблюдаемое в примерах (36)—(38), предшествовало значению высокоассертивного будущего. Заметим, что старое значение сохраняет и современная болгарская конструкция *има да + V*.

Переход (n+1) можно считать необычным примером эпистемизации модального показателя; из внешней необходимости чаще получается необходимость эпистемическая. Переход (n+2) есть классическое грамматикализационное «выцветание» (*bleaching*): более яркая и выразительная форма сменяет нейтральную старую, теряя тем самым свою маркированную выразительность.

Количественное преобладание у *имѣти*-конструкции контекстов с отрицанием, по нашему мнению, объясняется прагматически: отрицательное высказывание о будущем более «сильное», чем положительное. В самом деле, высказывание с положительной полярностью предполагает то, что пропозиция будет истинна хотя бы на *каком-нибудь одном* из подынтервалов временной шкалы, тогда как отрицание подразумевает, что на *всех* подынтервалах всей правой части шкалы начиная от момента речи ситуация не будет иметь места; в первом случае мы использовали бы квантор существования, во втором — всеобщности. Именно поэтому *имѣти*-конструкция гораздо чаще возникает с отрицанием, чем без него.

В этом месте мы приходим к ответу на вопрос о том, почему парадигма будущего времени в современном болгарском языке состоит из этимоло-

гически разного материала. Связь грамматикализации и частотности можно считать доказанной (см. [Bybee & Hopper (eds.) 2001; Bybee 2007]); чем чаще языковая единица встречается в дискурсе, тем быстрее она теряет самостоятельность; именно поэтому конструкции типа *няма да чете*, в отличие от своих положительных и гораздо более редких эквивалентов, утратили модальные значения и приобрели обязательность. *Хотѣти*-конструкция, как мы помним, на поздних этапах грамматикализации и вовсе не имела отрицательных форм, потеряв их ещё на стадии перехода к интенциональному значению. В терминах [Даль 2009] парадигма болгарского будущего времени представляет собой эмерджентный феномен — сущность, возникшую в результате независимого действия двух не связанных друг с другом факторов.

1. Заключение

Мы исследовали семантику двух перифрастических конструкций в старославянском языке: *хотѣти + inf.* и *имѣти + inf.* Эти конструкции традиционно описывались как имеющие референцию к будущему времени.

По нашим данным, *хотѣти*-конструкция таковой референции не имеет; основное её значение аспектуальное, а именно — *проспектив*: ‘состояние дел, за которым вероятнее всего последует ситуация’. Конструкция с глаголом *имѣти*, как нам представляется, кумулятивно выражает значение *будущего времени и усиленной ассерции*.

Любопытно сравнить наши выводы с выводами замечательного слависта Х. Бирнбаума, на изыскания которого в области текстологии мы полностью полагались. Бирнбаум описывает семантику конструкции, просто задавая набор выделенных им значений списком; по его мнению, *имѣти*-конструкция имеет значение «будущего времени... с определенным эмфатическим акцентом и тем или иным известным модальным оттенком, прежде всего необходимости или возможности, дестинатива или дебитива». Для *хотѣти*-конструкции он тоже предлагает чисто временную функцию будущего и различные модальные значения вроде дезидератива, дебитива, «дестинатива» и т. д. Замечательно, что Бирнбаум тоже иногда находит в семантике *имѣти*-конструкции то, что он называет «эмфатическим акцентом» [Birnb Baum 1958: 220], а чуть выше — *die göttliche Bestimmung* [Ibid.: 217], хотя и не указывает прямо, например, на сверхъестественный источник знания. Самое главное наше расхождение с Х. Бирнбаумом состоит в том, что он, не будучи знаком с понятием проспектива, не выделяет этого значения отдельно от разнообразных модальных; вместе с тем мы показали, откуда возникают так называемые «модальные оттенки», предложили способ организации полисемии с помощью теории грамматикализации и т. д.

И. С. Юрьева в своей диссертации [Юрьева 2009], посвященной схожим конструкциям в древнерусском языке, утверждает, что *имѣти*-конструкция

на древнерусской почве была сугубо книжной, а *хотѣти*-конструкция имела значения «желания, намерения, долженствования и близкой возможности». Примеры, которые исследовательница приводит, обсуждая два последних значения, весьма похожи на старославянские:

(43) и рече Глѣбъ: «то вѣси ли, что ти днесь **хочеть быти**» [Юрѣва 2009:15].

И сказал Глеб: знаешь ли ты, что тебе **собирается случиться?** (подчёркнут перевод И. С. Юрѣвой).

Очень похоже, что древнерусская конструкция также могла обозначать проспектив; разумеется, мы не собираемся настаивать на таком выводе, но лишь предполагаем, что имеет смысл рассмотрение древнерусского материала на предмет поиска разнообразных видов проспективного значения.

Материал, рассмотренный нами, как нам представляется, опровергает путь грамматикализации болгарского «будущего в прошедшем», предложенный Т. Кутевой; вместо него мы предложили собственный вариант развития болгарских форм будущего и «будущего в прошедшем». Кроме того, мы выдвинули гипотезу о том, как развивалась другая часть парадигмы болгарского будущего — *имѣти*-конструкция.

Как мы надеемся, мы показали, что следует тщательно сравнить между собой глагольные формы языков мира, традиционно называемые проспективными или проксимативными; есть вероятность, что они могут на самом деле сильно отличаться друг от друга, образуя не такую уж и узкую семантическую зону, подобно гораздо лучше изученной семантической зоне модальности. Как устроены эти противопоставления? Как зависит характер проспектива от лексического источника его грамматикализации? На эти вопросы ещё предстоит найти ответ.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 2002 — А. А. А л е к с е е в (ред). Новый завет на греческом и русском языках. М., 2002.

Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Даль 2009 — Э. Д а л ь. Возникновение и развитие языковой сложности. М., 2009.

Кустова 2004 — Г. И. К у с т о в а. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Майсак 2005 — Т. А. М а й с а к. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.

Маслов 1956 — Ю. С. М а с л о в. Очерк болгарской грамматики. М., 1956.

Маслова 2004 — Е. С. М а с л о в а. К типологии проспектива: категория провиденциализма в юкагирских языках // Ю. А. Ландер и др. (ред). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004.

Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.

- Плунгян 2011 — В. А. П л у н г я н. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011.
- Селищев 1952 — А. М. С е л и щ е в. Старославянский язык. Ч. 2: Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952.
- Сичинава 2004 — Д. В. С и ч и н а в а. К проблеме происхождения славянского условного наклонения. // Ю. А. Ландер и др. (ред). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Урманчиева 2004 — А. Ю. У р м а н ч и е в а. Седьмое доказательство реальности ирреалиса. // Ю. А. Ландер и др. (ред). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Шатуновский 1996 — И. Б. Ш а т у н о в с к и й. Семантика предложения и нереперентные слова: значение, коммуникативная перспектива, прагматика. М., 1996.
- Юрьева 2009 — И. С. Ю р ь е в а. Семантика глаголов *имѣти, хотѣти, начати* (*почати*) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII—XV веков. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009.
- Birnbaum 1958 — H. B i r n b a u m. Untersuchungen zu den Zukunftsbeschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen: Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen. Stockholm, 1958.
- Bybee, Dahl 1985 — J o a n L. B y b e e, Ö. D a h l. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world. *Studies in Language* 13-1. 1989. 51—103.
- Bybee, Hopper (eds.) 2001 — J o a n L. B y b e e, P. H o p p e r (eds). Frequency and the emergence of linguistic structure. Amsterdam; Great Britain, 2001.
- Bybee 2007 — J o a n L. B y b e e. Frequency of use and the organization of language. Oxford; New York, 2007.
- Bybee et al. 1994 — J o a n L. B y b e e, R e v e r e D. P e r k i n s, W. P a g l i u c a. The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Comrie 1976 — B. C o m r i e. Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge; New York, 1976.
- Dik 1994 — S. C. D i k. Verbal semantics in functional grammar // C. Bache et al. (eds). Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology. Berlin, 1994.
- Fleischman 1982 — S. F l e i s c h m a n. The future in thought and language: diachronic evidence from Romance. Cambridge; New York, 1982
- Gamon 1994 — D. G a m o n. On the development of epistemicity in the German modal verbs *mögen* and *müssen* // *Folia Linguistica Historica* 14. 1994. P. 125–76.
- Givón 1979 — T. G i v ó n. On Understanding Grammar. New York, 1979.
- Givón 1984/2001 — T. G i v ó n. Syntax: an introduction, V.1. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Heine 1994 — B. H e i n e. On the genesis of aspect in African languages: The proximative. Paper presented at the annual meeting of BLS, Berkeley, 1994.
- Klein 1994 — W. K l e i n. Time in language. London; New York, 1994.
- König 1993 — C. K ö n i g. Aspect in Maa // AMO, Afrikanistische Monographien, 3. Cologne, 1993.
- Kuteva 1998 — T. K u t e v a. On identifying an evasive gram: action narrowly averted // *Studies in Language*, 22:1. Amsterdam, 1998.

Kuteva 2000 — T. K u t e v a. Bulgarian Tenses // R. Thieroff (ed). Tense systems in European languages. Tübingen, 1995.

Nevskaya 2005 — I. A. N e v s k a y a. The Typology of prospective in Turkic languages // Sprachtypologie und Universalienforschung / J. Gippert, M. Erdal & R. Voßen (eds). Language typology and Universals. Focus on: Sentence types and sentence structures, 58/1. Bremen, 2005.

Nordinger, Traugott 1997 — R. N o r d l i n g e r and E. C. T r a u g o t t. Scope and the development of epistemic modality: evidence from ought to. English Language and Linguistics. 1. 1997. P. 295—317.

Nuyts 2006 — J. N u y t s. Modality: overview and linguistic issues // W. Frawley (ed.). The expression of modality. The expression of cognitive categories I. Berlin; New York, 2006.

Palmer 1986 — F. R. P a l m e r. Mood and modality. Cambridge; New York, 1986.

Polinsky 2013 — M. P o l i n s k y. Raising and control. In: The Cambridge Handbook of Generative Syntax, ed. by Marcel den Dikken. Cambridge, 2013.

Plungian, van der Auwera 1998 — J. v a n d e r A u w e r a, V. P l u n g i a n. Modality's semantic map // Linguistic Typology. 2. № 1. 1998. 79–124.

SJS 1994 — Slovník Jazyka Staroslověnského. Lexicon Linguae Palaeoslovenicae. Praha, 1994.

Smith 1991/1997 — C. S m i t h. The Parameter of Aspect. Dordrecht, 1991 (1st ed.); 1997 (2nd ed.).

Traugott 1989 — E. C. T r a u g o t t. On the Rise of Epistemic Meanings in English: An Example of Subjectification in Semantic Change // Language. Vol. 65. № 1 (Mar.). 1989. P. 31—55.

Источники

Асс — Ассеманиево Евангелие // J. Kurz. Codex Vaticanus 3. Slavicus glagoliticus. Tomus II, Praha, 1955.

ББ — Българска синодална Библия // Книгите на Свещеното Писание на Ветхия и Новия Завет, издаден на хартия от Св. Синод на Българската църква. София, 1992.

БНК — Български национален корпус (http://ibl.bas.bg/BGNC_bg.htm).

Зогр — Зографское Евангелие // V. Jagić. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.

Мар — Мариинское Евангелие // Codex Marianus. PROIEL: Pragmatic Resources in Old Indo-European Languages (<http://foni.uio.no:3000>).

Ник — Никольское евангелие // В. Д а н и ч и ћ. Никольско јеванђеље. Београд, 1864.

Остр — Остромирово Евангелие // Остромирово Евангелие 1056 — 57 года: С приложением греческого текста и грамматического объяснения, издано А. Х. Востоковым. СПб., 1843.

Син Пс — Синайская Псалтирь // С. Н. Северьянов. Синайская псалтирь. Глаголический памятник XI в. Пг., 1922.

Супр — Супрасльская рукопись // С. Н. Северьянов. Супрасльская рукопись. Том I. // Памятники старославянского языка. Т. II. Вып. 1. СПб., 1904.

PROEL — Pragmatic Resources in Old Indo-European Languages (PROIEL) Parallel corpus of the old Indo-European translations of the Bible. (<http://foni.uio.no:3000/>).

References and sources

- Alekseyev 2002 — A. A. Alekseyev (red). *Novyy zavet na grecheskom i ruskom yazykakh*. Moskva, 2002.
- Ass — *Assemanievo Evangelie // J. Kurz. Codex Vaticanus 3. Slavicus glagoliticus*. Tomus II, Praha, 1955.
- BB — *Bylgarska sinodalna Bibliia // Knigite na Sveshchenoto Pisanie na Vetkhiia i Noviia Zavet, izdaden na khartiia ot Sv. Sinod na Bylgarskata cyrkva*. Sofiia, 1992.
- Birnbaum 1958 — H. Birnbaum. *Untersuchungen zu den Zukunftsbeschreibungen mit dem Infinitiv im Altkirchenslavischen: Ein Beitrag zur historischen Verbalsyntax des Slavischen*. Stockholm, 1958.
- BNK — *Bylgarski nacionalen korpus* (http://ibl.bas.bg/BGNC_bg.htm).
- Bybee 2007 — Joan L. Bybee. *Frequency of use and the organization of language*. Oxford; New York, 2007.
- Bybee et al. 1994 — Joan L. Bybee, Revere D. Perkins & W. Pagliuca. *The evolution of grammar: tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago, 1994.
- Bybee, Dahl 1985 — Joan L. Bybee and Ö. Dahl. *The creation of tense and aspect systems in the languages of the world*. *Studies in Language* 13-1. 1989. 51—103.
- Bybee, Hopper (eds.) 2001 — Joan L. Bybee & P. Hopper (eds). *Frequency and the emergence of linguistic structure*. Amsterdam; Great Britain, 2001.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: an introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge; New York, 1976.
- Dal 2009 — E. Dal. *Vozniknoveniye i razvitiye yazykovoy slozhnosti*. Moskva, 2009.
- Dik 1994 — S. C. Dik. *Verbal semantics in functional grammar // C. Bache et al. (eds). Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology*. Berlin, 1994.
- Fleischman 1982 — S. Fleischman. *The future in thought and language: diachronic evidence from Romance*. Cambridge; New York, 1982.
- Gamon 1994 — D. Gamon. *On the development of epistemicity in the German modal verbs *mogen* and *müssen**. *Folia Linguistica Historica* 14. 1994. P. 125–76.
- Givón 1979 — T. Givón. *On Understanding Grammar*. New York, 1979.
- Givón 1984/2001 — T. Givón. *Syntax: an introduction, V.1*. Amsterdam; Philadelphia, 2001.
- Heine 1994 — B. Heine. *On the genesis of aspect in African languages: The proximate*. Paper presented at the annual meeting of BLS, Berkeley, 1994.
- Klein 1994 — W. Klein. *Time in language*. London; New York, 1994.
- König 1993 — C. König. *Aspect in Maa // AMO, Afrikanistische Monographien, 3*. Cologne, 1993.
- Kustova 2004 — G. I. Kustova. *Tipy proizvodnykh znacheniy i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya*. Moskva, 2004.
- Kuteva 1998 — T. Kuteva. *On identifying an evasive gram: action narrowly averted // Studies in Language, 22:1*. Amsterdam, 1998.
- Kuteva 2000 — T. Kuteva. *Bulgarian Tenses // R. Thieroff (ed). Tense systems in European languages*. Tübingen, 1995.
- Mar — *Mariinskoe Evangelie // Codex Marianus. PROIEL: Pragmatic Resources in Old Indo-European Languages* (<http://foni.uio.no:3000>).
- Maslov 1956 — Yu. S. Maslov. *Ocherk bolgarskoy grammatiki*. Moskva, 1956.

Maslova 2004 — Ye. S. Maslova. K tipologii prospektiva: kategoriya providencialisa v yukagirskih yazykakh // Yu. A. Lander i dr. (red). Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3: Irrealis i irrealnost. Moskva, 2004

Maysak 2005 — T. A. Maysak. Tipologiya grammatikalizacii konstrukcij s glagolami dvizheniya i glagolami pozicii. Moskva, 2005.

Nevskaya 2005 — I. A. Nevskaya. The Typology of prospective in Turkic languages // Sprachtypologie und Universalienforschung / J. Gippert, M. Erdal & R. Voßen (eds). Language typology and Universals. Focus on: Sentence types and sentence structures, 58/1. Bremen, 2005.

Nik — Nikolskoe evangelie // V. Danichih. Nikol'sko jevanhje. Beograd, 1864.

Nordinger, Traugott 1997 — R. Nordinger and E. C. Traugott. Scope and the development of epistemic modality: evidence from *ought to*. English Language and Linguistics, 1, 1997. P. 295—317.

Nuyts 2006 — J. Nuyts. Modality: overview and linguistic issues // W. Frawley (ed.). The expression of modality. The expression of cognitive categories I. Berlin; New York, 2006.

Ostr — Ostromirovo Evangelie // Ostromirovo Evangelie 1056 — 57 goda: S prilozheniem grecheskogo teksta i grammaticheskogo obiasneniia, izdano A. Kh. Vostokovym. St.-Peterburg, 1843.

Paducheva 2004 — Ye. V. Paducheva. Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki. Moskva, 2004.

Palmer 1986 — F. R. Palmer. Mood and modality. Cambridge; New York, 1986.

Plungian, van der Auwera 1998 — J. van der Auwera & V. Plungian. Modality's semantic map // Linguistic Typology. 2. № 1. 1998. 79–124.

Plungyan 2011 — V. A. Plungyan. Vvedeniye v grammaticheskuyu semantiku. Grammaticheskiye znacheniya i grammaticheskiye sistemy yazykov mira. Moskva, 2011.

Polinsky 2013 — M. Polinsky. Raising and control. In: The Cambridge Handbook of Generative Syntax, ed. by Marcel den Dikken. Cambridge, 2013.

PROEL — Pragmatic Resources in Old Indo-European Languages (PROIEL) Parallel corpus of the old Indo-European translations of the Bible. (<http://foni.uio.no:3000/>).

Selishchev 1952 — A. M. Selishchev. Staroslavjanskiy yazyk. Ch.2: Teksty. Slovar. Ocherki morfologii. Moskva, 1952.

Shatunovskiy 1996 — I. B. Shatunovskiy. Semantika predlozheniya i nereferentnyye slova: znacheniye, kommunikativnaya perspektiva, pragmatika. Moskva, 1996.

Sichinava 2004 — D. V. Sichinava. K probleme proiskhozhdeniya slavyanskogo uslovnogo nakloneniya // Yu. A. Lander i dr. (red). Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3: Irrealis i irrealnost. Moskva, 2004.

Sin Ps — Sinaiskaia Psaltir // S. N. Severianov. Sinaiskaia psal'tyr. Glagolicheskii pamiatnik XI v. Petrograd, 1922.

SJS 1994 — Slovník Jazyka Staroslověnského. Lexicon Linguae Palaeoslovenicae. Praha, 1994.

Smith 1991/1997 — C. Smith. The Parameter of Aspect. Dordrecht, 1991 (1st ed.); 1997 (2nd ed.).

Supr — Supraslskaia rukopis // S. N. Severianov. Supraslskaia rukopis. Tom I (Pamiatniki staroslavjanskogo iazyka, t. II, vyp. 1.) St.-Peterburg, 1904.

Traugott 1989 — E. C. Traugott. On the Rise of Epistemic Meanings in English: An Example of Subjectification in Semantic Change // Language. Vol. 65. № 1 (Mar.). 1989. P. 31—55.

Urmanchiyeva 2004 — A. Yu. Urmanchiyeva. Sedmoye dokazatelstvo realnosti irrealisa // Yu. A. Lander i dr. (red). Issledovaniya po teorii grammatiki. Vyp. 3: Irrealis i irrealnost. Moskva, 2004.

Valliant 1952 — A. Valliant. Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku. Moskva, 1952.

Yuryeva 2009 — I. S. Yuryeva. Semantika glagolov *imĕti*, *khotĕti*, *nachati* (*pochati*) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII—XV vekov. Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2009.

Zogr — Zografskoe Evangelie // V. Jagić. Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus, Berolini, 1879.

Резюме

В статье рассматриваются старославянские «околофутуральные» аналитические конструкции с глаголами *xotĕti* / *imĕti* и инфинитивом. Для первой из них предлагается значение проспектива, а для второй — будущего времени с усиленной ассерцией. Как известно, парадигма болгарского будущего времени в формах без отрицания восходит к конструкции с глаголом *xotĕti*, а в формах с отрицанием — к конструкции с глаголом *imĕti*; в статье выдвигается гипотеза, объясняющая этот факт с точки зрения современной теории грамматикализации.

Ключевые слова: старославянский язык, аналитические формы, проспектив, усиленная ассерция, будущее время, теория грамматикализации.

Статья получена 19.11.2013

ALEXEY A. KOZLOV

ON THE SEMANTICS OF OLD CHURCH SLAVONIC *XOTĚTI* / *IMĚTI* + INFINITIVE CONSTRUCTIONS

The paper examines the Old Church Slavonic “quasi-futures”, analytical constructions consisting of a *xotĕti* / *imĕti* auxiliary and an infinitive. It is shown that the first construction has prospective meaning, while the second denotes future tense with reinforced assertion. The modern Bulgarian future paradigm consists of two parts; the positive goes back to *xotĕti* forms, while the negative derives from *imĕti* forms. We propose a hypothesis that explains the development of this paradigm in the light of the theory of grammaticalization.

Keywords: Old Church Slavonic, analytical forms, prospective, reinforced assertion, future tense, grammaticalization theory.

Received on 19.11.2013

Я. А. ПЕНЬКОВА

**К ВОПРОСУ О СЕМАНТИКЕ ТАК НАЗЫВАЕМОГО
БУДУЩЕГО СЛОЖНОГО II В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ «ЖИТИЯ АНДРЕЯ ЮРОДИВОГО»)***

В русистике за формой так называемого будущего сложного II (ниже — конструкция *будет + -л*), представляющей собой элевое причастие в соединении с формами презенса¹ от основы *буд-*, не закрепилось общего термина², что, по-видимому, является следствием отсутствия единства в вопросах, касающихся семантики и грамматического статуса данной структуры.

До сих пор остается открытым вопрос о том, являлась ли конструкция *будет + -л* исключительно относительным будущим временем или же имела также и модальное значение. Сторонники как одной, так и другой точки зрения многочисленны.

Мнения исследователей расходятся и в вопросе о грамматическом статусе конструкции *будет + -л*. Большинство исследователей считают рассматриваемую структуру формой времени, однако существуют и такие концепции (в рамках «модального» подхода), согласно которым *будет + -л* признается формой наклонения (Ф. И. Буслаев, А. А. Зализняк) или вовсе исключается из ряда аналитических глагольных форм и рассматривается в

---

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 13-0400093 «Лексикологическое исследование и словарное описание русского языка XI—XVII вв. (у — умытник)». Автор благодарит К. А. Максимовича за ценные замечания, сделанные им в ходе работы над статьей.

¹ Вслед за А. В. Исаченко [Исаченко 2003: 411] под формами презенса понимаются синтетические формы настоящего-будущего времени обоих видов.

² Автору известны следующие терминологические обозначения конструкции *будет + -л*: «будущее условное» [Востоков 1863: 92], «будущее совершенное» [Соболевский 1907/2005: 245—246], «будущее предварительное» [Булаховский 1950: 220], «прошедшее в будущем» [Ломтев 1961: 308—312], «преждебудущее» [Борковский, Кузнецов 1963/2006: 262; Кузнецов 1953/2005: 197, 253], «предбудущее» [Хабургаев 1978: 48], «будущее относительное», «предбудущее» и «преждебудущее» [Горшкова, Хабургаев 1981/1997: 295; Мустафина 1984а: 15], «предположительное наклонение» [Зализняк 1995: 159; 2004: 134, 177], «Future Perfect» [Andersen 2006].

качестве составного сказуемого наряду с другими сочетаниями глагола **быти** с действительными и страдательными причастиями (А. А. Потебня). Рассмотрим основные точки зрения подробнее.

Ф. И. Буслаев называет конструкцию *будет + -л будущим временем условного наклонения*, т. е. парадигма условного наклонения, по Буслаеву, представлена прошедшим типа **далъ быхъ** и будущим типа **далъ бждеть** (сохранена орфография, представленная в [Буслаев 1869: 144—146]). Та же концепция развивается впоследствии в [Булаховский 1950: 199]: «Существовали... в древнерусском... употреблявшиеся обыкновенно в значении условного наклонения аналитические формы будущего времени, состоявшие из **буду...** и причастия... на -л».

А. Х. Востоков, рассматривая *будет + -л* в качестве формы времени, а не наклонения, все же указывает на ее связь с условной семантикой, называя структуру *будущим условным* [Востоков 1863: 92].

А. И. Соболевский обозначает рассматриваемую конструкцию заимствованным из латинской грамматики термином *будущее совершенное* (*futurum exactum*), трактуя *будет + -л* в качестве относительного времени [Соболевский 1907/2005: 245—246]. Близка к трактовке А. И. Соболевского и позиция Н. Н. Дурново, который также указывает на функцию предшествования и, вслед за Ф. И. Буслаевым, на условность семантики *будет + -л* [Дурново 1913: 90].

Т. П. Ломтев, точка зрения которого также, по-видимому, восходит к идеям А. И. Соболевского, рассматривает структуру как *прошедшее в будущем*, «сохраняющее значение в определенный момент будущего» [Ломтев 1961: 308—312].

П. С. Кузнецов называет конструкцию *будет + -л преждебудущим* или *предбудущим временем* и считает ее грамматической формой, объединяющей в себе перфектную и таксисную семантику: «Значение рассматриваемой формы может быть в какой-то мере уподоблено перфекту — она также может выражать (и обычно выражает) результат ранее совершенного действия, но отнесенный не к настоящему, а к будущему... Это время... имеет относительное значение, т. е. определяет действие не непосредственно по отношению к моменту речи, а по отношению ко времени другого действия» [Кузнецов 1953/2005: 197].

Основоположником *модального* подхода к интерпретации семантики рассматриваемой структуры следует, по-видимому, признать А. А. Потебню. Хотя на близость значения *будет + -л* к условному указывалось еще в работах А. Х. Востокова и Ф. И. Буслаева, именно А. А. Потебня впервые заговорил о том, что *будет + -л* может терять отношение к будущему, «получив при этом модальный оттенок вероятности, или предполагаемости», и считает главным в семантике структуры именно «откровение того, что оно [событие] уже совершилось» [Потебня 1888: 291].

В дальнейшем Г. А. Хабургаев [Горшкова, Хабургаев 1981/1997: 316—319] и его ученица Э. К. Мустафина [Мустафина 1984] выдвинули предпо-

ложение о том, что носителем модального значения «возможного выявления, обнаружения признака... или действия» является сама основа *буд-*, и это значение присуще почти всем глагольным образованиям от этой основы: формам презенса, имперфекта и императива. В качестве эквивалента этому модальному значению *будет* в современном русском языке используется глагольная форма *окажется*. Данный способ перевода древнерусского *будет* встречается и ранее — уже в работах А. А. Потебни (см. [Потебня 1888: 291]). К этому же способу передачи значения древнерусского *будет* прибегают впоследствии и некоторые другие исследователи (см., например, [Кузнецов 1953/2005: 197; Яковлева 1953: 15; Зализняк 1995: 159; 2004: 177; Шевелева 2008: 34]).

Модальной трактовки грамматического значения конструкции *будет + -л* придерживается и А. А. Зализняк, рассматривая эту структуру как форму особого наклонения, однако не условного, как считал Ф. И. Буслаев, а *предположительного*: «дело в том, что в некнижных источниках она в действительности крайне редко означает будущее время, а в нормальном случае имеет чисто модальное значение, которое может быть приблизительно передано как ‘окажется, что [нечто уже произошло]’»: **ци ти боудюу задела своимъ възюумьель** — ‘если окажется, что я тебя по своему неразумию задела’ № 752 (XI—XII вв.) [Зализняк 1995: 159; 2004: 134, 177].

В работах В. В. Иванова и В. Б. Силиной гипотеза Г. А. Хабургаева о наличии модального компонента в семантике рассматриваемой структуры отвергается [Иванов 1982: 112; Силина 1995: 399—401]. Причиной возникновения *модального* толкования конструкции *будет + -л* (значение «возможного выявления признака в будущем...»), предложенного в [Горшкова, Хабургаев 1981: 297], служит, согласно [Иванов 1982: 112] и [Силина 1995: 399—401], то, что основной сферой употребления *будет + -л* в древнерусском языке является протазис условной конструкции, ср.: «... в действительности это была чисто временная форма, не имевшая отношения к категории наклонения... сама по себе форма преждебудущего времени условного значения первоначально не имела — ее условность зависела от союза, которым вводилось придаточное предложение» [Иванов 1982: 112].

Таким образом, грамматическим значением *будет + -л* признается только значение предшествования в будущем: «...преждебудущее время в др.-рус. языке XII—XIII вв., в основном, выполняло свою прямую функцию» [Силина 1995: 401].

Той же точки зрения на грамматическую природу рассматриваемой структуры придерживается и Х. Андерсен. В статье, посвященной будущему времени в древненовгородском диалекте, тезис о модальном значении конструкции *будет + -л*, выдвинутый в [Зализняк 2004: 134, 177] и ранее в [Горшкова, Хабургаев 1981: 295], ставится под сомнение: «... the Future Perfect simply expresses the writer’s anticipation of the reader’s time» ‘будущее время перфекта просто выражает предвосхищение пишущим времени читающего’ [Andersen 2006: 82]; ср. также: «The Future Perfect was a

relative past tense; it referred to events that were past relative to a future point in time» ‘будущее время перфекта было относительным прошедшим временем; оно отсылало к событиям, которые были прошедшими относительно некоторого момента в будущем’ [Там же: 85]. Как следствие, Х. Андерсен отвергает и получивший достаточно широкое распространение способ перевода древнерусского *будет* на современный русский язык — ‘окажется’ [Там же: 80], подразумевающий идею перехода ситуации из статуса потенциально возможной в статус реальной и потому используемый преимущественно в рамках модального подхода к толкованию значения конструкции *будет* + -л.

Таким образом, в русистике сложились две основных концепции грамматического значения конструкции *будет* + -л. Согласно одной из них, названная структура признается «классическим» относительным будущим временем (А. И. Соболевский, В. В. Иванов, В. Б. Силина, Х. Андерсен и некоторые другие³). Согласно другой, конструкция совмещает результативное значение с модальным (А. А. Потехня, Г. А. Хабургаев, Э. К. Мустафина, А. А. Зализняк).

В настоящей статье мы попытаемся уточнить сложившиеся представления о семантике конструкции *будет* + -л и прояснить вопрос о том, имела ли данная структура в древнерусском языке модально-результативное значение или же функционировала как «классическое» относительное будущее время.

Место конструкции *будет* + -л в системе времен древнерусского языка

Многообразие подходов к интерпретации семантики *будет* + -л, на наш взгляд, обусловлено несколькими причинами. Одной из них является особое положение данной структуры в системе древнерусского глагола.

Место конструкции *будет* + -л в системе времен впервые специально обсуждается в исследовании [Andersen 2006: 84—85], в котором предлагается следующая схема (латинская орфография переведена в кириллическую):

Simple	Present несоу	Aorist несохъ	Imperfect несахъ	Future почьноу нести
Compound	Perfect неслъ есмь	Pluperfect I бѣхъ неслъ	Pluperfect II бахъ неслъ	Future Perfect будоу неслъ

Эта схема, в которой каждой форме абсолютного времени соответствует форма относительного времени, представляется справедливой в большей степени для книжного языка, ориентированного на южнославянскую систему времен (исключение — *начьноу/почьноу* + инфинитив), но не вполне точно отражающей ситуацию, характерную для живого древнерусского

³ Та же концепция развивается в [Večerka 1993: 180—181] применительно к употреблению конструкции *будет* + -л в старославянской письменности.

языка. Формы аориста и имперфекта на восточнославянской почве в письменную эпоху сохраняются, по-видимому, только в сфере пассивного знания [Зализняк 2004: 174]⁴, так что в живом древнерусском языке, в том числе и в древненовгородском диалекте, — а ведь именно о данном идиоме идет речь в работе Х. Андерсена, — функции простых претеритов уже в раннедревнерусский период выполняли формы перфекта и плюсквамперфекта ([Там же: 175—177]).

Подсистема футурума в живом древнерусском языке также не была в точности такой, как она представлена в таблице, поскольку инфинитивные сочетания с глаголом *начьноу*, которые, безусловно, обнаруживали некоторую тенденцию к грамматикализации в качестве форм будущего времени, были еще далеки от того, чтобы их можно было признать формами аналитического будущего, так как сохраняли свою модально-фазовую семантику и не были закреплены исключительно за презенсом [Юрьева 2009: 22—23].

Место конструкции *будет* + *-л* в системе древнерусского глагола, на наш взгляд, точнее можно было бы определить следующим образом. Рассматриваемая структура в древнерусском языке находится как бы на пересечении двух глагольных подсистем. С одной стороны, (как справедливо отмечено в [Andersen 2006: 84—85]) *будет* + *-л* принадлежит системе перфекта. Существенные изменения внутри системы перфекта начинаются уже в раннедревнерусский период [Хабургаев 1978]; они связаны с утратой *л*-формой атрибутивности и превращением её в претерит, что влечет за собой переосмысление компонентов в составе всех времен перфектной группы (в том числе и вспомогательного *будет* в составе рассматриваемой структуры), нарушая то идеальное соотношение, которое представлено в приведённой выше таблице. С другой стороны, конструкция *будет* + *-л* принадлежит системе модальных образований (не будущих времен!) типа *хочю* + инфинитив и модально-фазовых типа *имоу*⁵/*начьноу* + инфинитив⁶, служащих в древнерусском языке средствами обозначения событий, относящихся к плану будущего. Кроме того, не стоит забывать о том, что конструкция *будет* + *-л* как одно из средств выражения реального условия коррелирует не только с формами индикатива, но и с формой сослагательного наклонения *быхъ* + *-л*, обозначающей ирреальное условие и в качестве вспомогательного использующей форму от той же основы.

⁴ Некоторые исследователи даже более категоричны в своих утверждениях относительно форм аориста и имперфекта и предполагают полное отсутствие имперфекта и раннюю утрату аориста в живом древнерусском языке уже в XI в. ([Хабургаев 1991: 48], ср. также [Успенский 2002: 215]).

⁵ Согласно [Юрьева 2009: 7], конструкции *имамь* + инфинитив, в отличие от *имоу* + инфинитив, не были характерны для живой древнерусской речи.

⁶ В [Юрьева 2009: 19] показано, что, помимо фазисного значения, структура *начьноу* + инфинитив фиксируется в древнейших памятниках также в модально-фазовом значении 'окажется'.

Характер употребления конструкции *будет* + *-л* в древнерусской письменности

Характер употребления конструкции *будет* + *-л* в текстах различной жанровой принадлежности, разной датировки и локализации имеет свои особенности, подробно описанные в [Пенькова 2012: 115—203]. В настоящей статье важно заострить внимание на тех из них, которые имеют ключевое значение для выявления специфики семантики данной формы.

Наиболее широко рассматриваемая структура представлена в деловой письменности, поэтому во многих работах значение и употребление конструкции *будет* + *-л* в русском языке исследуются по большей части на материале деловых текстов, ср. [Кузнецов 1953; Ларина 1953; Яковлева 1953; Соколова 1972; Горшкова, Хабургаев 1981/1997]. В диссертации Э. К. Мустафиной [Мустафина 1984] исследование осуществляется на материале Повести временных лет, в которой рассматриваемая конструкция встречается главным образом не в основном тексте летописи, а в договорах с греками. Большинство примеров, анализируемых в [Иванов 1982: 110—113] и [Силина 1995: 399—411], — также из деловой письменности.

При этом в деловых документах (преимущественно раннего периода [Пенькова 2012а: 10]) основными типами употребления конструкции *будет* + *-л* являются протазис условной конструкции, на что многократно обращали внимание исследователи (см., напр., [Кузнецов 1953/2005: 197—198; Горшкова, Хабургаев 1981/1997: 316—319; Силина 1995: 401]), или зависимая часть местоименно-соотносительного предложения (для более позднего периода, см. [Пенькова 2012а: 10]) — структуры, затрудняющие выявление собственной семантики *будет* + *-л*, ср.:

... нѣ уже будеть оубиѣтъ или въ сваде или въ пироу ꙗвлено тѣ тако ему платити по вѣрви [РП: 3];

... кто будеть друга внѣ деревомь. а будуть сини раны. или крѣвавѣ. полоугоры. грив. серебра. платити кмоу [СГ, список В, 1297—1300 гг.].

В новгородских берестяных грамотах, отмечено 8 примеров конструкции *будет* + *л*, в 7-ми примерах из 8-ми представлены условные предложения [Andersen 2006], ср.: **аже будешь не поминала ино у тебе солоду было а солодъ ржаныи в потклѣтѣ** 'Если, может быть, ты не помнишь, (если окажется, что ты не упомянула [забыла],) то [имей в виду:] у тебя солод был. Солод ржаной в подклете'⁷ (№ 363) [Зализняк 2004: 606].

Исследованные нами летописные памятники мало отличаются от деловых и бытовых характером употребления конструкции *будет* + *-л*, которая при этом обладает здесь чрезвычайно низкой частотностью. В ранних ле-

⁷ Перевод А. А. Зализняка.

тописях зафиксировано всего 11⁸ примеров: 5 в тексте КЛ, 2 — в ГВЛ (оба — в волинской части летописи⁹), 2 — в НПЛК, 1 — в НПЛС, 1 — в приписке к СЛ,¹⁰ (в основном тексте СЛ и в РЛ рассматриваемая структура не встречается). При этом более половины случаев употребления конструкции *будет* + -л (6 из 11-ти) в текстах летописей отмечено в условных предложениях, еще 2 — в местоименно-соотносительных, и только в 3-х примерах из не книжной прямой речи КЛ представлены структуры других типов:

... азъ ти есмь съ бра^тмъ твоимъ с Володимеромъ Ѡселѣ оуже пошелъ, а ты понди Ѡтолѣ, скѹпаса весь, а вѣдалъса будеть Володимеръ, кого заемъ 'я же с братом твоим Владимиром отсюда уже вышел, и ты выходи оттуда, собрав всех людей, чтобы узнал Владимир [Галицкий] (букв.: а узнавшим станет Владимир), кого захватил' [КЛ, 1150 г., 147 об.]. Ср. разбор этого контекста ниже, после примера (13);

... ты еси молодъ а поеди прочь и на позорѹ, како ны будеть Ѡць твои кормилъ и любилъ, а хочемъ за Ѡца твое чть и за твою головы свога сложити 'поезжай прочь и за нами наблюдай; поскольку отец твой нас кормил и любил, то мы готовы за отца твоего честь и за твою головы свои сложить...' [КЛ, 167 об. — 168, 1153 г.] — речь идет об уже умершем отце юного князя Ярослава Владимировича Галицкого, ср. пример (17);

... аче стрѹи придетъ на тѣ Дюрги, понѣ ты са с людьми оутверднѣ будеши, годно ти са с ни оумирити — оумиришиса, паки ли а рать зачнеши с ни 'если твой дядя Георгий придет на тебя с войной после того, как ты договоришься (окажешься договорившимся) с людьми, то захочется тебе с ним помириться — помиришьса, если же нет, то вступишь с ним в войну' [КЛ, 170 об., 1154 г.].

В более книжных текстах, как переводных, так и оригинальных, конструкция *будет* + -л так же, как и в летописях, встречается чрезвычайно редко: в Изб. 1076 г. — 3 примера, в Х.Дан.иг. — 1 (в местоименно-соотносительном предложении), в Поуч.Серапиона Вл. — 2 (в условном и местоименно-соотносительном предложении), ЧН — 1 пример [Силина 1995: 400]. В ИИВ встретилось 4 случая употребления *будет* + -л, при этом 3 из них также в протазисе условной конструкции.

⁸ С учетом не относящейся к самому летописному тексту приписки монаха Лаврентия в СЛ под 1377 годом.

⁹ О «галицкой», более книжной, и «волинской», менее книжной, частях в ГВЛ см. [Шевелева 2010: 216; Юрьева 2013: 135—151].

¹⁰ В исследованных летописных памятниках, относящихся к более позднему периоду, конструкция *будет* + -л также встречается чрезвычайно редко: в Пск. 2 лет. нет примеров, в Пск. 3 лет. представлено 3 примера, в Никон. лет. за 1-ую половину XVI в. — 1.

Большое количество примеров употребления конструкции *будет* + *-л* (всего 28 случаев) представлено в приписках писцов к различным спискам Евангелия, Апостола, Пролога и др., собранных в работе [Столярова 2000], однако во всех этих примерах рассматриваемая форма представлена в условном протазисе или в зависимой части местоименно-соотнесительного предложения, в составе формул, сообщающих о возможных ошибках писца: **Цѣ зда бѹдѹ кде описалъса хоудымь оумомь грѣшнымь, простѣте** (Ев. Гал. 1266—1301 г.); **аще кдѣ бѹдѹ изгубилъ...** (Ев. 1307 г.); **гдѣ са бѹдѹ описалъ, исправите, Бога дѣла** (Апостол к. XIV в.) (цитируется по [Столярова 2000: 185, 423]); ср. текст приписки к Лаврентьевской летописи: **уже са гдѣ бѹдѹ описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, читите, исправливаа Ба дѣла** [СЛ, 173, 1377 г.].

В ЖФП конструкция *будет* + *-л* представлена всего одним примером, и это также употребление в протазисе условного предложения, ср.: **Аще и грѣхы боудеть кѣто сътворилѣ, азъ имамъ о томъ прѣдъ бѣмь ѿвѣщати** [ЖФП, 63г].

Таким образом, вторая причина, затрудняющая выявление собственно грамматического значения *будет* + *-л*, состоит в том, что эта конструкция фиксируется преимущественно в условных предложениях, семантика которых не позволяет однозначно определить, принадлежит ли «условность» значению самой конструкции *будет* + *-л* или задается лишь контекстуально, и чрезвычайно редко встречается в других типах структур.

В связи с указанными особенностями употребления конструкции *будет* + *-л* в памятниках представляется продуктивным обращение к понятию *диагностического контекста*, используемому, к примеру, в работе [Кукушкина, Шевелева 1991: 38—49] применительно к анализу семантики различных аспектуальных типов глагольных основ.

В нашем случае контексты, в которых *будет* + *-л* употреблена в условном придаточном в соседстве с условным союзом, следует признать *недиагностическими*, не позволяющими четко отграничить собственную семантику рассматриваемой формы от значения условной конструкции в целом¹¹. Исследуя семантику конструкции *будет* + *-л*, необходимо опираться на контексты другого типа, в которых значение рассматриваемой формы менее обусловлено семантикой структуры, в составе которой она употребляется. Примеры именно такого рода, чрезвычайно редкие в древнерусских памятниках, содержит текст ЖАЮ.

¹¹ Ср. обобщение в [Bybee 1998: 263]: «...the innovation of grammaticization tends to take place in main clauses (...) grams tend to remain conventionalized in subordinate clauses, where it is difficult to identify their semantic contribution» «изменения в (степени) грамматикализации имеют тенденцию происходить в главной части предложения (...) грамматические показатели тяготеют к конвенционализации в придаточных предложениях, в которых сложно выявить семантический вклад, [вносимый этими показателями]».

Конструкция *будет* + -л в Житии Андрея Юродивого

Поскольку рассматриваемая конструкция в летописях, житиях и других книжных текстах, как оригинальных, так и переводных, употребляется чрезвычайно редко, а в деловых текстах наблюдается закрепление *будет* + -л за условными и местоименно-соотносительными структурами, особую ценность приобретают данные ЖАЮ, в котором зафиксировано 15 случаев употребления *будет* + -л, т. е. больше, чем во всем корпусе исследованных нами летописей, почти в 2 раза больше, чем в корпусе берестяных грамот, исследуемых в [Andersen 2006], и в 1,5 раза больше, чем в исследованных оригинальных и переводных книжных памятниках (см. выше). Особая ценность примеров из ЖАЮ для исследования грамматической семантики конструкции *будет* + -л связана не только с количественным критерием, но и с характером самих структур, в которых фиксируется интересующая нас форма: на 15 случаев приходится только один, в котором рассматриваемая конструкция употреблена в придаточном условном (с условным союзом **ѣще**), и только один случай с *будет* + -л в местоименно-соотносительном предложении.

Материал ЖАЮ в исследованиях, посвященных интересующей нас проблематике, ранее не привлекался. Как известно, язык ЖАЮ является весьма архаичным и менее книжным в сравнении с другими житиями XI—XII вв., отражает большое число русизмов на разных языковых уровнях [Молдован 2000: 149; Пичхадзе 2011: 335—347], что позволяет судить не только о книжных особенностях употребления конструкции *будет* + -л, но и о функционировании формы в живом древнерусском языке, в особенности в тех случаях, когда данные ЖАЮ подтверждены примерами из «некнижной» КЛ.

Древнейший список ЖАЮ (РГАДА, ф. 381 № 182), датируемый концом XIV в., согласно [Молдован 2000: 35], в значительной степени сохраняет особенности архетипа, в особенности — в области синтаксиса, что позволяет судить о специфике употребления конструкции *будет* + -л в раннедревнерусском языке. В настоящей работе используется именно этот список ЖАЮ, текст которого вместе с восстановленными по данным весьма точного списка с этой рукописи (Сол. № 216) недостающими фрагментами опубликован в издании [Молдован 2000]. Примеры из ЖАЮ и их греческие соответствия, за исключением особо оговариваемых случаев, приводятся по указанному изданию.

Древнерусский перевод ЖАЮ, осуществленный, согласно [Арх. Сергей 1898/2007: 210], в XI — нач. XII вв., был выполнен очень качественно, автор «хорошо знал разговорный греческий язык своего времени и успешно справился с переводом редких греческих слов» [Молдован 2000: 104—105]. Высокое качество перевода дает возможность сопоставлять древнерусский текст с греческим оригиналом, что во многих случаях способствует более глубокому пониманию семантики исследуемой формы, поскольку некоторые редкие типы употребления конструкции *будет* + -л, представленные в житии и почти не фиксируемые в других памятниках, не связаны

с калькированием греческого текста. Таким образом, ЖАЮ позволяет, сопоставив древнерусский текст с текстом греческого оригинала, выявить примерный набор семантических признаков, который в том или ином контексте побуждал переводчика к использованию конструкции *будет* + *-л*, и тем самым прояснить вопрос, связанный с наличием или отсутствием модального компонента в семантике рассматриваемой структуры.

В ЖАЮ, в отличие от других исследованных нами текстов, конструкция *будет* + *-л* употребляется не только в прямой и косвенной речи, но и в нарративе и представлена в следующих типах синтаксических структур: в косвенном вопросе (1 пример), в составе придаточных разных типов (в условном — 1 пример, в местоименно-соотносительном предложении — 1, в присубстантивной конструкции — 2, в придаточном времени — 1, в придаточном изъяснительном — 1, в придаточном причины — 1), в структурах с частицей *да* в целевом значении (2 примера) и в главной части сложноподчиненного предложения (5 примеров).

Таким образом, конструкция *будет* + *-л*, вопреки традиционному мнению, не обнаруживает жесткой закрепленности за определенными типами синтаксических структур, и свободно употребляется не только в различных типах придаточных, но и в главном предложении.

Употребления конструкции *будет* + *-л* в ЖАЮ неоднородны и отчетливо делятся на 3 семантических типа. В рамках первого типа событие и/или его результат, называемые этой конструкцией, отнесены к плану будущего и обычно предшествуют другому событию в будущем. Будем называть данный тип «результативность в будущем».

В употреблении второго типа структура выражает не предшествование результата, а его следование за другим событием в будущем. Назовем данный тип «следование в будущем».

В употреблении третьего типа конструкция *будет* + *-л* выражает *предположение* говорящего, при этом ситуация, называемая формой *будет* + *-л*, отнесена к плану прошлого. Будем называть данный тип «модальным».

1. Результативность в будущем

В ЖАЮ конструкция *будет* + *-л* в данном употреблении представлена 6-ю контекстами из 15-ти.

- 1) ... елико ихъ не покаѣлось бѣдетъ, вѣчномѣ огнѣи прѣдани бѣдоути 'сколько их окажется не покаявшимися, будут преданы вечному огню' [ЖАЮ, 5813—5816].
... ὅσοι οὐ μετεμελήθησαν, τῷ αἰωνίῳ πυρὶ παραδοθήσονται букв.: 'сколько их не покалось, вечному огню преданы будут' (5815—5816).
- 2) ... а егда кто любо отвержется дѣлъ вашихъ, еже бѣдетъ дѣлаъ прѣже, како то терпѣтъ¹² 'а когда кто-нибудь отречется от дел ва-

¹² Форма презенса 3 л. ед. ч. с меной ѣ и и, ср. греческий контекст.

ших [бесовских], которые делал (окажется делавшим) до этого, как это переносит' [ЖАЮ, 5924—5926].

... ὅταν τις ἀρνήσεται τὰ πάθη ὑμῶν, ὧν πρῶτον κάτοχος ἐχρημάτιζεν, καὶ προσέλθῃ διὰ μετανοίας Θεῷ, πῶς φέρεται букв.: 'когда кто-нибудь отречется от страстей ваших, обладателем каковых прежде именовался, и приблизится через покаяние к Богу, как это переносит' (5925—5926).

- 3) ... **понеде да вѣтъ вариво, како вѣдетъ оустроилъ емѹ явивыиса емѹ** [Епифаний] 'пошел посмотреть блюдо, каким окажется то, что сделал ему явившийся ему' [ЖАЮ, 1425—1426] (речь идет о чудесной помощи Епифанию в приготовлении пищи: Епифаний во время церковной молитвы подвергся искушению оставить церковную службу и вернуться домой, чтобы проверить, не сгорела ли пища, однако он всецело положился на волю Божию, и его блюдо было чудесным образом спасено ангелом);

... ἀπήει θεάσασθαι, ὁποῖον αὐτῷ ὁ φαεῖς τὸ ἔψημα κατεσκεύασεν (1425—1426), букв.: 'ушел посмотреть, какое ему явившийся блюдо приготовил'.

- 4) ... **да изиди үже да посѣтиши, ега (так! [вм.: еда]) како пригорѣло вѣдетъ да начнетъ смѣрдѣти, а церковь твоѣ не оубѣжитъ Ѡсюдѣ** 'выйди [из церкви], чтобы посмотреть, как бы не оказалось (стало) пригоревшим [блюдо], и не начало дурно пахнуть, а церковь отсюда от тебя не убежит...' [ЖАЮ, 1375—1377] (передается речь одного из злых духов, искушающего Епифания во время церковной молитвы);

... θεάσαι μή πως καῦσιν πεποίηκεν... букв.: 'посмотри, как бы не вызвало каким-нибудь образом сжигание' (1374—1375).

- 5) ... **Тогда еще кто Ѡ стыхъ одва са вѣдетъ оутанлъ в пыстынахъ** (так! [вм.: оустынахъ]) **Ѡ антихѣта, вса ты Гѣ дхомъ силы своа въ стын градъ Сионъ свереть** 'в то время кто из святых еще окажется спрятавшимся в пустынях от антихриста, всех тех Господь духом силы своей в святой град Сион соберет' [ЖАЮ, 5513—5515].

... Τότε εἴ τις τῶν ἁγίων λαθῶν τῷ ἀντιχρίστῳ ἐύρηθήσεται ἐν ἐρημίαις καὶ ἄπαντος αὐτοῦς ὁ Κύριος πνεύματι δυνάμεως αὐτοῦ ἐν τῇ ἁγίᾳ πόλει Σιών ἀθροίσει [PG 111: 872¹³ 'тогда если кто-то из святых, спрятавшийся от антихриста, найдется в пустынях, то всех Господь духом силы Его в святой город Сион соберет'.

- 6) ... **да занеже не вѣдетъ в то время мѹжа добра, нѣ вси вѣдоутъ погыбли** 'и так как не будет (не найдется) в то время достойного

¹³ Приводим соответствующий греческий текст по [PG 111], так как воспроизведенный в [Молдован 2000] фрагмент греческой рукописи на данном отрезке содержит большое количество ошибок.

человека, но окажется, что все погибли (погибшие)’ [ЖАЮ, 5316—5317]);

... διὰ δὲ τὸ μὴ εἶναι κατὰ χρείαν τῷ καιρῷ ἄνδρα ἐπίσημον, ἀλλὰ πάντας τῆς ἀπωλείας (5316—5319).

В примерах (1)—(4) структуре *будет* + *-л* в тексте оригинала соответствуют формы аориста, перфекта и имперфекта. Перевод данных форм с помощью конструкции, имеющей футуральную семантику, объясняется, по видимому, соседством с формами, выражающими значение будущего времени. Так, почти во всех примерах (включая (5) и (6)) конструкция *будет* + *-л* привязана к одной из структур, называющих ситуации, связанные с планом будущего: «**БУДУТЬ** + причастие на *-н*» — в (1), формы простого будущего времени (презенс совершенного вида) — в (2), (5) и (6), «**НАЧЬНОУ** + инфинитив» — в (4). К этим формам примыкает и конструкция со значением цели «**ДА** + презенс» в (3), также относящая действие к плану будущего.

Одной из важных синтаксических характеристик данного типа, напрямую связанных с употреблением в контексте с одной из форм, имеющих футуральную семантику, является употребительность в придаточных предложениях (исключение составляет (6), см. о нем ниже), поскольку в качестве точки отсчета выступает одна из временных форм в главном предложении.

При этом важно подчеркнуть, что рассматриваемая конструкция все же не просто указывает на факт хронологического предшествования одного события другому (называемое ею событие может отстоять во времени сколь угодно далеко от другого события в будущем, ср. (1) и (2)), но выдвигает на первый план наличие результата, по тем или иным причинам актуального или логически связанного с другим событием в будущем, т. е. имеет не таксисную, а именно смещенно-перфектную семантику, выражающую связь двух временных планов, предшествующего и последующего, ср. (4): ...**како пригорѣло БУДЕТЬ да начнеть смѣрдѣти**. На необходимость разграничения перфектной и таксисной семантики — применительно к значению форм плюсквамперфекта в древнерусском языке — особо обращается внимание в [Шевелева 2007: 216—217]. Кажется необходимым провести такое же разграничение и применительно к значению конструкции *будет* + *-л*, входящей наряду с плюсквамперфектом в систему перфектных образований.

Среди приведенных контекстов присутствуют как такие, в которых ситуация имеет чисто гипотетический характер (примеры (1), (2), (5)), так и такие, в которых ситуация уже имеет место в момент речи (3), (4); в последнем представлена ситуация, противоположная предполагаемой, и только для воспринимающего субъекта истинное положение дел будет обнаружено в будущем. В последних примерах отчетливо заметен семантический компонент, связанный с обнаружением, выявлением в будущем истинного положения дел, неизвестного в момент речи (на современный

русский язык это более или менее удачно переводится словоформой *окажется*¹⁴). Употребляя конструкцию *будет* + *-л*, говорящий в той или иной мере допускает возможность и иного пути развития событий, т. е. вводит в высказывание значение потенциальной модальности¹⁵. Так, в (4) (**да поспѣтиши ега [вм.: еда] како пригорѣло бѹдеть...**) в роли воспринимающего субъекта выступает адресат, и рассматриваемая конструкция маркирует именно точку зрения адресата, которому в момент речи неизвестно, имеет ли место в реальности описываемая говорящим ситуация (адресат не знает наверняка, подгорело блюдо или нет, и может обнаружить, каково реальное положение дел, только в будущем)¹⁶. Сходная ситуация представлена и в (3) (**...да виѣ вариво како бѹдеть оустроилъ емѹ**).

В (1), (2) и (5) конкретный адресат отсутствует, поскольку речь идет не о единичной ситуации, а о некотором множестве потенциально возможных ситуаций. В этих случаях семантический компонент, связанный с обнаружением, менее очевиден. Однако на присутствие в семантике формы перцептивного компонента, трудно улавливаемого современным исследователем, может указывать — по крайней мере, в (5) — греческое соответствие.

При сопоставлении древнерусского контекста с соответствующим фрагментом в греческом, как и в других примерах (см. ниже), обнаруживаем несоответствие синтаксических структур, при этом основные смыслы, присутствующие в греческом тексте, в древнерусском переводе сохранены: конструкции **бѹдеть оустроилъ** соответствует сочетание пассивного футурума от глагола $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\omega$ 'находить, обнаруживать' и активного причастия аориста от глагола $\lambda\alpha\nu\theta\acute{\alpha}\nu\omega$ 'быть скрытым', букв. 'найдется спрятавшийся'. Тот факт, что форма греческого футурума от глагола $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\omega$ 'находить, обнаруживать' переведена именно с помощью **бѹдеть** (а не, к примеру, **обращеться**¹⁷), указывает на общность семантики между древнерусским и греческим глаголами, способными употребляться как в экзи-

¹⁴ Современный перевод конструкции с помощью форм прошедшего или будущего времени (типа «все погибли/погибнут» — для (6)) эту специфику семантики передать не способен.

¹⁵ Ср. трактовку понятия потенциальности в [Бондарко 1990: 75]: «В модальных значениях отражается не только оппозиция Р/ИР (РЕАЛЬНОСТЬ/ИРРЕАЛЬНОСТЬ — Я. П.), но и динамика (курсив мой — Я. П.) связей между реальностью и ирреальностью. Именно эти связи отражаются в понятии потенциальности».

¹⁶ Семантические компоненты 'неизвестность в момент речи' и 'обнаружение в будущем' позволяют говорить об объединении в структуре значения *будет* + *-л* эвиденциальности и эпистемической модальности. О близости двух названных категорий см., например, [Palmer 2001: 24—58].

¹⁷ Глагол **обръстисѧ** употребляется в ЖАЮ 8 раз [Молдован 2000: 719]; из них в 6-ти случаях — в форме аориста — он соответствует греческому $\epsilon\upsilon\acute{\rho}\iota\sigma\kappa\omega$, в 2-х остальных — в форме презенса — он соответствует греческим глаголам $\acute{\phi}\acute{\upsilon}\omega$ и $\epsilon\upsilon\acute{\phi}\rho\alpha\acute{\iota}\nu\omega$.

стенциальном, так и в перцептивном значениях, связанных, как известно, отношениями регулярной многозначности¹⁸.

Указанный случай передачи греческого глагола εὕρισκω с помощью **БУДЕТЬ** не является в ЖАЮ уникальным. По крайней мере еще дважды, причем в различных синтаксических структурах, переводчик жития в качестве древнерусского эквивалента названному греческому глаголу выбирает **БУДЕТЬ**, ср.:

- 7) ... и въ градѣ семъ измаилитѣнина не бѹдетъ 'и в этом городе (ни одного) иноверца не окажется' [ЖАЮ, 5166—5167] — ... καὶ ἐν τῇ πόλει ταύτῃ Ἰσμαηλίτης οὐχ εὕρεθήσεται
- 8) ... не гордись... да бѹдеши достоинъ стельства 'не гордись... чтобы оказаться достойным архиерейского сана' [ЖАЮ, 2319—2323] — ... ὅπως ἄξιος εὕρεθῆς τῆς ἀρχιερωσύνης.

Приведенный выше пример (6) (... нъ вси бѹдоутъ погыбли) заслуживает отдельного комментария. Здесь конструкция *будет* + -л имеет очень архаичное употребление, вовсе не связанное с функцией предшествования, а выражающее чистую статальность¹⁹, отнесенную к будущему (букв.: 'все окажутся погибшими'). Акциональной интерпретации данного контекста, на первый взгляд более естественной для носителя современного русского языка ('все погибнут'), препятствует греческое соответствие — структура с так называемым *genitivus characteristicus*: πάντας τῆς ἀπωλείας²⁰.

Таким образом, рассмотренные контексты из ЖАЮ показывают, что главным в семантике рассматриваемой структуры является указание не столько на предшествование другому событию, сколько на результат, наступление (ср. (1), (2), (5), (6)) или обнаружение которого (ср. (3), (4)) *потенциально* возможно в будущем, т. е. такисное значение предшествования вторично по отношению к результативному, и контекстуально обусловлено (связано с употреблением конструкции *будет* + -л в придаточном при формах будущего времени в главном предложении), что подтверждают другие типы употребления этой конструкции, в которых ее значение в меньшей степени зависит от контекста (см. ниже); на это же в ряде случаев указывают и данные греческого оригинала (ср. (6), а также контексты в разделе III).

Возможность функционирования конструкции *будет* + -л в качестве маркера потенциальной модальности объясняется в том числе и семантическими особенностями древнерусского **БУДЕТЬ**, который в качестве гла-

¹⁸ Ср. [Падучева 2004: 201]; эта взаимосвязь между экзистенциальным и перцептивным значением отмечается в [Lampe 1961: 574] для греческого глагола εὕρισκω в формах пассивного залога, ср. комментарий: «be found, i. e. be present».

¹⁹ О типологических особенностях эволюции перфекта см. [Маслов 2004: 54—61; Петрухин 2004].

²⁰ По-видимому, в рассматриваемом контексте присутствует аллюзия на Священное Писание, ср. (Ин. XVII: 12), (2 Фесс. II: 3): ὁ υἱὸς τῆς ἀπωλείας 'сын погибели'.

гола-связки мог употребляться в двух вариантах: ‘окажется, обнаружится’ и ‘станет, начнет существовать’, о чем свидетельствуют многочисленные примеры из древнерусских памятников, оставшиеся незамеченными в современных исследованиях, целиком сосредоточенных только на проблеме семантики самой конструкции *будет* + *-л* и не учитывающих других употреблений *боудеть*; ср. контекст из НПЛС, в котором в главной части предложения *боудоу* имеет значение, близкое к ‘стану’, тогда как в зависимой — ‘окажусь’: **Твѣрдиславъ же, прозря на святую Софию, и рече: даже буду виноватъ, да буду тѣ мертвъ, буду ли правъ, а ты мя оправн, Господи** ‘Твердислав же, взглянув на святую Софию [церковь], сказал: если окажусь виноват, пусть буду (стану) тут же мертв, окажусь ли прав, а Ты покажи мою невиновность, Господи’ [НПЛС, 90 об., 1218 г.] — то же в НПЛК; ср. также: **И даша посадничество Павшѣ Онаньиничю; а тысяцкого не даша никомуже, ци будеть Кондратъ живъ** ‘и отдали посадничество Павше Онаньиничу, а тысяцким не поставили никого, вдруг окажется Кондрат жив’ [НПЛС, 146 об., 1269 г.] — то же в НПЛК; или: **А язъ пошлю свои философы, дажь поговорят про вѣру, увѣдают, чья будет вѣра лучши. Аще ваша будет вѣра лучши, язъ иду в вашу вѣру. Аще ли будет наша вѣра лучши, вы пойдите в мою вѣру** ‘и я пошлю своих мудрецов, пусть поговорят про веру, узнают, чья вера окажется лучше. Если ваша вера окажется лучше, я иду в вашу веру, если окажется наша вера лучше, вы идите в мою веру’ [НПЛК, 213 об., 1348г.] и многое другое (см. [Пенькова 2012: 231—324]).

II. Следование в будущем

Данный семантический тип, по-видимому, является производным от первого («результативность в будущем»). В основании — метонимический перенос, схема которого могла быть примерно такой: ‘результат некоторого события + его актуальность в будущем’ → ‘результат + продолжение его существования в будущем’ → ‘возникновение новой ситуации и ее продолжение’ (о семантической деривации граммем см. [Князев 2007: 96]). Фокус с результата смещается на следствие (последующее итоговое состояние²¹), тем самым конструкция приобретает начинательное значение: ‘начнет (возникнет) и продолжит существовать Р’, в некотором отношении синонимичное значению структуры «*начноу* + инфинитив», но, в отличие от последней, оно маркирует не собственно начальную фазу ситуации, а представляет событие проспективно — с того момента, когда результат уже достигнут, ср. переносное употребление форм прошедшего времени СВ в императивном значении в современном русском языке: *Куда? — спросил извозчик. — Пошел прямо!* (Н. Гоголь. Нос), пример из [Князев 2007: 104].

В названном употреблении конструкция *будет* + *-л* представлена в ЖАЮ в 5-ти случаях из 15-ти, составляющих 2 подтипа: 1 — в главной

²¹ В терминологии Ю. П. Князева — *результатирующая фаза* [Князев 2007: 96].

части сложноподчиненного предложения, 2 — в структурах с частицей **да** в значении ‘чтобы’.

II. 1. Первый подтип представлен 3-мя примерами:

- 9) ... **аще ли се твориши второе, да третье будеши не створишь** ‘если сделаешь это во второй раз, то в третий уже не сделаешь’ [ЖАЮ, 3969—3970],
... εἰ δευτερώσεις, οὐ τρίτως εἶς ‘если сделаешь [это] во второй раз, в третий не сделаешь’ (3970),
- 10) ... **аще ли се створитъ второе да третье бѹдетъ не створишь** [ЖАЮ, 3973—3974],
... εἰ δὲ δευτερώσει, οὐ μὴ τρίτως εἶς (3973—3974),
- 11) ... **аще ли хоцещи да предамъ кго дѹхови нечистѹ бѹдетъ ходити бѣсася** ‘если хочешь, предам его нечистому духу, и станет ходящим, беснуясь’ [ЖАЮ, 3410—3411],
... ἐὰν δὲ θέλεις, παραδίδομι αὐτὸν πνεύματι ποιηρίας καὶ ἔσται περιάγων δαιμονιζόμενος букв.: ‘... и станет ходящий кругом, будучи одержимым’ (3410—3411).

В употреблении данного типа конструкция *будет* + *-л* очевидно выступает не в качестве относительного, а в качестве абсолютного времени, относящего событие к плану будущего, что подтверждается данными греческого оригинала — во всех трех случаях конструкция *будет* + *-л* употреблена в соответствии с формами греческого футурума I в соединении с причастием (в (11)) или без него. Конструкция *будет* + *-л* в данных контекстах обозначает результат, который является не фоном для последующих событий, а следствием предшествующего действия.

В приведенных примерах рассматриваемая структура оказывается семантически близка к «*начьноу* + инфинитив», поскольку также обозначает возникновение и дальнейшее продолжение ситуации. Показательно, что в отрицательных контекстах частица **не**, как и в структурах с *начьноу*, не привязана к вспомогательному глаголу²². *Начьноу* + **не** + инфинитив имеет в древнерусском языке значение ‘перестать, прекратить Р’ [Юрьева 2009: 20]; в том же значении находим и **бѹдетъ** + **не** + *-л* в (9) и (10). Это семантическое сближение двух структур вовсе не является случайным. Как показано И. С. Юрьевой [Там же: 19], конструкция *начьноу* + инфинитив в древнерусском языке изредка могла употребляться и в значении ‘обнаружится/окажется (станет известным), что’, т. е. синонимично *будет* + *-л*.

Основанием для сближения названных конструкций является инцептивный семантический компонент, общий для *бѹдоу* и для *начьноу*. Основа *bod-* является инфиксальным образованием от **bhū* < **bhewə-* «расти»

²² Для конструкции *будет* + *-л* в древнерусских памятниках характерна постановка частицы **не** перед л-формой, а не перед вспомогательным **бѹдетъ**, случаи употребления **не** перед **бѹдетъ** единичны [Пенькова 2012: 115—203].

[Мейе 1934/2001: 165—166; Кузнецов 2002: 135—141] (ср. греч. φυτόν, слав. **былик** [Потебня 1888: 127]) > «становиться» и отличается от производящей основы аспектуальным значением ‘начало действия’, которое возникает благодаря наличию носового инфикса. Этим аспектуальным значением объединялись в праславянском языке основы глаголов I класса, такие как *seǫǫ*, *lęǫǫ*, *obręštǫ* и *bǫǫǫ*, маркированные по наличию носового инфикса [Кузнецов 2002: 135—141]. По-видимому, особой аспектуальной характеристикой основы в праславянском объясняется и тот факт, что образования от *буд-* в древнерусском языке ведут себя как формы от основы совершенного вида (в частности, одной из этих форм является имперфект совершенного вида **БУДАШЕ** [Маслов 2004: 141—175; Зализняк 2008: 94—106]).

II. 2. Особой разновидностью второго типа являются целевые и косвенно-побудительные конструкции с частицей **да** — структуры, в которых более вероятным — по крайней мере, для ЖАЮ — было бы ожидать форму сослагательного наклонения **бы** + *-л*²³.

В ЖАЮ встретилось 2 таких примера:

- 12) ... **повелѣлъ бо вѣдше еи да сѧ препояшеть исподи, да вѣдеть имѣла сотонѣ обвившася около себе**²⁴ ‘ведь [волхв] повелел ей [женщине], чтобы она перепоясалась под одеждой, чтобы оказалось, что она имеет сатану, обвившегося вокруг нее’ [ЖАЮ, 3636—3638],
... τουτέστιν ἵνα ἔχη τον Σατανᾶν ‘то есть чтобы имела сатану...’ (3638),

²³ Как показано А. А. Пичхадзе, в переводных древнерусских памятниках конструкция **да** + сослаг. накл. более характерна для косвенно-побудительных предложений, тогда как в целевых преобладают структуры **да** + индикатив [Пичхадзе 2011: 331—335]. На этом фоне, наряду с некоторыми другими текстами, резко выделяется ЖАЮ, в котором, согласно [Молдован 1996: 261—270], конструкции с сослаг. накл. широко используются не только в косвенно-побудительных, но и в целевых придаточных.

²⁴ В. С. Лесневский, исследуя косвенно-побудительные предложения в Успенском сборнике, выявил следующую закономерность: после глаголов приказа употребляются структуры «**да** + индикатив», тогда как конструкции **да** + сослаг. накл. «могут сочетаться только с кругом глаголов со значением желания, просьбы, мольбы... но не повеления» [Лесневский 1976: 183]. В других древнерусских памятниках изредка после глаголов приказа могут употребляться и формы сослаг. наклонения [Пичхадзе 2011: 331—335]. В (12) указанное выше распределение не нарушено: глагол **повелѣти** вводит структуру «**да** + индикатив». Однако в соседнем придаточном вполне можно ожидать как структуру с формой индикатива, так и с формой сослаг. наклонения — о такого рода «чередовании» форм индикатива и сослагательного наклонения в однородных **да**-придаточных см. [Лесневский 1976: 181—182].

- 13) ... **да се нына азъ тѣ оустрою да бѹдѣши ктому не кралъ николиже** ‘сейчас я тебе сделаю [так], чтобы ты не крал отныне никогда’ [ЖАЮ, 2669—2671],
 ... ἐγὼ σοι δεῖξω μῆκέτι κλέπτειν ‘я тебя заставлю больше не красть’ (2671).

В (12) в форме косвенной речи передаются распоряжения волхва женщине, которая обратилась к нему за помощью; в (13) — речь усопшей праведницы, грозящей осквернителю своей гробницы ослеплением.

Греческими соответствиями конструкции *будет* + *-л* являются, соответственно, форма конъюнктива настоящего времени от глагола ἔχω ‘иметь’ и форма инфинитива настоящего времени от глагола κλέπτω ‘красть’. Показательно, что формы сослагательного наклонения, употребляемые в ЖАЮ в целевых и косвенно-побудительных конструкциях с частицей **да**, зачастую используются для перевода тех же греческих структур, что и *будет* + *-л* в приведенных контекстах, — форм конъюнктива и инфинитива [Молдован 1996: 261—270]. По-видимому, использование конструкции *будет* + *-л* для перевода названных форм объясняется, во-первых, тем, что предшествующее действие (**да сѣ преподашеть; оустрою**) отнесено говорящим к плану будущего и, следовательно, связано с некоторой долей гипотетичности. *Будет* + *-л* обозначает цель этого действия, характеризующуюся еще большей степенью предположительности, ср. (12), где конструкция *будет* + *-л* выступает в функции будущего в прошедшем и маркирует точку зрения Наблюдателя, для которого момент исполнения повеления волхва относится к будущему, а значит, существует не в реальности, а лишь в потенции²⁵. Такое употребление конструкции *будет* + *-л* в целевых и косвенно-побудительных структурах с частицей **да**, синонимичное «**да** + сослаг. накл.», косвенно указывает на то, что рассматриваемая конструкция служила для обозначения ситуаций, которые являются для говорящего не реальными, а лишь потенциально возможными. Семантическим основанием для функционального сближения названных структур может являться способность как одной, так и другой обозначать ситуации, входящие в сферу потенциальной модальности: возможные — для *будет* + *-л* и желаемые для **бы** + *-л*.

Во-вторых, на выбор переводчика в рассматриваемых примерах могли оказать влияние и аспектуальные характеристики глаголов **имѣти** и **красти** — их принадлежность к бесприставочным, так называемым *неохарактеризованным* по виду [Кукушкина, Шевелева 1991: 38—49] и не способным выразить начинательное значение (в (13) в контексте с отрицательной частицей трансформирующееся в ‘перестать’, ср. далее в П.1), вводимое в

²⁵ Перед нами один из случаев употребления *будет* + *-л* в нарративе, благодаря чему события представлены как имевшие место в прошлом; при этом точкой отсчета является не момент речи, а текущий момент текстового времени — «настоящее время... наблюдателя-повествователя», согласно [Падучева 1996: 285].

данных случаях формой презенса **вѹдетъ**²⁶ (ср. ниже пример из КЛ, в котором будет употреблено при имперфективе **вѣдати**).

Конструкция *будет* + -л в структуре с союзом **а** в целевом значении — т. е. в контексте, семантически сходном с рассматриваемым в данном пункте²⁷ — фиксируется в прямой речи КЛ: ... **азъ ти есмь съ брѣмъ твоимъ с Володимеромъ Ѡселъ оуже пошелъ, а ты поиди Ѡтолъ, скѹпѣса весь, а вѣдалъса будеть Володимеръ, кого заемъ** ‘я же с братом твоим Владимиром отсюда уже вышел, и ты выходи оттуда, собрав всех людей, чтобы стал узнавшим Владимир [Галицкий] (букв.: а узнавшим станет Владимир), кого захватил’ [КЛ, 1150 г., 147 об.].

Здесь, так же как и в примерах из ЖАЮ, использование рассматриваемой конструкции дает говорящему возможность подчеркнуть значение результативности, чего не позволяют выразить структуры с формой презенса или сослагательного наклонения. Благодаря этому высказывание приобретает несколько бóльшую категоричность (ср. характерное для современной русской речи употребление л-формы, при котором говорящего интересует немедленное наступление желаемого результата (типа «*Пошел!*» в императивном значении)), — категоричность, вполне уместную при выражении требования (12) или угрозы (13); показательно, что в той же иллокутивной функции угрозы рассматриваемая конструкция употреблена как в примере из КЛ, так и выше в (9), (10), (11). Контекст из КЛ, прямая речь которой характеризуется высокой степенью не книжности [Зализняк 2004: 51] и по многим параметрам сближается с языком берестяных грамот, подтверждает возможность такого употребления конструкции *будет* + -л в живом древнерусском языке.

Таким образом, на основании данных ЖАЮ и КЛ — архаичных в языковом отношении памятников, переведенных или созданных в Древней Руси, можно говорить о том, что конструкция *будет* + -л уже в раннедревнерусском языке могла употребляться в значении «следования в будущем», сохраняя при этом семантический компонент ‘результативность’.

В юго-западных украинских диалектах конструкция *будет* + -л встречается до сих пор, однако изначально присутствовавшая в её семантике результативность утрачена, а конструкция выражает следование за моментом речи, т. е. значение будущего времени [Соколова 1972: 29]. В подобном употреблении находим конструкцию *будет* + -л в древнепольском языке [Ананьева 1994: 240—241], в древнечешском — наряду с выражающим значение предшествования в будущем [Andersen 2006a: 17], в современных

²⁶ Параллелизм с «**начати** + инфинитив» проявляется и в этом случае, поскольку, согласно [Пичхадзе 2011: 344], «сочетания с **начати** используются в ЖАЮ для обозначения начала состояния или длительного действия, если оно обозначено глаголами, для которых трудно подобрать... перфективы с начинательным значением».

²⁷ О возможности употребления союза **а** в древнерусском языке не только в качестве соединительного и уточнительного союза, но и для выражения различных подчинительных отношений см. [Пичхадзе 1999: 28—37].

польском и словенском языках, ср., напр., словенск. *bom pisal* ‘я буду писать’ [Тихомирова 2005: 372—373; Дуличенко 2005: 205].

На эту семантическую эволюцию *будет + -л* — по крайней мере в украинских говорах — могли повлиять употребления в значении следования в будущем, подобные рассмотренным в данном пункте. Возможность такого семантического развития конструкции *будет + -л*, по-видимому, существовала в древнерусском языке, однако по причине чрезвычайно низкой частотности употреблений данного типа не получила в великорусских говорах дальнейшего развития.

III. Модальное значение

В основе модального употребления конструкции *будет + -л* также лежит семантический сдвиг, однако другого рода. Отнесение обнаружения истинного положения дел к будущему лишь имитируется грамматической внутренней формой конструкции, за счет чего возникает значение предположительности: ‘в будущем окажется, что Р уже произошло’ → ‘в настоящем неизвестно, произошло ли Р’ → ‘возможно, произошло Р’.

В ЖАЮ конструкция *будет + -л* в данном употреблении зафиксирована в 4-х случаях из 15-ти.

В одном из примеров рассматриваемая структура употреблена в контексте с условным союзом **аще**, однако перед нами не условное придаточное, а вопрос-предположение, вводимый глагольной формой **вѣсть**:

- 14) ... **дрѹзѣи гл҃ху: кто вѣсть, аще ли оустравилса бѹдетъ да**²⁸
плачетса своѣа лишены части ‘другие говорили: «Кто знает, возможно (вероятно), [св. Андрей] протрезвел (стал трезвым) и оплакивает свою несчастную судьбу?»’ [ЖАЮ, 2592—2593].

Союз **аще** в соединении с вопросительной частицей **ли** здесь вводит косвенный вопрос (ср., например, подобное употребление англ. *if*, франц. *si*), практически в точности повторяя греческий комплекс $\epsilon\acute{\iota}$ *ἄρα*, состоящий из условного союза и частицы, ср.:

$\tau\acute{\iota}\varsigma$ $\omicron\acute{\iota}\delta\epsilon\nu$ $\epsilon\acute{\iota}$ *ἄρα* $\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ $\nu\eta\psi\iota\nu$ $\gamma\epsilon\nu\acute{o}\mu\epsilon\nu\omicron\varsigma$ $\tau\eta\nu$ $\acute{\epsilon}\alpha\nu\tau\omicron\upsilon$ $\acute{\alpha}\pi\omicron\delta\acute{\upsilon}\rho\epsilon\tau\alpha\iota$ $\tau\acute{\upsilon}\chi\eta\nu$
‘кто знает, не оплакивает ли он, оказавшись в трезвости, свою участь’ (2592—2593).

В рассматриваемом контексте с помощью конструкции **оустравилса бѹдетъ** выражается точка зрения воспринимающего субъекта, который на основе наблюдаемого им делает предположение о том, в каком состоянии

²⁸ Здесь, по-видимому, **да** не в значении ‘пусть’, а в значении ‘и’, поскольку в соответствующем контексте греческого оригинала жития мы также не находим повелительной семантики, а лишь значение предшествования одного действия другому. О полифункциональном характере союза **да**, который широко использовался для перевода сочинительных структур с греческим *καί*, см. [Лесневский 1984: 99—105].

находится св. Андрей Юродивый, и обращает свой вопрос-предположение к собеседнику или к самому себе. С помощью *будет* + *-л* передано состояние, по мнению говорящего, могущее иметь место в момент речи: наступление трезвости предшествует и является причиной другого действия в настоящем (*плачется*). Греческим соответствием конструкции **οὐστραβιλῆσαι** **βοῦδεται** является форма причастия медиального залога от основы аориста глагола *γίνομαι* 'рождаться, становиться, делаться' в соединении с предложно-падежным сочетанием с аккузативом имени существительного *νῆψις* 'трезвость'. Древнерусский переводчик в рассматриваемом контексте в целом точно воспроизводит греческую фразу, отступая от принципа *verbum de verbo*, по-видимому, только при переводе причастного оборота, который он передал с помощью конструкции *будет* + *-л*.

Несмотря на формальные различия между древнерусской конструкцией **οὐστραβιλῆσαι** **βοῦδεται** и ее греческим соответствием, перевод сохраняет многие семантические особенности оригинала: статальность, выраженная предложно-падежным сочетанием *εἰς* *νῆψιν* 'в трезвость' в соединении с медиальным причастием аориста *γενόμενος*, и значение предшествования, выражаемое в греческом формой от основы аориста, в древнерусском переданы с помощью *будет* + *-л*, которая в рассматриваемом контексте имеет архаичное статально-перфектное употребление. Единственным семантическим компонентом, не находящим прямого соответствия в оригинале, является футуральность, выражаемая формой перфективного презенса **βοῦδεται**. Возникает закономерный вопрос: по какой причине структура с футуральным значением употреблена в контексте, в котором речь идет не о будущем, а о ситуации, наблюдаемой в настоящем?

По-видимому, единственно возможным объяснением данного употребления может быть признание того факта, что конструкция *будет* + *-л* здесь служит маркером предположительной модальности. Значение предположительности возникает благодаря семантическому переходу 'окажется в будущем' → 'возможно в настоящем'. В основе этого семантического сдвига лежит импликация 'окажется, выявится в будущем' → 'неизвестно в настоящем'. Воспринимающий субъект в данном примере не обладает точной уверенностью в том, в каком состоянии находится Андрей Юродивый, и лишь делает предположение. В греческом предположительность выражена частицей *ἄρα* 'неужели, разве'²⁹, в древнерусском переводе — вопросительной частицей **ли** в соединении с конструкцией *будет* + *-л*.

Показательно, что в рассмотренном контексте употреблена именно структура с *будет*, а не форма перфекта типа *-л—есмь*, также возможная в ситуации, которая описывает событие в прошлом, сохраняющее свою актуальность в момент речи. Форма перфекта передавала бы здесь модальность реальную (не случайно в северо-западных говорах на базе перфекта

²⁹ Так эта частица передана в [Молдован 2000: 526] и в [Rydén 1995]; в рукописи — *ἄρα* [Мол. 552: 77v].

развивается удостоверительная частица *есть* [Шевелева 2006]), тогда как *будет* + *-л*, напротив, вводит модальность предположительную.

Ряд других примеров употребления *будет* + *-л* в ЖАЮ, в которых рассматриваемая конструкция встречается в одном контексте с формами перфекта, также указывают на то, что перфект *-л-есмь* и конструкция *будет* + *-л* не смешивались в сознании древнерусского переводчика, противопоставляясь не только по темпоральным, но и по модальным характеристикам³⁰. Рассмотрим эти примеры:

- 15) ... да друзѣи глаху: что се бы вѣшену сему да прилѣ ксть сѣмо? нѣ ослабило кмю будеть понѣ мало, иже в немь ксть нечѣстн дхъ '... а другие говорили: «возможно, ему стало легче хотя бы немного, так как в нем есть нечистый дух»' [ЖАЮ, 2332—2333].
 Τί ἄρα ἐγένετο τῷ δαιμονιώδει τούτῳ, ὅτι ἐνταῦθα ἐλήλυθε. ... Καί τινες ἔλεγον· Ἴσως ἀνέθηκεν ἐν βραχεῖ ἀπὸ τοῦ ἐπηρεάζοντος αὐτὸν πονηροῦ πνεύματος.

В (15) конструкция *будет* + *-л* соседствует с формой перфекта **пришлѣ ксть**. Разница между двумя перфектными образованиями в данном случае заключена вовсе не в темпоральном значении, так как описываемые данными структурами ситуации относятся к одному и тому же временному плану: перфект обозначает действие, совершившееся в прошлом, конструкция *будет* + *-л* обозначает состояние, также наступившее, по мнению говорящего, до момента речи, причем результат совершившегося действия, как и результат предполагаемого наступившего состояния говорящий (= воспринимающий субъект) наблюдает в момент речи. Противопоставлены две глагольные формы здесь только модальным значением. Перфект является немаркированной формой, подразумевающей реальную модальность. Конструкция *будет* + *-л* маркирована и выражает модальность предположительную. В тексте греческого оригинала древнерусскому перфекту **пришлѣ ксть** соответствует форма перфекта от глагола ἔρχομαι 'приходить', а конструкции **не ослабило будеть** — форма аориста от глагола ἀνατίθημι 'откладывать'.

³⁰ Очевидные семантические различия между формами перфекта и *будет* + *-л*, затрагивающие не только сферу темпоральности, но и модальность, не позволяют согласиться с точкой зрения С. П. Лопушанской, писавшей об отсутствии в древнерусских памятниках XI—XIV вв. свидетельств «регулярной противопоставленности глаголов с временным значением при *л*-форме (...) которая сама с помощью контекстуальных средств приобретала способность передавать все необходимые оттенки реальных и возможных прошедших действий» [Лопушанская 1990: 68]. По крайней мере для раннедревнерусского периода наличие семантических различий между **буду** и **есмь** не вызывает сомнений. Показательна в этом отношении и дальнейшая судьба этих вспомогательных глаголов, послуживших источниками возникновения модальных частиц *буде(т)* и *есть* со значениями предположения и удостоверения соответственно.

Использование переводчиком конструкции *будет* + -л в этом случае, по всей видимости, также связано с лексическими особенностями оригинала: древнерусскому **НЕ ОСЛАБИЛО БОУДЕТЬ** соответствует не просто ἀνέθηκεν, но аорист в сочетании с модальной частицей ἴσως ‘может быть’, также присутствующей в контексте. В отличие от (14), где модальной частице *ѣра* соответствует древнерусская частица **ли**, в данном примере частица ἴσως ‘может быть’ не имеет прямого эквивалента в тексте перевода. По-видимому, значение предположительности, выраженное в греческом лексически, передается в древнерусском грамматически — конструкцией *будет* + -л. Реально не соответствующее действительности и лишь предполагаемое говорящим положение дел обозначается с помощью конструкции *будет* + -л, относящей обнаружение к плану будущего своей внутренней формой. Таким образом, мы можем видеть здесь тот же семантический переход, что и в (14): ‘окажется в будущем’ → ‘возможно в настоящем’.

Механизм этого семантического перехода можно продемонстрировать на следующем примере, в котором рассматриваемая конструкция также употреблена в контексте с формой перфекта:

- 16) ... **оуици мѧ, аче ти ксѣмъ невѣренъ, тако пришелъ ксѣмъ отган и оу-кралъ бѹду ѿ плода сего нѣчто** ‘обыщи меня, неверен ли я тебе (в том, что) я пришел тайно и, возможно, украл какой-нибудь из этих плодов’ [ЖАЮ, 2423—2425]. В греческом тексте конструкции *будет* + -л соответствует форма перфекта от глагола σιλάω ‘грабить, похищать’: ... καθ’ ὅτι λεληθότως σεσίληκα τοῦ καρποῦ αὐτοῦ (букв.: ‘относительно того, не украл ли я тайно от плода этого’) (2424—2425).

Оба действия, обозначенные указанными формами (**пришелъ ксѣмъ** и **оукралъ бѹдоу**), совершены до момента речи, одно за другим (пришел и украл). Перфект в данном случае выражает значение реальной модальности, так как адресату известно, что действие было совершено в действительности: **пришелъ ксѣмъ** означает примерно ‘я пришел и, как следствие этого, я нахожусь здесь’. С помощью конструкции *будет* + -л в высказывание вводится значение потенциальной модальности. Однако в отличие от примеров, рассмотренных выше, в которых обнаружение, выявление истинного положения дел в *будущем* невозможно, в (16) такая возможность сохраняется контекстом. Здесь перфект *л-есмь* и конструкция *будет* + -л различаются и модальными, и темпоральными значениями. В других же случаях, когда футуральная интерпретация структуры оказывается невозможной (так в (14)—(15), а также в (17)—(18) ниже), противопоставление по темпоральным характеристикам нейтрализуется и сохраняются только различия в модальности.

Рассмотренный пример демонстрирует, как на различия в темпоральности могут накладываться дополнительные модальные смыслы: вследствие употребления конструкции в форме 1 л. ед. ч. возникает значение ирреаль-

ности. Говорящий не может *предположить*, что он украл: форма 1-го л. ед. ч. накладывает на это запрет. По этой причине вся ситуация передается с точки зрения воспринимающего субъекта (здесь — адресата), а *будет* + *-л* — в противоположность форме перфекта, которая подтверждает реальность факта (*пришелъ есмь*), — позволяет говорящему выразить значение ирреальности, т. е. *так*... *бѹдѹ оукраалъ* здесь оказывается семантически очень близко к *якобы я украл*.

В КЛ также находим пример употребления конструкции *будет* + *-л* по отношению к событию, имеющему ирреальный статус:

- 17) ... ты еси молодъ, а поеди прочь и на позорѹи, како ны бѹдетъ ѡцъ твои кормилъ и любилъ, а хочемъ за ѡца твоего чсть и за твою головы своа сложити 'поезжай прочь и за нами наблюдай; поскольку отец твой нас кормил и любил, то мы готовы за отца твоего честь и за твою головы свои сложить...' [КЛ, 167 об. — 168, 1153 г.]³¹.

Речь идет об уже умершем отце молодого князя Ярослава Владимировича Галицкого; конструкция *будет* + *-л* здесь очевидно выражает не хронологическое предшествование одного события другому, а связь двух временных планов, при которой события в прошлом приобретают актуальность для событий в будущем. Структура же, относящая к будущему событие, которое в будущем невозможно, в данном употреблении приобретает ирреальный семантический компонент.

В следующем контексте представлен центральный эпизод ЖАЮ — видение Богородицы во Влахернах. В данном случае перед нами один из редчайших случаев употребления конструкции *будет* + *-л* в нарративе (в исследованных памятниках рассматриваемая конструкция употребляется только в прямой речи, в нарративном контексте зафиксирована только в ЖАЮ):

- 18) ... да егда сѧ ѡмоли [Богородица], мафоръ еѧ тако молниино видинне имѧ... ѡвивши ѡ себе... вѣрхѹ всѣ^х людѣи простре ... стоящихъ тѣ... да донелѣже бѣаше тамо стаѧ Бѣа, видисте и та а понелѣже ѡиде, боле того не видисте: взала бо бѹдетъ со собою, а бѣтъ оставила естъ сѣщимъ тамо '... а после того как ушла [Богородица], [они] больше этого [покрова] не видели, так как, возможно, она подняла его с собою' [ЖАЮ, 5032—5041].

В греческом тексте в позиции *будет* + *-л* употреблена форма аориста от глагола ἀίρω 'поднимать, удалять'. Однако древнерусский переводчик пе-

³¹ В СЛ по Лаврентьевскому списку, один из источников которой, имеющий южнорусское происхождение, также лежит в основе КЛ [Приселков 1940/1996: 111], под 1153 г. содержится запись о тех же событиях, о которых идет речь в КЛ, однако текст здесь подвергся сокращению, и фрагмент, соответствующий приведенному, в СЛ отсутствует.

редает форму греческого аориста перфектной формой будущего времени *будет* + -л. По какой же причине цепочка аористов прерывается и появляются перфектные формы?

В данном контексте, так же как в ряде других употреблений, *будет* + -л не просто сообщает о событии, а дает интерпретацию некоторому другому событию. В данном случае с помощью конструкции *будет* + -л объясняется, по какой причине перестал быть виден покров Богородицы. Говорящий не обладает достоверной информацией о сообщаемых ему событиях, происходящих в мире горнем, и делает предположение-вывод ‘возможно, вероятно, [Богородица] подняла [покров] с собой’. Поскольку в данном случае истинное положение дел не может быть обнаружено в будущем, фокус смещается на отсутствие точного знания в настоящем, т. е. возникает тот же семантический переход, что и в примерах, рассмотренных выше: ‘окажется, что Р’ → ‘возможно, Р’.

В приведенном контексте в одном ряду употребляются конструкция *будет* + -л и собственно перфект: **взѣла бѣдѣть** и **оставила ксть**. Эти структуры имеют одно и то же темпоральное значение и противопоставлены формам аориста семантическим компонентом ‘наличие актуального результата’, а друг другу — различными значениями, которые принимает эпистемическая модальность: модальностью достоверности собственно перфекта и модальностью предположительности конструкции *будет* + -л. ...**бѣдѣ** оставила естъ **сѣщимъ тамо** означает, что присутствие благодати *реально* ощутимо; **взѣла бо бѣдѣть со собою** означает ‘возможно, забрала с собой’³². Такое же соотношение между формами собственно перфекта и *будет* + -л представлено и в (14)—(16).

Выводы

Материал ЖАЮ свидетельствует о таком семантически широком употреблении конструкции *будет* + -л, которого не знают ни бытовые, ни деловые, ни летописные источники, ни более книжные церковнославянские тексты. Традиционные представления о рассматриваемой структуре как о форме с таксисным значением «предшествования в будущем» обусловлены, прежде всего, ограниченностью материала, имеющегося в нашем распоряжении — низкой частотностью конструкции *будет* + -л в древнерусской письменности, а также однотипностью структур, представленных в деловых и бытовых текстах.

³² В нарративном употреблении значение конструкции *будет* + -л, как и в некоторых других случаях, (ср. (3)—(4) и (14)—(15)), пересекается с семантической зоной эвиденциальности: в данном случае говорящий делает вывод на основании наблюдаемого им положения дел. Перфектные формы в целом, как известно, типологически склонны приобретать различные эвиденциальные значения, ср., например, [Козинцева 2007: 23].

Богатый материал ЖАЮ позволяет увидеть, что функция предшествования в будущем отнюдь не была основной для конструкции *будет* + *-л*, по-видимому, имевшей в древнерусском языке более широкое употребление, редко фиксируемое другими памятниками³³. На основании данных ЖАЮ, подтверждаемых примерами из не книжной КЛ, у рассматриваемой конструкции уже в раннедревнерусский период можно выделить три типа употребления, условно обозначаемые как ‘результативность в будущем’, ‘следование в будущем’ и ‘предположительная модальность’. В первом значении конструкция *будет* + *-л*, по-видимому, не столько выражала хронологическое предшествование другому событию в будущем, сколько результативность, отнесенную к плану будущего. Отличие конструкции *будет* + *-л* от собственно перфекта состояло не только в темпоральности, но и в модальности, в том, что называемая этой конструкцией ситуация является для говорящего только предполагаемой, потенциально возможной, а не реальной.

Предложенная семантическая интерпретация конструкции *будет* + *-л* позволяет понять, как развивались её производные значения: от исконного смещенно-перфектного к метонимически производному значению следования в будущем, с одной стороны, и к метафорически производному значению предположительности, — с другой. Последнее, в свою очередь, является одним из семантических источников дальнейшей эволюции вспомогательного *будет* на пути к превращению не только в условный союз, но и в модальную частицу *буде(т)* ‘возможно, может быть’, представленную в письменности XVI—XVII вв. [Шевелева 2008] и в современных северных говорах [Пожарицкая 2010: 122]. Трактовка *будет* + *-л* как относительного будущего времени объяснить многозначную структуру грамматического значения конструкции и дальнейшую судьбу вспомогательного глагола *будет* не позволяет.

Источники

ГВЛ — Галицко-волынская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.

ЖАЮ — Житие Андрея Юродивого // А. М. Молдован. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.

ЖФП — Житие Феодосия Печерского // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.

³³ Весьма показательны также два примера на употребление формы императива от основы *буд-* в сочетании с *-л*-формой, подтверждающие «модальную» интерпретацию конструкции *будет* + *-л*: *Како не оубоашася съмьрти въдати (не) сътворшааго ничьсоже достонна съмьрти?.. воуди была така вражда въ врѣмя проплатню Юго, чьто и по оумьртни Юго на гроеѣ присѣдати* [(Сл. Григ. Антиох.) Усп.сб., 398]; *...р(ч)е ми тако: днешны(м̄) дне(м̄) вѣ(ди), Акире, възлаъ пре(д) изм̄лаъ Бм̄ъ, како тѣ види(х) жива, ако изв̄чилъ ма еси м̄дро(м̄) слово(м̄)* [Пов. Об Акире, 205].

- Изб. 1076 г. — Изборник 1076 года. Изд. подгот. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко / Под ред. А. М. Молдована. Т. I—II. М., 2009.
- ИИВ — История иудейской войны // «История иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод. Изд. подгот. А. А. Пичхадзе, И. И. Макеева, Г. С. Баранкова, А. А. Уткин / Отв. ред. А. М. Молдован. Т. I—II. М., 2004.
- КЛ — Киевская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. II. Ипатьевская летопись. М., 2001.
- Никон. лет. — Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Т. XIII. М., 2000.
- НПЛК — Новгородская первая летопись младшего извода по Комиссионному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- НПЛС — Новгородская первая летопись старшего извода по Синодальному списку // Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
- Пов. об Акире — А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.
- Поуч. Серапиона Вл. — Поучения Серапиона Владимирского // Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII в. // Записки Ист.-филол. фак-та С.-Петербур. ун-та. СПб., 1888. Ч. 17.
- Пск. 2 лет. Псковская вторая летопись // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М., 2000.
- Пск. 3 лет. Псковская третья летопись (по Строевскому списку) // Полное собрание русских летописей. Т. V. Вып. 2. М., 2000.
- РЛ — Рогожский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. XV. Рогожский летописец. Тверской сборник. М., 2000.
- РП — Палеографический снимок текста Русской Правды по Новгородской кормчей книге XIII века, скопированный с подлинника студентами ист.-филол. фак-та Имп. С.-Петербур. ун-та, под руководством И. И. Срезневского. СПб., 1888.
- СГ — Смоленские грамоты XIII—XIV вв. М., 1963.
- СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку // Полное собрание русских летописей. Т. I. М., 2001.
- Сл. Григ. Антиох. — Слово св. Григория Антиохийского // Успенский сборник XII—XIII вв. М., 1971.
- Х. Дан. иг. — Житие и хождение Данила Русьския земли игумена 1106—1107 г. // Православный палестинский сборник. СПб., 1883. Т. I. Вып. 3.
- ЧН — И. И. Макеева. «Сказание чудес Николая Мирликийского» // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2002—2003. М., 2003.

Литература

- Ананьева 1994 — Н. Е. Ананьева. История и диалектология польского языка. М., 1994.
- Арх. Сергей 1898/2007 — Архиеп. Сергей (Спасский) «Святой Андрей, Христа ради юродивый, и праздник Покрова Пресвятой Богородицы» // Жизнь и деяния св. отца нашего Андрея, юродивого Христа ради. С приложением сочинения архиеп. Сергея (Спасского) «Святой Андрей, Христа ради юродивый, и праздник По-

крова Пресвятой Богородицы». Вступ. ст., пер. с греч. языка и коммент. Е. В. Желтовой. СПб., 2007.

Бондарко 1990 — А. В. Бондарко. Реальность/ирреальность и потенциальность // Теория Функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

Борковский, Кузнецов 1963/2006 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.

Булаховский 1950 — Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.

Буслаев 1869 — Ф. И. Буслаев. Опыт исторической грамматики русского языка. Ч. 1—2. М., 1858.

Востоков 1863 — А. Х. Востоков. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим онаго письменным памятникам. СПб., 1863.

Горшкова, Хабургаев 1981/1997 — К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1997.

Дуличенко 2005 — А. Д. Дуличенко. Словенский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005.

Дурново 1913 — Н. Дурново. Очерк истории русскаго языка. Вып. 2. Харьков, 1913.

Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. 2-е издание, переработанное с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004.

Зализняк 2008 — А. А. Зализняк. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. 3-е изд., дополн. М., 2008.

Иванов 1982 — В. В. Иванов. История временных форм глагола // Р. И. Аванесов, В. В. Иванов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982.

Исаченко 2003 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. М., 2003.

Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Козинцева 2007 — Н. А. Козинцева. Типология категории засвидетельствованности // Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой. СПб., 2007. С. 13—26.

Кузнецов 1953/2005 — П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. М., 2005.

Кузнецов 1961/2002 — П. С. Кузнецов. Очерки по морфологии праславянского языка. М., 2002.

Кукушкина, Шевелева 1991 — О. В. Кукушкина, М. Н. Шевелева. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 6. 1991. С. 38—49.

Ларина 1953 — О. И. Ларина. Глагольные формы в московских памятниках делового письма XV века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.

Лесневский 1976 — В. С. Лесневский. О некоторых структурных типах сложноподчиненных предложений в древнерусских текстах // История русского языка. Древнерусский период. Л., 1976. С. 173—186.

Лесневский 1984 — В. С. Лесневский. Об одной синтаксической особенности древнеболгарских и древнерусских переводов с древнегреческого («да» = «ка!») // Palaeobulgarica / Старобългаристика. VIII. 1984. № 4. С. 99—105.

- Ломтев 1961 — Т. П. Л о м т е в. Сравнительно-историческая грамматика восточнославянских языков. (Морфология). М., 1961.
- Лопушанская 1990 — С. П. Л о п у ш а н с к а я. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград, 1990.
- Маслов 2004 — Ю. С. М а с л о в. Избранные труды. М., 2004.
- Мейе 1934/2001 — А. М е й е. Общеславянский язык. М., 2001.
- Молдован 1996 — А. М. М о л д о в а н. Из синтаксиса древнерусского перевода Жития Андрея Юродивого // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. Сборник к 60-летию Андрея Анатольевича Зализняка. М., 1996. С. 256—275.
- Молдован 2000 — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- Мустафина 1984 — Э. К. М у с т а ф и н а. Способы выражения значения будущего времени в тексте Повести временных лет. Дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 1984.
- Мустафина 1984а — Э. К. М у с т а ф и н а. Способы выражения значения будущего времени в тексте «Повести временных лет» (к вопросу о будущем времени в древнерусском языке). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984.
- Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования. Семантика времени и вида. Семантика нарратива. М., 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. П а д у ч е в а. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пенькова 2012 — Я. А. П е н ь к о в а. Фinitные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис). Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Пенькова 2012а — Я. А. П е н ь к о в а. Фinitные образования от основы *буд-* в языке памятников русской письменности XII — первой половины XVI вв. (морфология, семантика, синтаксис). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Петрухин 2004 — П. В. П е т р у х и н. Экспансия перфекта в древнерусском летописании как типологическая проблема // Исследования по теории грамматикализации. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004. С. 313—329.
- Пичхадзе 1999 — А. А. П и ч х а д з е. О значениях и функциях союза *а* в древнерусском языке // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г. О. Винокура и современность. М., 1999.
- Пичхадзе 2011 — А. А. П и ч х а д з е. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
- Пожарицкая 2010 — С. К. П о ж а р и ц к а я. Модальные слова, производные от глаголов БЫТЬ, БЫВАТЬ, в севернорусской диалектной речи // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 103—131.
- Потебня 1888 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Т. 1—2. Харьков, 1888.
- Приселков 1940/1996 — М. Д. П р и с е л к о в. История русского летописания XI—XV вв. СПб., 1996.
- Силина 1995 — В. Б. С и л и н а. Глагол // В. В. Иванов, С. И. Иорданиди, Л. В. Вялкина, Т. А. Сумникова, В. Б. Силина, В. Б. Крысько. Древнерусская грамматика XII—XIII вв. М., 1995.
- Соболевский 1907/2005 — А. И. С о б о л е в с к и й. Лекции по истории русского языка. М., 2005.

Соколова 1972 — И. Г. Соколова. Будущее время глагола в русской и украинской деловой письменности XV в. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1972.

Столярова 2000 — Л. В. Столярова. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000.

Тихомирова 2005 — Т. С. Тихомирова. Польский язык // Языки мира: Славянские языки. М., 2005.

Успенский 2002 — Б. А. Успенский. История русского литературного языка (XI—XVII вв.). М., 2002.

Хабургаев 1978 — Г. А. Хабургаев. Судьба вспомогательного глагола древних славянских аналитических форм в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 4. 1978. С. 42—53.

Хабургаев 1991 — Г. А. Хабургаев. Древнерусский и древнепольский глагол в сравнении со старославянским (К реконструкции праславянской системы претеритов) // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола. М., 1991. С. 42—54.

Шевелева 2006 — М. Н. Шевелева. Некнижные конструкции с формами глагола **быти** в Псковских летописях // Вереница литер: к 60-летию В. М. Живова. М., 2006. С. 215—241.

Шевелева 2007 — М. Н. Шевелева. «Русский плюсквамперфект» в древнерусских памятниках и современных говорах // Русский язык в научном освещении. № 2 (14). 2007. С. 214—252.

Шевелева 2008 — М. Н. Шевелева. О судьбе древнерусских конструкций с независимыми формами глагола **быти** в русском языке // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 6. 2008. С. 34—57.

Шевелева 2010 — М. Н. Шевелева. Вторичные имперфективы с суффиксом *-ыва/-ива-* в летописях XII—XVI вв. // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). 2010. С. 200—242.

Юрьева 2009 — И. С. Юрьева. Семантика глаголов **имѣти**, **хотѣти**, **начати** (**почати**) в сочетаниях с инфинитивом в языке древнерусских памятников XII—XV вв. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

Юрьева 2013 — И. С. Юрьева. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение и история русского языка 2012—2013. М., 2013. С. 135—151.

Яковлева 1953 — А. П. Яковлева. К истории форм будущего времени в древнерусском языке (на материале некоторых новгородских и московских памятников письменности русского языка). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.

Andersen 2006 — H. Andersen. Future and Future Perfect in the Old Novgorod Dialect // Russian Linguistics. 2006. № 1 (30). P. 1—18.

Andersen 2006a — H. Andersen. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // Change in verbal systems. Issues in explanation, ed. by Kerstin Eksell and Thora Vinther. Bern, 2006. P. 9—45.

Bybee 1998 — J. L. Bybee. «Irrealis» as a Grammatical Category // Antropological Linguistics. № 2 (40). 1998.

Lampe — A Patristic Greek Lexicon / Ed. by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961.

Mon. 552 — Bayerische Staatsbibliothek (München). Cod. graec. 552. Vita Andrea Sali. XIV s.

- Palmer 2001 — F. R. Palmer. *Mood and Modality*. Cambridge, 2001.
 PG 111 — J.-P. Migne. *Patrologiae cursus completus*. Vol. CXI. Paris, 1863.
 Rydén 1995 — *The Life of St. Andrew the Fool*. Uppsala, 1995.
 Večerka 1993 — R. Večerka. *Altirkichenslavische (altbulgarische) Syntax*. II. Freiburg i. Br., 1993.

References and sources

- Ananyeva 1994 — N. Ye. Ananyeva. *Istoriya i dialektologiya polskogo yazyka*. Moskva, 1994.
 Andersen 2006 — H. Andersen. Future and Future Perfect in the Old Novgorod Dialect // *Russian Linguistics*. № 1 (30). 2006.
 Andersen 2006a — H. Andersen. Periphrastic futures in Slavic. Divergence and convergence // *Change in verbal systems. Issues in explanation*, ed. by Kerstin Eksell and Thora Vinther. Bern, 2006.
 Arkh. Sergiy 1898/2007 — Arkhiyep. Sergiy (Spasskiy) «Svyatoy Andrey, Christa radi yurodivyy, i prazdnik Pokrova Presvyatoy Bogorodicy» // *Zhizn i deyaniya sv. otca nashego Andrey, yurodivogo Khrista radi. S prilozheniyem sochineniya arkhiyep. Sergiya (Spasskogo) «Svyatoy Andrey, Christa radi yurodivyy, i prazdnik Pokrova Presvyatoy Bogorodicy»*. Vstup. st., per. s grech. yazyka i komment. Ye. V. Zheltovoy. St.-Peterburg, 2007.
 Bondarko 1990 — A. V. Bondarko. *Realnost/irrealnost i potencialnost // Teoriya Funkcionalnoy grammatiki. Temporalnost. Modalnost*. Leningrad, 1990.
 Borkovskiy, Kuznecov 1963/2006 — V. I. Borkovskiy, P. S. Kuznecov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva, 2006.
 Bulakhovskiy 1950 — L. A. Bulakhovskiy. *Istoricheskiy kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku*. Kiyev, 1950.
 Buslayev 1869 — F. I. Buslayev. *Opyt istoricheskoy grammatiki russkogo yazyka*. Ch. 1—2. Moskva, 1858.
 Bybee 1998 — J. L. Bybee. «Irrealis» as a Grammatical Category // *Antropological Linguistics*. № 2 (40). 1998.
 ChN — I. I. Makeyeva. «Skazaniye chudes Nikolaya Mirlikiyskogo» // *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka 2002—2003*. Moskva, 2003.
 Dulichenko 2005 — A. D. Dulichenko. *Slovenskiy yazyk // Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki*. Moskva, 2005.
 Durnovo 1913 — N. Durnovo. *Ocherk istorii russkogo yazyka*. Vyp. 2. Kharkov, 1913.
 Gorshkova, Khaburgayev 1981/1997 — K. V. Gorshkova, G. A. Khaburgayev. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka*. Moskva, 1997.
 GVL — Galicko-volynskaya letopis // *Polnoye sobraniye russkikh letopisey*. T. II. Ipatyevskaya letopis. Moskva, 2001.
 IIV — *Istoriya iudeyskoy voyny // «Istoriya iudeyskoy voyny» Iosifa Flaviya: Drevnerusskiy perevod*. Izd. podgot. A. A. Pichkhadze, I. I. Makeyeva, G. S. Barankova, A. A. Utkin / Otv. red. A. M. Moldovan. T. I—II. Moskva, 2004.
 Isachenko 2003 — A. V. Isachenko. *Grammaticheskiy stroy russkogo yazyka v sopostavlenii s slovackim: Morfologiya*. Moskva, 2003.

Ivanov 1982 — V. V. Ivanov. *Istoriya vremennykh form glagola* // R. I. Avanesov, V. V. Ivanov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya. Glagol*. Moskva, 1982.

Izb. 1076 g. — *Izbornik 1076 goda. Izd. podgot. M. S. Mushinskaya, Ye. A. Mishina, V. S. Golyshenko / Pod red. A. M. Moldovana. T. I—II*. Moskva, 2009.

Kh. Dan. ig. — *Zhitiye i khozheniye Danila Russkyya zemli igumena 1106—1107 g.* // *Pravoslavnyy palestinskiy sbornik. St.-Peterburg, 1883. T. I. Vyp. 3.*

Khaburgayev 1978 — G. A. Khaburgayev. *Sudba vspomogatelnogo glagola drevnikh slavyanskikh analiticheskikh form v russkom yazyke* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. № 4. 1978.*

Khaburgayev 1991 — G. A. Khaburgayev. *Drevnerusskiy i drevnepolskiy glagol v sravnenii so staroslavjanskim (K rekonstrukcii praslavyanskoy sistemy preteritov)* // *Issledovaniya po glagolu v slavyanskikh yazykakh. Istoriya slavyanskogo glagola*. Moskva, 1991.

KL — *Kiyevskaya letopis* // *Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. II. Ipatyevskaya letopis*. Moskva, 2001.

Knyazev 2007 — Yu. P. Knyazev. *Grammaticheskaya semantika. Russkiy yazyk v tipologicheskoy perspektive*. Moskva, 2007.

Kozinceva 2007 — N. A. Kozinceva. *Tipologiya kategorii zasvidetelstvovannosti* // «Evidencialnost v yazykakh Evropy i Azii. Sbornik statey pamyati Natalii Andreyevny Kozincevoy. St.-Peterburg, 2007.

Kukushkina, Sheveleva 1991 — O. V. Kukushkina, M. N. Sheveleva. *O formirovaniy sovremennoy kategorii glagolnogo vida* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. № 6. 1991.*

Kuznecov 1953/2005 — P. S. Kuznecov. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Morfologiya*. Moskva, 2005.

Kuznecov 1961/2002 — P. S. Kuznecov. *Ocherki po morfologii praslavyanskogo yazyka*. Moskva, 2002.

Lampe — *A Patristic Greek Lexicon* / Ed. by G. W. H. Lampe. Oxford, 1961.

Larina 1953 — O. I. Larina. *Glagolnyye formy v moskovskikh pamyatnikakh delovogo pisma XV veka. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. Moskva, 1953.

Lesnevskiy 1976 — V. S. Lesnevskiy. *O nekotorykh strukturnykh tipakh slozhno-podchinennykh predlozheniy v drevnerusskikh tekstakh* // *Istoriya russkogo yazyka. Drevnerusskiy period*. Leningrad, 1976.

Lesnevskiy 1984 — V. S. Lesnevskiy. *Ob odnoy sintaksicheskoy osobennosti drevnebolgarskikh i drevnerusskikh perevodov s drevnegrecheskogo (“da” = “kay”)* // *Palaeobulgarica / Staroblgaristika. VIII. № 4. 1984.*

Lomtev 1961 — T. P. Lomtev. *Sravnitelno-istoricheskaya grammatika vostochno-slavyanskikh yazykov. (Morfologiya)*. Moskva, 1961.

Lopushanskaya 1990 — S. P. Lopushanskaya. *Razvitiye i funkcionirovaniye drevnerusskogo glagola*. Volgograd, 1990.

Maslov 2004 — Yu. S. Maslov. *Izbrannyye trudy*. Moskva, 2004.

Meillet 1934/2001 — A. Meillet. *Obshch斯拉vianskiy yazyk*. Moskva, 2001.

Moldovan 1996 — A. M. Moldovan. *Iz sintaksisa drevnerusskogo perevoda Zhitiya Andreyu Yurodivogo* // *Rusistika. Slavistika. Indoyevropeistika. Sbornik k 60-letiyu Andreyu Anatolyevicha Zaliznyaka*. Moskva, 1996.

Moldovan 2000 — A. M. Moldovan. *Zhitiye Andreyu Yurodivogo v slavyanskoy pismennosti*. Moskva, 2000.

- Mon. 552 — Bayerische Staatsbibliothek (München). Cod. graec. 552. Vita Andrea Sali. XIV s.
- Mustafina 1984 — E. K. Mustafina. Sposoby vyrazheniya znacheniya budushchego vremeni v tekste Povesti vremennykh let. Dis. ... kand. filol. nauk. Dushanbe, 1984.
- Mustafina 1984a — E. K. Mustafina. Sposoby vyrazheniya znacheniya budushchego vremeni v tekste «Povesti vremennykh let» (k voprosu o budushchem vremeni v drevnerusskom yazyke). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1984.
- Nikon. let. — Letopisnyy sbornik, imenuemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisyu. // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. XIII. Vyp. 2. Moskva, 2000.
- NPLK — Novgorodskaya pervaya letopis mladshogo izvoda po Komissionnomu spisku // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. III. Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshogo izvodov. Moskva, 2000.
- NPLS — Novgorodskaya pervaya letopis starshego izvoda po Sinodalnomu spisku // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. III. Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshogo izvodov. Moskva, 2000.
- Paducheva 1996 — Ye. V. Paducheva. Semanticheskiye issledovaniya. Semantika vremeni i vida. Semantika narrativa. Moskva, 1996.
- Paducheva 2004 — Ye. V. Paducheva. Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki. Moskva, 2004.
- Palmer 2001 — F. R. Palmer. Mood and Modality. Cambridge, 2001.
- Penkova 2012 — Ya. A. Penkova. Finitnyye obrazovaniya ot osnovy *bud-* v yazyke pamyatnikov russkoy pismennosti XII — pervoy poloviny XVI vv. (morfologiya, semantika, sintaksis). Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2012.
- Penkova 2012a — Ya. A. Penkova. Finitnyye obrazovaniya ot osnovy *bud-* v yazyke pamyatnikov russkoy pismennosti XII — pervoy poloviny XVI vv. (morfologiya, semantika, sintaksis). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2012.
- Petrukhin 2004 — P. V. Petrukhin. Semanticheskaya evolyuciya perfekta // Issledovaniya po teorii grammatikalizacii. Vyp. 3. Irrealis i irrealnost. Moskva, 2004.
- PG 111 — J.-P. Migne. Patrologiae cursus completus. Vol. CXI. Paris, 1863.
- Pichkhadze 1999 — A. A. Pichkhadze. O znacheniyakh i funkciyakh soyuza a v drevnerusskom yazyke // Yazyk. Kultura. Gumanitarnoye znaniye. Nauchnoye naslediyе G. O. Vinokura i sovremennost. Moskva, 1999.
- Pichkhadze 2011 — A. A. Pichkhadze. Perevodcheskaya deyatelnost v domongolskoy Rusi: lingvisticheskiy aspekt. Moskva, 2011.
- Potebnya 1888 — A. A. Potebnya. Iz zapisok po russkoy grammatike. T. 1—2. Kharkov, 1888.
- Pouch. Serapiona VI. — Poucheniya Serapiona Vladimirskogo // Ye. Petukhov Serapion Vladimirskiy, russkiy propovednik XIII v. // Zapiski Ist.-filol. fak-ta S.-Peterb. un-ta. St.-Peterburg, 1888. Ch. 17.
- Pov. ob Akire — A. D. Grigoriev. Povest ob Akire Premudrom. Moskva, 1913.
- Pozharickaya 2010 — S. K. Pozharickaya. Modalnyye slova, proizvodnyye ot glagolov BYT, BYVAT, v severnorusskoy dialektnoy rechi // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. № 1 (19). 2010.
- Priselkov 1940/1996 — M. D. Priselkov. Istoriya russkogo letopisaniya XI—XV vv. St.-Peterburg, 1996.
- Psk.2 let. — Pskovskaya vtoraya letopis // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. V. Vyp. 2. Moskva, 2000.
- Psk. 3 let. — Pskovskaya tretyaya letopis (po Stroevskomu spisku) // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. V. Vyp. 2. Moskva, 2000.

- RL — Rogozhskiy letopisec // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. XV. Rogozhskiy letopisec. Tverskoy sbornik. Moskva, 2000.
- RP — Paleograficheskiy snimok teksta Russkoy Pravdy po Novgorodskoy kormchey knige XIII veka, skopirovanny s podlinnika studentami ist.—filol. fak-ta Imp. St.-Peterburgskogo universiteta, pod rukovodstvom I. I. Sreznevskogo. St.-Peterburg, 1888.
- Rydén 1995 — The Life of St. Andrew the Fool. Uppsala, 1995.
- SG — Smolenskiye gramoty XIII—XIV vv. Moskva, 1963.
- Sheveleva 2006 — M. N. Sheveleva. Neknizhnyye konstrukcii s formami glagola *byti* v Pskovskikh letopisyakh // Verenica liter: k 60-letiyu V. M. Zhivova. Moskva, 2006.
- Sheveleva 2007 — M. N. Sheveleva. «Russkiy plyuskvamperfekt» v drevnerusskikh pamyatnikakh i sovremennykh govorakh // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. № 2 (14). 2007.
- Sheveleva 2008 — M. N. Sheveleva. O sudbe drevnerusskikh konstrukciy s nezavisimymi formami glagola *byti* v russkom yazyke // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. № 6. 2008.
- Sheveleva 2010 — M. N. Sheveleva. Vtorichnyye imperfektivy s suffiksom *-yva/-iva-* v letopisyakh XII—XVI vv. // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. № 2 (20). 2010.
- Silina 1995 — V. B. Silina. Glagol // V. V. Ivanov, S. I. Iordanidi, L. V. Vyalkina, T. A. Sumnikova, V. B. Silina, V. B. Krysko. Drevnerusskaya grammatika XII—XIII vv. Moskva, 1995.
- SL — Suzdalskaya letopis po Lavrentyevskomu spisku // Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. I. Moskva, 2001.
- Sl. Grig. Antiokh. — Slovo sv. Grigoriya Antiokhiyskogo // Uspenskiy sbornik XII—XIII vv. Moskva, 1971.
- Sobolevskiy 1907/2005 — A. I. Sobolevskiy. Lekcii po istorii russkogo yazyka. Moskva, 2005.
- Sokolova 1972 — I. G. Sokolova. Budushcheye vremya glagola v russkoy i ukrain-skoy delovoy pismennosti XV v. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tashkent, 1972.
- Stolyarova 2000 — L. V. Stolyarova. Svod zapisey piscov, khudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamnennykh kodeksov XI—XIV vekov. Moskva, 2000.
- Tikhomirova 2005 — T. S. Tikhomirova. Polskiy yazyk // Yazyki mira: Slavyanskiye yazyki. Moskva, 2005.
- Uspenskiy 2002 — B. A. Uspenskiy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka (XI—XVII vv.). Moskva, 2002.
- Večerka 1993 — R. Večerka. Altikirchenslavische (altbulgarische) Syntax. II. Freiburg i. Br., 1993.
- Vostokov 1863 — A. Kh. Vostokov. Grammatika cerkovno-slovenskago yazyka, izlozhennaya po drevneyshim onago pismennym pamyatnikam. St.-Peterburg, 1863.
- Yakovleva 1953 — A. P. Yakovleva. K istorii form budushchego vremeni v drevnerusskom yazyke (na materiale nekotorykh novgorodskikh i moskovskikh pamyatnikov pismennosti russkogo yazyka). Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 1953.
- Yuryeva 2009 — I. S. Yuryeva. Semantika glagolov *imeti*, *khoteti*, *nachati* (*pochati*) v sochetaniyakh s infinitivom v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XII—XV vv. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2009.
- Yuryeva 2013 — I. S. Yuryeva. Nekotoryye osobennosti sintaksisa, morfologii i lek-siki tak nazyvayemoy Galicko-Volynskoy letopisi // Lingvisticheskoye istochnikovedeniye i istoriya russkogo yazyka 2012—2013. Moskva, 2013.
- Zaliznyak 1995 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 1995.

Zaliznyak 2004 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. 2-e izdaniye, pererabotannoye s uchetom materiala nakhodok 1995—2003gg. Moskva, 2004.

Zaliznyak 2008 — A. A. Zaliznyak. «Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista. 3-e izd., dopoln. Moskva, 2008.

ZhAYu — Zhitiye Andrey a Yurodivogo // A. M. Moldovan. Zhitiye Andrey a Yurodivogo v slavyanskoj pismennosti. Moskva, 2000.

ZhFP — Zhitiye Feodosiya Pecherskogo // Uspenskiy sbornik XII—XIII vv. Moskva, 1971.

Резюме

В статье рассматриваются семантические и синтаксические особенности употребления конструкции *будет + л-форма* в древнерусском Житии Андрея Юродивого в сопоставлении с данными других древнерусских памятников письменности, переводных и оригинальных. Анализ употреблений конструкции позволяет заключить, что данная структура в древнерусском языке не была закреплена исключительно за условными придаточными, но имела более широкое употребление. У рассматриваемой конструкции можно выделить три типа употребления: 'результативность в будущем', 'следование в будущем' и 'предположительная модальность'. Очевидно, конструкция *будет + л-форма* в древнерусском языке была не относительным будущим временем, а, скорее, перфектной структурой, способной выражать модальные и эвиденциальные смыслы.

Ключевые слова: будущее сложное II, Житие Андрея Юродивого, относительное будущее, модальность.

Статья получена 15.08.2013

YANA A. PENKOVA

TOWARDS THE PROBLEM OF THE SO CALLED «COMPOUND FUTURE II» SEMANTICS IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE (ON THE MATERIAL OF THE *LIFE OF ST. ANDREW THE FOOL*)

The paper deals with an analysis of semantic and syntactic peculiarities of the *budet + l-form* construction in the Life of the St. Andrew the Fool. The usage of the construction in question in this manuscript doesn't coincide with what is typical for the majority of Old Russian texts, original or translated, so that it allows us to delineate three uses of the *budet + l-form* construction and to conclude that the latter was not restricted to conditional clauses, but could be used more widely: not only as a reference to any time earlier than some future moment, but also as a marker of pure resultativity in the future or even as a marker of supposition. Obviously, *budet + l-form* construction wasn't just a relative future form, but rather a perfect form which could acquire modal and evidential semantic components.

Keywords: compound future II, the Life of St. Andrew the Fool, relative future, modality.

Received on 15.08.2013

Е. А. ВЛАСОВА

ИНФИНИТИВ И СОСЛАГАТЕЛЬНОЕ НАКЛОНЕНИЕ В КОСВЕННОЙ РЕЧИ В РУССКИХ ЛЕТОПИСЯХ XI—XVI вв.

Грамматические преобразования, связанные с косвенным цитированием чужой речи, предполагают определенный порядок употребления глагольных форм — темпоральных и модальных. Модальные формы, как правило, служат для передачи иллокутивных функций высказывания — прагматических значений или коммуникативных намерений говорящего [Апресян 1995: 138—139].

Интересные данные по истории модальных средств косвенной речи в русском языке содержат летописи XI—XVI вв. Наряду с изъяснительным предложением, в летописях старшего периода регулярно встречаются две модальные конструкции:

1. Придаточное предложение волеизъявления со сказуемым в форме сослагательного наклонения, например: ... **Пострижесе въ скимѹ архиепископѹ Мониин, по своен воли, и много молиша и новгородци всѣм Новымьгородомь с поклономь абы паки сѣдѣ на своемь престолѣ, и не послѹша** [НПЛ¹, 1330, 166 об.].

Замечено, что в ранний период сослагательное наклонение использовалось исключительно для выражения опатива [Легоцкая 2009: 123], в среднерусский период оно широко встречается в косвенной речи при цитировании разных типов волеизъявления [Булаховский 1950: 288, 290].

2. Придаточная инфинитивная конструкция, в которой субъект выражен дательным падежом, в качестве основного значения конструкции указывается долженствование [Буслаев 1869: 148; Потеня 1874: 362]: ... **и на томъ хрѣтъ чѣтъини целоваста тако не разлучити има ни въ добрѣ ни въ злѣ но по вѣдомѹ мѣстѹ бѣити** [КЛ, 1150, 152].

В истории русского языка инфинитивная конструкция перестала употребляться в придаточной части косвенной речи. Сослагательное наклонение до сих пор используется для цитирования волеизъявления разной степени категоричности — от просьб до приказов, ср.: *Я даю вечеринку, и дамы требуют, чтобы я непременно пригласил и Беликова, и Вареньку*

---

¹ Здесь и далее примеры из Новгородской первой летописи цитируются в упрощенной орфографии по изданию 1950 г. (Репринт: М., 2000).

(А. П. Чехов) [Булаховский 1955: 321]; *Уходя, мать говорила детям, чтобы они никому не открывали дверь* [Зализняк Анна А. 1991: 71]. Указанная модель, как правило, используется для цитирования высказываний со многоактантной структурой, когда субъекты основной и зависимой ситуаций не совпадают [Арутюнова 1992].

Русские летописи XI—XVI вв. последовательно отражают изменения в употреблении модальных форм косвенной речи — сближение семантики инфинитива и сослагательного наклонения в придаточных предложениях изъяснительного типа.

При косвенном цитировании модальность и иллокутивные смыслы чужого высказывания, как правило, эксплицированы опорным предикатом [Есперсен 1958/2006: 344; Падучева 1996: 340—343]. Из теории речевых актов известно, что семантические свойства иллокутивных слов во многом определяют синтаксическую структуру зависимой пропозиции (подробнее о проблематике см. [Серль 1986: 180—182; Haverkate 1996: 99, 112]). Исторические изменения в значениях и модели управления опорных предикатов могут приводить к перестройке синтаксических структур — пример такого развития в древнерусском языке приводится в работе [Шевелева 2009: 150]. Исходя из указанных соображений, в данной статье предпринята попытка описать развитие модальных конструкций косвенной речи, при исследовании состава опорных слов, с которыми они употребляются в летописях XI—XVI вв.

Исследование выполнено на материале древнерусских летописей: Повести временных лет по Ипатьевскому списку (далее ПВЛ, [Ипат.]), Киевской летописи XII в. (КЛ, [Ипат.]), Галицко-Волынской летописи (ГЛ и ВЛ², [Ипат.]), Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку (СЛ, [Лавр.]) и Новгородской Первой летописи по Синодальному списку [НПЛ]. Из памятников среднерусского периода исследована поздняя часть Никоновской (Патриаршей) летописи [НЛ] за период с 1362 по 1558 гг. (XI, XII, XIII тома Полного собрания русских летописей).

При модальных конструкциях косвенной речи отмечены следующие типы иллокутивных опорных предикатов:

— предикаты просьбы направлены на то, чтобы вызвать действие со стороны адресата, например, *просить, требовать, призывать*;

— комиссивы обозначают обязательство говорящего «совершить некоторое будущее действие или следовать определенной линии поведения» (термин и примеры приводятся по работе [Серль 1986: 182]): *Я обещаю заплатить тебе деньги, Я присягаю на верность флагу, Я клянусь отомстить*;

² В Галицко-Волынской летописи выделяют две части, между которыми установлены значительные грамматические и стилистические различия, границей является статья 1261 г. [Юрьева (в печати)]. Мы рассматриваем отдельно Галицкую летопись за 1201—1261 гг. и Волынскую летопись за 1262—1291 гг.

— предикаты распоряжения предназначены для того, чтобы вызвать со стороны адресата действие, при этом в их семантической структуре есть указание на проявление власти со стороны говорящего, например, *приказывать, распоряжаться*.

В более редких случаях при модальных конструкциях косвенной речи отмечены нейтральные предикаты речи, не маркирующие иллокутивных функций.

Исследованные летописи XI—XVI вв. последовательно отражают изменения в составе опорных слов при придаточных предложениях, содержащих модальные формы инфинитива или сослагательного наклонения.

Древнерусские летописи XI—XIV вв.

В древнерусский период придаточная инфинитивная конструкция и придаточное с сослагательным наклонением четко противопоставлены по формальным критериям: это две разные модели цитирования, с разными союзными средствами и разными значениями.

Сослагательное наклонение

Уже в ранний период сослагательное наклонение использовалось для передачи волеизъявления в косвенной речи: в придаточной части использовалась составная форма *l*-причастия основного глагола и вспомогательного глагола **бы** (в древнейших памятниках он был изменяемым (**БЫХЪ**, **БЫША**), впоследствии превратился в частицу **бы**). Форма **бы** имела тенденцию срачиваться с союзными средствами, поэтому во многих случаях придаточное предложение вводится показателями **абы** и **дабы** — **дабы** считается книжным союзом [Борковский, Кузнецов 1963/2006: 501—502; Булаховский 1950: 317].

Исследование показывает, что в древнерусских летописях сослагательное наклонение довольно редко встречается в косвенной речи — в среднем не более 10 примеров на летопись. Точные данные см. в Таблице 1:

Таблица 1

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ	всего
предикаты просьбы	5	13	6	2	9	3	38

Сослагательное наклонение имело узкую сферу употребления: оно отмечено только при опорных словах, выражающих просьбу. Приведем их полный список с примерами:

МОЛИТИ

... молашеть бо сна своего со слезами абы ихъ ѡинудь не искоренитъ якоже преже Бодома и Гомора [КЛ, 1173, 200];

МОЛИТИСѦ

... Оубьенъ бѣи црѣ великѣи Филипъ Римскѣи совѣтомъ брата королевое (sic! В Хлеб. сп. королева) молашесѦ сестрѣ да бѣи емѸ нашла помощника [ГЛ, 1207, 247];

напомянатисѦ ‘обращаться с требованиями; призывать’ [Срезн. II: 310]

... и напомянасѦ емоу Володимиръ ш томъ много абы емоу вороти тилъ челады шнъ же не вороти [ВЛ, 1280, 295];

поноуживати ‘убеждать, уговаривать’ [Срезн. II: 1184]

... Володимеръ же слашетъсѦ ко Стѣславоу Всеволодичю и ко Рюрикови Ростиславичю поноуживати ихъ к собѣ да бѣша емоу помоглѣ [КЛ, 1185, 226];

ПРОСИТИ

... и почаша Грѣци миръ просити да бы не воевалъ Грѣцкѣи земли [ПВЛ, 912, 12];

... просахоусѦ да бѣи к нимъ прислалъ Кондратъ Пакослава и Мьстиоуга [ГЛ, 1229, 256 об.];

умолити ‘упросить, умолить’ [Срезн. III: 1208]

... да бѣша оумолили корола а бѣи не стогалъ на немъ и волѣ королевѣи не створилъ [КЛ, 1152, 162 об.].

Существенно то, что в древнерусский период сослагательное наклонение не употреблялось для передачи более категоричных видов волеизъявления — распоряжений или приказов.

К предикатам, выражающим просьбу, можно отнести глагол **сълати** (сѦ) и его приставочные производные. Сами по себе они не указывают на иллюкутивную цель сообщения, однако регулярно фиксируются в значении ‘отправить послов с просьбой’. Ни в одном из примеров послание не имеет характер категоричного волеизъявления, адресату не обязательно его выполнять:

ПОСЪЛАТИ

... ї посла къ Володимеру да бы помоглѣ емѸ [ПВЛ, 1093, 80 об.]; ... Василко же свирашетъсѦ во Володимерѣ а Данило в Холмѣ посласта ко Лвови абы поѣхалъ к нимъ [ГЛ, 1259, 280 об.];

посълатисѦ ‘отправить послание с просьбой’ [Срезн. II: 1278]

... тако единъими оустъи мнозѣ рекоша послемсѦ к Васильеви попови на Щьковницю а бѣи бѣилъ намъ игоумень и оуправитель стадоу черноризиць Федосьева манастыра Печерского [КЛ, 1182, 220];

присълати ‘послать послов с просьбой’ [Срезн. II: 1469]

... прислаша (в Хлебн. сп. присла же) Миндовгъ к Данилоу пришлю к товѣ Романа и Новгородцѣ а бы пошелъ ко Возваглю ѿтоуда и къ Кълевоу [ГЛ, 1257, 280].

Отдельно отметим 2 контекста с опорным предикатом **велѣти** ‘выражать желание, волю’ [Срезн. I: 242] — этот глагол, в отличие от современного глагола *велеть*, указывал на простое волеизъявление, не связанное с социальной иерархией или проявлением власти и не обязывающее адресата к исполнению воли говорящего. Обратим внимание, что в обоих примерах из летописей цитаты при глаголе **велѣти** сопровождаются комментарием, из которого следует, что адресат не исполнил воли лица, чьи слова процитированы в отрывке:

... Романъ же оулюбивъ свѣтъ ихъ и послоушавъ ихъ и поѣха на Межькоу со снѣци его с Казимеричи... Межька же приславъ противоу емоу и не хоташе битиса с нимъ но велашеть Романови абы и оудадилъ со снѣци его Романъ же не послоушавъ ихъ и ни моужии своихъ (‘...Мешко же, отправив к нему послов, не хотел биться с ним, но выразил Роману желание, чтобы [Роман] помирил его с сыном, Роман же не послушал ни их, ни своих воинов’) [КЛ, 1195, 237];

... И посла князь Иванъ свои послы, а новгородци от себе владыку Моисия и Аврама тысячьского къ князю Олександру въ Пльсковъ, веляче ему, абы пошелъ въ Орду, и не послуша (‘И послал князь Иван своих послов, а новгородцы от себя владыку Моисея и тысяцкого Авраама к князю Александру в Псков с пожеланием, чтобы [Александр] отправился в Орду, и не послушал их [Александр]’) [НПЛ, 1328, 165 об.].

Таким образом, конструкция с сослагательным наклонением в косвенной речи выражала только оптативную семантику и не использовалась для передачи категоричных видов волеизъявления (приказы передавались посредством составного сказуемого в рамках простого предложения, например, **а полко^м повелѣ по совѣ ити**). Семантика предикатов просьбы полностью соответствовала семантике сослагательного наклонения в придаточной части — маркирование желаемого действия.

Инфинитивная конструкция

Как правило, показателем придаточной связи при инфинитивной конструкции выступает союз **такъ**, со второй половины XII в. встречается не книжный **какъ** в изъяснительном значении.

Инфинитивная конструкция широко использовалась в древнерусских летописях при косвенном цитировании — в общей сложности отмечено около 100 примеров, значительная часть из них приходится на КЛ (66 примеров) и НПЛ (17 примеров). Выявлено два типа её употреблений: 5 примеров (≈5%) при глаголах речи, не указывающих на иллокутивные функции, и 96 контекстов (≈95%) при предикатах-комиссивах, обязывающих говорящего к совершению действия, заявленного в пропозиции придаточной части. Точные данные представлены в Таблице 2:

Таблица 2

	ПВЛ	КЛ	ГЛ	ВЛ	СЛ	НПЛ	всего
комиссивы 'обещать, давать присягу'; 'заклю- чать договор'; 'подтверждать'	2	66	5	3	5	15	96
нейтральные предикаты речи	2	0	1	0	0	2	5
всего	4	66	6	3	5	17	101

Рассмотрим подробнее, какие иллокутивные и модальные значения передавала инфинитивная конструкция косвенной речи при опорных предикатах указанных типов.

Как показывает статистика, основная сфера её употребления — это цитирование перформативного обязательства говорящего осуществить действие, заявленное в пропозиции, после момента речи. Иллокутивное обязательство маркируется с помощью опорных предикатов нескольких семантических подтипов: а) 'давать присягу, обещать', сущ. 'присяга, обещание' — 74 примера; б) 'заключить договор, решить', сущ. 'договор, решение' — 18 примеров; в) 'подтвердить', сущ. 'подтверждение' — 4 примера.

Наибольшее количество примеров отмечено при опорных словах, обозначающих присягу и обещания, таких как *цѣловати крѣсть*, *клатиса*, *обѣщатиса*, *обѣщеватиса*:

- ... сдѹмавъ Гдрославъ Всеволодичъ князь Черниговьскїи с братьюю своєю перестоупивъ крѣтное цѣлование на чель же башеть оумовилъ с Рюрикомъ и крѣтъ к нему цѣловалъ како не воеватиса до рѣдоу [КЛ, 1195, 238];
- ... бѣ бо клатвою клалса ѡ бѣѣ великою к Романови и ко княгинѣ ѣ тако довышоу емоу землѣ Немѣцкоа дати емоу всю Романови [ГЛ, 1257, 279 об.];
- ... вложи сему въ сердце, соимя съ себе ризу, обѣщася богу на 3 лѣта, како прияти риза своя, а устава мнишьскаго не остася [НПЛ, 1265, 141 об.];
- ... *Ѡниза же приде вѣнѣць носѡ ѡбѣщеватиса тако помощь имѣти ти* (sic! В Хлеб. сп. ти опущено) *Ѡ папы* [ГЛ, 1255, 277].

Обратим внимание, что в указанных примерах инфинитив обозначает действие, которое должно быть исполнено после момента речи в прошлом, тем самым эта конструкция фактически маркирует ещё и значение «будущего в прошедшем». Указание на следование события после момента речи в прошлом прослеживается во всех употреблениях придаточной инфинитивной конструкции.

В отдельную группу выделены контексты, в которых несколько субъектов пропозициональной установки берут обязательство следовать определенной линии поведения в будущем. В качестве опорных предикатов используются глаголы со значением 'заключить договор, решить': *доконьча-*

ти миръ ‘порешить, уговориться’ [Срезн. I: 693], **оугадати** ‘уговориться’ [Срезн. II: 1131], **свъѣщатисѧ** ‘сговориться, составить заговор’ [Срезн. III: 684], **сѣдумати** ‘сговориться, заключить союз’ [Срезн. III: 699], **увѣчати** ‘уговориться’ [Срезн. III: 1127], **уладитисѧ** ‘уговориться; заключить договор’ [Срезн. III: 1194], **умѣлвити** ‘уговорить, условиться’ [Срезн. III: 1214], **урадитисѧ** ‘договориться, условиться’ [Срезн. III: 1262]. Вот несколько примеров:

- ... Индикта лѣта 14, новгородци призваша плъсковиче и ладожаны и **сдумаша** яко изгонити князя своего Всѣволода [НПЛ, 1136, 17];
- ... и **сѣдши** имъ на кдино **мѣстѣ** и **оуладишасѧ** кдѣ что свок познавше лице **имати** [СЛ, 1149, 108 об.];
- ... Цесарь нѣмечьскый посла къ папѣ въ Римъ, и тако **увѣчаша**, яко **нѣ воевати** на Цесарьградъ [НПЛ, 1204, 65 об.];
- ... **баше** бо тако **оурадилъсѧ** такоже **Володимѣра** **Гѣрославича** **Галичскаго** **сестричича** **Миѡхалькова** **дати** **Ростиславичемъ** и **пѣстити** и къ **шѣю** а **Ростиславичемъ** **пѣстити** **Всеволода** и **Гѣрополка** и всю дружинѣ [КЛ, 1174, 203].

Отметим также примеры с существительными в позиции опорного предиката:

- ... и умыслиша **свѣтъ золь**, како **ударити** на городъ на ону сторону, а друзии озеромъ на сю сторону [НПЛ, 1259, 137 об.].

В редких случаях используются комиссивы со значением ‘подтвердить, подтверждать’ — говорящие подтверждают следование ранее выбранной линии поведения, ср. пример с опорным словом **извѣститисѧ** ‘удостоверить, подтвердить’ [Срезн. I: 1045]:

- ... а **извѣстимсѧ** и **ѣще** ако (в Хлеб. сп. тако) на семъ пѣти ни тажи **имѣти** ни которого же **извѣта** ни **исти** но во правдоу сии **поуѣтъ** **сходити** и с противными **сѧ бити** [КЛ, 1147, 127].

Показательно, что существовали специальные термины, подтверждающие обязательство следовать ранее принятому решению:

- ... а Мюрчюфла баше высадилъ ис тьмьнице Исаковиць, и приялъ **извѣщение**, яко **не искати** подь Исаковицемъ царства, нѣ **блюсти** подь нимъ (‘и принял уверение, что он не будет претендовать на царство...’) [НПЛ, 1204, 67 об.];
- ... **потомъ** же **сдоумавъ** со **снмъ** и **шпоустити** и а **пороучникъ** **бы** **Левъ** **такъ** **вѣрною** **емоу** **быти** (‘а поручитель был...’) [ГЛ, 1255, 277 об.].

При нейтральных глаголах речи, не маркирующих иллокутивные функции, инфинитивная конструкция в придаточной части имеет другое модальное значение — указание на неизбежность события, обозначенного в пропозиции (все контексты содержат пророчества):

- ... и повѣдаше Нои тако быти потопу [ПВЛ, 986, 35 об.];
 ... тѣхъ бо пррци прорькоша тако Бѹ родитисѧ [ПВЛ, 986, 34];
 ... то по что гл҃га тако не оумрѣти нама [ПВЛ, 1071, 66];
 ... Тако бо Мефодии глаголеть, яко скончанию врѣмень явитися тѣмъ,
 яже загна Гедеонъ, и поплѣнять всю землю от востока до Ефранта
 [НПЛ, 1224, 96];
 ... повѣдан людемъ тако на пѣть лѣ^т Днѣпру потещи вспѣть а
 землямъ переступати на ина мѣста [ПВЛ, 1071, 64 об.];
 ... повѣдахоуть бо емоу волхвы Оугорскыя тако оузрѣвшоу Галич
 не быти емоу живоу [ГЛ, 1226, 254].

Отметим, что при нейтральных глаголах речи инфинитивная конструкция, как правило, обозначает неконтролируемую ситуацию. Это же значение отмечено при глаголах ментально-перцептивной семантики, например:

- ... мѣи вѣдакъмъ вже не кончати добро с тѣмъ племенѣ^м ни ва^м ни на^м
 коли любо [СЛ, 1147, 105 об.], общее чтение см. в [КЛ, 1147, 128];
 ... а въи вѣдаета вже намъ съ Гюргемъ не оужити [КЛ, 1149, 139 об.];
 ... И бысть на заутрьє, увидѣ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ,
 яко уже взятѹ быти граду, внидоша въ церковь святую Богородицю
 [НПЛ, 1238, 123 об.].

Таким образом, значение придаточной инфинитивной конструкции интерпретируется по-разному в зависимости от семантики опорного предиката. При предикатах-комиссивах инфинитив в зависимой части выражает долженствование и используется для передачи в косвенной речи коммуникативного обязательства. При нейтральных глаголах речи и ментально-перцептивных опорных словах инфинитивная конструкция обозначает ситуацию, которая неизбежно осуществится после момента речи.

Исследование показало, что в древнерусский период инфинитивная конструкция и сослагательное наклонение употребляются в косвенной речи в семантически различных типах ситуаций. Приведем статистические данные, отражающие распределение указанных модальных конструкций при разных типах опорных предикатов:

Таблица 3

	инфинитив	сослагательное наклонение
нейтральные глаголы речи 'говорить, сообщать'	5	0
комиссивы 'обещать, давать присягу', 'договориться, заключить договор', 'подтвердить'	96	0
предикаты просьбы 'просить, требовать'	0	32
Всего	101	32

Отступления от указанного распределения встречаются редко. В КЛ и СЛ имеются чтения, которые различаются употреблением форм в придаточном предложении при глаголе **възбранати** ‘запрещать’ [Срезн. I: 337—338]:

... митрополитъ же много **възбранаше** и^м и Лазарь тѣсачскѣи и Рагунло Володимеръ тѣсачскѣи **яко не оубити Игорѣ** [СЛ, 1147, 105] — Ср.: митрополитъ же **възбранаше** (sic! В Хлеб. сп. **возбранаше**) и мѣ и Лазорь тѣсачскон и Рагунло Володимеръ тѣсачскон **яко быша не оубили Игорѣ** [КЛ, 1147, 128 об.].

Колебания в выборе зависимой модальной формы могут быть связаны с семантической структурой глагола **възбранати** ‘запрещать’. Осуществление ситуации предполагается после момента речи, высказывание содержит обязательства для адресата, тем самым значение этого глагола соотносится с семантикой инфинитивной конструкции. В то же время **възбранати** ‘запрещать’ имеет компонент, указывающий на волеизъявление, которому семантически соответствует форма сослагательного наклонения.

Отметим также один пример с инфинитивной конструкцией в диагностическом контексте сослагательного наклонения — при опорном предикате просьбы:

... и повѣдаста **молеу** Кыпанъ **яко створити миръ и бяюсти земли Рѹскон и брань имѣти с погаными** [ПВЛ, 1097, 90 об.].

Менее надежны следующие два примера:

... ать **радъ оучинимъ** о Рѹскон землѣ **да бы оборонили землю Рѹсскую ѿ поганыхъ** [ПВЛ, 1096, 84 об.];

... **бѣ во Стѣполкъ съ Володимеромъ радъ имѣлъ** **яко Новѹгороду быти Стѣполчю и посадити снѣ свои Володимеру** [ПВЛ, 1102, 94 об.], **радъ** в значении ‘договор’ [Срезн. III: 234—235].

В примере из ПВЛ за 1096 г. сослагательное наклонение можно интерпретировать в целевом значении ‘давайте договор заключим о русской земле, чтобы оборонить русскую землю от язычников’, или же на выбор сослагательной формы в придаточной части могла повлиять ирреальная пропозиция опорной предикации (форма **а^ть оучинимъ**).

Исследование древнерусских летописей показало, что зависимая инфинитивная конструкция и придаточное предложение с сослагательным наклонением были четко противопоставлены не только формально — за счет разных союзных средств и разных типов опорных слов, но и семантически, передавая разные модальные значения. Тем не менее, при появлении в позиции опорного предиката слов с более сложной семантической структурой, содержащей одновременно компоненты долженствования и волеизъявления (например, ‘запрещать’), наблюдаются колебания в выборе модальной формы в придаточной части.

Никоновская летопись с 1362 по 1558 гг.

В среднерусский период происходит формальное сближение между употреблениями инфинитива и сослагательного наклонения в придаточной части косвенной речи: основным показателем изъяснительной связи становится союз *что*, который встречается во всех типах косвенной речи — не только в нейтральных, но и в модальных конструкциях. Расширение состава опорных предикатов косвенной речи в этот период создает предпосылки для развития варьирования в употреблении модальных конструкций и появления контекстов нового типа.

Сослагательное наклонение

В НЛ основной сферой употребления сослагательного наклонения остается некатегоричное волеизъявление, при этом появляется несколько тенденций, новых по сравнению с летописями старшей поры.

В НЛ в период с XIV до середины XVI вв. последовательно возрастает количество примеров с сослагательным наклонением в косвенной речи. Семантические типы опорных предикатов и точные данные приведены в Таблице 4³:

Таблица 4

	1362—1424		1425—1505		1505—1558	
предикаты просьбы	25	64%	60	80%	86	53%
предикаты распоряжения	8	21%	5	7%	24	15%
нейтральные предикаты речи	6	15%	10	13%	52	32%
всего	39		75		162	

Как и в древнерусский период, основная сфера употребления сослагательного наклонения в косвенной речи — при опорных предикатах, выражающих просьбу и побуждение, которые не предполагают от адресата их обязательного исполнения. В НЛ указанные контексты составляют более 50% всех случаев. К этому типу предикатов относятся следующие лексемы⁴: *бити челомъ*, *добити челомъ* ‘просить’ [Срезн. I: 672], *молити*, *напоминати* ‘требовать’ [Срезн. II: 310], *научати* ‘подстрекать’ [Срезн. II: 346], *подъмълвити* ‘подговорить’ [Срезн. II: 1064], *помолити*, *понужати* ‘убеждать, побуждать’ [Срезн. II: 1184], *умолити*, *просити*, *проситися*, *правды*

³ Деление НЛ на хронологические периоды носит формальный характер и соответствует публикации заключительной части летописи в XI, XII, XIII тт. Полного собрания русских летописей.

⁴ При перечислении опорных предикатов в тексте статьи мы отражаем исторические позиции редуцированных и *ѣ* в целях единообразия, в НЛ XIV—XVI вв. встречаются вариативные написания в соответствии с более поздней нормой.

просити, посълати, посылати, съсълатися, присълати, а также существительные, образованные от них, — *молитва, посылъ*. Вот некоторые примеры:

- ... Царь и великий князь напоминаеть, чтобы съ нимъ похотѣль заодинъ стати о свободѣ крестьяньской [НЛ, 1558, 292];
- ... И сестру свою Уліану ... моля и научая, дабы умолила его и понудила пойти ратью къ Москвѣ на великого князя Дмитрея Ивановича [НЛ, 1371, 13];
- ... Князь великий же много его моляше и понужаше, чтобы благословилъ Митяа послѣ себя на митрополию [НЛ, 1378, 35];
- ... У князя у Ивана учаль правды просити, чтобы его князь великий не велѣль поимать и опалы бы своя на него не положилъ [НЛ, 1537, 118].

Новая черта в употреблении сослагательного наклонения в косвенной речи — появление этой формы в синтаксически подчиненных контекстах при предикатах, обозначающих распоряжение: *оставити* ‘позволить, допустить’ [Срезн. II: 736], *отпустити* ‘отправить, послать с распоряжением’ [Срезн. II: 808], *приказати* ‘поручить, сказать’ [Срезн. II: 1409], *приказывати* ‘поручать’ [Срезн. II: 1409], ср.:

- ... А что съ нимъ было людей, тѣхъ всѣхъ отпустиль къ берегу съ воеводою со княземъ Иваномъ Звенигородскимъ, чтобы не толь борзо перевезлися рѣку Оку [НЛ, 1451, 76];
- ... А приказал царю и воеводамъ, чтобы всю Горнюю сторону, приведши къ правдѣ, послали къ городу Казани [НЛ, 1551, 165];
- ... А приказаль царь и великий князь, чтобы были заединъ со царемъ и великимъ княземъ на всѣхъ его недруговъ [НЛ, 1555, 246].

Интересно то, что на данном этапе, в отличие от современного русского языка, контексты с распоряжением не включают категоричных видов волеизъявления — прямых приказов: не отмечено ни одного примера с опорным предикатом в значении ‘повелеть, приказать’ (например, *повелѣти*) при придаточном предложении с сослагательным наклонением. При косвенном цитировании повеление по-прежнему выражается в рамках структуры простого предложения — сочетанием глагола *велѣти* в современном значении с инфинитивом, например: ...*да велѣли городъ крѣпити и намѣстникомъ всѣхъ людей къ цѣлованію привести* [НЛ, 1537, 95].

Ещё одна поздняя инновация в структуре придаточных предложений с сослагательным наклонением — появление в позиции опорного предиката нейтральных глаголов речи: *глаголати, говорити, (приде/бысть) вѣсть, речи, отвѣтъ учинити, съказати*. В эту же группу входит нейтральный глагол письменной речи *писати*, а также опорные существительные, указывающие на письменную форму сообщения, например *грамота*. К середине XVI в. контексты с нейтральными предикатами речи составляют почти треть употреблений сослагательного наклонения при косвенном цитировании (32%); вот некоторые из них:

- ... И глаголаше кождо другъ ко другу своему, дабы кто противу его изшелъ [НЛ, 1380, 59];
- ... А говорилъ от короля, чтобы князь великий Иванъ послалъ х королю пословъ своихъ напередъ и опасную грамоту на пословъ привозилъ [НЛ, 1541, 114].
- ... Приѣхали отъ воеводъ... семь человекъ съ вѣстью, чтобы сидѣли въ городъ крѣпко [НЛ, 1541, 113];
- ... Да отвѣтъ имъ учинилъ, чтобы они о томъ послали къ государю царю и великому князю бити челомъ, какъ государь ихъ пожалуетъ [НЛ, 1551, 167].

К группе предикатов, в семантической структуре которых нет указания на иллокутивную функцию, можно отнести глаголы эмоциональной речи:

- ... и абіе начяша изъ града вопити и кликати, чтобы великій государь пожаловалъ, мечъ свой унялъ, а бою престати повелѣлъ [НЛ, 1514, 19].

Как можно заметить, опорные предикаты при придаточных с сослагательным наклонением маркируют иллокутивные функции цитируемого высказывания нерегулярно: при предикатах речи в одних примерах передается просьба, в других распоряжение. Таким образом, в среднерусский период уже нестрого действует архаичное соответствие между семантикой зависимой конструкции и значением опорного предиката.

Инфинитивная конструкция

Материал НЛ за XIV—XVI вв. показывает, что в среднерусский период активно расширяется сфера функционирования инфинитивной конструкции. В её употреблении наблюдаются тенденции, общие с историей форм сослагательного наклонения в косвенной речи. Основные направления их развития можно установить на основании статистических данных, представленных в Таблице 5:

Таблица 5

	1362—1424		1425—1505		1505—1558		Летописи XI—XIV вв.	
	абс.	проц.	абс.	проц.	абс.	проц.	абс.	проц.
комиссивы	15	58%	27	48%	62	49%	96	95%
нейтральные предикаты речи	5	19%	13	23%	31	25%	5	5%
предикаты распоряжения	6	23%	12	21%	27	21%	0	0
предикаты просьбы	0	0%	4	7%	6	5%	0	0
	26	100%	56	100%	126	100%	101	100%

Статистика показывает, что бóльшую часть употреблений инфинитивной конструкции, как и в древнерусский период, стабильно составляют контексты при предикатах со значением обязательства, которое должно быть исполнено после момента речи. В первую очередь к ним относятся слова со значением ‘обещать, давать присягу’: *крестъ ѡбѣовати, обѣовати, ѡбѣовати, дати шерть* (*шерть* — ‘клятва, договорные отношения’ [Срезн. III: 1587]), например:

- ... А въ досталномъ всѣ шерть дали, что имъ и до одного свободити [НЛ, 1551, 169];
- ... И на той грамотѣ Шаусеинъ-Сеить передъ великого князя бояры шерть даль на томъ, что царю Магмедъ-Аминю въ Казани передъ великого князя посломъ шерть дати, что по той грамотѣ царю правити великому князю и до своего живота [НЛ, 1512, 14].

К предикатам этой группы также относятся существительные *ѡбѣованіе* ‘целование креста, присяга’ [Срезн. III: 1451] и *правьда* ‘обет, обещание; присяга’ [Срезн. II: 1357], например:

- ... и правду христіаномъ даша, яко не блжостися ничего же отъ царя и отъ Татаръ его [НЛ, 1382, 75].

В НЛ инфинитивная конструкция сохраняет употребление при глаголах со значением ‘договориться, заключить договор’: *доконьчати миръ* ‘заключить мир’, *доконьчати* ‘порешити, уговоритися’ [Срезн. I: 693], *приговорити* ‘порешити’ [Срезн. II: 1392], *сѣдумати, сѣвѣтъ сѣтворити* ‘заключить соглашение, уговор’ [Срезн. III: 681], *умиритися* ‘заключить мир’ [Срезн. I: 1207], *утвѣрдити*, ср. примеры:

- ... И докончаша съ нимъ и съ Новгородцы, что быти на сѣздѣ князю Коньстянтину Дмитреевичю съ Новгородцы и ихъ местеру [НЛ, 1421, 236];
- ... Приговоря, на чемъ быти царю Магмедъ-Аминю съ великимъ княземъ въ крѣпкомъ миру и въ докончаніи [НЛ, 1512, 14];
- ... А бояре сѣвѣтъ сѣтвориша, что имъ князя Юрья изымати [НЛ, 1534, 79];
- ... И руками своими утвердили, что имъ во вѣкы поминати и молити Бога о цари Иванѣ, а хто не учнетъ молити, тому въ отлученіи быти [НЛ, 1557, 275].

Новая черта в употреблении инфинитивных конструкций — рост числа примеров при нейтральных глаголах речи с 5% до 20% по сравнению с древнерусским периодом. Список глаголов речи, зафиксированных в НЛ, значительно шире, чем в летописях старшей поры: *възвѣщати, глаголати, говорити, дати запись, мѣлвити, написати, отвѣтъ учинити, отмѣлвити* ‘ответить’, *отписати, речися*. К этому же типу относятся существительные *вѣсть, грамота, листы, слово, печать* ‘грамота с печатью’ [Срезн. II: 926],

послание, рѣчь. При этом инфинитивная конструкция при нейтральных глаголах речи выражает очень широкий спектр иллокутивных значений — присягу, распоряжение, решение, ср.:

- ... А у правды то царь говориль, что присылати великому князю казна [НЛ, 1558, 288];
- ... А Онтонъ тогда отъ папы от Павла привезлъ листы къ великому князю, что посломъ великого князя волно ходити до Рима по всей земли Латынской и Нѣмецкой и Орязской [НЛ, 1471, 142];
- ... И бояре ему по государеву приказу то отмолвили, что тому дѣлу инако не быть: что государю Богъ даль, того ся ему не поступить [НЛ, 1551, 167].

Таким образом, в среднерусский период наблюдаются изменения в семантике инфинитивной конструкции. В ранних примерах при нейтральных глаголах речи и ментально-перцептивных предикатах инфинитив в придаточной части, как правило, выражал один и тот же тип модальности — неизбежная ситуация, которая осуществится с высокой степенью вероятности после момента речи. В поздний период инфинитивная конструкция при глаголах речи может иметь широкий спектр значений — от обещания до распоряжения или же просто обозначения «будущего в прошедшем» с модальной семантикой.

Отмеченная тенденция является общей в развитии придаточных предложений с инфинитивом и сослагательным наклонением: в среднерусский период модальное значение зависимой конструкции не всегда эксплицировано за счет употребления опорного слова соответствующей иллокутивной семантики. Появляются примеры, в которых вершинным предикатом является нейтральный глагол речи, а иллокутивная функция чужого высказывания не маркируется и во многих случаях остается неясной.

Другой синтаксической инновацией, общей с сослагательным наклонением, является распространение инфинитивной конструкции на цитирование распоряжений. Данные в Таблице 4 показывают, что в НЛ контексты указанного типа составляют около 20% употреблений инфинитива в косвенной речи. При инфинитивной конструкции отмечены следующие предикаты: *пожаловати* ‘пожаловать, наградить; соизволить’ [Срезн. II: 1079], *наказати* ‘наставить’, *отпустити* ‘отправить, послать с распоряжением’ [Срезн. II: 808], *положити* ‘постановить; назначить; *право дати, привести к чему-то* ‘предложить, заставить’, *приказати* ‘приказать, поручить’, *совѣтовати* ‘давать указания; повелевать’ [Срезн. III: 681], *приказывати* ‘поручать’, *установити* ‘назначить, определить’ [Срезн. III: 1275], например:

- ... И князь великіи тѣмъ ихъ пожаловалъ, что имати его одинова на годъ дань съ сохи по полугривнѣ [НЛ, 1478, 184];
- ... И князь великіи тѣмъ пожаловалъ отчину свою, что имъ самимъ дань збирати и отдавати, кому у нихъ велять имати, а писцевъ и даньщиковъ къ нимъ не посылати [НЛ, 1478, 184];

- ... А князю Ивану то отъ великого князя не наказано, что ему правда дати князю Андрѣю [НЛ, 1537, 96];
- ... Князь же Дмитрей, много думавъ о семъ, положы на томъ, что выпусти великого князя и дати ему отчина, на чемъ бы мощно ему быти [НЛ, 1446, 71];
- ... И Исламъ приказалъ з Даниломъ, что одноконечно Крымъскимъ людемъ ратию на великаго князя украины не быти [НЛ, 1535, 96];
- ... А отецъ нашъ привель ихъ къ тому, что хотѣти имъ намъ добра [НЛ, 1400, 183];
- ... Папа же князя великого посла Ивана Орязина много чтивъ и отпусти его къ великому князю съ тѣмъ, что дати за него царевну но да пришлетъ по нея бояръ своихъ [НЛ, 1469, 120].

Обратим внимание, что при некоторых предикатах из этого списка в придаточной части встречается сослагательное наклонение — см. примеры с глаголом *приказати* и *отпустити* в предыдущем разделе. Таким образом, при опорных словах, выражающих распоряжение, в среднерусский период наблюдается варьирование в выборе зависимой придаточной конструкции — инфинитивной или с сослагательным наклонением.

Во второй половине XVI в. инфинитив и вовсе начинает употребляться в контекстах, которые в ранний период были исключительно сферой сослагательного наклонения, — при опорных предикатах со значением просьбы. Рассмотрим группу примеров при глаголе *добити челомъ* ‘просить’ [Срезн. I: 672]:

- ... И царь государь пожаловаль, а велѣль договоритца, по чему имати и за что прошлые залогы взяти. И добили челомъ, что дати за прошлые залогы и за нынечной подъемъ полпятадесять тысячъ ефимьковъ, а Московская осмнатцать тысячъ рублевъ [НЛ, 1558, 287];
- ... И послы Нѣмецкіе добили челомъ на томъ, что бискупу Юрьевскому собрати дань со всей области Юрьевской по перемирнымъ грамотамъ, со всякого челоуѣка по гривнѣ по Нѣмецкой, опричь однихъ церковныхъ людей, и та дань привести къ царю и великому князю вся сполна... И царь и великіи князь маистра Ливоньского и бискупа Юрьевскаго и всю землю Ливоньскую пожаловаль на томъ на всемъ и дань свою на Юрьевскую область положиль по гривнѣ по Нѣмецкой на всякого челоуѣка [НЛ, 1554, 240];
- ... и за всю Арьскую сторону и Побережную добили челомъ, что имъ государю дань давать и отъ Казани неотступнымъ быти и до своего живота, и на томъ въеводамъ правду дали [НЛ, 1554, 239].

Важно отметить, что в указанных контекстах опорный предикат *добити челомъ*, относящийся к сфере деловой коммуникации, имеет сложную семантическую структуру: послы ‘просили представителя власти (князя/воевод) распорядиться...’. Оптативный компонент маркируется значением

опорного слова *добити челомъ* ‘просить’, распоряжение — модальной формой инфинитива в придаточной части.

Интересен другой пример, в котором оптативный компонент зависимой конструкции с инфинитивом эксплицирован не только опорным словом, но и формально с помощью союза *чтобъ* (*чтобы*) в придаточной части:

... Того же месяца прислалъ къ государю бити челомъ маистръ Ливонской пословъ своихъ Ѡалентина да Мелхера да писаря Гануса, чтобъ имъ дани царя и государя не дати, которую на себѣ положилъ бискупъ Юрьевской своей области по гривнѣ со всякого человѣка (‘Ливонский магистр попросил (через послов) государя распорядиться, чтобы они [ливонцы] не давали дани, которую обязался платить бискуп Юрьевский в своей области’) [НЛ, 1557, 280].

Таким образом, употребление инфинитивной конструкции и сослагательного наклонения при одних и тех же опорных предикатах постепенно приводит к появлению новых моделей косвенного цитирования.

Новые модальные конструкции косвенного цитирования в XVI в.

В НЛ за XVI в. при глаголах волеизъявления, передающих распоряжения и просьбы, получает распространение модель косвенной речи, при которой предикат первой зависимой клаузы употребляется в форме сослагательного наклонения, а в последующих клаузах используется инфинитив (всего около 15 примеров):

... а и полону приказывалъ, чтобы по шертнымъ грамотамъ полонъ Руской весь свободили, а не свободятъ полону и государю, видѣвъ христианство въ неволи, да того не терпѣти, сколько ему милосердный Богъ поможетъ [НЛ, 1552, 171];
 ... тебѣ, государю, челомъ бѣють, чтобы государь пожаловалъ, гнѣвъ свой отдалъ, а далъ бы имъ царя Шигалѣя на царство, а Утемешъ-Гирѣа бы царя и съ матерію государь взялъ к собѣ, а полону бы Рускому воля дать [НЛ, 1551, 167].

Интересен пример с опорным предикатом, выражающим запрет. Если в древнерусский период наблюдались колебания в выборе модальной формы сказуемого придаточного предложения — инфинитив или сослагательное наклонение, то в НЛ за XVI в. обе формы свободно используются в рамках одной сложноподчиненной структуры:

... И повелѣ государь различити старосты... и з страшнымъ и грознымъ запрещеніемъ заповѣдь положити, чтобъ имъ разсужати промежъ разбои и татбы и всякіе дѣла, отнюдь бы некоторая вражда не имѣновалася, также ни мзда неправедная, ни лживое послушество [НЛ, 1556, 268].

К середине XVI в. в НЛ отмечена «контаминированная» модальная конструкция для передачи волеизъявления в косвенной речи — структурно она состоит из союза *что* и частицы *бы*, совмещающей показатели изъяснительной связи и ирреального наклонения, сказуемое придаточной части выражается инфинитивом (всего 5 примеров). Указанная структура отмечена при предикатах разных семантических классов — её закреплённость за опорными словами определенного семантического класса не засвидетельствована:

- ... а говорили отъ короля царю и великому князю, чтобы имь быти въ одиначествѣ противъ невѣрныхъ царей бусурманьскихъ о свободѣ о хрестіаньской [НЛ, 1558, 300];
- ... свѣтовавъ з бояры, чтобы послати Литовскіе земли воевати за королеву неправду [НЛ, 1534, 81].

Заключение

Данные летописей XI—XIV вв. показывают, что уже в ранний период имелись специальные грамматические средства передачи модальных и иллокутивных значений чужого высказывания в косвенной речи. Для цитирования волеизъявления использовалась придаточная конструкция с сослагательным наклонением, при этом сфера её употребления была уже, чем в современном русском языке: она не охватывала категоричного волеизъявления. Приказы и повеления передавались с помощью составного глагольного сказуемого модальный глагол + инфинитив в рамках простого предложения.

Для цитирования коммуникативного обязательства говорящего использовалась придаточная инфинитивная конструкция (тип *цѣловаста крѣсть яко не разлучитися има*). Более редкий тип её употребления — при глаголах речи, мысли и восприятия для передачи высказываний с ирреальной модальностью, в которых маркируется значение неизбежности (тип *и повѣдаше Нои яко быти потопу*). В контекстах обоих типов инфинитивная конструкция косвенной речи обозначает действие, которое должно осуществиться после момента речи в прошлом, т. е. функционирует фактически как «будущее в прошедшем» с модальным значением.

В древнерусский период инфинитивная конструкция и придаточное предложение с сослагательным наклонением были четко противопоставлены не только формально — за счет разных союзных средств и разных типов опорных слов, но и семантически.

Среднерусский период характеризуется постепенной унификацией модальных конструкций косвенной речи. В первую очередь это происходит на формальном уровне: появляется универсальный показатель изъяснительной связи — союз *что*. Валентность, позволяющая присоединять изъяснительные предложения, появляется у глаголов, передающих распоряжения, — это новый тип контекста, содержащий как волеизъявление, так и

обязательство исполнить действие, заявленное в препозиции. При предикатах распоряжения наблюдается вариативность в употреблении модальных конструкций косвенной речи — в придаточной части встречаются инфинитив или сослагательное наклонение.

В поздний период постепенно перестает действовать принцип соответствия значения опорного предиката семантике зависимой конструкции. Появляются примеры с модальными конструкциями, в которых иллокутивная цель чужого сообщения не маркируется в опорной предикации: при нейтральных глаголах речи модальное значение выражено только формами инфинитива и сослагательного наклонения в придаточной части.

Таким образом, в употреблении сослагательного наклонения и инфинитива в косвенной речи в XV—XVI вв. отмечены общие тенденции: они встречаются в одинаковых синтаксических условиях — при глаголах распоряжения и при глаголах речи. Вариативность этих форм в определенных синтаксических позициях приводит к появлению новых, «контаминированных» моделей цитирования, инфинитив и сослагательное наклонение встречаются в однородном подчинении, при некоторых опорных словах допускаются обе формы.

Л и т е р а т у р а и и с т о ч н и к и

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

Арутюнова 1992 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Язык цели // Логический анализ языка. Модели действия. М., 1992.

Борковский, Кузнецов 1963/2006 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.

Булаховский 1950 — Л. А. Б у л а х о в с к и й. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950.

Булаховский 1955 — Л. А. Б у л а х о в с к и й. Курс русского литературного языка. Харьков; Киев, 1955.

Буслаев 1869 — Ф. И. Б у с л а е в. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1869.

ГЛ, ВЛ — Галицко-Волынская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Зализняк Анна А. 1991 — Анна А. З а л и з н я к. Словарная статья глагола *говори́ть* // Семиотика и информатика. Вып. 32. Материалы к Интегральному словарю современного русского литературного языка (образцы словарных статей). М., 1991. С. 71—83.

Есперсен 1958/2006 — О. Е с п е р с е н. Философия грамматики. Пер. с англ. М., 1958/2006.

Ипат. — Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. СПб., 1908 (Репринт: М., 1998).

КЛ — Киевская летопись по Ипатьевскому списку (см. Ипат.).

Лавр. — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1997 (Репринт: М., 2001).

Легоцкая 2009 — Л. А. Л е г о ц к а я. Сослагательное наклонение в языке памятников раннего древнерусского летописания // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. №1. С. 121—125.

НЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 11—13. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. Спб., 1897—1904 (Репринт: М., 2000).

НПЛ — Новгородская первая летопись по Синодальному списку // Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (Репринт: М., 2000).

Падучева 1996 — Е. В. П а д у ч е в а. Семантические исследования; Семантика нарратива. М., 1996.

ПВЛ — Повесть временных лет (см. Ипат.).

Потебня 1874 — А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике. Харьков, 1874. Т. 2—3.

Серль 1986 — Дж. Р. С е р л ь. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М., 1986. С. 170—194.

СЛ — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку (см. Лавр.).

Срезн. — И. И. С р е з н е в с к и й. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1—3. СПб., 1893—1912.

Шевелева 2009 — М. Н. Ш е в е л е в а. «Согласование времен» в языке древнерусских летописей (к вопросу о формировании относительного употребления времен и косвенной речи в русском языке) // Русский язык в научном освещении. № 2 (18). 2009. С. 144—174.

Юрьева (в печати) — И. С. Ю р ь е в а. Некоторые особенности синтаксиса, морфологии и лексики так называемой Галицко-Волынской летописи // Лингвистическое источниковедение 2012—2013 гг. М., 2013. С. 135—151.

Haverkate 1996 — H. H a v e r k a t e. Modal patterns of direct and indirect discourse in Peninsular Spanish: An analysis within the framework of speech act typology // Theo A. J. M. Janssen, Wim van der Wurff (ed.). Reported speech: forms and functions of the verb. Pragmatics & Beyond, New Series. Amsterdam, 1996.

References and sources

Apresyan 1995 — Yu. D. Apresyan. Izbrannyye trudy. T. II/ Integralnoye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. Moskva, 1995.

Arutyunova 1992 — N. D. Arutyunova. Yazyk celi // Logicheskiy analiz yazyka. Modeli deystviya. Moskva, 1992.

Borkovskiy, Kuznecov 1963/2006 — V. I. Borkovskiy, P. S. Kuznecov. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Moskva, 2006.

Bulakhovskiy 1950 — L. A. Bulakhovskiy. Istoricheskiy kommentariy k russkomu literaturnomu yazyku. Kiev, 1950.

Bulakhovskiy 1955 — L. A. Bulakhovskiy. Kurs russkogo literaturnogo yazyka. Kharkov; Kiev, 1955.

Buslayev 1869 — F. I. Buslayev. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Sintaksis. Moskva, 1869.

Espersen 1958/2006 — O. Yespersen. *Filosofiya grammatiki*. Per. s angl. Moskva, 1958/2006.

GL, VL — Galicko-Volynskaya letopis po Ipatyevskomu spisku (sm. Ipat.).

Haverkate 1996 — H. Haverkate. Modal patterns of direct and indirect discourse in Peninsular Spanish: An analysis within the framework of speech act typology // Theo A. J. M. Janssen, Wim van der Wurff (ed.). *Reported speech: forms and functions of the verb*. Pragmatics & Beyond, New Series. Amsterdam, 1996.

Ipat. — Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 2. Ipatyevskaya letopis. St.-Peterburg, 1908 (Reprint: Moskva, 1998).

KL — Kiyevskaya letopis po Ipatyevskomu spisku (sm. Ipat.).

Lavr. — Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 1. Lavrentyevskaya letopis. Moskva, 1997 (Reprint: Moskva, 2001).

Legockaya 2009 — L. A. Legockaya. Soslagaatelnoye nakloneniye v yazyke pamyatnikov rannego drevnerusskogo letopisaniya // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Ser. 9. Filologiya. 2009. № 1. S. 121—125.

NL — Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. 11—13. Letopisnyy sbornik, imenuyemyy Patriarshey ili Nikonovskoy letopisyu. St.-Peterburg, 1897—1904 (Reprint: Moskva, 2000).

NPL — Novgorodskaya pervaya letopis po Sinodalnomu spisku // *Novgorodskaya pervaya letopis starshogo i mladshogo izvodov*. Moskva; Leningrad, 1950 (Reprint: Moskva, 2000).

Paducheva 1996 — Ye. V. Paducheva. *Semanticheskiye issledovaniya; Semantika narrativa*. Moskva, 1996.

Potebnya 1874 — A. A. Potebnya. *Iz zapisok po russkoy grammatike*. Kharkov, 1874. T. 2—3.

PVL — *Povest vremennykh let* (sm. Ipat.).

Serl 1986 — J. R. Serl. Klassifikaciya illokutivnykh aktov // *Novoye v zarubezhnoy lingvistike*. Vyp. XVII: Teoriya rechevykh aktov. Moskva, 1986. S. 170—194.

Sheveleva 2009 — M. N. Sheveleva. «Soglasovaniye vremen» v yazyke drevnerusskikh letopisey (k voprosu o formirovaniy otnositelnogo upotrebleniya vremen i kosvennoy rechi v russkom yazyke) // *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*. № 2 (18). 2009. S. 144—174.

SL — Suzdalskaya letopis po Lavrentyevskomu spisku (sm. Lavr.).

Srezn. — I. I. Sreznevskiy. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka*. T. 1—3. St.-Peterburg, 1893—1912.

Yuryeva (v pechati) — I. S. Yuryeva. Nekotoryye osobennosti sintaksisa, morfologii i leksiki tak nazyvayemoy Galicko-Volynskoy letopisi // *Lingvisticheskoye istochnikovedeniye 2012—2013 gg.* (v pechati).

Zaliznyak Anna A. 1991 — Anna A. Zaliznyak. Slovarnaya statya glagola *govorit'* // *Semiotika i informatika*. Vyp. 32. *Materialy k Integralnomu slovaryu sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (obrazcy slovarnykh statey)*. Moskva, 1991. S. 71—83.

Резюме

В древнерусских летописях XI—XIV вв. встречаются две модальные разновидности косвенной речи. Инфинитив используется для цитирования высказываний, которые должны быть исполнены говорящим, или же предсказаний — неизбежных ситуаций в будущем. Сослагательное наклонение употребляется только при пере-

даче просьб. Модальность и иллокутивная сила чужой речи регулярно маркированы за счет иллокутивного опорного предиката.

В среднерусский период появляются новые контексты, в которых допускаются обе модальные формы, — это косвенная речь, содержащая официальные распоряжения. В этот период инфинитив и сослагательное наклонение ещё не используются для передачи прямых приказов, то есть как эквивалент повелительного наклонения в косвенной речи.

Ключевые слова: косвенная речь, русские летописи, инфинитив, сослагательное наклонение, иллокутивный глагол.

Статья получена 09.11.2013

EKATERINA A. VLASOVA

**THE USE OF INFINITIVE AND SUBJUNCTIVE FORMS
IN MODAL PATTERNS OF INDIRECT SPEECH
IN RUSSIAN CHRONICLES OF THE XI—XVI CENTURIES**

The paper considers the use of infinitives and subjunctive forms as modal patterns of indirect speech attested in Russian Chronicles of the XI—XVI centuries. In early texts, an infinitive in a subordinate clause describes either a speech act that must be put into practice or a situation destined to happen. Subjunctive forms are used only in citations containing requests. The illocutionary power of reported speech is regularly marked with an illocutionary verb. In later chronicles, infinitive clauses and subjunctive forms begin to alternate in modal patterns of indirect speech containing official orders. However, the modal patterns are not yet attested as a substitute of imperative mood in subordinate clauses.

Keywords: indirect speech, Old Russian chronicles, infinitive clause, subjunction forms, illocutionary verb.

Received on 09.11.2013

А. П. МАЙОРОВ

**ЯВЛЕНИЯ УСТНО-РАЗГОВОРНОГО СИНТАКСИСА
В ЯЗЫКЕ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ XVIII ВЕКА
(по памятникам Забайкалья)**

Введение. Исторический синтаксис русского языка в современной русистике остается, пожалуй, наименее изученной областью. Несмотря на то, что истории синтаксиса русского языка уделяли внимание такие ученые, как А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов, Т. П. Ломтев, А. Н. Стеценко, В. И. Борковский, С. И. Котков, Б. А. Ларин, З. Д. Попова, Р. Д. Кузнецова, В. Б. Крысько, А. А. Зализняк и многие другие, какого-либо полного представления о закономерностях развития синтаксического строя русского языка не сформировалось.

Одной из насущных проблем изучения истории синтаксиса русского языка является описание тех синтаксических конструкций, которые исследователями интерпретируются как факты разговорной речи.

Наличие элементов разговорной речи в письменных источниках констатировалось исследователями издавна. Еще Ф. И. Буслаев подчеркивал, что в синтаксической системе русского языка отражается разговорное начало, которое «даже с древнейших времен господствовало в нашей письменности» [Буслаев 1959: 553—554]. К. С. Аксаков отмечал, что в доломосовский период язык, «касясь бумаги... или принимал неловкие формы, подобные тем, которые встречаем в грамотах, формы пишущегося разговора (подчеркнуто мною — А. М.), или принимал формы отвлеченные, тяжелые, обусловленные отчасти церковнославянским, отчасти, может быть, иностранным синтаксисом» [Аксаков 1975: 213]. В XX в. В. И. Борковский, исследовавший синтаксис новгородских берестяных грамот, указывал на возможность реконструкции живой разговорной речи по данным источникам [Борковский 1965: 338—339], а в дальнейшем А. А. Зализняк, выявив и описав ряд уникальных синтаксических явлений древненовгородской речи, блестяще подтвердил это [Зализняк 1986: 151—164].

Тем не менее проблема выявления разговорных элементов в синтаксическом строе древнерусского и старорусского языка еще далека от разрешения. Р. Д. Кузнецова, отмечая в старорусских документах универсальные черты, свойственные устной речи, пишет: «Вместе с тем до сих пор остается неясным вопрос о том, что же собою представляет живая разго-

ворная речь в разные исторические периоды развития русского языка» [Кузнецова 1983а: 24].

Вопрос здесь заключается не только в идентификации и обосновании тех или иных синтаксических конструкций как разговорных, но и в объяснении противоречивого факта отражения устно-разговорной речи в письменном тексте. Так, Б. О. Унбегаун в свое время верно подметил, что «уже само изучение разговорного языка по письменным памятникам, а иными источниками мы, увы, не располагаем, — является парадоксом» [Унбегаун 1971: 273].

Традиционная методология исследования исторического синтаксиса базируется на структурно-системном описании типизированных конструкций без учета функционально-стилистического и коммуникативного аспекта их функционирования. В то же время письменные памятники определенной жанровой принадлежности могут содержать синтаксические явления, с трудом поддающиеся анализу без учета коммуникативной организации текста.

Широкие исследования современной разговорной речи (далее РР), начатые еще в 60-х годах, показали, что разговорная речь — это совокупность особых языковых средств, принципиально отличающихся от тех, которые функционируют в кодифицированном литературном языке (далее КЛЯ). Так, в области синтаксиса были выявлены специфические функции именительного падежа, характерные черты порядка слов в РР, недифференцированные смысловые отношения бессоюзных конструкций, синтаксическая интерференция, конструкции добавления и многие другие лингвистические свойства РР, не имеющие аналога в КЛЯ. Было установлено, что исключительное своеобразие синтаксических коллоквиализмов определяется воздействием двух главных коммуникативных факторов разговорной речи — диалогичностью и непосредственностью общения.

Сегодня актуальным представляется анализ синтаксических конструкций древнерусского и старорусского языка сквозь призму данных современной РР. Известны опыты исследования синтаксических построений в русском языке XVI—XVIII вв. в сопоставлении с разговорными явлениями в области современного разговорного синтаксиса [Белкина 1979; Кузнецова 1983б; Малькова 1985; Майоров 1988; Земская 1988; Ярин 2003]. При этом особо подчеркивается, что ретроспективный метод изучения РР исторического прошлого эффективен при анализе тех жанров, у которых обнаруживаются основные экстралингвистические признаки РР (неофициальность, неподготовленность, непосредственность) [Земская 1988: 181—182].

При изучении разговорного синтаксиса исторической эпохи встает также вопрос: в какой степени возможно отражение устно-разговорных конструкций в деловом письме? Так, О. А. Лаптева, известный исследователь современной русской разговорной речи, рассуждая об особом значении привлечения исторических материалов для изучения области устно-разговорной речи в отношении к письменно-литературной, пишет: «По-

следнее (т. е. привлечение исторических материалов — *А. М.*) осложняется их практическим отсутствием, а в случае имеющихся фиксаций — их письменно-деловым характером, налагающим несомненный отпечаток на “устность” синтаксиса. Предстоит еще выяснить соотношение клишированных форм древнерусской деловой письменности и устно-речевых построений в ней и “коэффициент” отражения устного синтаксиса в древнерусских документах» [Лаптева 1976: 183].

Актуальность задач, выдвинутых О. А. Лаптевой, не утрачена и сегодня. В многочисленных исследованиях языка памятников деловой письменности XV—XVIII вв. самых разных жанров согласно лингвистико-коведческой традиции их изучения прежде всего выделяются традиционные приказные (канцелярские) элементы-формулы, устойчивые словосочетания, передававшие определенное юридическое содержание, а также дается характеристика узуальным нормам, распространявшимся как на графику, лексику, так и на синтаксические построения. Вместе с тем было установлено, что в документах различной функциональной направленности влияние узуальных норм сказывалось по-разному, не всегда были применимы типизированные конструкции и, например, в основной части просительных документов (изветных, явочных челобитных) описание разнообразных бытовых ситуаций не укладывалось — да и не могло укладываться ввиду их значительного разнообразия — в рамки клишированных форм речи. В результате писцы (челобитчики) поневоле обращались к средствам РР — единственной функциональной разновидности русского языка донационального периода, способной выразить обиходно-бытовые реалии. Такое использование элементов разговорного синтаксиса предметом пристального внимания историков языка еще не становилось.

Строго говоря, условия непосредственности, диалогичности, констатиивности, неподготовленности общения, определяющие реализацию своеобразных черт РР, в письменной коммуникации элиминируются. Письменная речь всегда опосредована, адресат в пространственно-временной ориентации от говорящего (пишущего) субъекта отдален, и тогда невозможно говорить о констатиивности этой формы речевой коммуникации; словесная организация письменного текста всегда представляет собой результат обдумывания и определенной рефлексии по его составлению в соответствии с нормами и правилами книжно-письменной речи.

Тем не менее указанные факторы РР в том или ином модифицированном виде в письменном тексте присутствовать могут. Их актуализация во многом зависит от коммуникативной установки субъекта речи и выбора жанра порождаемого текста. Это особенно характерно для исторической эпохи становления норм национального языка — времени существования узусов, реализующих различные принципы речевой коммуникации и формировавшихся на основе той или иной письменной традиции (книжно-славянской, приказной) и устно-разговорной речи. Как считает В. М. Живов, «при отсутствии полифункциональной синтаксической нормы соотне-

сение коммуникативного задания текста и лингвистической стратегии автора базируется на основных принципах устройства сообщения; принцип логического развертывания не является имманентным ни для человеческого сознания, ни для текстов, этим сознанием порождаемых» [Живов 2004: 53]. Таким образом, разговорный синтаксис, всегда «привязанный» к конкретной ситуации и поэтому названный В. М. Живовым ситуационным, не противоречил письменной форме речи в ту историческую эпоху, когда экспансия синтаксиса логического развертывания как полифункциональной нормы русского литературного языка еще не получила должного развития [Там же].

Обычно исследователи, допуская возможность отражения фактов разговорной речи, достаточно осторожно очерчивают для них определенный круг источников, а именно — жанры бытовой письменности (частная переписка, мемуары, записки, дневники). Между тем жанровая специфика текста, предопределяющая значимость коммуникативных факторов проявления черт РР, не может ограничиваться только бытовой письменностью. Разговорные синтаксические построения, идентифицированные с помощью указанного ретроспективного метода, довольно регулярно встречаются в определенных жанрах деловой письменности — допросных (распросных) речах, просительных документах (челобитных, жалобницах, доношениях, объявлениях и др.), регистрационных документах (приходо-расходных книгах, описях, регистрах (реестрах)). Приведем в качестве примера фрагмент допросных речей с выделением синтаксических коллоквиализмов (пунктуация оригинала сохраняется):

| л. 65 | 1785 года мая 19 ч кварталной надзиратель | Манте-
фелцей представил к городническимъ деламъ poi|манного из беговъ
съсылнаго Федора Воротилова которои допрашиванъ и показалъ | в
нынешнемъ году в разныя времена чинилъ здесь в городе | у жителии
покражи а имянно: марта на 31^e <...>

2^e апреля на 3^e : ч на хлебномъ рынке из лавки балаганского | куп-
ца Ивана Петухова о^бще съ салдатомъ Иваномъ Кунгуровымъ у
которой лавки болты о^м вернули взяли оба: покрали | разнаго то-
вару какъ покравши завезали в одинъ узоль | денегъ в табакерке
сребреныхъ одинъ рубль дватцать пять копеекъ | с медныхъ нискол-
ко не брали и все оное унесли в баню в домъ | цеховаго Суровцова у
коего <...> показанная | женка Петрова спрятала под полокъ бе³
всякаго разделу и назавтре | об оной покраже сказывалъ той же
женке Петровой что: | вчерашнюю ночь покрали съ салдатомъ Кун-
гуровымъ на хлебно^м | рынке лавку и ис техъ пожитковъ о^м даль ей
шабку веиверетову | василкову, опушена медведкомъ ношену для
продажи= | а протчия спрятаны в хозяйской бане и после Кунгуровъ
одинъ без меня перевязывалъ два | узла спрятаны в хозяйской бане
ис коеи на третью ночь= | перекралъ салдаты Родионъ Никитчи-

ковъ котораго и видель какъ несъ под плащемъ а толко не посмелъ поимать; | л. 65 об. |

3^е : заблаговременно днемъ уприметили со съсылнымъ Теренть-емъ | Девиковымъ у каменнаго гостинаго двора роскласть лавку для | покражи товаровъ, и апреля на 9^е ч: согласился с нимъ Девиковымъ | прошли вдвоемъ, ночью у одной лавки сводъ росклали спустились | распороли ширю ис коеи покрали девять тюнеи китаики | nelloщенои цветами крапивнаго семъ тюней темнодымчатой два | тюня завезали в две вяски в одну пять в другую четыре тюни, первую | пронесъ Девиковъ а последнюю я взялъ понесли и по выносе из лавки пять | тюнеи спрятали подле того жъ гостинаго двора в кирпичи: а че|тыре тюня принесли в квартиру съсылному Абраму Баклушеву | спрятали под верстакъ в щепы <...> и того жъ | дни въвечеру пришелъ я к Баклушеву у коего сидитъ в ызбе салдатъ | Максимъ Рогачевъ и какъ зделалось темно, вышли со мною | на улицу салдатъ Рогачевъ и съсылной Ивановъ зговорились вторично | и то жъ в ту лавку для покражи товаровъ по приходе в ту^{жс} дыру= | влезли все трое две ширы распороли с китайкою жъ и навезали | три ноши толко стали вылезать и у того двора караулныя | тревожили насъ и тотъ товаръ бросили убежали <...> пришли | к Баклушеву и сказывали ему зделалась намъ неудача караулныя | потревожили легли спать а .16. ч : апреля увиделся со мною дне^м | на берегу за Соборной церквои вышписанной Девико⁶ сказывалъ= | мне что ищутъ тебя о^м полици и я спросилъ ево для чего- | а онъ сказал разве к наказанию, а о^м толь пришелъ к казаку Петушкову по приходе увидель из окошка г^дна кварталнаго- | афицера Мантефелцея идетъ к тому Баклушеву и тогда | узнавъ что меня ищутъ, и о^м того страху вышелъ и³ избы | вонъ вздумалъ бежать пошелъ за Крестовскую церковь в лесъ | и съ собою было толко сорокъ копеекъ: ис коихъ у питеинаго дому | Разлуки купилъ одну ковригу хлеба а досталная китаика осталася^с | в доме Баклушева у Девикова двенатцать концовъ, спрятанную жъ | л. 66 | в кирпичахъ китаику не сматривалъ й пробылъ в лесу две | ночи <...> и не доходя деревни Малой Разъ|водной о^м дороги на праву сторону к Ангаре реке в чеще здела^т | себе балаганъ и³ сосенъ отколь хаживалъ неоднократно в горо⁰ | для покупки хлеба по вечерамъ и покупалъ у питеиныхъ | домовъ Разлуки и Матрибшкй а сего мая на .18. ^е ч: ночью= | пошелъ в городъ с намерениемъ для покражи где удастьса изъ анъ|баровъ харчу, и идучи по улице ко хлебному рынку увидель | чрезъ заплоть в огороде печку, здеишего меицианина Сергея | Шапошникова, а мне показалось за темнотою анбаръ= | куда и перелесъ усмотрель что печка, пошелъ к ызбе у сенеи | у волоковаго окна ставень вытолкнулъ; влесь в сенй харчеваго | ничего не было толко покралъ, одну рубаху холшеву женску | ношену <...> [ПЗДП, 91, 1785]

Специфика допросных речей как жанра судопроизводства заключалась в том, что при записи показаний участников следственного дела (свидетелей, обвиняемого и др.) требовалась практически дословная передача того, что они говорили. Безусловно, после протоколирования следовала определенная письменная обработка записанных текстов, однако фиксация отдельных устно-разговорных синтаксических конструкций в документах оставалась.

В приведенном фрагменте допросных речей представлены разнообразные синтаксические конструкции, характерные для РР: бессоюзные сложные построения *а последнюю я взялъ понесли, перевязывалъ два узла спрятаны в хозяйской бане, у которой лавки болты отвернули взошли оба*; словосочетания с дистантным расположением их членов *две шири распоролы с китайкою, досталная китаика осталас[ь] <...> двенацать концовъ*; раздельноформленные конструкции с паратактическими элементами *у сенеи у волоковаго окна* и др.

В настоящей статье дается описание синтаксических конструкций, выявленных в памятниках деловой письменности XVIII в. посредством ретроспективного метода сопоставления современных моделей разговорного синтаксиса с фактами синтаксиса делового письма. Как уже подчеркивалось выше, идентификация устно-разговорных построений осуществляется с учетом коммуникативных факторов, способствующих реализации разговорных явлений на письме.

Одной из существенных черт, выделяющих РР как самодостаточную языковую систему, является порядок слов. Поэтому сопоставительный анализ конструкций деловых текстов XVIII в. и современных синтаксических коллоквиализмов естественнее всего начать с тех построений, которые связаны с особенностями порядка слов в устно-разговорной речи. Одной из них является дистантное расположение главных и зависимых членов словосочетания.

Дистантное расположение членов атрибутивного словосочетания.

Как известно, порядок слов — это одно из основных средств актуального членения и в литературном языке, и в разговорной речи. Рассматривая разговорные конструкции с дистантным расположением синтаксически связанных членов, следует отличать их от аналогичных построений в книжной речи. Как считают исследователи, книжные конструкции с дислокацией или с дистантным расположением членов восходят к латинскому синтаксису и в XVIII в. являются не только необходимой принадлежностью высокого, украшенного слога, но и выступают как примета литературной речи в жанрах среднего слога [Ковтунова 1974: 155]. В этом случае возникает вопрос: каковы критерии дифференциации схожих, а порой полностью идентичных по структуре книжных и разговорных построений?

Выделяя характерные черты в области порядка слов в разговорной речи, ученые подчеркивают такое ее специфическое свойство, как непроек-

тивность высказывания¹. Если опираться исключительно на этот формальный критерий, то провести границу между книжными построениями с дислокацией членов того или иного словосочетания и разговорными конструкциями с таким же порядком слов затруднительно. Например, в строчках из оды Г. Р. Державина *Природа в тишину глубоко | И в крепком погруженна сне* подчеркнутые члены атрибутивного словосочетания находятся в тех же отношениях непроективности, что и члены разговорной конструкции *интересный принесли журнал* (разбор этого примера см. в сноске 1).

Безусловно, может показаться некорректным сопоставление в функциональном и историко-стилистическом аспектах современных разговорных фраз с книжно-славянскими построениями XVIII века. Однако в вопросе о генетической природе подобных конструкций принципиально важно то, что такой порядок слов был употребителен не только в книжно-литературных произведениях, но и за пределами этого круга источников, в частности, дистантное словорасположение отмечается в текстах деловых бумаг разных жанров (в основном просительной и регистрационной документации), в частной переписке и других письменных памятниках того времени, достаточно активно отражавших факты разговорного языка. Как уже указывалось выше, построения с дислокацией в книжных текстах, являющиеся синтаксическими заимствованиями из латинского языка, были присущи жанрам высокого и среднего слога и выполняли соответствующие стилистические функции. Несмотря на то, что канцелярский слог в XVIII в. представлял собой результат синтеза активных элементов книжно-славянского и приказного идиомов, характеристика конструкций с дистантным расположением синтаксически связанных членов как высоких стилистических средств выглядела бы неправдоподобной.

Таким образом, в вопросе идентификации разговорных конструкций с дистантным расположением ее членов в языке XVIII в. на первый план выходит функционально-стилистический критерий и критерий коммуникативной установки говорящего (пишущего).

Прежде всего перечислим, в каких типах жанров деловой письменности были отмечены данные конструкции. Дистантное расположение членов атрибутивного словосочетания встречается:

А) в документах регистрационного характера:

---

¹ Непроективность высказывания обусловливается наличием одного из двух условий: «а) между членами одной синтаксической группы (А и В) расположен член другой синтаксической группы (С), второй член (Д) находится не между рассматриваемыми членами; например, *он (Д) очень (А) настроен (С) весело (В)*, т. е. ДАСВ — пересечение стрелок; б) между членами синтаксической группы (А и В) расположен хозяин главного из них (С), например: *интересный (А) принесли (С) журнал (В)*, т. е. АСВ — обрамление стрелок» [Русская разговорная речь 1973: 384—385; Сиротинина 1983: 48].

- *Михайло пяддесят жердей ронил огородныхъ дано пять алтынъ* (НАРБ, ф. 262, 1733);
- *Наемной Иванъ Байкалов ънисѣецъ <...> во ограде перекрыль старую казенную келию и жолобы достѣл новыѣ* (НАРБ, ф. 262, 1737);
А оныѣ здохли кобылы бол[ь]шиѣ <...> а инныѣ от болези <sic!> называемой по иноземчески баероку (РГАДА, ф. 1092, 1754);

Б) в допросных речах и экстрактах:

- *А никакой он Зубакинъ тогда ссоры и драки не слышал ибо был пьянъ и спать до свету* (ПЗДП, 104, 1769).
- *Диакон Семень Шергинъ с некоторыми своими келейными вещми одинъ серебряной пропил в кабаке стаканъ* (ГАИО, ф. 50, 1775).
- *И об[ъ]явила что те у ней денги были выменены у иркутских ямишников* (НАРБ, ф. 88, 1786);

В) в просительных документах (объявлениях, доношениях, прошениях, жалобницах, челобитных):

- *А онаго железа во оной слободе искупить негде <...> а буде купить здесь негде то какое у меня экспедичное железо есть полосное или ломъ* (НАРБ, ф. 88, 1767).
- *А наипаче обиды и раззорении руским и ясаиным напрасныѣ о томъ предлагать и писать к охоцкому командиру и к губернатору тоболскому* (РГАДА, ф. 1025, 1741).
- *И еще безгласныѣ на меня Поспелова чинить в ответе доказательства* (НАРБ, ф. 20, 1784);

Г) в документах отчетно-исполнительного характера (рапортах, доездах, докладах):

- *В них <ящиках> имеютца указы из Нерчинской воеводцкой канцелярии и черныѣ в Нерчинскъ отписки* (РГАДА, ф. 634, 1742).
- *Ежели ж из оных колодников кто в пути заболитъ то оных велено болных по семи члвкъ вести на подводе* (НАРБ, ф. 88, д. 40, л. 208, 1768).
- *А при здаче тех пуговиць не явилось кафтанных ста семидесять портиць* (НАРБ, ф. 88, д. 79, л. 371, 1777).
- *Чтоб онъ немешкотное имель следование* (НАРБ, ф. 88, 1784).
- *И что окажетца подать ко мне непомедленной изволите рапортъ* (НАРБ, ф. 88, 1788).

В указанных жанрах прослеживается бóльшая свобода для реализации коммуникативных условий РР. Рапортам, прошениям и другим отчетно-исполнительным, просительным документам присущи диалогичность, а вместе с тем и усиление непосредственного характера обращения подотчетного лица или истца, челобитчика, просителя к адресату. На письме

этому способствуют те или иные атрибуты организации текста документа: форма вопросов и ответов допросных речей, формулы обращения и заключительного протокола челобитных, реквизиты адресации в других просительных жанрах и отчетно-исполнительных документах и т. п.

В отличие от данных жанров распорядительные документы — указы, приказы, инструкции, промемории и др. — конструкций с дистантным расположением членов атрибутивного словосочетания, присущих РР, не содержат. В них, напротив, императивное волеизъявление говорящего субъекта речи не предусматривало диалогичности и тех коммуникативных условий, которые бы благоприятствовали проявлению разговорных элементов на письме. Прескриптивная модальность указов, приказов, инструкций требовала строгого соблюдения норм в жанрах официально-деловой документации, сформировавшихся под влиянием книжно-письменного языка XVIII в.

В коммуникативном аспекте дистантное расположение членов атрибутивного словосочетания связано с действием актуального членения в разговорной речи. Очевидно, что в тех жанровых разновидностях, где это явление представлено, — книгах записи имущества, рапортах, допросных речах и др., — эти конструкции не несут функции высокого, украшенного слога, а характеризуют разговорную речь писца с присущим ей ассоциативным нанизыванием информативно значимых элементов высказывания. В соответствии с коммуникативной целью пишущего оно предопределяло препозитивное или постпозитивное расположение определения.

В структуре атрибутивных словосочетаний с дистантным расположением членов обнаруживаются как препозитивное, так и постпозитивное размещение определения. Так, в приведенных примерах наблюдается препозиция дистантно расположенного определения, которое выражено прилагательными *серебряной, черные, безгласныя, немешкотное, немедленной*, местоимениями *оные, оных, никакой, те*, числительным *одинъ*. Немногочисленные случаи постпозиции дистантно расположенного определения, выраженно прилагательными *огородныхъ, новые, полосное, кафтаных, напрасные*.

Как отмечают исследователи, «в разговорной речи все важное передвигается к началу предложения, так как все конечное ненадежно для восприятия, поскольку мысль формируется от чего-то важного, основного, с него и начинается сообщение. Эти две стороны общения... определяют собой разговорный порядок слов» [Сиротина 1983: 48]. В этой связи постпозитивность размещения согласованного определения может свидетельствовать о его незапланированности, и определение носит характер добавления в процессе сообщения. С другой стороны, в дистантную препозицию могут выноситься информативно важные определения *серебряной, безгласные, немешкотное, немедленной*. В данном случае препозиция определения относится к области ремы.

Отмеченные конструкции с дистантным расположением членов атрибутивного словосочетания не являются исключительной чертой языка документов XVIII в. Как показано в исследованиях языка предшествующей

эпохи — XVI—XVII вв., аналогичные построения встречаются в документах просительных жанров — явочных челобитных XVII в. [Майоров 1988]. Присущий этим документам (особенно севернорусским явкам) определенный эмоционально-экспрессивный настрой выдает устно-разговорный характер употребляемых синтаксических конструкций: ... *похвалился и кабады на нем сильно безденежные намучивать* (АХУ II, 616, 1614); *учаль бранити: бядинъ де ты сынъ, и съ наказомъ, манастырскіе тебе кони што за подводы?* (АХУ II, 629, 1616); *и намъ Бахтеяръ да дядя Томило заплотъ разметываютъ междворовое* (АХУ II, 706, 1631); ... *государева питья не пивал и напойных на себя не давивал росписей* (АХУ III, 162, 1634) и т. п.

Прослеживая одинаковые структурные черты в расположении членов атрибутивного словосочетания в русском языке XVII—XVIII вв. и разговорной речи XX в., вряд ли следует рассматривать их в рамках единого процесса исторического развития синтаксического строя русского языка, под которым прежде всего имеется в виду литературный язык, сформировавшийся и получивший дальнейшее развитие на базе церковнославянского (книжно-славянского). Неизменность дистантного порядка слов в языке разных исторических периодов, очевидно, обусловлена действием внеязыковых факторов, в частности психолингвистическими факторами порождения устной речи.

Дистантное расположение членов других словосочетаний (конструкции добавления). Помимо атрибутивных словосочетаний, дислокация членов отмечается в конструкциях с иным типом подчинительной связи их членов, а также в конструкциях с сочинительной связью однородных членов. Нередко, например, зависимый член словосочетания, выполняющий, как правило, роль несогласованного определения, находится в разрыве с управляющим существительным:

- *Медведев* <показал> *что точно пять котловъ выпито братского вина* (ГАИО, ф. 783, 1783).
- *А кобылу отдай с конемъ Шилникову в табунъ* (НАРБ, ф. 20, 1785).
- *А на третьей день какъ я свои денги пропил два рубли просил ево чтоб мне подал* (НАРБ, ф. 20, 1792).

Члены синтагмы, связанные сочинительной связью, также могут располагаться дистантно:

- *Да презде (sic!) я тебе писалъ и Полскину* (НАРБ, ф. 20, 1785).
- *От такого тежелого гнилого духу можетъ последовать и от пару вред* (ГАИО, ф. 783, 1785).

Здесь коммуникативная природа РР, как и в случае дистантного расположения членов атрибутивного словосочетания, предопределяет своеобразие построения анализируемых конструкций. Данные явления, также представленные в жанрах отчетно-исполнительной, просительной документа-

ции, допросных речах, экстрактах и частных письмах, подчинены законам актуального членения РР. Вместе с тем следует подчеркнуть особенность этих конструкций, которая состоит в ассоциативном присоединении менее информативного члена высказывания, выступающего со значением уточнения, пояснения, в конце синтагмы. Это касается как конструкций с дистантным расположением членов высказывания, находящихся в подчинительной связи друг с другом, так и конструкций, однородные члены которых связаны сочинительной связью.

В атрибутивном словосочетании член, находящийся в дистантной постпозиции по отношению к другому члену словосочетания, выполняет роль структурного элемента, без которого смысл словосочетания был бы неясен. В конструкциях с несогласованным определением и конструкциях с однородными членами элемент конструкции, находящийся в постпозиции, носит характер уточнения, пояснения. Обычно в собственно устной речи такие компоненты словосочетания опускаются, и их эллипсис бывает естествен, поскольку конситуативность предполагает их знание как известного элемента темы данного речевого акта. В письменной речи их употребление связано с действием ассоциативного механизма, эклектически сочетающего правила письменной и устной речи.

Плеонастические конструкции с повтором и конструкции с тематическим сегментом и коррелятом. Из особых форм коммуникативной организации текста, относящихся к фактам разговорной речи, в памятниках деловой письменности XVIII в. следует отметить конструкции с повтором какого-либо структурного члена синтагмы и, как их в строго коммуникативном аспекте характеризует А. Я. Ярин, конструкции с тематическим сегментом и коррелятом [Ярин 2003]. Повтор члена синтагмы может осуществляться в форме той же самой лексемы (лексический повтор) или в виде соотнесенного с ним местоимения. При этом наблюдаются как случаи падежного согласования, так и падежной раздельнооформленности тематического элемента и его коррелята:

- *А у служилого де Бориса Варакина была при нем пицаль винтовальная* (РГАДА, ф. 1092, 1730).
- *Но однако намъ по уплаву о сей женщине Звездиной нигде в ослышку о ей не вышло* (ГАИО, ф. 783, 1786).
- *Прошу (...) техъ плутов казаков (...) от Ловцова взять дабы от нихъ здесь наивяцѣе намъ от нихъ плутовства не зделалось* (НАРБ, ф. 88, 1773).
- *И оной Болотъ с товарищи увидя за собою гонишков оной Болотъ тотъ табунъ оставя и побегжали* (РГАДА, ф. 1092, 1756).

Как явление РР плеонастический повтор необходим для актуализации ссылки на один и тот же объект действительности. На наш взгляд, его необходимость, помимо коммуникативной обусловленности РР, определяет-

ся спецификой деловой коммуникации — точностью или, скорее, уточнением в обозначении одного и того же денотата, которое, являясь темой с допустимой в этом случае заменой на анафорическое местоимение, тем не менее повторялось столько раз, сколько об этом денотате в тексте шла речь. В документах XVII в. такой повтор имени собственного либо без анафорической отсылки, либо в сочетании с местоимением *онъ* или *тотъ* был чуть ли не делопроизводственным правилом: *и тотъ, господа, Полянинъ по Гневашину совету съ товарищи того осталца Иева Иванова тотъ Полянинъ и задушилъ до смерти* (АХУ II, 536—537, 1602); *напившись онъ попь Симионъ пьянь пришед... с сыном своимъ Оникиемъ и взяли было у меня бгомолца твоего лошада подводу... и женишка моя Оксиница лошади взять ему попу Симиону и сыну ево Оникею не дала... онъ попь Симионъ с сыном своимъ Оникиемъ женишку мою Оксиницу били и увечили* (Пам. Влад., 172, 1678).

В казусной части документов отчетно-исполнительного и просительного характера, относительно свободной от штампов канцелярского слога, внимание пишущего сосредоточено на изложении актуальной информации, соответственно, здесь могли использоваться те приемы актуального членения, которые в устно-разговорной речи представляются более выразительными, чем в книжно-письменной.

Именительный темы. Как известно, в устно-разговорном высказывании обнаруживается регулярная тенденция к раздельному оформлению коммуникативных центров [Лаптева 1976: 137], и одним из типичных случаев синтаксически самостоятельно оформленных частей в РР являются конструкции с именительным темы. Данные конструкции получают актуализацию в тех же отчетно-исполнительных и просительных жанрах:

- *Токмо де в понось <рыба> вышла не вся а досталная | де велъно имъ съистъ* (НАРБ, ф. 262, 1752).
- *Проезжая деревенская дорога | всю потопляет же* (ГАЧО, ф. 31, об., 1747).
- *А ячменю мешокъ | за несыскомъ покупателя оной положилъ позади угольного сарая въ елтышныхъ дровах* (РГАДА, ф. 413, 1780).
- *И по свидетельству нашему оказалось что вышепрописанной бычокъ | правой глазъ вытъкнут рогамъ* (НАРБ, ф. 88, 1792).

В приведенных примерах представлены разнообразные типы функционирования именительного темы. Во-первых, оказывается возможным функционирование Им. темы в придаточном предложении, занимающем постпозицию по отношению к главному и по правилам письменной речи в актуальном членении выполняющем функцию ремы без актуализации тематического компонента (*оказалось что вышепрописанной бычокъ правой глазъ вытъкнут рогамъ* *вм. оказалось, что у вышепрописанного бычка правый глаз вытъкнут рогом*) либо без характерного анафорического ме-

стоимения в последующей предикативной части (*вышапрописанной бычокъ | у него правой глазъ вытъкнут рогамъ*).

Во-вторых, отмечается характерное для РР эллиптическое употребление тех форм, которые призваны выражать тему сообщения: например, *досталная* [рыба]. Вариацией этой разновидности конструкции с Им. темы является употребление соотносительного местоимения с эллипсисом — например, опущением определяемого слова *мешок* после *оной* (иными словами, в этом контексте следует исключить дистантное расположение членов атрибутивного словосочетания *оной мешок*).

Разнообразие способов применения Им. темы свидетельствует об активности использования данной конструкции в РР. Вместе с тем следует отметить один немаловажный факт: книжные конструкции, к которым относится конструкция с Им. темы, сосуществуют в одном контексте с книжными, порой встраиваясь в них. Так, рассматриваемые высказывания с темой «бычок» или «мешок» содержат упомянутые конструкции в обрамлении сложноподчиненного предложения или по соседству с конструкцией номинализации (*за несыскомъ*), наполненных канцелярской лексикой и устойчивыми выражениями делового языка (*вышепрописанный, оной, по свидетельству оказалось*).

Именительный в функции косвенных падежей. В текстах деловой письменности XVIII в. широко распространены конструкции с формами Им. падежа, употребляющиеся в несвойственных литературному языку функциях. Экспансия Им. п., который не ограничивается ролью субъекта действия в РР, проявляется в особых конструкциях с формой Им. п. в функциях косвенных падежей. Данные конструкции широко представлены в памятниках деловой письменности XVIII в. определенной жанровой принадлежности: в частности, такие конструкции типичны для различного рода описей, реестров (регистров), ведомостей, записных книг и т. п. Ниже приводится материал, представленный исключительно в текстах данных жанров:

- *Лоскут китайки | цвѣтъ желѣзной* (ГАЧО, ф. 10, 1707).
- *Пола кафтанная суконная | дикий цвет* (ГАЧО, ф. 10, 1707).
- *Заложил ему Ветошникову кунтышь женской | крышка отласная цвету осинова подклад китайки с(к)ладной* (РГАДА, ф. 1069, 1727).
- *Фузея | штыхъ широкой хвостового шурупа не имѣтца* (РГАДА, ф. 1092, 1756).
- *Весь старой негодной | коромысло чепи и доски железные одинъ* (НАРБ, ф. 88, 1772).
- *Одинъ ковш алтынной | черенъ железной* (НАРБ, ф. 88, 1776).
- *Домъ | изба з горницею новы* (ГАИО, ф. 783, 1785).
- *Из лопоти женской цепецъ голевой красной | позументъ золотой широкой моршакъ белокошной с позументом золотымъ* (ГАИО, ф. 783, 1785).

- *1 мухта | верхъ писовой, черной обложенъ по краямъ песцомъ бусымъ* (ГАИО, ф. 121, 1786).
- *Полушубокъ крытъ сукном | мехъ выпоротчей* (НАРБ, ф. 88, 1798).

В аналогичных по структуре синтаксических построениях современной РР Им. п. в постпозиции, по мнению ученых, употребляется в предикативной функции, потому что разговорные конструкции типа *эта чашка керамика* в отличие от аналогичных по структуре кодифицированных предложений типа *мой брат — студент* «выражают отношения двух понятий с оттенком их отождествления, идентификации, не понимаемой, однако, буквально: говорящему очевидно, что... чашка не является фарфором, а лишь сделана из фарфора» [Русская разговорная речь 1973: 250]. Такая трактовка предикативной функции Им. п. в исследуемых конструкциях сомнительна, так как существительное в форме Им. п. выступает в постпозиции в отношении первого члена конструкции, являющегося прямым дополнением, в роли которого употребляется существительное в Вин. п.: *Заложил ему Ветошникову кунтышь женской | крышка отласная*.

Возможно, следует уточнить структурно-семантические отношения членов предикативной конструкции, выраженных формой Им. п.: нередко Им. п. постпозитивный обозначает то, что является частью денотата, обозначенного Им. препозитивным. В литературном языке такой Им. п. соответствует форме косвенного падежа, называющего какой-либо признак предмета (Род. п., предложное сочетание с Тв. п.), например, *лоскут китайки | цвет железной = лоскут китайки цвета железного; кунтыши женской | крышка отласная = кунтыши женской с крышкой отласной; вес старой | коромысло чеши доски железные = вес старой с коромыслом, чепами и досками железными* и т. д. Подтверждением этому служит пример, в котором наряду с формой Им. п. в функции предложного сочетания с Тв. п. — *цепецъ голевой красной позументъ золотой* — используется собственно форма Тв. п. (причем этого же существительного): *моршакъ белокосной с позументом золотымъ*. А. А. Потебня, приводя примеры похожего употребления форм Им. п., характеризуемых им как определения, отмечал, что они означают либо «вещество, из которого сделано или состоит определяемое (*камка шелкъ белъ*)», либо «часть или принадлежность определяемого (*евангеліе волочено крашеною, евангелисты медные*)» либо «вес, меру, возраст, происхождение определяемого (*ядро гривенка, мерин десять лет, стол немецкое дело*)» [Потебня 1968: 146]. При этом, обнаруживая аналогичные «гипотактические замены» в виде форм Род. (*мерин десять лет = мерин десяти лет*), сочетания *с + Тв. п.* (*псалтиря, волочена кожею, влагалище сукно сине = псалтиря... с влагалищем синего сукна*), он решительно возражал против интерпретации подобных форм Им. п. как Им. комитативного или социативного [Там же: 146—147].

Помимо социативного значения, конструкции *с + Тв.п.* в функции определения в русском языке XVIII века еще имели значение признака (для характеристики внешнего вида живых существ, качественных, количественных признаков неодушевленных предметов, для определения предмета по его

содержимому, составу) [Михайлов 2012: 253—258]. Разделяя мнение А. А. Потебни, невозможно у приведенных конструкций с Им. п. усматривать семантику множественного участника (комитативные конструкции) или семантику совместной деятельности (социативные конструкции). В соотношении с присубстантивным сочетанием *с* + Тв.п. формы Им. п. в характерных лексико-синтаксических позициях реализуют различные виды значения признака: так, в примере *кунтыши женской | крышка атласная* у этого вида кафтана называется атласная ткань, идущая на его покрытие, как признак внешнего вида одежды. В примере *вес старой | коромысло цепи доски железные* у старинных весов перечисляемые коромысло, цепи, доски представляют собой составные части весов, и в принципе здесь выражаются отношения целого и его частей, т. е. партитивные отношения. Таким образом, значения признака в русском языке XVIII в. могли выражаться особым видом связи типа примыкания, когда в роли определения в конструкции выступало существительное в Им. п.; такие разговорные конструкции были соотносимы в этот период с конструкциями *с* + Тв. п. в функции определения.

Использование Именительного падежа в указанных выше функциях выступает как основополагающий принцип словесной организации регистрационных текстов. Традиция его употребления на письме прослеживается в русских не книжных текстах XV—XVI вв. [Потебня 1968: 145—148], он активно используется в приказном языке XV—XVII вв., в тех же текстах регистрационного характера — приходо-расходных книгах, описях, росписях, ужино-умолотных книгах и пр. [Майоров 1988]. Всё это наводит на мысль о том, что определенные синтаксические конструкции РР в силу соответствия каким-то коммуникативным условиям, не противоречащим их реализации в письменной речи, активно используются в таких текстах, приобретая узально нормированный характер. Похожая идея высказывается и другими учеными: «Ситуационный синтаксис, отражающий в своем генезисе лингвистические стратегии бытового диалога, представляет собой не некое отклонение от “правильного” логического синтаксиса, но особый принцип организации информации. Этот синтаксис не противоречит, в принципе, письменной форме речи и поэтому может формировать отдельный преемственно воспроизводимый письменный узус» [Живов 2004: 53].

Раздельнооформленные синтаксические конструкции. В разговорной речи широко употребительны конструкции, которые известны русскому и другим флективным славянским языкам с давних пор. Речь идет о синтаксических построениях с грамматической связью, которая похожа на примыкание и по-другому называется синтаксической аттракцией². Не ак-

² Этот термин упоминается в цитируемой работе А. А. Потебни со ссылкой на В. Шерцля, и в современных работах, представленных в интернет-ресурсах [www.baryshnikovphotography.com; <http://ru.wikipedia.org/wiki>], он толкуется как оборот, грамматически выражающийся в отсутствии синтаксической связи между

туализируя введение в исследовательский оборот этого неточного по своей сути термина, остановимся только на главной мысли А. А. Потебни, который приводит огромный фольклорный материал разных славянских языков, данные древнерусского и русского языка XIV—XVII вв., свидетельствующие о широком распространении и активности функционирования подобных конструкций [Потебня 1968: 160—202]. Основной его тезис заключается в том, что развитию гипотаксиса в синтаксическом строе русского языка предшествовала эпоха паратаксиса, проявлявшаяся в морфолого-синтаксическом параллелизме с повтором предлога и без него. А. А. Потебня, безусловно, прав, характеризуя структурные особенности исследуемых конструкций как паратаксис. Однако вряд ли стоит такие построения интерпретировать строго в эволюционном аспекте, как определенный этап в историческом развитии синтаксиса.

Как показали исследования современной РР, такие паратактические конструкции входят в активный фонд современных коллоквиализмов и их употребительность в разговорной речи связана, согласно закону экономии речевых усилий, со стремлением строить высказывание малой глубины. Ослабление синтаксиса формы слова представляет собой явление аналитизма, присущего разговорной речи. Рассматривая данные конструкции в современной РР, О. А. Лаптева отмечает: «Явления простого нанизывания исходных форм парадигмы захватывают и сферу словосочетания, и сферу простого и сложного предложения, затрагивая самый костяк организации синтаксических единиц» [Лаптева 1976: 169].

Раздельнооформленность синтаксических конструкций в языке деловой письменности XVIII в. представлена в четырех разновидностях:

1) в конструкциях с морфолого-синтаксическим параллелизмом и повтором предлога:

- *А какъ ево Ивана мел[ь]ница без него стояла без молотья и в то время Андрей Голубинъ пил* (ГАЧО, ф. 10, 1707),
- *У сеней у волоковаго окна ставень вытолкнул* (ПЗДП, 90, 1785),
- *Лежал в зароде в сене на острову* (НАРБ, ф. 88, 1779),
- *На левой ноге на стегне от конского ушибу свал* (НАРБ, ф. 88, 1779),
- *Да у вышеозначенных же правиянских анбаров у одного замок вислой* (РГАДА, ф. 634, 1742),
- *Ушел в остров в талник* (НАРБ, ф. 88, 1768);

двумя членами предложения. Характерно, что словарная статья данного термина практически полностью воспроизводит те положения, которые излагал в своей работе А. А. Потебня. Так, в ней говорится, что аттракция восходит к эпохе господства в языке паратактического строя. Существенная особенность этого строя состояла в том, что подлежащее не допускало при себе развития никаких других членов, кроме приложения и атрибутивного прилагательного в нечленной форме; вместо *церковь Спаса* говорилось *церковь Спас*. Примеры аттракции: «убит ногами слонами», «обносили чашей зеленым вином» вместо «убит ногами слонов», «обносили чашей зеленого вина» — также взяты у А. А. Потебни.

2) в конструкциях с морфолого-синтаксическим параллелизмом без повтора предлога:

- *С собою снесъ шпагу с медным литьем | ефесомъ* (НАРБ, ф. 88, 1777),
- *И онъ Алтанъ к берегу | губе приворотилъ и мы поближе пристали* (РГАДА, ф. 413, 1781);

3) в беспредложных конструкциях с морфолого-синтаксическим параллелизмом:

- *И обороняся смерти схватал за ножик и руку | ладонь с перстами обрезалъ* (ГАИО, ф. 783, 1785),
- *Чрез три удара по голове топором | востриемъ убил до смерти* (ГАИО, ф. 783, 1785);

4) в конструкциях с лексическим повтором:

- *Дано от дѣла овчинъ за дватцать за три овчины на Темлое чрез Васил[ь]я Миронова дано за работу шестьдесятъ копѣекъ* (НАРБ, ф. 262, 1739).

Среди представленных типов раздельнооформленных конструкций особо следует обратить внимание на конструкции с повтором предлога (1). Возможно, аналитическая сущность этого явления в раздельнооформленных конструкциях перекликается с повтором предлога при однородных членах и в группах, как правило, включающих в свой состав имя собственное, которые были рассмотрены на материале новгородских берестяных грамот А. А. Зализняком. Анализируя повторение предлога в указанных группах, ученый согласен с точкой зрения Д. Ворта, выступившего против тезиса В. И. Борковского о функции логического ударения у повтора предлога и показавшего, что «повторение предлога представляет собой автоматическую синтаксическую операцию, не связанную с каким-либо подчеркиванием» [Зализняк 1986: 154]. Между тем характеристика повтора предлога как «автоматической синтаксической операции» или синтаксического явления, «обычного для живого не книжного языка», в принципе мало что объясняет в природе этого разговорного феномена.

Главное, что характерно для исследуемых конструкций, — это ослабление и даже разрыв грамматических связей, ослабление морфологизма и возобладание аналитизма — активизация связей типа примыкания или связей с помощью предлогов. Похоже, особенно актуален был аналитический тип связи при выражении отношений ‘целое — его часть’ (*топором вострием*); как видно из описания конструкций с Им. п., другим средством выражения этих отношений выступал Им. п. в постпозиции (*кови алтынной черен железной*).

Тенденция к аналитизму, проявления которой в русском языке на разных языковых уровнях отмечается учеными с конца XIX — начала XX в., берет свое начало в разговорной речи. В частности, в синтаксисе она про-

является в раздельнооформленности конструкций с подчинительными связями. Это отвечает общей тенденции построения в РР высказываний меньшей глубины, ослаблению подчинительных связей, эллипсису избыточных или, наоборот, малоинформативных языковых элементов.

Полипредикативные конструкции. Из полипредикативных конструкций в данной работе рассматриваются бессоюзные предложения, у которых способ соединения предикаций «ограничен преимущественно рамками разговорной речи» [Русская грамматика 1982: 634]. В историко-генетическом аспекте бессоюзные конструкции были известны устно-разговорной речи с глубокой древности. В пользу этого положения в определенной степени говорит то, что у бессоюзных предложений, сопоставляемых с союзными сложными предложениями, главным средством соединения простых предложений является интонация, присущая устной речи; союзные средства развивались позже, получая в письменной речи особую актуализацию в связи с необходимостью маркировать смысловые отношения между частями сложного предложения без просодических средств. В частности, о широком распространении бессоюзных условных предложений в разговорной речи древней Руси свидетельствует их активное функционирование в русских народных говорах и фольклоре, в новгородских грамотах на бересте [Борковский, Кузнецов 1965: 503].

Необходимо ещё отметить, что все рассматриваемые бессоюзные конструкции — подчинительного типа. В связи с этим их описание и анализ будут осуществляться с учетом смысловых отношений, возникающих между предикативными частями бессоюзных сложных предложений.

Бессоюзные конструкции с пояснительными отношениями. Коммуникативные условия проявления РР среди жанров деловой письменности наиболее типичны для допросных речей и использующих их в качестве источников экстрактов. Приведем примеры:

- *И пособя запречь <...> лошадь научил чтобъ онъ ехалъ в Кабанской острогъ | растолковал ему место удобное к воровству* (НАРБ, ф. 88, 1781).
- *Разбудиль ясашиного Дружинина тихимъ образомъ такъ какъ онъ с вечера былъ пьянъ | ходили с нимъ в верхней питейной домъ опохмелят[ь]ся* (ПЗДП, 92, 1796).
- *И будучи в побеге находился три ночи | лежал в зароде в сене на острову* (НАРБ, ф.88, 1779).
- *Зделалась нам неудача | караулные потревожили* (ПЗДП, 91, 1785).

Характерно, что в распорядительных документах того же времени в аналогичном нарративном режиме активно используются сложноподчиненные предложения с союзными средствами и конструкции номинализации. Так, например, регулярно употребляются конструкции номинализации в

одном забайкальском указе: ... за сочинение господскому человеку фалишваго до Москвы паипорта по наказании плетми... посланъ былъ в Сибирь на поселение по приводе оттоль въ 782м будучи копеистомъ за сочинение фалишваго билета наказанъ плетми и определенъ въ 2и баталионъ в профосы въ 787х годехъ по нахождению в томъ баталионе... (ПЗДП, 5, 1788).

Бессоюзные конструкции с определительными отношениями. В тех же жанрах встречаются конструкции, которые представляют собой сопоставление двух простых предикативных частей, между которыми устанавливаются определительные отношения. Данные конструкции соотносимы с союзными определительными предложениями на структурном уровне:

- *Между канторою и управителскою избою печь | бита из глины* (ПЗДП, 108, 1743).
- *А по свидетелству де их на оной мертвой явились по телу синевы | кровию запеклис[ь]* (ГАЧО, ф. 282, 1755).
- *И тутъ Куйтунской дрвни поселщик Иванъ | прозвания не знаетъ | вклепался в нее* (НАРБ, ф. 88, 1773).
- *Напарья длиною в аршинъ | жало сломлено* (НАРБ, ф. 88, 1784).
- *Селеток кобылка голубая | на правой лопатке ерб* (РГАДА, ф. 1092, 1742).
- *Перевязали два узла | спрятаны в бане* (ПЗДП, 91, 1785).

Особых комментариев требует первое предложение. В нем причастие *бита* представляет собой не стяженную, а краткую форму в предикативной функции. Соответственно, *бита из глины* — не причастный оборот, а самостоятельная предикативная единица, связанная определительными отношениями с предшествующей. В какой-то мере подтверждением использования краткой формы в роли сказуемого в таких конструкциях выступает последнее предложение, в котором форма страдательного причастия *спрятаны* однозначно интерпретируется как краткая.

А. А. Потебня, приводя конструкции типа *зовут его Власком Иванов сынъ*, характеризует их как паратактичные. Паратаксис же он считает древнейшим способом связи компонентов тех или иных синтаксических построений, и поэтому данные конструкции, по его мнению, представляют собой определенный этап в развитии синтаксического строя, предшествующий становлению гипотаксиса [Потебня 1968: 203]. Близкие параллели с данными конструкциями прослеживаются еще в берестяных грамотах: *А то Гоїмере, а іже то Чьренигове, і со женою, не поменю їма* (№ 1004, XII в., приписка). Широко представленные в памятниках деловой письменности XVI—XVII вв., такие предложения рассматриваются в [Белкина 1979; Майоров 1988] не как архаичные, а как разговорные для своего времени. В пользу данной функционально-стилистической характеристики говорит тот факт, что они больше всего представлены в челобитных, т. е. в тех жанрах, которые известны активным отражением явлений разговор-

ной речи, а среди этих просительных документов подобные конструкции чаще всего встречаются в региональных текстах (в частности в севернове-ликорусских явках), у которых тенденция к нормализации в данный период была выражена менее ярко, чем в московских документах.

Бессоюзные конструкции с изъяснительными отношениями. Для языка деловой письменности указанного периода типичны бессоюзные предложения с изъяснительными отношениями. Их функционирование чаще всего наблюдается в рапортах, экстрактах, допросных речах, разных жанрах просительных документов:

- *Означенной Хонжин Кибаев сказал | этот след не тот которые китайцов грабили* (РГАДА, ф. 1092, 1731).
- *И мяса в тулунь ему дала и ему [п]оказалось | мало даеть* (НАРБ, ф. 88, д. 92, л. 442 об., 1767)

Достаточно регулярно в деловых текстах применяются бессоюзные сложные конструкции с опосредованными изъяснительно-объектными отношениями. Для таких конструкций характерно отсутствие в первой части опорного слова, непосредственно требующего объектного распространения [Современный русский язык 2002: 575]; в главном предложении этих сложных конструкций употребляются глаголы зрительного восприятия (*увидеть, завидеть, смотреть*):

- *Завидел онъ Осилту | с российскую в мунгалскую сторону перегоняют трое воровъ конной табунъ* (РГАДА, ф. 1092, 1756).
- *Увидель въ юрте у Крыткея Сохорова в берестенном лукошке хлеба ржи | на ладонь неполное стоит* (НАРБ, ф. 88, 1767).
- *А какъ уже и досталныя возы переправилис[ь] Коретников усмотрель | на возу одного мешка не имеетца* (НАРБ, ф. 88, 1771).
- *Увидель из окошка гсдна кварталного афицера Мантефелцея | идетъ к тому Баклушеву* (ПЗДП, 90, 1785).
- *Видел из окошка своего дому в половинъ день | дерутся у питейного дому* (НАРБ, ф. 20, 1790).
- *Я вошелъ увидель ево висяцаго в петле | уже почернелъ* (НАРБ, ф. 11, 1797).

В литературном языке особенностью данных конструкций является то, что глаголы зрительного восприятия требуют обязательного прямого дополнения, выраженного существительным в форме Вин. п. (у одушевленных существительных совпадает с формой Род. п.), либо изъяснительного придаточного, присоединяемого с помощью союза *что*. Бессоюзная связь этих конструкций в РР выражает характерный для нее аналитизм, при котором неактуальными становятся собственно грамматические средства выражения грамматического значения: придаточное изъяснительное в силу отсутствия союза формально отождествляется с прямым дополнением и главным средством здесь выступает порядок слов.

Бессоюзные конструкции с причинными отношениями. В памятниках деловой письменности XVIII в. встречаются бессоюзные конструкции с причинными отношениями, также интерпретируемые нами как явления устно-разговорного синтаксиса:

- *Зоветь къ себе гсдинь Нерловъ но от меня ему во ответствие сказано что недосужно | иду к лавке и просилъ уволения* (НАРБ, ф. 88, 1775).
- *И сказалъ что в магистратъ нейду | теперь пьянъ* (НАРБ, ф. 20, 1791).
- *Выдано Григор[ъ]ю Притчину переды да подошвы чарковые | ходил за умолотом* (НАРБ, ф. 262, 1756).
- *Выдано труднику Анисиму Шишкину | при дворце садил невод за работу переды чарковыя да подошвы* (НАРБ, ф. 262, 1757).

Как правило, такие конструкции соотносительны с союзными сложными предложениями, широко употребительными в письменной речи со стилистически разнообразными союзами *понеже, поелику, ибо, какъ, потому что* и др. Похоже, в приведенных примерах отсутствие каких-либо причинных союзов служит сигналом того, что они выступают аналогом тех сложных предложений, для которых в устном общении в качестве средства связи предикативных конструкций была больше актуальна интонация. Характерно, что употребление таких конструкций отмечается в контекстах, содержащих прямую речь. Дословная фиксация иных высказываний участников речевого акта была свойственна жанрам таких документов, в которых подробно, в деталях излагалась суть какого-либо следственного дела. Иными словами, коммуникативные условия РР могли искусственно сохраняться в письменном тексте, если этого требовало функциональное назначение данного документа. Соответственно, эти условия предопределяли функционирование синтаксических явлений РР, в частности — указанных бессоюзных конструкций с причинными отношениями.

Несколько иной вид этих конструкций встречаем в регистрационных документах (приходо-расходных книгах). В них регулярно применяются бессоюзные конструкции с эллипсисом в главном предложении (см., например: *выдано труднику Анисиму Шишкину [за то, что] при дворце садил невод...*). Возможно, специфическая структура таких бессоюзных конструкций в забайкальском региолекте была узואльно нормированной, поскольку в приходо-расходных книгах они построены по одной и той же модели (*выдано X делал Y*).

Бессоюзные конструкции с временными отношениями. Этот вид бессоюзных предложений широко употребителен в определенных жанрах деловой письменности XVIII в. Прежде всего следует отметить их распространенность в текстах с выраженной повествовательной доминантой — например, в допросных речах обычно свидетель или подозреваемый подробно рассказывает о событиях прошлого. Соответственно, между предикативными частями возникает значение временной последовательности событий:

- *Завезали в две вьски в одну пять в другую четыре тюни первую про-
несъ Девиковъ а последнюю я взял | понесли* (ПЗДП, 90, 1785).
- *А братъ ево Паламошнова Степанъ пришедъ взявъ ево Гашева за
волосы взялъ высоко | ударилъ о полъ* (НАРБ, ф. 20, 1794).

Однако в таком рассказе возможно употребление характерных кон-
струкций со значением одновременности происходящих событий:

- *И ходилъ лесомъ несколько дней | был все гладом* (ПЗДП, 93, 1772).

Другой вид конструкций с временным значением между предикатив-
ными частями:

- *Тут у рогатки оставя лошадей сходил купил хлеба* (НАРБ, ф. 88,
оп. 1, д. 192, 1777).

Н. Ю. Шведова определяет в таких конструкциях временные отноше-
ния между предикативными частями [Шведова 1960: 57—68]. Конструк-
ции типа *Я помню мы как-то возвращались закоченели* О. А. Лаптева рас-
сматривает как предикативные пояснительные конструкции немоделиру-
емого характера [Лаптева 1976: 287]. В то же время О. Б. Сиротинина в
построении этих синтаксических коллоквиализмов обращает внимание на
паратаксическое объединение глаголов. Примеры, приводимые ею, содер-
жат такое же контактное расположение глаголов, между которыми обна-
руживаются те же пояснительные отношения: *Беги принеси, Взяли привез-
ли студентов из Риги* [Сиротинина 1974: 111].

Особо следует выделить разновидность жанров деловой письменности,
в которых регулярно представлены анализируемые конструкции, — это
роспись беглым как вид регистрационных документов:

- *Карпъ Соловьевъ росътомъ средней сутуль волосомъ русъ глаза ка-
рие глядитъ | прищуриваетъ* (ГАЧО, ф. 31, 1740).
- *На спине против левой руки чир[ъ]евое пятно говоритъ | пришавки-
ваетъ* (ГАЧО, ф. 31, 1760).
- *Петръ Бълозеръ 36 лѣтъ (...) глаза сѣрые у лѣвой ноги болшего палца
нетъ говоритъ | прищептываетъ* (НАРБ, ф. 20, 1784).

Характерной особенностью содержания этих документов являлось опи-
сание объекта розыска, в котором неизбежным было перечисление дета-
лей, особых примет. Для этого использовались специальные конструкции,
несвойственные книжному синтаксису логического развертывания. В при-
веденных выше примерах это конструкции, аналогичные по структуре кон-
струкциям типа *сходил купил хлеба*. Вместе с тем прослеживаются опреде-
ленные различия в семантике тех и других синтаксических построений.
В высказываниях типа *глядитъ прищуриваетъ* реализуется значение одно-
временности действий с оттенком пояснения, уточнения у второго члена
высказывания. Скорей всего, с выражением данной семантики связано
употребление в этих конструкциях форм глагола несовершенного вида.

Бессоюзные конструкции с недифференцированными смысловыми отношениями. Наряду с конструкциями, в которых смысловые отношения — пояснительные, изъяснительные, причинные и др. — выражены достаточно четко, в текстах деловой письменности XVIII в. встречаются бессоюзные предложения с недифференцированными смысловыми отношениями³:

- *Оной заргучей Шитанцюю сказал что нашъ де купецъ купил нево-
знятье потому что оные братцкие привели продавать | воровские
или неворовские тѣ лошади оной купецъ про то не зналъ* (РГАДА,
ф. 1092, 1730).
- *Стрѣтили мы | ѣдут в обозѣ по клад[ь] лошадях на десяти* (НАРБ,
ф. 262, 1739).
- *На лѣвой руке на завить пятно | бит кнутом* (ГАИО, ф. 121, 1755).
- *А онъ Митяшевъ сказал | бил дома корову | тут замарал когда билъ*
(НАРБ, ф. 20, 1792).
- *Выпехнуло оную | свалилась в воду и утонула* (ГАИО, ф. 783, 1786).

Лингвисты уже обращали внимание на сложность, возникающую при определении смысловых отношений между частями бессоюзных конструкций, их неоднозначное понимание [Борковский 1968: 30; Глинкина 1961: 233]. Особенность таких конструкций заключается в том, что они не могут быть сопоставимы с союзными сложными предложениями. Введение любого союза, значение которого могло бы отражать какое-либо из смысловых отношений, заложенных в данных построениях, обязательно приведет к обеднению семантики конструкций, а возможно, и к искажению смысла.

В этой связи интерпретация однозначных смысловых отношений между предикативными частями сомнительна. Так, между предикативными частями *выпехнуло оную* и *свалилась в воду* временные отношения осложняются причинно-следственными отношениями: после того как женщину ударом кляпины вытолкнуло из лодки, (и по этой причине) она свалилась в воду. Похожие неоднозначные смысловые отношения прослеживаются и в других приводимых примерах.

Конструкции наложения, или конструкции интерференции. Конструкции наложения следует отнести к наиболее специфичным средствам разговорного синтаксиса. Своеобразие их структуры заключается в том, что при линейном развертывании высказывания на одну предикативную единицу накладывается другая, и при этом последний член первой предикативной части используется в качестве члена предложения другой предикативной кон-

³ Недифференцированные — это такие отношения, которые включают значения нескольких союзных слов или союзов, ср.: *я окно открываю спать ложимся*, где имплицитные смысловые отношения включают компоненты 'когда', 'если', 'так' [Русская разговорная речь 1981: 234].

струкции. Таким образом, у двух предикативных единиц образуется общий член. Безусловно, трудно ожидать, чтобы конструкция типа *Давай встретимся | у кинотеатра | ты меня жди* была бы возможной в письменной речи в силу яркой устно-разговорной природы ее построения, поскольку главным свойством таких конструкций является ассоциативное нанизывание членов конструкции с самоперебивом и паузами обдумывания, что не свойственно логическому развертыванию книжно-письменной речи.

Тем не менее в памятниках деловой письменности XVIII в. встречаются высказывания, которые трудно охарактеризовать в рамках общелитературной синтаксической схемы и структура которых аналогична разговорным конструкциям наложения.

В исследуемых памятниках по характеру общего члена предикативных частей условно можно выделить 3 типа конструкций наложения: 1) с общим членом, управляемым глаголами-сказуемыми разных предикативных единиц; 2) с общим глаголом-сказуемым, представляющим разные предикативные единицы; 3) с общими членами — синонимами.

- 1) — *В самые нужные времена <...> врывается въ их крестьянские сенокосные луга вытаптывает а хлебъ выедаеть* (ПЗДП, 103, 1796).
— *Купил де я Цоктай у нево Санарчая Будариева годового верьблютка под матерью купил* (ГАЧО, ф.10, оп.1, д.18, л. 25, 1729).
- 2) — *И тотъ Кунгуровъ той же напарьей окно провертелъ противъ запору диру* (ГАИО, ф. 783, 1785).
- 3) — *Чан опростаемъ будемъ опть вновъ класть будемъ* (НАРБ, ф. 262, 1740).

Примеры под пунктом (1) достаточно типичны для конструкций наложения с общим членом, управляемым глаголами разных предикативных единиц: *врывается въ* → *их крестьянские сенокосные луга* ← *вытаптываетъ*⁴; *купил ...* → *годового верьблютка* ← *под матерью купил*; *будемъ опть* ↔ *вновъ класть* ← *будемъ*.

В памятниках деловой письменности представлена другая модификация конструкции интерференции — с общим глаголом-сказуемым, позиция которого при линейном развертывании высказывания свидетельствует о наложении одной предикативной части на другую. В примере (2) глагол *провертел* управляет двумя существительными в Вин. п. (*окно* и *диру*): *окно* ← *провертелъ* → *противъ запору диру*. Попытка представить эту конструкцию как простое предложение с двумя однородными дополнениями при глаголе-сказуемом выглядела бы искусственной (ср.: **провертел напарьей окно против запору диру*). Очевидно, что значимо именно то словорасположение, которое отражает ассоциативное нанизывание элементов высказывания, и то, что ассоциативно присоединяется справа, — *провертел против запору диру*, — носит характер дополнения, уточнения.

⁴ Стрелками в приведенных примерах указана зависимость элемента высказывания от разных управляющих им глаголов.

Интересен еще один случай, который также, вероятней всего, следует интерпретировать как пример особой разговорной конструкции. В примере (3) имеем дело с тремя предикативными единицами, объединенными в одно сложное целое: *Чан опростаемъ будемъ опѣть ↔ вновь класть ← будемъ*.

Бессоюзная связь с условно-временными отношениями между предикативными единицами *чан опростаемъ будемъ опѣть* (класть кожу для выделки — *А. М.*), безусловно, имеет разговорный характер с присущим ему эллипсисом. Далее в этом высказывании ассоциативное наизывание предикативных единиц с наложением одной на другую сопровождается употреблением синонимов *опѣть* и *вновь*, которое функционально не мотивировано (каких-либо специальных стилистических заданий, следуя друг за другом, они не выполняют) и может быть объяснено тем, что *опѣть* относится к синтагме, содержащей первую предикативную единицу, а *вновь* — к следующей за ней.

Конструкции наложения как специфически разговорные синтаксические явления в письменных текстах встречаются исключительно редко, поэтому достаточно сложно устанавливать их употребительность для каких-то определенных жанров.

Конструкции с интерпозицией (главной части, придаточной части, союза и пр.). Эта типическая черта разговорного синтаксиса также представлена в языке деловой письменности XVIII в. Особенность полипредикативных конструкций с интерпозицией состоит в том, что нарушается словорасположение, характерное для книжного синтаксиса.

Придаточное предложение располагается между частями главного предложения или главное предложение — внутри причастного оборота:

- *Дочерямъ дать | какъ вырастут | надѣвку и выдат[ь] замуж* (ИСВЗ, 285, 1707).
- *И оставя | уплыл в Нерчинскъ | всякого мѣдного и желѣзного заводу ценою на двенатцать рублей* (ГАЧО, ф. 10, 1707).
- *Но толко онъ | якобы писат не умеетъ | наймовал разных людей* (НАРБ, ф. 88, 1768).
- *И идучи дорогою говорилъ мне что к нему присланы денги, | а сколько тово не упоминал | от хозяина ево* (ПЗДП, 94, 1772).

Как известно, в письменной речи, в отличие от устной, парентеза может вводиться пишущим, изначально входя в его речевое намерение в качестве стилистического приема. В устной речи необходимость ввести вставную конструкцию возникает в процессе говорения, парентеза представляет собой спонтанное включение в уже произносимое высказывание. В приведенных примерах она осуществляется со своеобразной функцией актуализации темы высказывания — желанием говорящего (пишущего) пояснить, дополнить уже высказанную информацию.

Особо следует выделить случай нарушения проективности порядка слов, связанный с фразовым ударением:

— *А ящикъ и шубу мерлуцетую | сказалъ | не привезъ* (НАРБ, ф. 262, 1761).

Данный пример, скорее всего, нужно рассматривать как случай парентезы в атонической позиции. При этом составляющие, располагающиеся левее парентезы, выступают акцентоносителем темы высказывания.

Характерно, что еще в древнерусском языке в энклитики могли превращаться словоформы со значением ‘сказал’, ‘говорит’, ‘говорю’ — *реку, рече, рьци, молвить, молвилъ, молви* [Чернцова 2013]. Актуальной эта особенность коммуникативного структурирования высказывания оказывается и для более позднего периода истории русского языка.

Интерпозиция в составе изъяснительных конструкций отмечается в языке нестрогих памятников XVIII в. (частной переписки, мемуаров, записок); являясь существеннейшей чертой синтаксиса РР, она естественна для жанров, обладающих такими признаками РР, как непринужденность, непосредственность, неподготовленность общения [Земская 1988: 183]. Как видим, конструкции с интерпозицией могут проникать и в тексты деловой письменности. Данные примеры представляют жанры просительной и отчетно-исполнительной документации, и необходимо подчеркнуть, что главные условия реализации РР могли в несколько модифицированном виде актуализироваться в деловой бумаге XVIII в. практически любого жанра, за исключением распорядительной документации.

Конструкции с контаминацией способов передачи чужой речи (прямой и косвенной). Данные конструкции характерны для РР, и в письменных памятниках исследуемой эпохи определенных жанров их можно встретить нередко:

- *И самъ <он> признался что иду до города* (НАРБ, ф. 88, 1777);
- *И в глаза говорили что карбась свой убери с перевозу* (НАРБ, ф. 20, 1789);
- *А на то он мне сказал что помни а чего я не знаю* (НАРБ, ф. 20, 1789).

Данные конструкции типичны для различного рода просительных документов (челобитных, объявлений, доношений), расспросных речей. В них активно используется прямая речь, что, как правило, обусловлено коммуникативной целью документа — необходимостью точно передать текст высказывания участников какой-либо конфликтной ситуации. В этом случае нередко происходит смешение прямой и косвенной речи (т. е. имеет место так называемая полупрямая речь). При контаминации прямой и косвенной речи в придаточной части сохраняются все лексические и грамматические особенности речи прямой вплоть до экспрессивных и стилистических черт.

В современном русском языке подобное смешение двух форм передачи чужой речи рассматривается как характерная черта разговорного стиля и даже просторечия.

Выводы. Безусловно, материала письменных памятников одного региона недостаточно для какого-либо обобщения при изучении истории русского синтаксиса, и сделанные выводы носят предварительный характер. Важно по крайней мере то, что синтаксическая организация текстов деловой письменности была далеко не однородной и в отношении тех синтаксических конструкций, которые не поддаются традиционной классификации, можно утверждать следующее:

1. В памятниках деловой письменности XVIII в. употребляются синтаксические конструкции, которые по своей структуре, семантическим свойствам идентичны конструкциям современной РР.
2. Данные конструкции употребительны в определенных жанрах деловой коммуникации — просительных, регистрационных документах, допросных речах, экстрактах. Они не характерны для жанров распорядительной документации, где господствовал книжный синтаксис, сочетавший в себе средства русского языка с элементами церковнославянского языка и иноязычными синтаксическими кальками.
3. В жанрах таких документов обнаруживаются коммуникативные условия, которые определяют реализацию исследуемых синтаксических конструкций.
4. Данные конструкции в процессе становления норм национального языка приобретали стилевую маркированность разговорных средств, и этот статус обуславливал их перемещение за пределы синтаксических норм литературного языка.
5. Данные конструкции (ситуационный синтаксис, по В. М. Живову) употребляются наряду с синтаксическими построениями, которые представляют определенный этап в развитии книжно-письменного идиома, в частности в развитии синтаксиса логического развертывания. Неизменность же рассмотренных конструкций во времени — свидетельство действия общих панхронических механизмов порождения устной речи.

Исследование представленных в данной работе синтаксических конструкций перспективно в структурно-типологическом описании, предусматривающем их сравнение со сходными конструкциями в других языках. Установленный таким образом статус разговорных явлений, отмеченных в памятниках деловой письменности XVIII в., потребует их дальнейшего теоретического осмысления в свете исследований по синтаксису русской разговорной речи — работ Е. В. Падучевой, Н. А. Слюсарь, Т. Е. Янко, В. И. Подлесской и других.

Л и т е р а т у р а

- Аксаков 1975 — К. С. Аксаков. Полн. собр. соч. Т. II. М., 1975.
- Белкина 1979 — Е. М. Белкина. Относительное подчинение в московской деловой и бытовой письменности XVII в. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1979.
- Борковский 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1965.
- Борковский 1968 — В. И. Борковский. Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения. М., 1968.
- Буслаев 1959 — Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959.
- Глинкина 1961 — Л. А. Глинкина. К вопросу о бессоюзном сложном предложении в языке древнерусских памятников XVI—XVII вв. // Исследования по лексикологии и грамматике русского языка. М., 1961. С. 230—258.
- Живов 2004 — В. М. Живов. Очерки исторической морфологии русского языка XVII—XVIII веков. М., 2004.
- Зализняк 1986 — В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте. М., 1986.
- Зализняк 1995 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 1995.
- Земская 1988 — Е. А. Земская. Перспективы изучения славянских разговорных языков // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. София, сентябрь 1988 г. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 177—190.
- Ковтунова 1974 — И. И. Ковтунова, Н. М. Карамзин в истории русского литературного синтаксиса // Исследования по славянскому языкознанию. Сборник, посвященный памяти академика В. В. Виноградова / Отв. ред. В. А. Белошапкова, Н. И. Толстой. М., 1974. С. 153—160.
- Кузнецова 1983а — Р. Д. Кузнецова. Роль повторов в истории сложноподчиненного предложения // Синтаксис предложения. Калинин, 1983.
- Кузнецова 1983б — Р. Д. Кузнецова. Исторические изменения в сложноподчиненном предложении. Калинин, 1983.
- Лаптева 1976 — О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.
- Майоров 1988 — А. П. Майоров. Явочные челобитные как памятники русского языка XVI—XVII вв. Автореф. дисс.... канд. филол. наук. М., 1988.
- Малькова 1985 — В. Г. Малькова. Возможности реконструкции старорусского устно-разговорного синтаксиса // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. № 4. 1985. С. 35—42.
- Михайлов 2012 — Н. Михайлов. Творительный падеж в русском языке XVIII века. Uppsala, 2012.
- Потебня 1968 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1968.
- Русская грамматика 1982 — Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 1982.
- Русская разговорная речь 1973 — Русская разговорная речь. М., 1973.
- Русская разговорная речь 1981 — Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981.
- Современный русский язык 2002 — Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. Ч. II. Морфология. Синтаксис / Под ред. Е. И. Дибровой. М., 2002.
- Сиротинина 1974 — О. Б. Сиротинина. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974.

- Сиротинина 1983 — О. Б. Сиротинина. Русская разговорная речь. М., 1983.
- Унбегаун 1971 — Б. О. Унбегаун. Редкое выражение русской разговорной речи XVII в. // Проблемы истории и диалектологии славянских языков. М., 1971.
- Чернцева 2013 — Е. В. Чернцева. История парентетической позиции дискурсивных слов (http://www.philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/visnyk_963/content/cherntsova.pdf).
- Шведова 1960 — Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису разговорной речи. М., 1960.
- Ярин 2003 — А. Я. Ярин. Некнижные синтаксические конструкции в бытовых документах второй половины XVIII века (явления, участвующие в организации актуального членения) (<http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Jarin.htm>).

Источники

- АХУ II — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 2 // Русская историческая библиотека, Т. 14. СПб., 1894.
- АХУ III — Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Кн. 3 // Русская историческая библиотека. Т. 25. СПб., 1908.
- ГАИО — Государственный архив Иркутской области
- ГАЧО — Государственный архив Читинской области
- ИСВЗ — Исторический словарь Восточного Забайкалья (по материалам нерчинских деловых документов XVII—XVIII вв.) / Сост. Л. М. Любимова, Г. А. Христосенко. Чита, 2003. Т.1 (А—З).
- НАРБ — Национальный архив Республики Бурятия
- Пам. Влад. — Памятники деловой письменности XVII века. Владимирский край / Под ред. С. И. Коткова. М., 1984.
- ПЗДП — Памятники забайкальской деловой письменности XVIII века / Под ред. А. П. Майорова. Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.
- РГАДА — Российский государственный архив древних актов

References and sources

- AKhU II — Akty Kholmogorskoy i Ustyuzhskoy yeparkhiy. Kn. 2 // Russkaya istoricheskaya biblioteka, T. 14. St.-Peterburg, 1894.
- AKhU III — Akty Kholmogorskoy i Ustyuzhskoy yeparkhiy Kn. 3. // Russkaya istoricheskaya biblioteka, T. 25. St.-Peterburg, 1908.
- Aksakov 1975 — K. S. Aksakov. Poln. sobr. soch. T. II. Moskva, 1975.
- Belkina 1979 — Ye. M. Belkina. Otnositelnoye podchineniye v moskovskoy delovoy i bytovoy pismennosti XVII v. Avtoref. diss.... kand. filol. nauk. Moskva, 1979.
- Borkovskiy 1965 — V. I. Borkovskiy, P. S. Kuznecov. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Moskva, 1965.
- Borkovskiy 1968 — V. I. Borkovskiy. Sravnitelno-istoricheskij sintaksis vostochnoslavjanskikh yazykov. Bessoyuznyye slozhnyye predlozheniya. Moskva, 1968.
- Buslayev 1959 — F. I. Buslayev. Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Moskva, 1959.

Cherncova 2013 — Ye. V. Cherncova. Istoriya parenteticheskoy pozitsii diskursivnykh slov (http://www-philology.univer.kharkov.ua/nauka/e_books/visnyk_963/content/cherntsova.pdf).

GACHO — Gosudarstvennyy arkhiv Chitinskoj oblasti.

GAIO — Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoj oblasti.

Glinkina 1961 — L. A. Glinkina. K voprosu o besootyuznom slozhnom predlozhenii v yazyke drevnerusskikh pamyatnikov XVI—XVII vv. // Issledovaniya po leksikologii i grammatike russkogo yazyka. Moskva, 1961. S. 230—258.

ISVZ — Istoricheskiy slovar Vostochnogo Zabaykalya (po materialam nerchinskikh delovykh dokumentov XVII—XVIII vv.) / Sost. L. M. Lyubimova, G. A. Khristosenko. Chita, 2003. T.1 (A—Z).

Kovtunova 1974 — I. I. Kovtunova. N. M. Karamzin v istorii russkogo literaturnogo sintaksisa // Issledovaniye po slavyanskomu yazykoznaniiyu. Sbornik, posvyashchenny pamyati akademika V. V. Vinogradova / Otv. red. V. A. Beloshapkova, N. I. Tolstoy. Moskva, 1974. S. 153—160.

Kuznecova 1983a — R. D. Kuznecova. Rol povtorov v istorii slozhnopodchinennogo predlozheniya // Sintaksis predlozheniya. Kalinin, 1983.

Kuznecova 1983b — R. D. Kuznecova. Istoricheskiye izmeneniya v slozhnopodchinennom predlozhenii. Kalinin, 1983.

Lapteva 1976 — O. A. Lapteva. Russkiy razgovornyy sintaksis. Moskva, 1976.

Malkova 1985 — V. G. Malkova. Vozmozhnosti rekonstrukcii staroruskogo ustno-razgovornogo sintaksisa // Vestnik MGU. Ser. 9. Filologiya. № 4. 1985. S. 35—42.

Mayorov 1988 — A. P. Mayorov. Yavochnyye chelobitnyye kak pamyatniki russkogo yazyka XVI—XVII vv. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk. Moskva, 1988.

Mikhailov 2012 — N. Mikhailov. Tvoritelnyy padezh v russkom yazyke XVIII veka. Uppsala, 2012.

NARB — Nacionalnyy arkhiv Respubliki Buryatiya.

Pam.Vlad. — Pamyatniki delovoy pismennosti XVII veka. Vladimirskiy kray / Pod red. S. I. Kotkova. Moskva, 1984.

Potebnya 1968 — A. A. Potebnya. Iz zapisok po russkoy grammatike. Tom III. Moskva, 1968.

PZDP — Pamyatniki zabaykalskoy delovoy pismennosti XVIII veka / Pod red. A. P. Mayorova. Sost. A. P. Mayorov, S. V. Rusanova. Ulan-Ude, 2005.

RGADA — Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov.

Russkaya grammatika 1982 — Russkaya grammatika. Tom II. Sintaksis. Moskva, 1982.

Russkaya razgovornaya rech 1973 — Russkaya razgovornaya rech. Moskva, 1973.

Russkaya razgovornaya rech 1981 — Ye. A. Zemskaya, M. V. Kitaygorodskaya, Ye. N. Shirayev. Russkaya razgovornaya rech. Obshchiye voprosy. Slovoobrazovaniye. Sintaksis. Moskva, 1981.

Shvedova 1960 — N. Yu. Shvedova. Ocherki po sintaksisu razgovornoy rechi. Moskva, 1960.

Sirotnina 1974 — O. B. Sirotnina. Sovremennaya razgovornaya rech i yeye osobennosti. Moskva, 1974.

Sirotnina 1983 — O. B. Sirotnina. Russkaya razgovornaya rech. Moskva, 1983.

Sovremennyy russkiy yazyk 2002 — Sovremennyy russkiy yazyk. Teoriya. Analiz yazykovykh yedinic. Ch. II. Morfologiya. Sintaksis / Pod red. Ye. I. Dibrovoy. Moskva, 2002.

Unbegaun 1971 — B. O. Unbegaun. Redkoye vyrazheniye russkoy razgovornoy rechi XVII v. // Problemy istorii i dialektologii slavyanskikh yazykov. Moskva, 1971.

Yarin 2003 — A. Ya. Yarin. Neknizhnyye sintaksicheskiye konstrukcii v bytovykh dokumentakh vtoroy poloviny XVIII veka (yavleniya, uchastvuyushchiye v organizacii aktualnogo chleneniya) (<http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Jarin.htm>).

Zaliznyak 1986 — V. L. Yanin, A. A. Zaliznyak. Novgorodskiyе gramoty na bereste. Moskva, 1986.

Zaliznyak 1995 — A. A. Zaliznyak. Drevnenovgorodskiy dialekt. Moskva, 1995.

Zemskaya 1988 — Ye. A. Zemskaya. Perspektivy izucheniya slavyanskikh razgovornykh yazykov // Slavyanskoye yazykoznanie. X Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Sofiya, sentyabr 1988 g. Doklady sovetskoy delegacii. Moskva, 1988. S. 177—190.

Zhivov 2004 — V. M. Zhivov. Ocherki istoricheskoy morfologii russkogo yazyka XVII—XVIII vekov. Moskva, 2004.

Резюме

В статье на материале деловой письменности XVIII в. рассматриваются синтаксические конструкции, по своему строению аналогичные современным устно-разговорным конструкциям. Это разнообразные конструкции с дистантным порядком слов, с формами Им. п. в функции косвенных падежей, раздельнооформленные синтаксические конструкции, бессоюзные полипредикативные конструкции и др. В работе предпринимается попытка проследить зависимость употребления этих конструкций от тех жанров деловой письменности, в которых обнаруживаются наиболее благоприятные условия реализации явлений разговорной речи.

Ключевые слова: синтаксические конструкции, устно-разговорная речь, коммуникативная организация текста, жанры деловой письменности XVIII в.

Статья получена 08.11.2013

ALEXANDR P. MAYOROV

PHENOMENA OF CONVERSATIONAL SYNTAX IN THE WRITTEN BUSINESS LANGUAGE OF THE 18th CENTURY (Based on the Transbaikalian written records)

This article examines syntactic constructions in the written business language of the 18th century which are analogous in structure to modern colloquial constructions. They are various constructions with distant word order, nominative forms as a function of oblique cases, separately arranged syntactic constructions, asyndetic polypredicative constructions, etc. The paper attempts to trace the dependence of the use of these structures on those genres of written business language in which the most favorable conditions for implementation of conversational speech are found.

Keywords: syntactic constructions, colloquial speech, communicative arrangement of text, genres of business written language of the 18th c.

Received on 08.11.2013

Т. И. АФАНАСЬЕВА

**К ВОПРОСУ О МЕСТЕ И ВРЕМЕНИ
СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА ЕВХОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ЦЕРКВИ***

Евхология Великой церкви — это особая богослужебная книга, использовавшаяся в храме св. Софии в Константинополе. Она была предназначена для богослужения в патриаршем храме, включала в себя ряд служб, связанных с дворцовым церемониалом, различные хиротонии, чины принятия еретиков в православие, а также особый тип служения суточных служб — Песненное последование. Известны два греческих списка полного Евхология Великой церкви. Первый был написан в 1027 году для пресвитера храма св. Софии Стратигия, в настоящее время он хранится в Национальной библиотеке в Париже под шифром Coisl. gr. 213. Второй список создан после восстановления богослужения в св. Софии после латинского завоевания Константинополя, во второй половине XIII в.¹ — это кодекс, принадлежавший некогда кардиналу Виссариону Никейскому, ныне хранящийся в Гроттаферратской библиотеке под шифром Г.β.1. По мнению М. Арранца, эти два списка описывают богослужение Софийского собора в Константинополе «золотого» периода: между концом иконоборчества (843 г.) и захватом Константинополя крестоносцами (1204 г.) [Арранц 2003: 7—8].

Существует славянский перевод этого Евхология, сохранившийся в двух русских пергаменных рукописях рубежа XIV—XV вв., — ГИМ, Син. 675 и Син. 900. Состав кодексов идентичен, но в Син. 675 утрачены первые семь тетрадей. В истории славянского богослужения и в истории славянских Служебника и Требника они занимают исключительное положение и, на наш взгляд, не оценены в научном сообществе в полной мере. Эти две рукописи были подробно описаны А. Горским и К. Невоструевым [Горский, Невоструев 1869: 128—153]. В дальнейшей научной традиции, к сожалению, им не было уделено должного внимания. Так, они не упоминаются в обзоре Н. Одинцова «Порядок общественного и частного богослужения в Древней России до XVI в.» (СПб, 1881). Одна из рукописей,

---

* Работа над статьей осуществлялась при финансовой поддержке РФНФ, грант 14-04-00150а.

¹ Передатировка кодекса с XI на XIII в. осуществлена С. Паренти и Е. Велковской [Parenti, Velkovska 2007: 175—196].

Син. 675, лишь несколько раз фигурирует в исследовании А. А. Дмитриевского «Богослужение в Русской церкви в XVI веке» (Казань, 1884). Ничего не говорит о них Е. Е. Голубинский, разбирая богослужение на Руси в послемонгольский период [Голубинский 1900]. Лишь некоторые чины из этих рукописей были подвергнуты анализу. Так, чины Великого Четверга — чин умовения св. трапезы, чин мироосвящения и обряд оглашения в Великую пятницу были опубликованы и кратко описаны Н. Ф. Красносельцевым. Он пришел к выводу, что этот чин умовения трапезы в Син. 900 содержит новый перевод и чинопоследование отличается от древней русской практики [Красносельцев 1889: 71, 104]. Чин венчания на царство в одном из этих требников был опубликован Е. Барсовым, но в целом рукопись и ее состав никак не прокомментированы [Барсов 1883: 25—31]. В работах М. Скабаллановича и М. Лисицына при описании особенностей богослужения Песенного последования фигурирует рукопись Син. 675, однако оба автора не ставят себе задачу датировать славянский перевод и по умолчанию считают его домонгольским [Скабалланович 1913: 377—388; Лисицын 1911: X].

В работах М. Арранца эти рукописи впервые отождествляются с Евхологием Великой церкви и рассматриваются как факультативное приложение к Служебнику и Требнику [Арранц 1979: 22]. Им же публикуются молитвы, относящиеся к Песенному последованию, по рукописи Син. 675, который без всякой аргументации связывается им с требником митрополита Киприана [Арранц 2003: 591—674]. Очевидно, Арранц опирается на рассуждения И. Д. Мансветова, который заметил, что Киприану приписываются разные переводы одних и тех же служб, поэтому доверять этим атрибуциям нужно с большой осторожностью [Мансветов 1880: 771]. Требником митрополита Киприана Мансветов называет кодексы Син. 326 и Син. 268, поскольку они содержат приписки о написании им этих рукописей [Мансветов 1882: 45—66]. В изучаемых здесь списках Син. 675 и Син. 900 никаких маргинальных записей не содержится, поэтому атрибуцию Киприану нужно обосновывать. Косвенным доказательством причастности митрополита к славянскому переводу Евхология Великой церкви может служить требник РГБ, МДА 183 XVI в., содержащий некоторые молитвы Песенного последования в том же переводе, что и в Син. 675, перед которыми имеется следующая приписка: *аще кто прозволает прилежан подвигъ · оуспѣшнейшимъ временемъ · ꙗко сѣа молитвы ѿ древнихъ потребникъ собранныа да глѣтъ · иже вахъ преведени ѿ греческихъ книгъ стѣшимъ митрополитомъ киприаномъ киевскимъ и всеа рѣсїи* (л. 38). Однако порядок следования служб суточного круга здесь нарушен и не совпадает с Син. 675 и Син. 900: молитвами вечерни названы молитвы Песенной панихиды, к которым добавлены обычные вечерние молитвы, отсутствующие в двух синодальных списках. Также не имеют соответствия здесь и молитвы утрени. По-видимому, в МДА 183 представлена поздняя переработка служб суточного круга, куда были включены и другие молитвы, ко-

торая вряд ли связана с деятельностью Киприана. Отметим также, что, по мнению М. Арранца, полный чин Песенного последования совершался в Древней Руси до XI в., когда свв. Антоний и Феодосий Печерские ввели в употребление Студийско-Алексиевский Типикон [Арранц 2003: 591].

Где и кем был осуществлен перевод Евхология Великой церкви? На этот вопрос отчасти может пролить свет лингвистическое исследование перевода. В описании Горского и Невоструева указано, что рукопись Син. 675 содержит сербские черты в орфографии, что дало основание считать перевод памятника сербским [Арранц 2003: 8, сн. 1]. Просмотр рукописей показал, что так называемые черты сербского протографа — не что иное, как «второе южнославянское влияние». Написания с зиянием гласных типа **нашествіа, третїа, вечернїа**, с рефлексом **жд < *dj (о томжде, томоужде)** в русских рукописях с конца XIV в. становятся широко распространенными и ни в коей мере не свидетельствуют о южнославянском протографе. Отметим в свою очередь, что черт «второго южнославянского влияния» в Син. 675 очень немного, а в Син. 900 их нет вовсе. В Син. 900 формы с зиянием гласных не встречаются, активно употребляется «якорное *e*» и буква *ч* почти не имеет ножки, диграф **оу** пишется только в начале слова, а в середине пишется только **у**, что свойственно старшему русскому полууставу. Перед нами рукописи, которые имеют переходную орфографию от старшего русского полуустава к младшему. Отметим, что служебник митрополита Киприана (ГИМ, Син. 601) также написан старшим русским полууставом: здесь регулярно употребление «якорного *e*», буквы *ч* галочкой, без ножки. В середине слова регулярно пишется **у**, а не **оу**, в диграфе **чы** используется исключительно **ъ**. Таким образом, орфография Син. 675 в большей степени подвержена южнославянскому влиянию, чем в рукописях Син. 601 и Син. 900.

Южнославянские черты в орфографии кодекса не свидетельствуют о том, что у него был южнославянский протограф, потому что орфография характеризует только список текста, но не сам текст. Локализация перевода осуществляется на уровне лексики и грамматики при сличении с греческим оригиналом. Как показало изучение некоторых текстов, входящих в данный Евхологий, перевод его не является древним. По технике перевода памятника можно судить, что он опирается на нормы новых редакций богослужебных книг, созданных в XIV веке. Рассмотрим их подробнее на разных уровнях языка.

В требниках Син. 675 и Син. 900, как и в большинстве правленных в XIV в. редакций, активизируется употребление конструкций, копирующих греческие инфинитивные модели с предлогом. Так, регулярно употребляется конструкция «**въ еже + инфинитив**» для обозначения цели: л. 124 **оружїе привѣжища и спїснїа боуди въ еже отклонитиса съблазны** — $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\omicron\ \epsilon\kappa\kappa\lambda\iota\nu\epsilon\iota\nu\ \tau\alpha\ \sigma\kappa\alpha\nu\delta\alpha\lambda\alpha$; л. 115 об. **въ еже творити волю твою** — $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\omicron\ \pi\omicron\iota\epsilon\iota\nu\ \tau\omicron\ \theta\epsilon\lambda\eta\mu\acute{\alpha}\ \sigma\omicron\upsilon$; л. 97 **исполни тѣхъ дѣломъ стѣмъ въ еже быти и тѣмъ овцамъ тѣбѣ истиннаго пастоуѣха** — $\epsilon\iota\varsigma\ \tau\omicron\ \gamma\epsilon\nu\acute{\epsilon}\sigma\theta\alpha\iota\ \alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\varsigma\ \pi\rho\beta\alpha\tau\alpha$

σοῦ τοῦ ἀληθινοῦ ποιμένος. Эта конструкция представляет собой грецизм, то есть точную копию греческой целевой модели «εἰς τὸ + infinitivus». Она очень характерна для переводов XIV века и встречается не только в Евхологии, но и в переводах Иерусалимского устава, в афонских редакциях Евангелия. Для древних переводов этот грецизм не характерен, целевая инфинитивная конструкция в них передается существительным с предлогом или с помощью аналитического инфинитива «да + indicativus», например: καὶ ἀπήγαγον αὐτὸν εἰς τὸ σταυρῶσαι — **и вѣса и на проплатиѣ** (Маринское ев.), **и ведоша его на проплатиѣ** (F.I.657); ἐζήτουν κατὰ Ἰησοῦν μαρτυρίαν εἰς τὸ θανατῶσαι αὐτὸν — **искахъ на їса свѣдѣтельства да оубижить** (Баниц. ев.), **искахоу на їса свѣдѣтельства да оуморать его** (Q.п.I.1). Начиная с Чудовской редакции Нового Завета, в славянских переводах используется грецизированная конструкция, например: εἰς τὸ ἀναπληρῶσαι αὐτῶν τὰς ἀμαρτίας πάντοτε — **въ еже исполнити имъ грѣхи всегда** (1 Фес. 2:16). Афонская редакция Евангелия использует эту синтаксическую кальку, однако значительно реже [Пентковская 2009: 235-243]. Эта конструкция характерна для целого ряда переводов XIV века, например южнославянского перевода Жития Андрея Юродивого, а также второго болгарского перевода Иерусалимского устава и всех трех литургий: Иоанна Златоуста, Василия Великого и Преждеосвященных Даров [Афанасьева 2004: 114].

В изучаемых рукописях Евхология находим только прилагательное **единородныи** для перевода греческого μονογενής, а не его древние эквиваленты **единочадьи** и **иночадьи**, встречающиеся в Древнем и Преславском текстах Евангелия (и исправляющиеся в Афонском тексте [Евангелие от Иоанна 1998: 14—15; Пентковская 2009: 67—70]), в архаичных редакциях Псалтыри [Погорелов 1901: LVII] и Служебника. Приведем примеры: л. 113 **иже единородныи и составныи моудрости оць** — ὁ τῆς μονογενοῦς καὶ ἐνυποστάτου σοφίας Πατήρ, л. 119 **единороднаго ти сѣна** — τοῦ μονογενοῦς σου υἱοῦ, л. 78 **пославъ единороднаго ти сѣна** — ἐξαπέστειλας τὸν μονογενῆ σου υἱόν.

Перфектная форма 2-го лица единственного числа регулярно используется для перевода греческого аориста 2-го лица и аористного причастия: л. 119 об. **дхъ твои сѣи излїалъ еси на сѣиа свога аплы** — τὸ Πνεῦμα σου τὸ ἅγιον ἐξέχεας ἐπὶ τοὺς ἁγίους σου ἀποστόλους; л. 121 **иже своимъ образомъ почелъ еси насъ** — ὁ τῆ σῆ εἰκόνι τιμήσας ἡμᾶς; л. 120 об. **иже створиалъ еси и твориши с нами** — ὧν ἐποίησας καὶ ποιεῖς εἰς ἡμᾶς; л. 122 **пречистѣи ти рцѣ простералъ еси** — τὰς ἀχράντους σου χεῖρας ἐκτείνας; л. 124 **небесномуу сподобилъ еси царствїю своимъ смотрениемъ** — τῆς οὐρανόου καταξιώσας βασιλείας. Употребление перфектных форм во 2-м лице, возможно, было вызвано желанием избежать омонимии 2-го и 3-го лица в аористе. Замены аористных форм перфектными наблюдаются в редакциях Псалтыри XIV в., представленных прежде всего Норовской псалтырью и псалтырями Святогорской редакции [Карачорова 1989: 177—179]. Упо-

требление перфектных форм вместо аористных во 2-м лице ед. ч. наблюдается и в правленных редакциях литургий конца XIV в.

В требниках Син. 675 и Син. 900 последовательно употребляется местоимение **самъ** для перевода греческого αὐτός в форме Им. пад.: л. 159 об. **самъ вѣдко всѣхъ** — αὐτὸς Δέσποτα τῶν πάντων; л. 91 об. **самъ члѣколюбче гн** — αὐτὸς φίλάνθρωπε Κύριε, л. 90 **самъ призри съ готоваго жилища своего** — αὐτὸς ἔπιδε ἐξ ἐτοίμου κατοικητηρίου σου. В древних редакциях литургии и служб суточного круга в Служебнике αὐτός в именительном падеже всегда переводится как **ты**, но в переводах XIV века оно последовательно заменяется на **самъ**, точнее передающее значение греческого местоимения. Например, такие замены встречаются в литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в рукописи Погод. 37, написанной на Афоне в 70-х годах XIV в.: **самъ блг(с)ви прѣдложенн се : ты бл(с)ви прѣдложенн се** — αὐτὸς εὐλόγησον τὴν πρόθεσιν ταύτην; **самъ вл(д)ко съ нѣсе призри на... : ты вл(д)ко съ нѣсе призри на...** — αὐτὸς Δέσποτα, οὐρανόθεν ἔπιδε ἐπί...; **самъ помени бѣ : ты помени бѣ** — αὐτὸς μνημόνευσον ὁ Θεός. Вариант **ты** характерен для древнейших рукописей литургии — Хлуд. 117, Увар. 46, Q.п.I.48 и всех древнерусских пергаменных списков XIII—XIV вв. По нашим наблюдениям, замены **ты** на **самъ** в соответствии с αὐτός частотны и регулярны и могут надежно свидетельствовать о переводе или правке XIV в.

Таким образом, перевод в изучаемых рукописях имеет яркие приметы переводческих норм XIV в., и версию о существовании перевода Песенного последования в XI в. на основании требников Син. 675 и Син. 900 следует признать несостоятельной.

В XIV в. переводы делались в разных славянских землях и на Афоне, поэтому дальнейшая задача состоит в том, чтобы определить, где именно был переведен Евхологий Великой церкви. Для ответа на этот вопрос рассмотрим особенности перевода требников Син. 675 и Син. 900 и сравним их со служебником Киприана (ГИМ, Син. 601) и Евфимия Тырновского [Сырку 1890] — основных реформаторов конца XIV столетия.

Одной из ярких примет переводов Евфимия и Киприана является употребление послелога **ради** как предлога в соответствии с греческим предлогом διά [Афанасьева 2004: 117]. Подобные замены известны уже в языке Норовской псалтыри, однако в Афонскую редакцию Псалтыри они не вошли, но известны в Псалтыри Киприана [Чешко 1982: 84]. Эту же особенность находим в языке перевода синодальных требников, например в Син. 675: л. 95. **иже ради по плоти явленїа единороднаго с̄на и б̄а нашего** — ὁ διὰ τῆς κατὰ σάρκα ἐπιφανείας τοῦ μονογενοῦς σου υἱοῦ καὶ θεοῦ ἡμῶν; л. 113 **иже ради бл̄гоудтробїа мл̄сти и неизреченныа бл̄гости** — ὁ διὰ σπλάγγνα ἐλέους καὶ ἄφατον ἀγαθότητα; л. 82 **ради великыа ти бл̄годати оуставнв̄ вѣтна и моудреца** — διὰ τῆς μεγάλης σου χάριτος ἀποκαταστήσας ῥήτορας καὶ σοφοῦς. Отметим, что употребление **ради** как послелога в тексте также сохраняется, оно чаще встречается в конструкциях, где после διά следует личное местоимение, например: δι' αὐτῶν — **ихъ ради**, δι' αὐτῆς — **топа ради**.

Еще одна яркая примета переводов Евфимия и Киприана — это буквальный перевод греческого *coniunctivus prohibitivus* с помощью славянской конструкции **да не** + *indicativus*. В древних редакциях богослужебных текстов для перевода *coniunctivus prohibitivus* использовалось славянское повелительное наклонение с отрицательной частицей **не** [Афанасьева 2004: 117]. Приведем примеры по списку Син. 675: л. 161 **да не растлиши глადомъ и жажею люди твоя** — μηδὲ διαφθείρης λιμῶ καὶ δίψει τὸν λαόν σου; л. 122 об. **да не оуклониши гнѣвомъ ѿ рабъ твоихъ** — μὴ ἐκκλίνης ἐν ὀργῇ ἀπὸ τῶν δούλων σου; л. 77 об. **да не опалиши насъ пожигателнымъ величества твоего огнемъ ниже осудиши о причасти тѣхъ** — μὴ καταφλέξης ἡμᾶς τῷ καυστικῷ τῆς μεγαλειότητός σου πυρί μηδὲ κατακρίνης ἐπὶ τῇ μεταλήψει αὐτῶν; л. 89 **да не погубиши насъ безаконьми нашими** — μὴ συναπολέσης ἡμᾶς ταῖς ἀνομίαις ἡμῶν.

Редакции литургий Киприана и Евфимия характеризуются употреблением указательных местоимений **тъ, та, то** в значении личных 3 л. в соответствии с греческими местоимениями αὐτός, αὐτή, αὐτό [Афанасьева 2004: 63—64]. Ту же особенность находим в исследуемых рукописях, например: Син. 675, л. 119 об. **раздѣлага тѣмъ дарованіе** — διαμερίζων αὐτοῖς τὴν δωρεάν; л. 124 **и сътворивъ тѣми исцѣленіе** — καὶ ποιήσας δι' αὐτῶν ἴασιν; л. 91 об. **и приими тою въ вою блгоуханіа** — καὶ πρόσδεξαι αὐτὴν εἰς ὁσμὴν εὐωδίας; л. 97 **исполни тѣхъ дхомъ стымъ** — ἐμπλησον αὐτοὺς Πνεύματος ἁγίου; л. 77 об. **ниже осудиши о причасти тѣхъ** — μηδὲ κατακρίνης ἐπὶ τῇ μεταλήψει αὐτῶν; л. 80 об. **даровавыи тѣхъ терпеник теченик скончати** — ὁ χαρισάμενος αὐτοῖς καρτερίαν τὸν δρόμον τελέσαι. В древних редакциях литургий при указании на 3-е лицо преобладает местоимение *и, *к, *та в косвенных падежах: **его, ихъ, ж, ими** и т. д. В редакциях, связанных с Евфимием Тырновским и Киприаном, употребление местоимения **тъ** в личном значении возрастает в количественном отношении, что, возможно, связано со среднеболгарской языковой нормой, где местоимение **тъ** стало личным; оно употребляется так и в современном болгарском языке [Мирчев 1958: 182—184; Панова 2009: 146—148].

Особенностью переводческой техники Евхология Великой церкви, содержащегося в синодальных требниках, может считаться частотное употребление энклитики **ти** в притяжательном значении для перевода греческой энклитики σου: л. 119 об. **поутемъ заповѣден ти шествовати** — τὴν ὁδὸν τῶν ἐντολῶν σου πορευθῆναι, л. 119 об. **получимъ вѣчныхъ ти блгъ** — τύχωμεν τῶν αἰωνίων σου ἀγαθῶν, л. 120 об. **иже стго ти дха блгодатію** — ὁ τῆς τοῦ ἁγίου σου πνεύματος χάριτος, л. 120 об. **къ присносоущному ти славословію** — πρὸς ἀέναόν σου δοξολογίαν, л. 122 **на поклонѣмомъ ти крестѣ преч(с)тыя ти роуцѣ простерлъ еси** — ἐν τῷ προσκυνητῷ σου σταυρῷ τὰς ἀχράντους σου χεῖρας ἐκτείνας. Из приведенных примеров видно, что наиболее последовательно энклитическая форма **ти** используется в позиции после прилагательного, в позиции после существительного энклитическая форма коррелирует с полной формой **твоя**. Подобные переводче-

ские особенности известны в старославянских памятниках, но наиболее интенсивно проявляются в среднеболгарский период. В редакциях Евфимия и Киприана они получают наибольшее распространение, потому что подкрепляются языковой нормой живого болгарского языка [Афанасьева 2004: 97—100].

По этим ярким лингвистическим приметам можно судить, что перевод синодальных требников опирается на нормы переводов круга патриарха Евфимия Тырновского и митрополита Киприана и не связан с Афонской редакцией Служебника, поскольку в последней описанные лингвистические приметы не обнаруживаются. Сравним теперь особенности перевода синодальных требников со служебником Киприана (ГИМ, Син. 601), в котором есть запись о переводе его самим митрополитом.

Среди особенностей перевода Син. 601 выделяются некоторые последовательно проводящиеся исправления в области лексики. Так, например, глагол **въпити** в соответствии с греческим βοάω ‘кричать, звать, призывать’ заменяется глаголом **зъвати**: Син. 601, л. 50 об: **и мы грѣшнии зовемъ и глѣмъ** — καὶ ἡμεῖς ἀμαρτωλοὶ βοῶμεν καὶ λέγομεν; л. 28 **съ сими и мы вж(с)твными силами влдоко члвколюбче взываемъ и глѣмъ** — μετὰ τούτων καὶ ἡμεῖς τῶν μακαρίων δυνάμεων, Δέσποτα φιλάνθρωπε, βοῶμεν καὶ λέγομεν. Нам представляется, что подобные замены могли быть вызваны желанием справщика снять сниженные коннотации, имеющиеся в древнерусском языке у глагола **въпити** и заменить его более нейтральным **зъвати**. Подобные замены находим и в синодальных требниках: Син. 675, л. 110 об. **и съ прркомъ зовемъ ти** — καὶ μετὰ τοῦ προφήτου βοῶμέν σοι.

В синодальных требниках последовательно используется глагол **шествовати** вместо стандартного **ходити** в соответствии с греческим περιπατέω, πορεύομαι: л. 89 **въ дне правдѣ шествоуемъ** — ἐν ἡμέρᾳ δικαιοσύνης περιπατήσωμεν; л. 91 **и въ свѣтѣ твоємъ шествоующе** — περιπατοῦντες; л. 93 об. **да въ них шествоуемъ** περιπατήσωμεν; л. 79 **сподоби невъзбранно шествовати твоихъ повелѣнии** — πορεύεσθαι. Ту же особенность находим и в литургии Преждеосвященных Даров редакции Киприана: **так да живующюу в нас и шествоующюу словоу твоємоу ги** — ὅπως ἐνοικοῦντος ἐν ἡμῖν καὶ περιπατοῦντος τοῦ λόγου σου, Κύριε [Афанасьева 2004: 72].

Приведенные примеры могут свидетельствовать о близости норм перевода Евхология Великой церкви и служебника Киприана, поэтому предположение М. Арранца о переводе синодальных требников митрополитом подтверждается языковым анализом. Однако следует иметь в виду, что и Киприан, и патриарх Евфимий были сподвижниками патриарха Филофея и так же, как и он, проводили богослужебные реформы в славянских странах и опирались на афонские литургические рукописи. В случае с синодальными требниками Син. 675 и Син. 900 мы сталкиваемся с совсем другой богослужебной традицией — традицией кафедральной и столичной. Поэтому нам представляется, что исследуемые требники могли быть переведены не при Киприане, а при его преемнике, митрополите Фотии (1408—

1431), а перевод могли осуществлять книжники круга митрополита Киприана, — поэтому техника перевода Служебника Киприана схожа со славянским переводом Евхология Великой церкви.

Митрополит Фотий, присланный на Русь из Константинополя, был греком по национальности. Из посланий митрополита Фотия нам известно, что он серьезно занимался вопросами богослужения и церковной дисциплины. В основных своих установках он продолжал дело митрополита Киприана, в своих посланиях во Псков он выступает против еретиков-стригольников, против отступлений от общежительного устава, против использования латинского мира для миропомазания. Известно, что при посредничестве Фотия в 1411 или в 1414 г. был заключен брак между дочерью великого князя Василия Дмитриевича Анной и наследником византийского престола Иоанном, старшим сыном императора Мануила Палеолога. Благодаря этому браку между Константинополем и Москвой устанавливалась династическая связь. Церковь придавала этому браку большое значение, об этом свидетельствует золотое шитье на одном из саккосов Фотия, где имеются портреты Иоанна Палеолога и русской княжны Анны (хранится в Оружейной палате) [Словарь книжников и книжности 1989: 476—477]. Возможно, династический брак вызвал интерес к практике Великой церкви, и посредством перевода Евхология Великой церкви в Москве начали внедряться кафедральные обряды храма св. Софии.

Косвенным свидетельством того, что Евхология Великой церкви был переведен на Русь, может быть отсутствие этого перевода в южнославянской традиции. Инициатива sprawy всех богослужебных книг в XIV в. принадлежит южным славянам, именно на южнославянских землях и на Афоне появились новые редакции богослужебных книг, которые в конце XIV века оказались на Руси. Русские переводы могли появиться тогда, когда у южных славян переводческая деятельность начала угасать, что и произошло после завоевания турками Балканского полуострова. В XV в. южнославянская традиция не развивается, почерки консервируются, переписываются уже существующие переводы, но новых не осуществляется. Поэтому перевод Евхология Великой церкви, как нам кажется, появился в начале XV в. в Москве, после заключения династического брака между Анной и Иоанном.

О переводе этих требников на Русь могут свидетельствовать и некоторые языковые особенности. Так, в Син. 900, в чине освящения трапезы в рубриках находим русизм **бѹмажныи: харатию бѹмажнѹ** (*χαρτιν χάρτινον*) **раздвоеннѹ или разѹтроенѹ по толѹстотѹ** (л. 32), и **толѹ повелѹвающе бѹмажнѹю харатию приемлют** (л. 34). Данное слово отмечено в списке русизмов А. И. Соболевского и содержится в древнерусских переводах, например в Повести об Акире Премудром [Соболевский 1980: 145, Пичхадзе 2011: 90], производное **боѹмажникѹ** зафиксировано в новгородской берестяной грамоте № 138 XIII—XIV вв. [СДРЯ XI—XIV, 1: 324]. Слово «бумага» имеется только в русском языке и диалектах и отсутствует в других славянских языках [Черных 1994, I: 123].

К русизмам можно отнести слово **коверьъ**: л. 32 **тапита сирѣчь коверъ** (τάπητα ἢ γουν ἐλεύχιον), л. 38 **а по еже въдръзитисѧ трапезѣ коверъ абие новъ предъ сѣми дверми простираетсѧ** (μετὰ δὲ γε τὸ καθιδρυθῆναι τὴν τράπεζαν τάπητος εὐθὺς πρὸ τῶν ἁγίων θυρῶν τίθεται). Оно также фиксируется Соболевским в списке русизмов и имеется в домонгольских переводах — Житии Андрея Юродивого, Студийском уставе, Чудесах св. Николая Чудотворца, а также в оригинальных древнерусских произведениях — Сказании о Борисе и Глебе, Повести временных лет по Лаврентьевскому списку. Отметим, что в примере на л. 32 **коверьъ** является пояснением греческого слова **тапита**, а не переводом ἐλεύχιον ‘коврик, подушечка для коленопреклонения’.

О русском переводе Евхология может свидетельствовать слово **палець**, употребленное вместо стандартной церковнославянской лексемы **пръстъ**: л. 58 **іако пренмѣти коегождо столпа единымъ палцемъ и с вервьєю стѧзгють** (ὥστε ὑπερέχειν ἐκάστου κίονος ἓνα δάκτυλον καὶ μετὰ σφηκώματος δεσμοῦσιν). В южнославянских языках **палець** имеет значение только «большой палец», а не любой палец вообще [Черных 1994, 1: 617]. По данным словаря П. Я. Черных слово **палець** в Древней Руси, возможно, имело значение «большой палец», а значение «любой палец» появилось в русском языке с XVI в. Правда, автор не настаивает на такой интерпретации, потому что примеры из Словаря И. И. Срезневского не дают возможности однозначно утверждать, что имеется в виду именно большой палец. Поскольку в данном контексте речь идет не о большом пальце, а об одном из пальцев руки, то слово **палець** можно считать русизмом.

В Син. 675 греческое слово βασιλεύς в значении «земной правитель» в заамвонной молитве «в неделю» переводится как **князь**, что говорит об ориентации перевода на русские исторические реалии [Момина 1992: 216; Matejko 2009: 267—272]: л. 76 об. **цркъвь свою оутверди князѧ наша на соупостатъныѧ повѣды дароуи** — τὴν ἐκκλησίαν σου στήριξον, τῷ βασιλεῖ ἡμῶν κατὰ πολέμιων τρόπαια δώρησαι.

В Син. 900 на л. 34 находим русскую словообразовательную модель **погасъкъ**: **възлагаютъ же сѧ тому на коюждо мышцю · оубрѣсы по единому, поаски привазгемы**. Уменьшительный суффикс **-ък** как русский вариант общецерковнославянского суффикса **-ъць** зафиксирован во многих древнерусских переводах, и именно на восточнославянской почве он сохранял продуктивность и имел диминутивное значение [Пичхадзе 1998: 480—481]. В данном контексте слово соотносится с греческим ζώναις, не имеющим уменьшительного значения.

В Син. 675 на л. 78 об. встречается слово **зеркало**: **тамо же раздрѣшившимсѧ зеркаломъ истинною Ѡкровеннымъ зрѣнникомъ славы твоеѧ**. В нормативном церковнославянском языке использовалась лексема **зрьцало**, зафиксированная большим числом памятников. Слово **зеркало** с русским отсутствием рефлекса палатализации зафиксировано словарями в единичных памятниках: в древнерусском переводе Пчелы и в службе князю Вла-

димиру по списку праздничной минеи Соф. 386, также русской по происхождению [СДРЯ XI—XIV, 3: 432].

В исследуемых рукописях частотны фонетические русизмы, которые не могут свидетельствовать о переводе на Руси, но вместе с лексическими и словообразовательными русизмами оказываются значимыми и весомыми. Приведем некоторые из них по списку Син. 900: л. 32 об. *възголовнѣ*, л. 33 и *мыло dospѣтое с масломъ дереванымъ*, л. 33 *кандила и свѣчи неуставленѣ быти*, л. 34 об. *сверху во възливатиса хоцеть горяче*, л. 35 *да не нѣкоею малою скважнею воскомастиху истечи*, л. 41 *на средѣ единѣ и два по сторонамъ*, л. 44 об. *приемлетъ же стѣль глмоую сорочицу еже есть саванъ*. Список фонетических русизмов можно было бы продолжить и значительно увеличить.

И наконец, в Син. 900 на л. 46 имеется следующий пассаж: *по сихъ же... приемлетъ покрывало сирѣчь удѣяние трапезное, еже русь не вѣмъ како обыкоша идитию то звати*. Данное пояснение, введенное переводчиком-составителем, имеет ключевое значение для определения перевода. Во-первых, обращает на себя внимание словообразовательная модель этнонима *русь*, образованного по типу собирательных существительных склонения на *-i, как *весь, чоудь, соурь, аравь*. Данная словообразовательная модель засвидетельствована восточнославянскими оригинальными и переводными памятниками [Пичхадзе 1998: 484]. Во-вторых, приведенный контекст можно трактовать как пояснение, сделанное сторонним лицом, не живущим на Руси и отметившим, что на Руси сложилась иная традиция наименования богослужебной утвари. В греческом тексте этому месту соответствует следующий пассаж: *μετὰ δὲ ταῦτα... λαμβάνει τὸ ἄπλωμα ἢ τοὶ τῆν ἐλένδυσιν τῆς τραπέζης*. В греческих литургических источниках для обозначения нарядного покрывала для престола использовалось слово *ἄπλωμα* [ПЭ XII: 555], не зафиксированное в словарях древнерусского языка, и, видимо, неизвестное на Руси. В русской книжности ему соответствует гречизм *индитиа*, широко распространенный в памятниках начиная со Студийского устава [СДРЯ XI—XIV, 4: 155]. Это может свидетельствовать, на наш взгляд, что перевод осуществлялся по заказу иностранца или делался иностранцем, но для использования этого текста на Руси. Таким заказчиком и мог быть митрополит Фотий, а исполнители его заказа были книжники круга митрополита Киприана, среди которых могли быть как южнославянские, так и русские переводчики.

Итак, исследование норм перевода Евхология Великой церкви, содержащегося в синодальных требниках Син. 675 и Син. 900, показало, что они опираются на нормы киприановских переводов богослужебных книг, в частности Служебника. Однако Евхологий Великой церкви, на наш взгляд, был переведен не при Киприане, а при следующем митрополите — Фотии, по благословию которого был заключен династический брак между русской княжной и наследником византийского престола. Именно этот факт, как кажется, мог быть одной из причин внедрения в московское богослу-

жение кафедральных константинопольских традиций, тогда как при Киприане вводились в употребление афонские богослужебные тексты. Перевод Евхология Великой церкви осуществляли книжники, работавшие при Киприане, поэтому язык Служебника Киприана и Евхология Великой церкви имеет много общего. Однако в некоторых пассажах чувствуется присутствие русских книжников. Это свидетельствует о том, что при московском митрополичьем дворе был сформирован круг справщиков, — в числе которых могли быть и русские, — занимавшийся литургическими переводами после Киприана и использовавший киприановские переводческие нормы.

Если наши предположения верны, то Евхологий Великой церкви — это один из первых русских литургических переводов, осуществленных в Московской Руси после смерти Киприана (†1406). Списки Син. 675 и Син. 900 оказываются практически современны переводу, что делает их ценнейшими источниками для решения двух проблем. Первая связана с богослужебными традициями Русской Церкви, вторая — с проблематикой древнерусских переводов. Совмещение в одном тексте среднеболгарских языковых особенностей, грецизмов и русизмов типологически сближает изучаемый перевод с переводами домонгольского периода, в которых также наблюдается подобный языковой синтез [Пичхадзе 2011: 350—356].

Л и т е р а т у р а

Арранц 1979 — М. А р р а н ц. Как молились Богу древние византийцы. Суточный круг богослужения по древним спискам византийского Евхология (диссертация). ЛДА, Л., 1979.

Арранц 2003 — М. А р р а н ц. Евхологий Константинополя в начале XI в. и Песенное последование по требнику митрополита Киприана // Избранные сочинения по литургике. Т. III. М., 2003.

Афанасьева 2004 — Т. И. А ф а н а с ь е в а. Славянская литургия Преждеосвященных Даров. СПб., 2004.

Барсов 1883 — Е. В. Б а р с о в. Древнерусские памятники священного венчания царей на царство. М., 1883.

Голубинский 1900 — Е. Е. Г о л у б и н с к и й. История русской церкви. Т. II. Ч. I. М., 1900.

Горский, Невоструев 1869 — А. В. Г о р с к и й, К. И. Н е в о с т р у е в. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. III: Книги богослужебные. Ч. I. М., 1869.

Евангелие от Иоанна 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подг. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая и др. СПб., 1998.

Карачорова 1989 — И. К а р а ч о р о в а. Към въпроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира // Кирило-Методиевски студии. Кн. 6. София, 1989. С. 130—245.

Красносельцев 1889 — Н. Ф. К р а с н о с е л ь ц е в. К истории православного богослужения. По поводу некоторых церковных служб и обрядов ныне не упо-

требляющихся. Материалы и исследования по рукописям Соловецкой библиотеки. Казань, 1889.

Мансветов 1880 — И. Д. Мансветов. О песенном последовании (ῥωματικῆ ἀκολουθία) // Прибавления к изданию творений Святых отцов в русском переводе за 1880 год. М., 1880. Ч. 26. Кн. 3. С. 752—797.

Мансветов 1882 — И. Д. Мансветов. Митрополит Киприан в его литургической деятельности. М., 1882.

Лисицын 1911 — прот. М. Лисицын. Первоначальный славяно-русский Типикон. СПб., 1911.

Мирчев 1958 — К. Мирчев. Историческа граматика на българския език. София, 1958.

Момина 1992 — М. А. Момина. Проблема правки славянских богослужбных гимнографических книг на Руси в XI в. // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLV. СПб., 1992. С. 200—219.

Пентковская 2009 — Т. В. Пентковская. К истории исправления богослужбных книг в Древней Руси в XIV веке: Чудовская редакция Нового Завета. М., 2009.

Панова 2009 — С. И. Панова. Диатаксис патриарха Филофея Коккина в славянской книжной традиции XIV—XV вв.: лингвотекстологическое исследование. Дис.... канд. филол. наук. М., 2009.

Пичхадзе 1998 — А. А. Пичхадзе. Языковые особенности древнерусских переводов с греческого // XII Международный съезд славистов. Краков, 1998. Доклады российской делегации. М., 1998. С. 475—488.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси. Лингвистический аспект. М., 2011.

Погорелов 1901 — В. Погорелов. Псалтыри: Библиотека Московской синодальной типографии. Ч. 1. Рукописи. Вып. 3. М., 1901.

ПЭ XXII — Православная энциклопедия. Т. XII. М., 2009.

Скабалланович 1913 — М. Скабалланович. Толковый типикон. Т. II. Киев, 1913.

Словарь книжников и книжности 1989 — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV—XVI в. Ч. 2. Л., 1989.

Соболевский 1980 — А. И. Соболевский. Особенности русских переводов домонгольского периода // А. И. Соболевский. История русского литературного языка / Изд. подг. А. А. Алексеев. Л., 1980. С. 134—147.

СДРЯ XI—XIV — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. I—IX. М., 1988—2012.

Сырку 1890 — П. А. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в. Литургические труды патриарха Евфимия Тырновского. Т. 1. Вып. 2. СПб., 1890.

Черных 1994 — П. Я. Черных. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. I—II. М., 1994.

Чешко 1982 — Е. В. Чешко. Об Афонской редакции славянского перевода Псалтыри и ее отношении к другим редакциям // Язык и письменность среднеболгарского периода. М., 1982. С. 60—92.

Matejko 2009 — L. Matejko. **кѣназь** — **краль** — **цѣсарь** // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag. München-Berlin, 2009. S. 267—272.

Parenti, Velkovska 2007 — S. Parenti, E. Velkovska. A Thirteenth Century Manuscript of the Constantinopolitan Euchology: Grottaferrata Γ.β.I, Alias of Cardinal Bessarion // Bollettino della badia greca di Grottaferrata. Ser. III. Vol. 4. 2007. P. 175—196.

References

Afanasyeva 2004 — T. I. Afanasyeva. Slavyanskaya liturgiya Prezhdeosvyashchennykh Darov. St.-Peterburg, 2004.

Arranc 1979 — M. Arranc. Kak molilis Bogu drevniye vizantiytsy. Sutochnyy krug bogoslužheniya po drevnim spiskam vizantiyskogo Yevkhologiya (dissertaciya). LDA, Leningrad, 1979.

Arranc 2003 — M. Arranc. Yevkhologiy Konstantinopolya v nachale XI v. i Pesennoye posledovaniye po trebniku mitropolita Kipriana // Izbrannyye sochineniya po liturgike. T. III. Moskva, 2003.

Barsov 1883 — Ye. V. Barsov. Drevnerusskiye pamyatniki svyashchennogo venchaniya carey na carstvo. Moskva, 1883.

Chernykh 1994 — P. Ya. Chernykh. Istoriko-etimologicheskii slovar sovremennogo russkogo yazyka. T. I—II. Moskva, 1994.

Cheshko 1982 — Ye. V. Cheshko. Ob Afonskoy redakcii slavyanskogo perevoda Psaltyri i yeye otnoshenii k drugim redakciyam // Yazyk i pismennost srednebolgarskogo perioda. Moskva, 1982. S. 60—92.

Evangeliye ot Ioanna 1998 — Yevangeliye ot Ioanna v slavyanskoy tradicii / Izd. podg. A. A. Alekseyev, A. A. Pichkhadze, M. B. Babickaya i dr. St.-Peterburg, 1998.

Golubinskiy 1900 — Ye. Ye. Golubinskiy. Istoriya russkoy cerkvi. T. II. Ch. 1. Moskva, 1900.

Gorskiy, Nevostruyev 1869 — A. V. Gorskiy, K. I. Nevostruyev. Opisanie slavyanskikh rukopisey Moskovskoy Sinodalnoy biblioteki. Otd. III: Knigi bogoslužhebnyye. Ch. 1. Moskva, 1869.

Karachorova 1989 — I. Karachorova. Kym voprosa za Kirilo-Metodiyeviya starobylgarski prevod na Psaltira // Kirilo-Metodiyevski studii. Kn. 6. Sofiya, 1989. S. 130—245.

Krasnoselcev 1889 — N. F. Krasnoselcev. K istorii pravoslavnogo bogoslužheniya. Po povodu nekotorykh cerkovnykh sluzhb i obryadov nyne ne upotrebyayushchikhsya. Materialy i issledovaniya po rukopisyam Soloveckoy biblioteki. Kazan, 1889.

Lisicyn 1911 — prot. M. Lisicyn. Pervonachalnyy slavyano-russkiy Tipikon. St.-Peterburg, 1911.

Mansvetov 1880 — I. D. Mansvetov. O pesennom posledovanii (ἁσματικὴ ἀκολουθία) // Pribavleniya k izdaniyu tvoreniy Svyatykh otcov v russkom perevode za 1880 god. Moskva, 1880. Ch. 26. Kn. 3. S. 752—797.

Mansvetov 1882 — I. D. Mansvetov. Mitropolit Kiprian v yego liturgicheskoy deyatelnosti. Moskva, 1882.

Matejko 2009 — L. Matejko. КЪНАЗЪ — КРАЛЬ — ЦѢСАРЬ // Bibel, Liturgie und Frömmigkeit in der Slavia Byzantina. Festgabe für Hans Rothe zum 80. Geburtstag. München-Berlin, 2009. S. 267—272.

Mirchev 1958 — K. Mirchev. Istoricheska gramatika na blgarskiya yezik. Sofiya, 1958.

Momina 1992 — M. A. Momina. Problema pravki slavyanskikh bogoslužebnykh gimnograficheskikh knig na Rusi v XI v. // Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. XLV. St.-Peterburg, 1992. S. 200—219.

Panova 2009 — S. I. Panova. Diataksis patriarkha Filofeya Kokkina v slavyanskoj knizhnoy tradicii XIV—XV vv.: lingvotekstologicheskoye issledovaniye. Dissertaciya na soiskaniye uch. stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2009.

Parenti, Velkovska 2007 — S. Parenti, E. Velkovska. A Thirteenth Century Manuscript of the Constantinopolitan Euchology: Crottaferrata Γ.β.I, Alias of Cardinal Bessarion // Bollettino della badia greca di Grottaferrata. Ser. III. Vol. 4. 2007. P. 175—196.

PE XXII — Pravoslavnaia enciklopediya. T. XII. Moskva, 2009.

Pentkovskaya 2009 — T. V. Pentkovskaya. K istorii ispravleniya bogoslužebnykh knig v Drevney Rusi v XIV veke: Chudovskaya redakciya Novogo Zaveta. Moskva, 2009.

Pichkhadze 1998 — A. A. Pichkhadze. Yazykovyye osobennosti drevnerusskikh perevodov s grecheskogo // XII Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Krakov, 1998. Doklady rossiyskoy delegacii. Moskva, 1998. S. 475—488.

Pichkhadze 2011 — A. A. Pichkhadze. Perevodcheskaya deyatelnost v domongolskoy Rusi. Lingvisticheskiy aspekt. Moskva, 2011.

Pogorelov 1901 — V. Pogorelov. Psaltyri: Biblioteka Moskovskoy sinodalnoy tipografii. Ch. 1. Rukopisi. Vyp. 3. Moskva, 1901.

SDRYa XI—XIV — Slovar drevnerusskogo yazyka XI—XIV vv. T. I—IX. Moskva, 1988—2012.

Skaballanovich 1913 — M. Skaballanovich. Tolkovyy tipikon. T. II. Kiev, 1913.

Slovar knizhnikov i knizhnosti 1989 — Slovar knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vtoraya polovina XIV—XVI v. Ch. 2. Leningrad, 1989.

Sobolevskiy 1980 — A. I. Sobolevskiy. Osobennosti russkikh perevodov domongolskogo perioda // A. I. Sobolevskiy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka / Izd. podg. A. A. Alekseyev. Leningrad, 1980. S. 134—147.

Syrku 1890 — P. A. Syrku. K istorii ispravleniya knig v Bolgarii v XIV v. Liturgicheskiye trudy patriarkha Evfimiya Tyrnovskogo. T. 1. Vyp. 2. St.-Peterburg, 1890.

Резюме

В статье исследуются нормы перевода Евхология Великой церкви (храма св. Софии в Константинополе), сохранившегося в двух пергаменных русских списках рубежа XIV—XV вв. из Синодального собрания ГИМ № 675 и 900. Нормы перевода памятника близки к Киприановским переводам богослужебных книг, однако в статье обосновывается предположение, что данный памятник был переведен книжниками круга Киприана при его преемнике митрополите Фотии, по благословению которого был заключен династический брак между русской княжной и наследником византийского престола. Этот брак, как кажется, стал причиной внедрения константинопольского кафедрального богослужения в Московской Руси, тогда как при Киприане распространялись афонские литургические традиции. В языке перевода имеются русизмы, что позволяет предположить участие в переводе русских книжников.

Ключевые слова: церковнославянские переводы с греческого, нормы перевода, митрополиты Киприан и Фотий, Евхологий Великой церкви, русизмы в церковнославянских переводах.

Получена 03.10.2013

TATYANA I. AFANASYEVA

**ON THE PROBLEM OF THE PROVENANCE OF THE SLAVONIC TRANSLATION
OF THE EUCHOLOGION OF THE GREAT CHURCH**

The article deals with the Slavonic translation of the Euchologion of the Great Church preserved in two vellum Russian manuscripts of the late XIV — early XV centuries from the State Historical Museum, the Synodal Collection, No. 675 and No. 900. The norms of this translation are similar to those found in metropolitan Cyprian's translations of liturgical texts. We suggest that the Slavonic version of the Euchologion of the Great Church was composed by scribes who belonged to the Cyprian's circle but worked under the next metropolitan, Photius, who arranged the dynastic marriage between the Russian princess and the heir of the Byzantine throne. We also surmise that this marriage led to the adoption in the Moscovite Russia of the Cathedral rite of Constantinople, whereas under Cyprian the Athos liturgical traditions were in practice. Some linguistic peculiarities testify Russian provenance of the translation.

Keywords: Slavonic translations from Greek, norms of translation, metropolitans Cyprian and Photius, Euchologion of the Great Church, Russian linguistic peculiarities in Slavonic translations.

Received on 03.10.2013

В. Л. ВАСИЛЬЕВ

**ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД ЛЕКСИКОЙ
И ТОПОНИМИЕЙ РУССКОГО СЕВЕРО-ЗАПАДА И СЕВЕРА. II.
(ГИДРОНИМЫ НА *ЛИН*-, ТЕРМИНЫ *НАЛЫМ*, *НАЛЬЕ*, *НАЛОЙ*)***

Гидронимы на *Лин*-

Гидронимы с корневым элементом *Лин*- часто встречаются в исторических землях Великого Новгорода и Пскова. Имеющиеся современные и исторические языковые факты наблюдаются в бассейнах практически всех сравнительно крупных рек Русского Северо-Запада: Мсты, Пола, Ловати, Волхова, Шелони, Луги, Великой, Плюссы, Сяси, Невы, Чагоды, верховий Волги и Западной Двины, а также в окрестностях оз. Ильмень. Только в бассейне р. Мсты обнаруживается несколько таких имен: оз. *Линное* со стоком в руч. *Линный* (левый приток Кадвиши, правый приток Удины¹); оз. *Линино* с протокой в р. Уверь, правый приток Мсты; оз. *Линное* со стоком в р. Сивельба в окрестностях Боровичей (= *Линье*, по спискам селений начала XX в. [СНМНГ VI: 129], *Лино* на карте-трехверстке 1860-х гг. [ВТКЗверст], или *Лапо*, по справочнику Д. Ф. Шанько 1929 г. [Шанько 1929: 238]²), отождествляемое с оз. *Линно* в Боровицком погосте Деревской пятины Новгородской земли 1550/51 г.: «да в озере в Сомине половина, да два озерка Белемца да озерко Линно да озерко Плотишно» [ПКНЗ 5: 29—30]. Известны далее: оз. *Линенок* со стоком в р. Саберка бассейна Луги (Лужский р-н Ленинградской обл.); оз. *Линец* в болоте в Приселигерье (окрестности Осташкова и Пено); оз. *Линово* со стоком в р. Деляница, левый приток Пчевжи, левый приток Волхова (Любытинский р-н Новгород-

---

* Работа написана при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-04-00173). Первую статью данной серии, посвященную лексемам *водос*, *черёх*, см. в сб.: И. И. Срезневский и русское историческое языкознание: К 200-летию со дня рождения И. И. Срезневского. Рязань, 2012. С. 124—132.

¹ Здесь и далее для современных форм географических названий, извлеченных из общегеографических карт, областных справочников вод и селений, полевых собраний и т. д., ссылки на источники опускаются.

² *Лапо* — грубо искаженная запись правильной формы *Лино*, снятой с карты-трехверстки.

ской обл.); оз. *Линно* со стоком в р. Губинка среди притоков Плюссы (Стругокрасненский р-н Псковской обл.). С этим последним озером отождествляется одно из средневековых близлежащих озер Щирского погоста Шелонской пятины 1550/51 г. — *Линно Ближнее* или *Линно Дальнее* («И в том же поместье угодья озеро Щир да 2 озерка лешие в бору, Линно, Ближнее и Далнее» [ПКНЗ 6: 59]), или же оз. *Линно* в сопредельном Логовещском погосте: «А угодья оу тех деревень озеро Линно ввопчая, ловят рыбу всякую мелкую сетми и вятермы», 1550/51 г. [Там же: 50]. Средневековое озерко *Лино*, наряду с близлежащими озерами *Жавро*, *Стягово*, *Глебско*, *Бельско* и др., дано в описании угодий Влажинского погоста 1495 г. [НПК I: 728]; судя по перечню смежных озер, оно находилось на юго-восточном побережье оз. Ильмень. В справочнике озер Псковской губ. за 1912 г. зафиксировано оз. *Линец* в *Линецкой* волости Великолукского уезда [Шкапский 1912: 106]; оно, может быть, идентично оз. *Линевец*, известному по книге Великолукского уезда 1625—1627 гг. в Никольском стане («Бутетино над оз. Линевцом в Плаиском конце», цит. по [Янин 1998: 173, № 486]).

Среди названий водотоков обнаруживаются: руч. *Линец*, левый приток Щилинки, правый приток Шелони (Порховский р-н Псковской обл.), локализуемый на территории бывшего Порховского околородья и Смоленского погоста Шелонской пятины, где по книгам 1524, 1539 и 1576 гг. значилась д. *Линец* [НПК IV, 313; V, 382, 574, 654] (= пуст. *Линец* на руч. *Линец* в межевых материалах 1780-х гг. [Андрияшев 1914: 393]); р. *Линна*, левый приток Выдеги, правый приток Большого Удряя, правый приток Навсы, левый приток Ловати (неподалеку от г. Новоскольники Псковской обл.), соотносимая с р. *Линница* в Спасском стане Великолукского уезда 1625—1627 гг. («Сракина над рр. Линницею и Окницею»; цит. по [Янин 1998: 173, № 432]). Есть несколько небольших рек с названием *Линенка*, отраженным в средневековой документации. На берегу р. *Линенка*, левый приток Дымцевки (Луневки), левый приток Ожеедки, приток Ладомирки, правый приток Полю, стоит ныне уже заброшенная д. *Линье* Маревского р-на Новгородской обл., приравниваемая к д. *Линье* Молвятицкого погоста Деревской пятины 1495/96, 1538/39 и 1550/51 гг. [НПК I: 657; ПКНЗ 4, 295], *Линья* в межевых материалах 1780-х гг. [ИАДП 1: 209]. Река *Линенка* (а также *Лининка* и, по [СНМНГ VII: 19], — *Ленинка*), левый приток Воложбы, правый приток Сяси, течет из оз. *Лининка*; на берегу речки стояла д. *Линина* Колбажского погоста Обонежской пятины 1495/96 г. [ПКНЗ 1: 273]. С именем еще одной речки *Линенка*, протоки из оз. Толстинское в оз. Бирючевское в бассейне Чагоды (у д. Бирючово Бокситогорского р-на Ленинградской обл.), соотносится название волостки *Линенско* в Егорьевском Озеревском погосте Бежецкой пятины за 1498/99 г. [Там же: 222].

В материале ойконимов находятся сведения о средневековой д. *Линно* на р. Ижоре, которая описана на территории Вышегорского погоста Водской пятины около 1500 г. [ПКВод, кн. 11: 356]. Указанное писцовою книгой 1563/64 г. название сырой местности *Линота* (*Линото*) прикреплено к

верхним течением рек Вишеры и Оскуи, правым притокам Волхова: «К деревне к Обуи на Вишере реке в Мытенском погосте сена косят в болоте через Папоротцкую полосу на Линоте»; «К деревне к Прохоной сена косят на речке на Вишере в болотах в Мытенском погосте от Обуйских полос черес Папоротцкую полосу прошед Линото полоса» [ПКНЗ 2: 136, 137]. Данная местность сегодня отличается повышенной заболоченностью, труднопроходимостью. С центральноновг. *Линота* близко сходится южнопск. *Линотица* — река в Невельском уезде Витебской губ. [Vasm. WRG III: 66], или, по современным данным, — *Ленотица*, правый приток Комли, правый приток Ловати к югу от Великих Лук. Ср. еще д. *Линец* в Пустошкинском р-не Псковской обл.

При объяснении названий на *Лин-* в первую очередь напрашивается сближение с обозначением лinya, *Tinsa tinsa*, рыбы семейства карповых (рус. *лινή*, диал. *лин*, блр. *лин*, *линь*, укр. *лин*), которая встречается во многих реках и озерах Европы и Азии. Номинации водоемов по видам рыб вполне естественны, поэтому «линевые» гидронимы ожидаемо вписываются в контекст повсюду распространенных «окуневых», «щучьих», «лещевых» и тому подобных водных имен. Др.-рус. *линевьи* 'относящийся к линю' фиксируется с 1663 г. [СлРЯ XI—XVII 8: 235], фамильное прозвание *Линев* встречается в новгородской письменности с 1495 г. [Тупиков 1903/2004: 621]. Надо полагать, гидронимы с суффиксальными основами *Лин-ев-*, иногда *Лин-ов-* в целом показывают деривацию от обозначения рыбы *линь* или *лин* (с твердостью согласного) или, реже, от прозвища *Линь*. На Русском Северо-Западе данный семантико-деривационный тип представляют названия озер *Линево* в среднем течении Березайки рядом с д. *Линево* (неподалеку от Бологого), *Линево* в бассейне р. Назии, впадающей с юга в Ладожское озеро, *Линевское* со стоком в оз. Долосец бассейна Шелони, *Линевка* со стоком в р. Варужа в верховьях Западной Двины на юге Псковской обл.; по материалам начала XX в., таковы еще *Линевец* в Кудеверьской волости Новоржевского и *Линовец* в Копылковской волости Опочецкого уездов [Шкапский 1912: 138—139]. В других восточнославянских регионах также регулярно обнаруживаются гидронимы данного типа — например, в Поочье повторяются имена водоемов *Линев*, *Линево*, *Линевка* [Смолицкая 1976: 343].

Что касается названия маленького оз. *Линенок* в Лужском р-не Ленинградской обл., то мотивационная связь его с обозначением рыбы подтверждается в рамках микросистемы: озерко расположено всего в паре километров от озерка *Окуненок*, с «окуневым» названием. Формантное тождество соседящих гидронимов подразумевает однотипное осмысление их основ — в пределах «рыбной» семантики³, хотя мотивация в данном случае может быть и вторичной, переосмысленной.

³ Рядом с ними лежит еще одно звено — озерко *Гоголинок* (к *гоголь* 'вид диких уток'), с протокой в крупное оз. Сяберо.

Однако подавляющее большинство перечисленных выше новгородско-псковских названий на *Лин-* не содержат каких-либо признаков, прежде всего показательной суффиксации *-ев-*, *-ов-*, позволяющих вполне уверенно связывать их с обозначением линя. Кроме того, донная рыба линь, несмотря на широкий ареал распространения, никогда не являлась объектом значительного промыслового интереса. Думается, по этой причине само слово *линь* сравнительно поздно и ограниченно отразилось в письменности. В новгородско-псковских землях линь встречается нечасто и попадает в ловушки случайно — при ловле более распространенных рыб. При описании рыбных угодий оз. *Линно* в Щирском погосте писца не интересует, водится ли в нем линь: «Линно, Ближнее и Далнее, рыба в них щука да ерши да плотица и окунь, а ловят вятерми и курицами», 1550/51 г. [ПКНЗ 6: 59]. Безусловно, новг. *Линно*, как и группа других новгородско-псковских гидронимов и ойконимов на *Лин-* (*Линный*, *Лино*, *Линино*, *Линец*, *Линье*, *Линенка*, *Линина*, *Линница*, *Линота*, *Линотица*), судя хотя бы по словообразовательной структуре (без суфф. *-ев-*, *-ов-*), не сводима к этимону *линь* и подразумевает иные истоки.

На мой взгляд, корневой элемент *Лин-* в данных названиях обязан своим появлением переразложению на стыке корня *li-* (ср. **liti*, рус. *лить*) и суффикса *-*nq-* (> *-ny-*) в продолжениях праслав. **linqti*. Ими являются распространенные рус. диал. *ли́нуть*, *ле́нуть*, *лину́ть*, *лену́ть* ‘налить, плеснуть, брызнуть, пролить’, ‘хлынуть, полить (о дожде)’ [СРНГ 17: 51], блр. *ли́нуць*, *ли́нуць*, укр. *лину́ти* ‘политься, хлынуть’, сербохорв. *linuti*, чеш. *lipouti* ‘лить’, ст.-польск. *linqć* ‘стремительно, обильно вылиться; потечь, политься’ и др. [ЭССЯ 15: 112]. Подобного рода фактов переосмысления суффиксального *-n-* в качестве конечного согласного корня набирается много, что свидетельствует о регулярности процесса. Такое переосмысление характерно для стыка суффиксального *-n-* с гласным корня, причем зачастую такие условия складываются благодаря упрощению взрывных согласных с сонорным *-n-*. Именно так объясняются приведенные Ж. Ж. Варбот не только праслав. **kl'unь* ‘клюв’ от **kl'unqti*, но и **xyniti* ‘обманывать’ от **xynqti* ‘качнуть, наклонить, ошибиться’, **obtonь* ‘глубокое (просевшее) место’ от **obtonqti* ‘утонуть, углубиться’, **(sъ)klenь* ‘крышка, свод, соединение’ от **(sъ)klenqti* ‘опустить, закрыть, скрепить’ и т. п. [Варбот 2013: 10]. Ср. также топонимы *Прихонь*, *Похонь*, *Прохона*, *Всхонье*, *Выхонь*, *Охона*, *Завонь*, апеллятивы *пóхонь*, *на́хонь*, *отхóный*, *повóный*, *отвóный* и др., корневые морфемы которых *хон-*, *вон-* восходят к сочетаниям корня и суффикса *ходн-*, *водн-*, пережившим упрощение и сращение [Васильев 2008: 144—145].

Элемент *Лин-* получил различное суффиксальное оформление на территории исторических новгородско-псковских земель. Имеются серьезные основания говорить о формировании в языковой среде славян, пришедших на Русский Северо-Запад, адъективов типа **лин(ыи)*, **линньн(ыи)* ‘заливаемый’, которые вполне отчетливо подразумеваются в производных от них

гидронимах *Линный*, *Линно*, *Линное*, *Лино*, *Линец*, *Линница* и спорадических отадъективных дериватах с формантами *-ина*, *-ота*, *-ье* с указанием на заливные места (ср. названия *Линина*, *Линье*, *Линота*, *Линотица*). В современном употреблении эта водная терминология, похоже, уже забыта, но она оставила глубокий след в топонимической архаике Русского Северо-Запада. Единичными представителями соответствующей лексики с корнем *лин-* являются калуж. *лінька*, *линюга* 'вода', *линюжник* 'чай', твер. *лэна*, калуж. *леньшак* 'вода' [СРНГ 16: 351, 358; 17: 52]. Стоит заметить, что вариантность корня *лин-* / *лен-* (сюда же и пск. *Линотица* / *Ленотица*) вполне обосновывается колебанием рус. диал. *линуть* и *ленуть*, *линуть* и *ленуть* (см. выше).

За пределами новгородско-псковской территории географических названий рассматриваемого типа обнаруживается совсем немного. Точным соответствием к ряду новгородско-псковских фактов выглядит название р. *Линец* (*Линчик*), левый приток Усожи в бассейне Сейма в Фатежском уезде Курской губ. (по [Vasm. WRG III: 66]), а также село *Линец* Железнодорожного р-на Курской обл. Труднее отнести к рассматриваемой категории изолированные в обширном бассейне Оки названия оз. *Линеха* в Мещерском крае и р. *Линейка* среди притоков Мокши [Смолицкая 1976: 195, 239]. В целом же топонимия, преимущественно гидронимия, на *Лин-* является региональным новообразованием в период раннего славянского освоения Русского Северо-Запада.

Термины *налым*, *налье*, *налой*

В 1-й половине XIX в. в Осташковском уезде Тверской губ. было отмечено слово *налым* 'подводная песчаная мель на озере' [ООВС: 122]. Пожалуй, это первая и единственная запись водного термина, позднее воспроизведенного в разных словарях, например в [Даль 2: 434, 436; Клыков 1959: 43; Мурзаев 1999, 2: 67; СРНГ 20: 26]. По своему внешнему облику термин этот кажется неславянским. Однако единичная фиксация в далеко не совершенном лексикографическом труде 1852 г., включающем много искажений малоизвестных диалектных слов, укрепляет подозрения в некорректной передаче слова. На мой взгляд, существуют две очень близкие возможности объяснения этого слова. Согласно одной из трактовок, во втором слоге водного термина *налым* скрывается корневой элемент *лин-*, интерпретированный выше, и, следовательно, запись *налин* была бы адекватной передачей лексемы. Такая лексема соотносится с префиксальным глаголом *налинуть*, ср. перм. *налинуть* 'налить', 'нахлынуть' [СРНГ 20: 17] или вят., свердл. *налянуть* 'нагрнать, нахлынуть' (к *налияти* = *налити*). Вторая возможность объяснения водного термина *налым* исходит из допустимости фонетической модификации первоначальной формы *налив*. В пользу преобразования из *налив* говорит тот факт, что на соседней

Псковщине, в Порховском и Островском р-нах, обозначение сорта яблок *белый налив* диалектоносителями передается в виде *белый налим*, при том что там же отмечено *налым* в качестве варианта к *налим* [ПОС 20: 65]. Серьезным аргументом в пользу обеих предложенных трактовок, исходящих из родства твер. *налым* с глаголом *нали́ть*, оказывается смысловое и ареальное пересечение его с хорошо известным водным термином *налье*, который, по моему мнению, родствен рассмотренной топонимии и лексике.

Преимущественно новгородско-псковско-тверская, лексема *налье* представлена несколькими фонетическими вариантами в совокупности взаимосвязанных значений. По данным [СРНГ 20: 26—27], *налье* — ‘подводная каменистая мель в озере, реке’ (Осташк. Твер., Яросл., Влад.), ‘низменное место, заполненное водой, лужа’ (Твер., Влад., Яросл.), ‘старая бухта’ (Опоч. Пск.), *нальё* ‘груды камней, мелкий камень на дне озера, реки и т. п.’ (Осташк. Твер., Калинин.), *налья*, *налья* ‘подводная каменистая мель’ (Осташк. Твер., Пустош. Пск., Новорж. Пск.). На Псковщине, кроме того, отмечены: *налья* (*налия*), *налья* и *наль* ‘мель посреди озера’ (Пуст., Нев., Вл.), ‘каменная отмель’ (Нев., Н-Рж.), ‘груда камней на берегу озера’ (Локн.), ‘каменная гряда в поле’ (Локн.) [ПОС 20: 79]. Согласно [НОС 5: 154—155], *налье*, *нальё* — ‘подводная мель’ (Дем.), ‘подводная каменная мель на озере’ (Валд.), ‘низменное место, заполненное водой’ (Ст., Новг.). Особенно многочисленны фиксации этих терминов в окрестностях оз. Селигер: *налье*, *нальё*, *нальё* ‘подводная каменистая мель в озере, где водится рыба’ записаны здесь в десятках селений [Селигер 4: 49].

Исходя из своей интуиции, В. И. Даль справедливо поместил термины *налье* и *налым* в гнездо глагола *нали́ть*, *налива́ть* [Даль 2: 434]. Действительно, почти нет сомнений в родстве всех этих слов. Лексема *налье* является нерегулярным, специфическим дериватом: она образована от основы настоящего времени *налью* глагола *налити* путем переоформления ее по структурной модели имен на *-ьje*. В существительном *налье* хорошо ощущаются элементы исходной глагольной семантики. Самоочевидное значение этого деривата — ‘место, залитое («налитое») водой’ — сохраняется в говорах Русского Северо-Запада, сосуществуя с более распространенным значением ‘мель’. Этимологию последнего помогают понять синонимические эквиваленты. А. В. Никитин, посвятивший специальное исследование топонимике тоней и мелей озер Новгородской, Псковской и Калининской обл., пишет: «Песчаные или суглинистые мели с крепким и чистым, но большей частью неровным дном на Псковском озере называют “*сухмями*”, на оз. Велье — “*нальями*”, на Селигере в пределах Осташковского района Калининской обл. также “*нальями*”, а в прибрежных селениях Демянского района Новгородской обл. — “*сушями*”, на Чудском озере также “*сушями*” ⟨...⟩ на озерах Пено и Вселук — “*суходонами*”» [Никитин 1961: 274]. Изосемантические обозначения мелей с корнем *сух-* (*суша*, *сухмень*, *суходон*), с одной стороны, и *налье*, с другой стороны, безусловно различались признаками исходных значений, что обязано различию мотивации

данных лексем. Мели в водоемах при падении уровня воды осушаются, превращаясь в острова, а при разливе, напротив, заливаются водой. Возникает предположение, что термины с корнем *сух-* обладали первичным значением осушаемой мели, мотивированным именно признаком 'сухой', тогда как *на́лье*, будучи обозначением заливаемых мест, специализировалось в качестве указания на залитые водой мели. Помимо переключек с обычным значением 'налить', в водном термине *на́лье* просматривается диалектное, преимущественно новгородское, значение глаголов *нали́ть*, *налива́ть* — 'высыпать; наполнять что-либо чем-нибудь' (Новг., Волхов и Ильмень, Колым.) [СРНГ 20: 14], 'наполнить что-н., вычерпывая саком рыбу из невода' (Дем.) [Селигер 4: 47]. При этом термин *на́лье* содержит указание на мель, образованную наносом или нагромождением чего-либо (например, камней). На мысль о *на́лье* как обозначении нагромождения, наноса, наносной мели наталкивает описание денотата этого слова в Северном Приселигерье: «Налье — мелкое место на озере. Чтобы рыба водилась в одном определенном месте, где мелко, рыбаки-любители отдельные места на озере заваливают хвоей и ставят вежу. Зимой на таком искусственном налье любит водиться окунь, плотва. Лов рыбы идет здесь и зимой и летом» (Дем.) [НОС 5: 154].

Таким образом, специфика семантической структуры *на́лье*, проявляющаяся по разным говорам, вполне объяснима сохраняющейся соотносительностью термина с двумя главными значениями глагола-мотиватора — 'налить' и 'высыпать, наполнять'. Помимо *на́лье*, оба эти значения исходного глагола *нали́ть* непосредственно обусловили сложение семантического спектра еще одной родственной лексемы — *нало́й*, отнесенной, по характеру словообразования, к числу праславянизмов [ЭССЯ 22: 177]⁴. В данном случае исходным значением 'налить' мотивированы *нало́й* новг., лен., волог. 'продолжительный дождь', 'ливень', твер. (селигерск.) 'кратковременный морозящий дождь', орл., донск. 'вода поверх льда', твер., калуж. 'вода, покрывшая лед и замерзшая', тогда как глагольная семантика 'высыпать, наполнять' объясняет термин *нало́й* в таких значениях, как 'ил', 'илистое место', 'нанос земли', 'намытый на берег реки песок' в новгородских, псковских и брянских говорах [СРНГ 20: 23; НОС 5: 154; Селигер 4: 48; КСРГК]. Чаше и разнообразнее термин *нало́й* проявляется, похоже, в исторических новгородско-псковских землях, о чем свидетельствуют также региональные гидронимы — названия р. *Налóй*, левый приток Ольхи, правый приток Мды, правый приток Мсты, оз. *Налóй* (или *Нáло*), стекающего в оз. Заозерье бассейна Мсты, оз. *Налóй* (или *Нáлоэ*) со стоком в

⁴ С инопрефиксальными глаголами общего корня соотносятся равноформленные диал. *поло́й* 'весеннее половодье', 'низкое заливное место, пойма реки' и др., *проло́й* 'новое русло, образовавшееся во время весеннего половодья', *залóй* 'низменное место, затопляемое водой' [СРНГ 10: 218; 29: 107; 32: 174; Мурз. СНГТ 2: 137], ст.-рус. *взлой* 'граница весеннего разлива реки (?)' [СОЛЯМР XVI—XVII 2: 163].

р. *Налойка* (*Налой*), левый приток Сомины в бассейне Чагоды, оз. *Налой* со стоком в р. Макаха бассейна р. Великой. В вариантах *Нало*, *Налое* (они даны в [НОС 5: 153]) можно подозревать переосмысление лимнонима *Налой* в качестве форм прилагательного.

В новгородско-псковской топонимии продолжения термина *налье* еще более редки, чем термина *налый*. Полагаю, к нему восходит название д. *Нальцы*, которая стоит на левобережье Мсты рядом с Боровичами. В начале XX в. там значились село, погост и усадьба *Нальцы* Хоромской волости Боровицкого уезда [СНМНГ VI: 124], в конце XVIII в. — сельцо *Нальцы* из 6 дворов при оз. Тишице [ЖГарн; ИАДП 1: 114, 115], под 1495/96 г. — д. *Налцы* (*Налца*), под 1550/51 г. — *Налца* («в деревни в Налце»), находившаяся в Спасском Боровицком погосте Деревской пятины [НПК I: 523, 525, 526; II: 119; ПКНЗ 5: 42]. Ойконим, образованный присоединением суффикса *-ыц-* от *налья*, варианта жен. р., мотивирован значением данного термина ‘место, заливаемое водой’, что находит подтверждение в микроландшафте: д. *Нальцы* стоит при бывшем, пересыхающем русле р. Мсты (в материалах оно значится озером *Тишица*). Похожее название носит оз. *Налицкое* в окрестностях райцентра Палкино Псковской обл. (по списку озер 1912 г., оно находится в Палкинской волости Псковского уезда [Шкапский 1912: 133]).

Подробнее стоит остановиться на сев.-рус. топониме *Наль(е)остров*, упоминаемом во многих новгородских грамотах середины XV в., относящихся к Подвинью: «на Налей островъ пожни уцастокъ», гр. № 151; «на Нальострови земли орамые», № 193; «на Налье[о]строви», № 225; «на Нальостровъ», № 227; «на Налье островъ», № 241; «на Налье[о]строви», № 242; «на Нальостровъ», № 251 [ГВНП: 200, 227, 247, 249, 257, 258, 262]. По современным материалам, это *Нальостров*, или *Нальестров*, *Налья* — остров в нижнем течении Северной Двины (Холмогорский р-н Архангельской обл.). Приемлемого финно-угорского объяснения данный топоним до сих пор не получил. Несостоятельна, на мой взгляд, попытка сблизить его с саамским словом, означающим ‘мыс’ (*n'arg*, *n'ark* и т. п. лексемы в разных саамских диалектах), и объяснять в одном ряду с сев.-рус. гидронимами *Неркомина*, *Нерьга*, *Нергозеро* [Кабинина 2011: 134]. Фонетические расхождения между основой названия острова и предполагаемыми саамскими мотиваторами чересчур велики, при том что особенности столь прихотливой русской адаптации саамских гласных и согласных для данного случая автором никак не обоснованы. Более естественным для *Наль(е)остров* кажется собственно русское объяснение, исходящее из связи с новгородским гидротермином *налье*. Действительно, Северное Подвинье издревле осваивалось русскими выходцами из Новгорода и сопредельных земель Ильмень-Волховского бассейна. Поэтому новгородские заселители Северного Подвинья вполне могли закрепить известный им апеллатив *налье* за одним из островов Северной Двины. Следует иметь в виду, что местная округа имела особенно тесные связи с новгородской метрополией,

поскольку здесь располагался основанный новгородцами Никольский Чухченемский монастырь, уголья которого распространялись и на Налъеостров. Что касается семантической стороны, то спектр значений термина *на́лье* ('мель; отмель; каменная гряда' и т. п.), разумеется, благоприятствовал его закреплению за островом.

Хронология и зоны возникновения рассмотренной региональной лексики и топонимии отчасти схожи. Лексические дериваты с обособившимся корнем *лин-*, соотносимым с *ли́нути*, скорее всего, сформировались у ранних восточных славян на путях их продвижения от Среднего Поднепровья в будущие новгородско-псковские земли⁵, причем на Русском Северо-Западе они стали особенно востребованными в гидрографической сфере, оставив много гидронимических следов в регионе. К началу активного освоения новгородцами Русского Севера апеллятивы с корнем *лин-* уже выходили из живого употребления, судя по отсутствию (или минимальности) их следов в севернорусской лексике и топонимии. Восточнославянский гидротермин *нало́й* тоже сложился в период славянского расселения на север вдоль верхнеднепровской магистрали, достигнув максимума употребительности на Русском Северо-Западе, но, в отличие от образованной корня *лин-*, термин *нало́й* до сих пор остается живой лексемой. В свою очередь термин *на́лье*, несомненно, является более поздним диалектным новообразованием, которое появилось собственно внутри региона Русского Северо-Запада, конкретнее — в среде псковских и примыкающих к псковским южноновгородских говоров.

Литература и источники

Андряшев 1914 — А. М. А н д р и я ш е в. Материалы по исторической географии Новгородской земли: Шелонская пятина по писцовым книгам 1498—1576 гг. Вып. I: Списки селений; Вып. II: Карты погостов. СПб., 1914.

Варбот 2013 — Ж. Ж. В а р б о т. Морфологическое переразложение в праславянском языке и реконструкция праславянского лексического фонда // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21—27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 9—16.

Васильев 2008 — В. Л. В а с и л ь е в. Изменение *дн > нн > н* в истории русского языка (на материале ономастики и диалектной лексики) // Русский язык в научном освещении. № 1 (15). 2008. С. 133—147.

Васильев 2012 — В. Л. В а с и л ь е в. Славянская колонизация Русского Северо-Запада в свете ономастики // Славянское языкознание. XV Международный съезд славистов. Минск, 21—27 августа 2013 г. Доклады российской делегации. М., 2013. С. 17—35.

ПКВод — Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851; Кн. 12. М., 1852.

⁵ Данное положение подробно обосновано в работе [Васильев 2012].

ВТКЗверст — Военная топографическая карта западной части Российской империи (масштаб 3 версты в дюйме) съемок второй половины XIX в. и печати второй половины XIX в. — начала 1900-х гг.

ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

Даль — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М., 1998.

ИАДП — А. А. Ф р о л о в, Н. В. П и о т у х. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495—1496 годов). Т. 1—3. М.; СПб., 2008.

Кабинина 2011 — Н. В. К а б и н и н а. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011.

КГарн — Картотека топонимов Боровичского уезда Новгородской губернии, составленная К. В. Гарновским (хранится на кафедре математической лингвистики СПбГУ).

Клыкков 1959 — А. А. К л ы к о в. Краткий словарь рыбацких промысловых слов. М., 1959.

КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (хранится на филол. ф-те СПбГУ).

Мурзаев 1999 — Э. М. М у р з а е в. Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1—2. М., 1999.

Никитин 1961 — А. В. Н и к и т и н. Топонимика тоней и мелей озер Новгородской, Псковской и Калининской областей // Ученые записки Московского областного педагогического ин-та. Труды кафедры русского языка. Вып. 6. М., 1961. С. 265—287.

НОС — Новгородский областной словарь / Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1—12. Новгород, 1992—1995; Вып. 13. Великий Новгород, 2000.

НПК — Новгородские писцовые книги. Т. I—VI. СПб., 1859—1910.

ООВС — Опыт областного великорусского словаря. СПб., 1852.

ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. К. В. Баранов. Т. 1—6. М., 1999—2009.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—20. Л. (СПб.), 1967—2008—.

Селигер — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь / Под ред. А. С. Герда. Вып. 1 (А—Г). СПб., 2003; Вып. 2 (Д—И). СПб., 2004; Вып. 3 (К—М). СПб., 2007; Вып. 4 (Н—П). СПб., 2010.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—28. М., 1975—2008—.

Смолицкая 1976 — Г. П. С м о л и ц к а я. Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.

СНМНГ — Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. В. А. Подобедова. Вып. I—VIII. Новгород, 1907—1912.

СОРЯМР XVI—XVII — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв. Вып. 1—5. СПб., 2005—2012—.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. 2-е изд., исправленное / Ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 1—43. СПб., 2002—2010—.

Тупиков 1903/2004 — Н. М. Т у п и к о в. Словарь древнерусских личных собственных имен / Вступ. ст. и подгот. текста В. М. Воробьев. М., 2004. (По изд.: Словарь древнерусских личных собственных имен. Труд Н. М. Тупикова // Запис-

ки Отд. рус. и слав. археологии имп. Рус. археолог. об-ва. Т. VI. СПб., 1903. С. 98—913).

Шкапский 1912 — О. А. Шкапский. Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение). С картографией озерных районов. Псков, 1912.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Вып. 1—38 — М., 1974—2012—.

Янин 1998 — В. Л. Янин. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII—XV веков. М., 1998.

Vasm. WRG — Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Bd. I—V. Berlin; Wiesbaden, 1961—1969.

References and sources

Andriyashev 1914 — А. М. Андрияшев. Materialy po istoricheskoy geografii Novgorodskoy zemli: Shelonskaya pyatina po piscovym knigam 1498—1576 gg. Vyp. I: Spiski seleniy (552 s.); Vyp. II: Karty pogostov. St.-Peterburg, 1914.

Dal — V. I. Dal. Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka. T. 1—4. Moskva, 1998.

ESSYa — Etimologicheskii slovar slavyanskikh yazykov. Vyp. 1—38 — Moskva, 1974—2012—.

GVNP — Gramoty Velikogo Novgoroda i Pskova / Pod red. S. N. Valka. Moskva; Leningrad, 1949.

IADP — А. А. Фролов, N. V. Piotukh. Istoricheskiy atlas Derevskoy pyatiny Novgorodskoy zemli (po piscovym knigam pisma 1495—1496 godov). T. 1—3. Moskva; St.-Peterburg, 2008.

Kabinina 2011 — N. V. Kabinina. Substratnaya toponimiya Arkhangelskogo Pomorya. Yekaterinburg, 2011.

KGarn — Kartoteka toponimov Borovichskogo uyezda Novgorodskoy gubernii, sostavlenaya K. V. Garnovskim (khranitsya na kafedre matematicheskoy lingvistiki Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta).

Klykov 1959 — А. А. Клыков. Kratkiy slovar rybackikh promyslovykh slov. Moskva, 1959.

KSRGK — Kartoteka Slovarya russkikh govorov Karelii i sopredelnykh oblastey (khranitsya na filologicheskom fakultete Sankt-Peterburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta).

Murzayev 1999 — E. M. Murzayev. Slovar narodnykh geograficheskikh terminov. Izd. 2-e, pererab. i dop. T. 1—2. Moskva, 1999.

Nikitin 1961 — А. В. Никитин. Toponimika toney i meley ozer Novgorodskoy, Pskovskoy i Kalininskoy oblastey // Uchenyye zapiski Moskovskogo oblastnogo pedagogicheskogo in-ta. Trudy kafedry russkogo yazyka. Vyp. 6. Moskva, 1961. S. 265—287.

NOS — Novgorodskiy oblastnoy slovar / Otv. red. V. P. Strogova. Vyp. 1—12. Novgorod, 1992—1995; Vyp. 13. Velikiy Novgorod, 2000.

NPK — Novgorodskiye piscovyye knigi. T. I—VI. St.-Peterburg, 1859—1910.

OOVS — Opyt oblastnogo velikorusskogo slovarya. St.-Peterburg, 1852.

PKNZ — Piscovyye knigi Novgorodskoy zemli / Sost. K.V. Baranov. T. 1—6. Moskva, 1999—2009.

PKVod — Perepisnaya okladnaya kniga po Novugorodu Votskoy pyatiny 7008 goda // Vremennik Imperatorskogo Moskovskogo obshchestva istorii i drevnostey Rossiyskikh. Kn. 11. Moskva, 1851; Kn. 12. Moskva, 1852.

POS — Pskovskiy oblastnoy slovar s istoricheskimi dannymi. Vyp. 1—20—. Leningrad (St.-Peterburg), 1967—2008—.

Seliger — Seliger: Materialy po russkoy dialektologii: Slovar / Pod red. A. S. Gerda. Vyp. 1 (A—G). St.-Peterburg, 2003; Vyp. 2 (D—I). St.-Peterburg, 2004; Vyp. 3 (K—M). St.-Peterburg, , 2007; Vyp. 4 (N—P). St.-Peterburg, 2010.

Shkapskiy 1912 — O. A. Shkapskiy. Ozera Pskovskoy gubernii (ikh yestestvenno-istoricheskaya kharakteristika i ekonomicheskoye znachenije). S kartografiyey ozernykh rayonov. Pskov, 1912.

Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp 1—28—. Moskva, 1975—2008—.

SIRYa XI—XVII — Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp 1—28—. Moskva, 1975—2008—. Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp 1—28—. Moskva, 1975—2008.

Smolickaya 1976 — G. P. Smolickaya. Gidronimiya basseyna Oki. Moskva, 1976.

SNMNG — Spisok naseleennykh mest Novgorodskoy gubernii / Pod red. V. A. Podobedova. Vyp I—VIII. Novgorod, 1907—1912.

SORYaMR XVI—XVII — Slovar obikhodnogo russkogo yazyka Moskovskoy Rusi XVI—XVII vv. Vyp. 1—5—. St.-Peterburg, 2005 —2012—.

SRNG — Slovar russkikh narodnykh govorov. 2-e izd., ispravlennoye / Red. F. P. Sorokoletov. Vyp. 1—43—. St.-Peterburg, 2002—2010—.

Tupikov 1903/2004 — N. M. Tupikov. Slovar drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen / Vstup. st. i podgot. teksta V. M. Vorobyev. Moskva, 2004. (Po izd.: Slovar drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen. Trud N. M. Tupikova // Zapiski Otd. rus. i slav. arkheologii imp. Rus. arkheolog. ob-va. T. VI. St.-Peterburg, 1903. S. 98—913).

Varbot 2013 — Zh. Zh. Varbot. Morfoloicheskoye pererazlozheniye v praslavyanskom yazyke i rekonstrukciya praslavyanskogo leksicheskogo fonda // Slavyanskoye yazykoznanije. XV Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Minsk, 21—27 avgusta 2013 g. Doklady rossiyskoy delegacii. Moskva, 2013. S. 9—16.

Vasilyev 2008 — V. L. Vasilyev. Izmeneniye *dn* > *nm* > *n* v istorii russkogo yazyka (na materiale onomastiki i dialektnoy leksiki) // Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii. № 1 (15). 2008. S. 133—147.

Vasilyev 2012 — V. L. Vasilyev. Slavyanskaya kolonizaciya Russkogo Severo-Zapada v svete onomastiki // Slavyanskoye yazykoznanije. XV Mezhdunarodnyy syezd slavistov. Minsk, 21—27 avgusta 2013 g. Doklady rossiyskoy delegacii. Moskva, 2013. S. 17—35.

Vasm. WRG — Wörterbuch der russischen Gewässernamen / Begr. von M. Vasmer. Bd. I—V. Berlin; Wiesbaden, 1961—1969.

VTK3verst — Voyennaya topograficheskaya karta zapadnoy chasti Rossiyskoy imperii (masshtab 3 versty v dyuyme) syemok vtoroy poloviny XIX v. i pechati vtoroy poloviny XIX v. — nachala 1900-kh gg.

Yanin 1998 — V. L. Yanin. Novgorod i Litva: pogranichnyye situacii XIII—XV vekov. Moskva, 1998.

Резюме

В статье подробно рассматриваются в словообразовательном и этимологическом аспекте географические названия, преимущественно гидронимические, с корневым элементом *Лин-* (*Линное, Лино, Линец, Линевец, Линенок, Линенка, Линье* и др.), а также гидрографические термины *налым, налой, налье*. Данные гидронимы и термины имеют много общего: все они образованы от корня глагола **liti*, обладают сходством семантической структуры и преимущественно функционируют в народных говорах Русского Северо-Запада.

Ключевые слова: гидронимия, гидрографические термины, этимология, словообразование, семантика, ареал, Русский Северо-Запад.

Получена 23.10.2013

VALERY L. VASIL'EV

**ETYMOLOGICAL OBSERVATIONS ON VOCABULARY
AND PLACENAMES OF THE RUSSIAN NORTHWEST AND NORTH. II.
(HYDRONYMS WITH THE ROOT *LIN-*, TERMS *NALYM, NALYE, NALOJ*)**

The article examines in detail the aspects of word-formation and the etymology of water- and place-names with the root element *Lin-* (*Linnoje, Lino, Linec, Linevec, Linenok, Linenka, Lin'e*, etc.) and dialectal hydrographic terms *nalym, naloj, nal'e*. These hydronyms and terms have a lot in common. All of these lexemes are formed from the verb root **liti* ('pour'), similar in semantic structure and predominantly used in the dialects of the Russian Northwest.

Keywords: hydronymy, hydrographic terms, etymology, word-formation, semantics, areal, Russian Northwest.

Received on 23.10.2013

М. А. БОБРИК

ЛИХ ЛИ ПОП УПЫРЬ?

(Значение эпитета *лихьи* в записи писца толковых пророков)

В конце словарной статьи о слове *лихьи* И. И. Срезневский [II, 30], ср. [Буслаев 1861: 145] особо выделяет употребление этого прилагательного в качестве прозвища («прозвания»), иллюстрируя это употребление фрагментом известной записи писца Толковых пророков 1047 года (сохранившейся в списках конца XV—XVI в.): *Азь попь Оупирь Лихьи*. Никакого мнения по поводу значения этого прозвища в «Материалах» Срезневского не высказано, а в современных исторических словарях СРЯ XI—XVII вв. (вып. 8) и СДРЯ XI—XIV вв. (т. IV) этот контекст не фигурирует.

Не приводя запись целиком — она многократно публиковалась [Столярова 2000: 11—13, лит.] — напомним лишь ближайший контекст интересующего меня имени писца и место его в общей структуре записи.

[Слава тебе, Господи, что сподобил меня написать эти книги для Новгородского князя Владимира Ярославича]
поча(х) же ѣ писати [дата], а конча(х) [дата]
азь попь оупирь лихьи.

[Прошу всех прочитати эти книги пророков, содержащие великие чудеса. А ты, князь, будь здоров, живи век и писавшего эту книгу не забывай.]¹

Привычным стало «переводить» имя новгородского книжника как *Упырь Лихой* и привычно всякий раз приостанавливаться — как Чичиков перед прозвищем *Коровий киртич* — перед оксюморонным сочетанием благочестивой должности и жутковатого имени. При этом *лихьи* в сочетании с *Упырь* естественным образом понимается в сохранившемся донныне значении ‘дурной, злой, зловредный’ и под.² (ср. комплекс негативных смыслов, который вкладывается в сочетание *лихие девяностые*).

¹ Приводимый буквально фрагмент цитируется по рукописи 16-ти пророков с толкованиями РГБ ТСЛ (Ф. 304) № 89 л. 262, к. XV — нач. XVI в.

² Л. В. Столярова [Столярова 2000: 13]: «Писец не сообщил своего крестильного имени, ограничившись мирским. Упырь Лихой (т. е. Вампир, Кровопийца) — это, скорее всего, языческое имя-оберег, которое писец сохранил, даже став священником». М. П. Одесский [Одесский 2011] вписывает попа Упыря в ряд «ин-

Инерцию такой по-своему логичной интерпретации нарушает тот факт, что *попъ Упирь* может терять эпитет *лихьи*. Дело в том, что, кроме заключительного колофона, в нашем распоряжении, к счастью, есть ещё одна запись с именем попа, и в ней, сделанной по ходу работы, Упирь называет себя просто *Упырь попъ*:

Ох, въ еже пишу при главиах, *Упирь поп* [Столярова 2000: 11].

Такая непрочность именованья *Упирь лихьи* заставляет усомниться в том, что оно представляет собою единое прозвище. Рискну предположить, что эпитет *лихьи* относится к именованию *попъ Упирь* в целом³.

Присмотримся сначала к устройству именованья *Упирь лихьи*. В древнерусском именованье двучленное имя, выраженное атрибутивным словосочетанием, допускает, вообще говоря, две возможности.

1) Одна подразумевает, что словосочетание *Упирь Лихьи* представляет собой целостное прозвище. Словарь Тупилова содержит около двух десятков таких имён-прозвищ, вот несколько примеров:

Самойлик *Дрозжая Бабка*, крестьянин Вельского погоста, 1495 г. (134);

Семён *Высокий Глаголь*, псковский иконописец, 1554 г. (99);

Истома *Железное Копыто*, казачий атаман в Астрахани, 1614 г. (148);

Матфейко *Мясная Голова*, крестьянин, 1539 г. (264) и т. д.

В немногих (а именно трёх) случаях такое словосочетание-прозвище не добавляется к имени, а замещает его. Так, воевода *Волчий Хвост* [Тупиков 1903/1989: 93] трижды упоминается в летописи и все три раза именно так [НПЛ: 131; в других списках также: 175, 530]. Вот два других примера этой группы:

Чёрное Лихо, казак, 1692 г. (425);

Злото Горло, Каменецкий мещанин, 1565 г. (162).

Упирь лихьи сюда явно не относится — во всех обнаруженных в словаре Тупилова двусоставных прозвищах прилагательное стоит в препозиции, лишено мобильности и не допускает сокращений. В случае новгородского попа это не так: сочетание *Упирь лихий*, как мы видели, непрочно и может распадаться и сокращаться. Таким образом, возможность понимать это сочетание как двусоставное целостное прозвище типа *Чёрное Лихо* или типа гоголевского *Коровий Киртич* следует отвергнуть.

2) Другая возможность состояла бы в том, что сочетание *Упирь лихьи* входит в обширный ряд древнерусских антропонимов с эпитетом во второй части: Иван Белый, Тимофей Блѣклый, Гашко Широкой и все много-

фернально окрашенных персонажей. В ироническом подтексте сочетания *Упырь Лихой* современное языковое сознание ощущает также смысл 'молодецкий, удалой'.

³ Прежде чем перейти к обоснованию этого предположения, хочу поблагодарить А. А. Зализняка за живой интерес к этому сюжету и за ценные замечания.

численные Щоглые, Глухие, Кислые... Именования такого типа исчисляются в справочнике Тупикова десятками. Среди них встретились и два носителя прозвища *Лихой* [Тупиков 1903/1989: 228]:

Борис *Лихой*, винницкий мещанин, 1552 г. и
Иван *Лихой*, казак.

Именно частотность и распространённость этой модели заставляла, думается, до сих пор видеть её и в именовании попа Упыря. Однако хотя прилагательное в таких именовании справа, связь между определением и именем, насколько можно судить по наличному материалу, не менее прочна, чем в именовании с препозицией прилагательного (см. выше). Примером может служить имя боярина *Добрына (Добрыня) Долгий*: в Суздальской летописи он упомянут дважды [ЛЛ: 381, 382] и оба раза полностью⁴.

Кроме того, обращает на себя внимание то, что в именах типа *Иван Лихой* эпитет сопровождает имя — христианское или дохристианское — но не прозвище, как в случае новгородского попа. Словарь Тупикова [Тупиков 1903/1989: 408] сообщает о двух, кроме попа, персонажах по имени *Упырь*, и в обоих случаях *Упырь* — это прозвище, используемое в качестве второго элемента двучленного именовании: *Макарик Упырь*, крестьянин, 1495 г., и *Клим Упырь*, крестьянин, 1600 г.⁵ В случае же самоназвания попа — писца Толковых пророков — прозвище *Упырь* замещает собою имя⁶, так что добавление прозвища *Лихый* дало бы сочетание двух разных прозвищ *попъ + {*Упырь* (прозвище) + *Лихый* (прозвище)}. Такая ситуация для древнерусского именователя аномальна.

⁴ Теоретически говоря, прозвище-эпитет могло опускаться, но насколько этой возможностью пользовались, из-за недостатка контекстов проследить затруднительно. В большинстве случаев мы имеем дело с одиночными упоминаниями в древнерусских источниках. В частности, в летописях, по данным именных указателей летописей НПЛ, Псковских, Лаврентьевской и Ипатьевской, двучленные имена с эпитетом во второй части — редкость, а те, что встречаются, в рамках одной и той же рукописи упоминаются, как правило, лишь единожды. Дьяк *Андрей Волосатый* упомянут в Псковских летописях трижды, но речь при этом идёт о трёх вариантах одного и того же рассказа в разных списках.

⁵ Именно так устроено большинство из 123-х имён, упоминающихся в записях писцов XI — XIV вв. [Столярова 2000: 444-448]. Отмеченные в записях двучленные имена (сочетания имени и отчества не в счёт) или включают определение по месту происхождения (Фёдор Угринец, Моисей Киянин, Лука Смолянин, Михей Новоторжец, сюда же Савва Гречин), или имеют во второй части субстантивное прозвище-приложение (Иоанн Телеш, Алексейка Владычка). Двойные имена — христианское и дохристианское (Домка / Яков, Михаил / Бельна, Константин / Добрило, Творимир / Яков, Максим / Станимир) — функционируют в записях как два отдельных имени.

⁶ Такие имена клириков в источниках относительно редки, но они есть — например, *поп Руда*, упоминаемый в Псковской летописи ([ПЛ1: 12; П: 26, 98] — три версии одного и того же сообщения в трёх разных списках).

3) Остаётся, таким образом, допустить, что сочетание *Упирь Лихьи* во все не является единым именованиём, а определение *лихьи* относится к сочетанию *попъ Упирь*:

{*попъ* + *Упирь* (прозвище)} + *лихьи*

Но если так, что именно значит *лихьи* в этом контексте?

По меткому замечанию В. Даля [II: 257], *лихой* — «слово двусмысленное, как [и] *благой*». В самом деле, семантика прилагательного *лихьи/лихой* объединяет в себе, по сути, два ряда значений: один строится на идее недостатка (лишения), а другой — на идее избытка (излишка). Так, одни и те же названия существ от основы *лих-/лиш-* могут относиться как к злему человеку или злой нечистой силе, так и к человеку, лишённому каких-то благ (обычно материальных). В русской диалектной речи *лихой*, по данным СРНГ [17: 78—79], — это и ‘домовой, злой дух’, ‘зложелатель, враг’, но и ‘бедный, неимущий человек’; *лихоман* — это и ‘злой человек, зложелатель, лиходей’, и ‘бедовик, горемыка’ [Даль II: 258]⁷.

К тем значениям прилагательного *лихьи*, которые основаны на идее недостатка, относится, в частности, значение ‘лишённый’ (оно открывает статью в «Материалах» Срезневского), обычно в конструкции с Р. пад.:

- (1) Зѣнциѣ бо не имы лихъ ѣсть свѣта ‘Не имеющий зрачка лишён света’ (Пандекты Антиоха);
- (2) А куны ѣмоу лиху быти ‘И он должен заплатить куну’ (букв. ‘лишиться куны’) (Русская Правда по Пушкинскому списку; по Синодальному списку лишитисѧ) и под.

Для сравнения в словаре приводится контекст из Супрасльской рукописи:

- (3) Цѣсарство намъ обѣштаваѣши, ѣго же ты лихъ ѣси ‘Ты обещаешь нам царство, которого сам лишён’.

Синонимом для *лихьи* в этом значении было прилагательное *лишень*⁸. Любопытное употребление этого последнего встретилось в древнерусском переводе жития Андрея Юродивого (XII в.), где словом *лишень* переводится греч. *ταπεινός* ‘humilis’. Так Андрей, наутро после того, как спал вместе с бездомными собаками, обращается к самому себе:

се лишена богилиши андрею (*ταπεινός ἔξῃχε Ἀνδρέα*). всю ночь. псъ съ псы. наспальса ѣси ⟨...⟩ да идемъ паки дѣлатъ. ѧко приближаѣтсѧ смѣрть [Молдован 2000: 180]. ‘Ну вот, бедный дурачок Андрей, всю

⁷ Подробнее см. [Сороколетов 1966], более широкая картина семантики основы *lich-* в славянских языках представлена в работе [Силина 1977].

⁸ *Лишень*, как и *лихъ(-ьи)*, могло также становиться прозвищем, ср. наряду с фамилиями *Лих*, *Лихой/Лихая*, украинскую фамилию *Лишень*.

ночь — пёс с псами, выспался, пойдём опять трудиться — смерть ведь приближается'⁹.

В случае попа Упыря мы также имеем дело с самоназванием, а прагматика замыкающего рукопись колофона подразумевает самоуничужительную формулу писца. Обычные эпитеты в составе такой формулы — славянские аналоги греч. *ταπεινός* *недостойный*, *хоудыи*, *грѣшьныи* и под. Ср.:

- (1) коньчач азъ, *Потомъныи*, въ лѣт(о) 6600, *прозвут(е)р грѣшьн(ыи)* — один из писцов Архангельского Евангелия 1092 года [Столярова 2000: 37];
- (2) А[з]ъ, *грѣшьныи рабъ б(о)жии, недостойныи Дѣмъка*, напи[с]ахъ кънигы сия — писец служебной минеи 1095 года Домка [Там же: 48];
- (3) аз[ъ] же, *попинъ с(вя)т(о)го Пр(е)д(те)ча, Максимъ Тѣшиниць*, напи[с]ахъ ...
... *Азъ же, грѣшьны[и] и мѣнии попинъ с(вя)т(о)го Възнесениа Г(оспод)на*, написах[ъ] — выходная запись Пантелеймонова Евангелия 1148 — 1155 гг. [Там же: 79];
- (4) А *Моиси* псалъ *грѣшьныи, Кианинь* — писец Триоди к. XII — нач. XIII в. [Там же: 103];
- (5) *Азъ, попин грѣшьныи Сава, а м[ирское] Гръцинь*, написахъ... — писец новгородского Стихиря 1226 г. —

— и т. д., ряд примеров можно было бы продолжить и он хорошо известен. В этот ряд вполне вписывается и *лихыи* в значении 'плохой, испорченный' [Срезневский II, 30; СДРЯ XI—XIV вв. IV: 410], 'плохой по качеству' с оттенком 'слабый, бессильный' [СРЯ XI—XVII вв. 8: 249—250] как синоним др.-рус. *лишень* в процитированном употреблении жития Андрея Юродивого.

Итак, семантически и функционально *лихыи* может быть синонимично эпитету со значением 'humilis' в заключительных записях писцов, и тогда поп Упырь называет себя в записи примерно так:

азъ попь Оупиръ лихыи 'я, недостойный / грешный поп Упырь'.

Литература и источники

Буслаев 1861 — Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861.

Даль — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II: И—О. М., 1979.

⁹ Ср. то же в переводе С. А. Иванова [Иванов 2005: 152] с греческого: «Вот, жалкий Андрей, ты спал с собаками, как собака!.. (остаток фразы в цитируемой работе опущен — М. Б.)». Исследователь и публикатор греческого текста Л. Риден [Rydén 1995, II: 33] переводит это место так: «Poor Andrew, look, like a dog among dogs have you slept, let us go to work again, for death is close».

- Иванов 2005 — С. А. И в а н о в. Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005.
- ЛЛ — Лаврентьевская летопись (= Полное собрание русских летописей. Т. I). М., 1997.
- Молдован 2000 — А. М. М о л д о в а н. Житие Андрея Юродивого в славянской письменности. М., 2000.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов (= Полное собрание русских летописей. Т. III). М., 2000.
- Одесский 2011 — М. П. О д е с с к и й. Упыри в древней книжности: Из комментария к словарю И. И. Срезневского // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1. С. 53—60.
- ПЛ 1-2 — Псковские летописи (= Полное собрание русских летописей. Т. V). М., 2003.
- СДРЯ XI—XIV вв., IV — Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. IV. М., 1991.
- Силина 1977 — В. Б. С и л и н а. Семантическая структура словообразовательного гнезда (слова с корнем *lich-* в славянских языках) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977. С. 34—56.
- Сороколетов 1966 — Ф. П. С о р о к о л е т о в. Из истории лексики (слова с корнем *lix-* в русских народных говорах и в литературном языке) // Лексика русских народных говоров. М.: Л., 1966. С. 151—174.
- Срезневский — И. И. С р е з н е в с к и й. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Т. I—III. М., 1989.
- СРНГ, 17 — Словарь русских народных говоров. Вып. 17. М., 1981.
- СРЯ XI—XVII вв., 8 — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 8. М., 1981.
- Столярова 2000 — Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI—XIV веков. М., 2000.
- Тушков 1903/1989 — N. M. T u p i k o v. Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen (1903). Mit einem Nachwort von Ernst Eichler. Leipzig, 1989.
- Rydén 1995 — L. Rydén (ed.). The Life of St Andrew the Fool. Vol. I—II (= Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Byzantina Upsaliensia. 4: 1—2). Uppsala, 1995.

References and sources

- Buslayev 1861 — F. I. Buslayev. Istoricheskaya khrestomatiya cerkovnoslavyan-skogo i drevnerusskogo yazykov. Moskva, 1861.
- Dal — V. I. Dal. Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. T. II: I—O. Moskva, 1979.
- Ivanov 2005 — S. A. Ivanov. Blazhennyye pokhaby. Kulturnaya istoriya yurodstva. Moskva, 2005.
- LL — Lavrentyevskaya letopis (= Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. I). Moskva, 1997.
- Moldovan 2000 — A. M. Moldovan. Zhitiye Andrey a Yurodivogo v slavyanskoy pismennosti. Moskva, 2000.
- NPL — Novgorodskaya pervaya letopis starshego i mladshego izvodov (= Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. III). Moskva, 2000.

Odesskiy 2011 — M. P. Odesskiy. Upyri v drevney knizhnosti: Iz kommentariya k slovaryu I. I. Sreznevskogo // Drevnyaya Rus. Voprosy medievistiki. 2011. № 1. S. 53—60.

PL 1-2 — Pskovskiye letopisi (= Polnoye sobraniye russkikh letopisey. T. V). Moskva, 2003.

Rydén 1995 — L. Rydén (ed.). The Life of St Andrew the Fool. Vol. I—II (= Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Byzantina Upsaliensia. 4: 1—2). Uppsala, 1995.

SDRYa XI—XIV vv., IV — Slovar drevnerusskogo yazyka (XI—XIV vv.). T. IV. Moskva, 1991.

Silina 1977 — V. B. Silina. Semanticheskaya struktura slovoobrazovatel'nogo gnezda (slova s kornem *lich-* v slavyanskikh yazykakh) // Obshch斯拉vianskiy lingvisticheskiy atlas. Materialy i issledovaniya. 1975. Moskva, 1977. S. 34—56.

Sorokoletov 1966 — F. P. Sorokoletov. Iz istorii leksiki (slova s kornem *likh-* v russkikh narodnykh govorakh i v literaturnom yazyke) // Leksika russkikh narodnykh govorov. Moskva; Leningrad, 1966. S. 151—174.

Sreznevskiy — I. I. Sreznevskiy. Slovar drevnerusskogo yazyka. Reprintnoye izdaniye. T. I—III. Moskva, 1989.

SRNG, 17 — Slovar russkikh narodnykh govorov. Vyp. 17. Moskva, 1981.

SRYa XI—XVII vv., 8 — Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. Vyp. 8. Moskva, 1981.

Stolyarova 2000 — Svod zapisey piscov, khudozhnikov i perepletchikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI—XIV vekov. Moskva, 2000.

Резюме

Статья посвящена именованию (*non*) *Упырь лихьи* — так называет себя писец рукописи Пророков с толкованиями XI в., сохранившейся в более поздних списках. Имя писца традиционно понимают как составное именование *Упырь* (прозвище) + *Лихьи*. В статье обращается внимание на менее известную приписку того же писца, в которой он именуется без эпитета *лихьи* — просто *non Упырь*, и делается предположение, что эпитет *лихьи* является на самом деле не частью имени, но свободным определением, относящимся ко всему словосочетанию *non Упырь* в целом. Древнерусский ономастический материал, как показано в статье, подтверждает такое предположение. Значение эпитета *лихьи* в данном случае могло быть ‘humilis’, что естественно для уничижительной формулы колофона.

Ключевые слова: антропонимика, структурная модель древнерусского имени, прилагательное *лихьи*, колофон, уничижительная формула.

Получена 26.10.2013

MARINA A. BOBRİK

POP UPYR' LICHYJ: THE SYNTACTICAL FUNCTION AND THE MEANING OF THE EPITHETON LICHYJ

In the focus of the paper is the phrase (*pop*) *Upyr' lichyj* known as the name of the scribe of the 11th century Church Slavonic manuscript of the Commented Prophetic Books. The name is traditionally interpreted as compound *Upyr'* ‘vampire’ (actually a nickname) + *Lichyj* ‘bold, impudent’. Of interest is a less known note of the same manu-

script in which the scribe names himself simply *priest Upyr'* without any epithet. This allows for the conclusion that the adjective *lichyj* is not a part of compound name but rather an epithet linked with the phrase *pop Upyr'* as a whole. Old Russian onomastic material as demonstrated in the paper corroborates this version. The meaning of the epithet *lichyj* is probably 'humble', a formula of self-humiliation typical in colophons.

Keywords: Church Slavonic and Old Russian name, structural name pattern, adjective *lichyj*, colophon, self-humiliation formula.

Received on 26.10.2013

И. А. ГОРБУШИНА

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА *ВТЕРЕТЬ ОЧКИ*

Фразеологизм *втереть очки* фигурирует среди выражений, история которых считается уже установленной и являющейся образцом для исторического словаря русской фразеологии: «Фронтальное прослеживание истории многих фразеологических единиц — это и есть задача исторического фразеологического словаря. Подобных словарей пока нет, но для исторического словаря русской фразеологии начало уже положено работами, в которых исследуется происхождение и история многих выражений, как например *в сорочке родился, втереть очки, квасной патриотизм, кисейная барышня, перемывать косточки, танцевать от печки* и других подобных» [Бабкин 1970: 70]. Эти фразеологизмы исследованы В. В. Виноградовым (1894—1969), который считал фразеологизм *втереть очки* происходящим из картёжного арго: «Характерен быстрый темп литературной ассимиляции профессионально-жаргонных выражений и семантической транспозиции их в сферу других значений. Напр., получает в разговорно-литературном языке широкое применение идиома *втереть очки* (первоначально в шулерском арго обозначавшего процесс втирания (?) лишних очков посредством особого порошка *липка* в так наз. *порошковые карты*) и приобретает переносное значение: в своекорыстных интересах обманывать, представлять действительность не в таком виде, как она есть» [Виноградов 1934: 270]¹.

Позже В.В. Виноградов посвятил фразеологизму *втереть очки* исследование в составе большой статьи «Лексикологические заметки», положившей начало основным направлениям историко-лексикологических исследований. В.В. Виноградов обращает внимание на то, как значение слова трансформируется при переходе в другую социальную среду, посвятив этому почти половину статьи. В этом свете он рассматривает и слово *очки*, считая, что оно оторвалось от своего первоначального значения ‘показатель достоинства игральной карты’; мнение В. И. Даля, Я. К. Грота и М. И. Михельсона о том, что слово *очки* в составе фразеологизма означает

---

¹ То же во втором издании (1938), в статье «Стиль Пиковой Дамы» [Виноградов 1936: II, 85] и в статье «Основные этапы истории русского языка» [Виноградов 1940].

прибор для улучшения зрения, он считает ошибочным. «Процесс отрыва фраз от их вещных корней нередко создаёт предметно-смысловую неразложимость словесного выражения, т. е. превращает фразу в идиому, а этот процесс чаще всего связан с выходом фразы за пределы своего профессионального, производственного (в широком смысле этого слова) применения ... Достаточно указать на то, что фраза *втирать очки*, выйдя за границы картёжного арга, уже не могла быть номинативно осмыслена в своём составе. Она становилась образным, идиоматическим выражением одного целостного значения. В плоскости общелитературного языка не вполне поддавалась осмыслению и морфологическая структура этой идиомы. Легко понять реальное содержание глагола *втирать* — *втереть*. Но что такое *очки*?» [Виноградов 1941: 45—47].

Толкование В. В. Виноградовым фразеологизма *втереть очки* не представляется нам правильным. В. В. Виноградов уделяет большое внимание слову *очки* и практически оставляет в стороне глагол *втереть*. Между тем он напрасно считает, что значение глагола *втереть* «легко понять», исходя из его современного употребления: «Слово *очки*, обозначающее оптический прибор, не сочетается в русском языке с глаголом *втирать* — в его обычных значениях (ср. *протира́ть очки*)» [Там же: 47]. За пределами рассмотрения В. В. Виноградова оказывается то, что не только существуют омонимы *очки* ‘прибор для улучшения зрения’ и *очки* мн.ч. от *очко* ‘значок на игральной карте или кости, обозначающий её масть, достоинство в игре’ [Сл. РЯ 1982, II: 734], но и у глагола *втереть* есть значение ‘всучить, навязать’, существенное для анализа происхождения фразеологизма *втереть очки* (вспомним примеры употребления глагола *втереть*: *втереть ко двору*, *втереть на службу* и т. п.).

Иллюстрируя свою мысль о происхождении фразеологизма *втереть очки* из картёжного арга, В. В. Виноградов приводит большую цитату из книги «Жизнь игрока», где описывается процесс изготовления порошковых карт и добавления на них дополнительных очков: «Порошковые карты делаются так: берётся, например, шестёрка бубен, на том месте, где должно быть очко для составления семёрки, помазывается некоторым несколько клейким составом, потом на сию карту накладывается другая какая-нибудь карта, на которой в том месте, где на первой карте надобно сделать очки, прорезано точно такое очко. В сей прорез насыпается² для красных мастей красный порошок, а для чёрных чёрный. Сей порошок слегка прилипает к помазанному на карте месту, и когда нужно бывает сделать из семёрки шестёрку, то понтёр, вскрывая карту, должен шаркнуть излишним очком по сукну, и очко порошковое тотчас исчезает» (Жизнь игрока, т. 1, с. 55—56)» [Виноградов 1941: 46]. К этой цитате В. В. Виноградов добавляет загадочную фразу: «Таким образом, очки можно было втирать и стирать» [Там же: 46], хотя ни здесь, ни в других материалах нет примера

² А не *втирается*! — И. Г.

употребления фразеологизма *втирать очки*. Нет таких примеров и у автора специального словаря карточной (в том числе шулерской) терминологии, где этот фразеологизм упоминается только в предисловии в перечне выражений картёжного происхождения: «С течением времени часть карточной лексики проникает в литературный язык и осваивается им настолько, что говорящие не всегда осознают происхождение таких слов и выражений, как *делать ставку на что-либо, поставить что-либо на карту (на кон), идти ва-банк, обремизиться, козырять чем-либо, брать на арана, втирать очки, выйти в тузы, с первого абцуга, с оника, действовать на верняка и др.*» [Вахитов 2007: 29].

Не приведено таких примеров и у автора словаря «Блатная музыка» В. Ф. Трахтенберга, который также описывал процесс изменения шулером количества очков на игровой карте, так называемой «насыпной галантине»:

«Насыпная галантина. Карта, одно или нѣсколько очков которой скрыты под налётом клейкаго, плотно приставшаго къ картону бѣлаго порошка, который в случаѣ надобности снимается простымъ нажатіемъ влажнаго пальца на то или другое мѣсто карты и, обнаруживая находившееся подъ нимъ очко, измѣняетъ такимъ образомъ самую карту, превращая её напримѣръ изъ четвёрки въ пятёрку, изъ шестёрки въ семёрку и восьмёрку и т. д. Такая *насыпная галантина* считается вообще «опасною» и шулера пускають её въ ходъ крайне рѣдко» [Трахтенберг 1908: 41]³.

Из этой цитаты, так же как из «Жизни игрока», видно, что при изменении количества очков на карте они не *втирались*, а *насыпались* (как видно из самого названия карты) или *засыпались*, и поэтому легко *стирались*⁴.

Итак, во-первых, исходя из того процесса, который описан в «Жизни игрока», правильнее было бы говорить о *всыпании*, а не *втирании* очков.

Во-вторых, даже если допустить, что что-либо было *втёрто* в намазанную чем-то липким карту, оно не может быть легко *стёрто* — это привело бы к размазыванию порошка по карте.

В-третьих, фразеологизм *втереть очки* сочетается с дательным падежом: *втереть очки кому*; а если выводить этот фразеологизм из шулерской терминологии, то получается, что *втёртые очки* остаются у самого шулера.

И наконец, следует учесть: фразеологизм *втереть очки* употребляется, когда речь идёт об изменении не самой действительности, а взгляда на неё, об искажённом представлении о ней. В. В. Виноградов же, производя фразеологизм из шулерского арго, говорит именно об изменении действительности: количестве очков на игровой карте. Это не манипулирование, не

³ Если говорить точнее, в насыпной галантине используется не «клейкий порошок», а лёгкий клей *галантир*, от которого и происходит название *галантина* и к которому пристаёт порошок.

⁴ В «Словаре тюремно-лагерно-блатного жаргона» фальшивые карты со стёртыми или дорисованными обозначениями называются не *втиры*, а *стиры*, то есть их название производится от глагола *стирать* [Балдаев, Белко, Исупов 1992 : 235].

демагогия, как очковтирательство в традиционном представлении, а прямой обман.

Каково же в действительности происхождение фразеологизма *втереть очки*?

Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего более подробно рассмотреть историю фиксации этого фразеологизма в русских литературных текстах. В. В. Виноградов не сделал выводов из того, что в автобиографической повести В. И. Даля (1801—1872) «Мичман Поцелуев», касающейся пребывания героя в кадетском корпусе в 1814—1819 годах, фразеологизм *втереть очки* включён в список слов и выражений, употребляемых кадетами, хотя и остаётся без толкования: «Но Поцѣлуевъ по крайней мѣрѣ обогатилъ в корпусѣ знаніе Рускаго языка; и вотъ вамъ цѣлый списокъ новыхъ словъ, принятыхъ и понятныхъ въ Морскомъ корпусѣ; читайте и отгадывайте: бадяга, бадяжка, бадяжникъ, новичокъ, нетленный, копчинка, старикъ, старина, стариковать, кутило, огуряться, огуряло, отказной, отчаянный, чугунный, жила, жилить, отжилить, прижать, прижимало, сводить, свести, обморочить, втереть очки, живые очки, распечь, распекало, отдуть, накласть горячихъ, на фартъ, на ваганъ, на шарапъ, фурочкой, фурка, и прочее, и прочее» [Русская беседа 1841: II, 12].

Слова «читайте и отгадывайте» указывают на то, что фразеологизм *втереть очки* во времена В. И. Даля не являлся общеупотребительным. Тем не менее он встречался и за пределами кадетского корпуса, где учился В. И. Даль. Значение его можно понять в контексте шуточной стихотворной повести 1848 г. младшего современника В. И. Даля, художника и поэта П. А. Федотова (1815—1852), выпускника 1-го московского кадетского корпуса, в которой главный герой — майор (возможно, тот, что изображён на картине «Сватовство майора») — говорит своему денщику, веля ему описать своего барина в наилучшем свете перед свахой:

Понял, Сидор? Ну смотри:
Бабе ты очки вотри.
Ты, я знаю, как захочешь,
Так на шею чёрту вскочишь

[Русская старина 1872: 749].

К 1860-м годам фразеологизм *втереть очки* стал уже общеупотребительным. В таком же значении 'одурачить' он дан в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля в гнезде ОКО вместе с синонимичным выражением *надеть очки*: «*Втереть очки, надѣть на кого (кому на носъ) очки, одурачить*» [Даль 1863: II, 1212]. В данном случае связь слова *очки* в составе фразеологизма с очками как прибором для улучшения зрения не оставляет сомнений.

Связь фразеологизма *втереть очки* со зрением нашла отражение в академическом словаре под редакцией Я. К. Грота (1812—1893), младшего

современника В. И. Даля. В этом словаре дано сжатое толкование этого фразеологизма, но тем не менее также обозначена связь его со зрением: «**Вти́рать, ра́ю, ра́ютъ; втерѣть.** Трениемъ заставлятъ какое-нибудь вещество вбираться въ кожу, въ дерево и т. п. *Втирать мазь или спиртъ въ тѣло.* || *Втереть в руки,* заставить неотступнымъ настояніемъ принять что-либо; незамѣтно всунуть, всучить. *Онъ втеръ мнѣ въ руки свою просьбу.* || *Втереть кому очки,* заставить кого смотрѣть на вещи по своему» [Сл. РЯ, 1895: I, 577].

Значение глагола *втереть* ‘всунуть, навязать’, оставленное без внимания В. В. Виноградовым, было известно ещё в XVIII веке, и в таком значении этот глагол встречается у А. Т. Болотова: «Онъ, приѣхавши, сталъ назадъ отдавать объявленіе; но какъ тѣ, по наученію моему, не хотѣли принимать, то, не говоря ни слова, положилъ онъ бумагу на стуло. Тѣ хотѣли было втереть ее опять ему въ руки, но онъ пятился отъ ней, какъ отъ огня...» [Болотов 1873: III, 311]. Отрицательные коннотации значения ‘всучить, навязать’ развились у глагола *втереть* на базе ещё более раннего нейтрального значения ‘вставить, вделать’. Это значение встречается в текстах XVII века: «**ВТИРАТИ** *Вдѣлывать украшения (на оружии).* Пара топорковъ огненныхъ, насѣканы золотомъ, у нихъ черены вороненые и втираны кости и раковины. Д. Шакловит, IV, 125. XVII в. ... Пищаль стволь красного желѣза... по стволу втираны королки красныя. Там же, 128» [СЛРЯ XI—XVII вв. 1976, 3: 165]. Сохранилось это значение и в говорах: «**Втирать** 1. *Вставлятъ, вдѣлывать, заставлятъ проникнуть во что-либо.* Вместо очей было втерано по яхонту. Олон., Рыбников. Да тамде стрелы были дороги: В нос и пяты втираны камня яхонты. Онеж., Арх., Гильфердинг» [СРНГ 1970, 5: 228].

Следовательно, если *втереть* — это ‘вставить; навязать’, то *втереть очки* — это как бы навязать, вставить кому-либо очки, которые изменяют взгляд желаемым для «втирающего» образом. Это вполне согласуется с тем, что в русском языке существует много устойчивых выражений, так или иначе обозначающих «мнение о чём-либо, полученное путём взгляда на что-либо». Это такие выражения, как *смотреть сквозь розовые очки, сквозь чёрные очки, надеть и снять розовые (чёрные) очки* (у В. И. Даля: «*Надѣтъ на кого золотыя очки, подкупить*» [Даль 1863: II, 1212]). Эти выражения практически синонимичны выражениям с компонентом *глаза, взгляд, очи* и т. п.: *смотреть другими глазами, другим взглядом на что-либо*, а также выражениям, ассоциирующим обман с искусственным нарушением зрения: *пускать пыль в глаза, замыливать глаза* и т. п. Все эти выражения подчёркивают постоянную (хоть и не всегда прямую) связь между мнением человека о чём-либо и его зрением и поэтому указывают на значение фразеологизма *втереть очки* ‘изменить чей-либо взгляд, поставив перед ним нечто искажающее действительность’, как бы заставить смотреть через навязанные очки.

Можно отметить, что глагол *втереть* мог иметь также своим объектом и человека, сохраняя и даже усиливая окраску умного, хитрого и настойчивого действия в чьих-либо интересах:

«Графиня Орлова этим воспользовалась и старалась втереть ко двору известного отца Фотия» [Д. Д. Благово. Рассказы бабушки из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово (1877—1880, но относится к 1820-м годам)].

«Институт пошёл было хорошо, говорил генерал Копцевич, но только одна мать, которая имела двух сыновей в заведении, с женскою слабостью покровительствовала одному французу и, вопреки нашим и своего супруга убеждениям, успела втереть своего протеже в гувернёры» [Н. С. Лесков. Сеничкин яд (1883), на основании дневника синодального секретаря Ф. Ф. Исмаилова, 30-е гг.].

«Знаю я, как она гуманничает на чужие-то калачи: мужа ей хочется в председатели земские втереть!» [Н. Н. Златовратский. Крестьяне-присяжные (1874)].

«Что я в ту пору трудов приняла, чтоб его на службу-то втереть!» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы, 1875—1880] (НКРЯ).

Фразеологизм *втереть очки* также имеет оттенок ‘действовать хитростью, искажая взгляд на действительность, затуманивать глаза’⁵.

Внутренняя форма фразеологизма была вскрыта М. И. Михельсоном (1825—1908) в словаре «Ходячие и меткие слова», где автор даже посвятил данному выражению две словарных статьи:

«**Втереть очки** (заставить смотре́ть через нева́рно показывающие очки, — одурачить). Ср. И эта женщина хочет *втереть* мне́ очки насчеть какихъ-то платоническихъ отношений... съ этимъ челове́комъ, который пройдетъ сквозь строй черезъ тысячу челове́къ — и не поморщится. Салтыковъ. Благонамѣренныя рѣчи. 11» [Михельсон 1896 : 52].

«**Очки втереть** (надѣть на кого, кому) иноск. — заставить смотре́ть въ чужія очки (не своими, а чужими глазами) — обойти, обмануть» [Там же: 301]. Во второй статье М.И. Михельсон приводит немецкое соответствие этому фразеологизму: *einem eine Brille aufsetzen* (буквально переводится как ‘надеть очки’).

Выражение *надеть на кого (кому на нос) очки*, зафиксированное в словаре В. И. Даля в одном ряду с *втереть очки*, встречается у А. Н. Островского: «Курицына. От нее станется; я ее знаю. Больно ей брат волю дал. На другую б я не подумала, а на нее и греха нет. Не нынче, так завтра начнет

⁵ Отсюда происходит и существительное *втируша* ‘тот, кто втирается в доверие’. Также нередко употребляется возвратная форма этого глагола *втереться*: *втереться в общество, втереться в доверие*.

петли метать, что и концов не найдешь. Она брату-то очки на нос наде-нет!» [Островский 1950: III, 296].

То, что фразеологизм *втереть очки* продолжал употребляться в школярской среде в начале XX века, подтверждает и Д. К. Зеленин (1878—1954). Он говорит о фразеологизме *втереть очки* как употребительном в духовных учебных заведениях: «В Воронежской семинарии употребительно выражение *втыкнуть* (“втыкнём по Дворянской!” “пройтись франтом, щёголем”). Там же: *втирать* (respons. *втереть*) *очки* “утереть кому нос” (переспорить, обмануть и т. п.)» [Зеленин 1905: I, 111].

Этот фразеологизм встречается и у другого автора начала XX века — офицера лейб-гвардии Кирасирского ее величества полка В. С. Трубецкого (1892—1937) при описании военного училища: «За свою практику ловкий и наблюдательный Басевич изучил как свои пять пальцев всех экзаменаторов Николаевского училища. Он знал уже безошибочно, какие вопросы они будут задавать и какие ответы они любят слышать на эти вопросы. Готовил он нас именно это имея в виду. Помню, когда некоторые путанные истины бывали для нас не совсем ясны, и кто-нибудь из нас просил у него объяснений, Басевич очень цинично отвечал: «Да вы что, юноша, или на самом деле всерьез хотите учиться?!.. Нет, родной мой, я всерьез не учу... Я учу вас втирать очки! Запомните это... Вам наука не нужна, а вам нужно только сдать экзамен. Если хотите учиться наукам — поступите в училище и учитесь там два года... Да-с, я же за два месяца научить вас наукам не могу. А вот как втереть очки на экзамене — это моя специальность» [Трубецкой 1991: 68].

Иногда словом *очки* подменяется слово *глаза*: в том же гнезде ОКО В. И. Даль приводит в пример выражение *протри очки!* с пояснением *глаза* [Даль 1863: II, 1212].

Возможно, в результате этого переноса значения возникло и более редкое, чем *втирать очки*, синонимичное выражение *втирать в глаза*:

«Политические экономии разные вы изучили, говорить станете — просто ахнешь, а приди к тебе первый встречный безграмотный кулак, так он тебе такую политическую экономию в глаза вотрет, что без рубашки из его рук выйдешь» (А. К. Шеллер-Михайлов. Над обрывом (1883)) [НКРЯ].

Из этого примера видно, что *втирать в глаза* — это ставить что-то на пути чьего-либо взгляда, перед *глазами*.

Таким образом, толкование фразеологизма *втереть очки* в связи с очками как прибором для улучшения зрения можно считать основным, вписанным в число выражений, связывающих зрение с мнением о чём-либо, как считали исследователи XIX века (В. И. Даль, Я. К. Грот и М. И. Михельсон).

Если принять версию, что *очки* в составе фразеологизма означают прибор для улучшения зрения, а глагол *втереть* — всучить, навязать, то *вте-*

реть очки — это навязать нужный источник взгляда, заставить смотреть на вещи по-своему.

В. В. Виноградов, назвав толкование В. И. Даля «ложной этимологией» [Виноградов 1941: 48], не нашёл в литературе о карточной игре и игроках примеров употребления фразеологизма *втереть очки*, показывающих, что этот фразеологизм как-либо связан с шулерскими приёмами в карточной игре, так как от него ускользнуло значение *втереть* ‘навязать’.

«Им легко *очки втирать*, на словах распинаться перед ними за крестьянский мир, а на деле стричь его как стадо баранов» (П. Д. Боборыкин, «Василий Тёркин». (1882) [Там же: 48]).

В более позднем издании очерка о фразеологизме *втереть очки* был добавлен ещё один пример, который, однако, тоже не проясняет происхождения фразеологизма:

«“Послушайте, господин полициант, — бесцеремонно остановил его грубоватый Бурст, — вы, может быть, *очки* нам *втираете*?” — “Понимайте как угодно-с, моё дело было предупредить”» (А. В. Амфитеатов, «Восьмидесятники», 1907) [Виноградов 1999: 116].

Правда, найдено немного литературных примеров и употребления фразеологизма *втирать очки* в учебных заведениях. Но это может быть потому, что специфические выражения ещё в середине XIX века не рекомендовалось употреблять в художественной литературе: «Ещё неумѣстнѣе въ литературномъ сочиненіи условныя выраженія, употребляемыя въ играхъ. Читающій не обязанъ знать ихъ, а писатель обязанъ говорить языкомъ общепонятнымъ. Въ нынѣшнее время это сдѣлалось господствующей погрѣшностью» [Чистяков 1847: 69]. Фактически допускалось употребление специфических выражений в литературном языке, поэтому у нас существуют свидетельства В. И. Даля и В. С. Трубецкого о том, что фразеологизм *втереть очки* употреблялся в военных учебных заведениях, и Д. К. Зеленина — что в духовных.

Несмотря на всю шаткость версии происхождения фразеологизма *втереть очки* из шулерского арго, она стала распространённой. Она занимает первое место в историко-этимологическом словаре А. К. Бириха, В. М. Мокиенко и Л. И. Степановой: «Восходит к жаргону шулеров-картёжников начала XIX в., имевших фальшивые порошковые карты» [Бирих, Мокиенко, Степанова 2005: 508]. Вслед за этим авторы приводят ещё три версии происхождения фразеологизма: «2. Выражение первоначально означало «смотреть через неверно показывающие очки». Михельсон 1902, I, 142 (у М. И. Михельсона: «заставить смотреть через неверно показывающие очки». — И. Г.). 3. Буквально выражение означало «заставить кого-л. смотреть в чужие очки (не своими, чужими глазами)». Ср. нем. *jmdm. eine Brille aufsetzen*. 4. Выражение, возможно, имеет более древнюю историю и связано с устойчивой фразеологической ассоциацией обмана с закрытыми, за-

порошенными, замазанными грязью и т. д. глазами... Актуальное представление о неверно показывающих очках, через которые заставляют смотреть, усиливает экспрессивность выражения» [Там же: 508]. Авторы словаря излагают правильную версию происхождения фразеологизма, но напрасно противопоставляют друг другу три последних версии, которые, в сущности, являются одной.

Фразеологизм *втереть очки* по своему значению входит в число выражений, связанных с воздействием на зрение, и, следовательно, происходит от слова *очки* (как прибор для улучшения зрения), что нашло отражение в словарях лексикографов XIX века (В. И. Даля, Я. К. Грота и М. И. Михельсона); глагол же *втереть* в его составе имеет то же значение, что и в выражении *втереть что-либо*, т. е. 'всучить, навязать'. Версия В. В. Виноградова о происхождении этого фразеологизма из картёжного аргю не подтверждается сколько-нибудь убедительными примерами.

Л и т е р а т у р а

Бабкин 1970 — А. М. Б а б к и н. Русская фразеология, её развитие и источники. Л., 1970.

Балдаев, Белко, Исупов 1992 — Д. С. Б а л д а е в, В. К. Б е л к о, И. М. И с у п о в. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Речевой и графический портрет советской тюрьмы. М., 1992.

Бирих, Мокиенко, Степанова 2005 — А. К. Б и р и х, В. М. М о к и е н к о, Л. И. С т е п а н о в а. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов. М., 2005.

Болотов 1873 — Записки А. Т. Б о л о т о в а. 1773 годъ. СПб, 1873.

Вахитов 2007 — С. В. В а х и т о в. Карточная терминология и жаргон XIX века: словарь. М., 2007.

Виноградов 1934 — В. В. В и н о г р а д о в. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1934.

Виноградов 1936 — В. В. В и н о г р а д о в. Стилль «Пиково́й Дамы» // Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1936.

Виноградов 1940 — В. В. В и н о г р а д о в. Основные этапы истории русского языка // РЯШ. 1940. № 5. С. 1—9.

Виноградов 1941 — В. В. В и н о г р а д о в. Лексикологические заметки // Уч. записки Московского дефектологического института. Т. 1. М., 1941. С. 3—57.

Виноградов 1999 — В. В. В и н о г р а д о в. История слов. М., 1999.

Даль 1863 — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живаго великорускаго языка. В 4-х т. М., 1863.

Зеленин 1905 — Д. К. З е л е н и н. Семинарские слова в русском языке // Русский филологический вестник. Вып. 1. 1905. С. 109—119.

Михельсон 1896 — М. И. М и х е л ь с о н. Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). СПб, 1896.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru).

- Островский 1950 — А. Н. Островский. Полное собрание сочинений. М., 1950.
- Русская беседа 1841 — Русская беседа. Собрание сочинений русских литераторов, издаваемое в пользу А. Ф. Смирдина. СПб., 1841.
- Русская старина 1872 — Русская старина. № 5. СПб., 1872.
- СЛРЯ 1895 — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. СПб., 1895.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1—43. М.—Л., 1965—2010.
- СЛРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Т. 1—28. М., 1975—2011.
- Сл. РЯ 1982 — Словарь русского языка в 4-х томах. М., 1982.
- Трахтенберг 1908 — В. Ф. Трахтенберг. Блатная музыка («Жаргон тюрьмы»). СПб., 1908.
- Трубецкой 1991 — В. С. Трубецкой. Записки кирасира. М., 1991.
- Чистяков 1847 — М. Б. Чистяков. Курс теории словесности. СПб., 1847.

References

- Babkin 1970 — A. M. Babkin. Russkaya frazeologiya, yeye razvitiye i istochniki. Leningrad, 1970.
- Baldayev, Belko, Isupov 1992 — D. S. Baldayev, V. K. Belko, I. M. Isupov. Slovar tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona. Rechevoy i graficheskiy portret sovetskoy tyurmy. Moskva, 1992.
- Birikh, Mokiyenko, Stepanova 2005 — A. K. Birikh, V. M. Mokiyenko, L. I. Stepanova. Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar: ok. 6000 frazeologizmov. Moskva, 2005.
- Bolotov 1873 — Zapiski A. T. Bolotova. 1773 god. St.-Peterburg, 1873.
- Vakhitov 2007 — S. V. Vakhitov. Kartochnaya terminologiya i zhargon XIX veka: slovar. Moskva, 2007.
- Vinogradov 1934 — V. V. Vinogradov. Ocherki po istorii russkogo literaturnogo yazyka XVII—XIX vv. Moskva, 1934.
- Vinogradov 1936 — V. V. Vinogradov. Stil “Pikovoy damy” // Vremennik Pushkinskoy komissii 1936 — Vremennik Pushkinskoy komissii. Moskva; Leningrad, 1936.
- Vinogradov 1940 — V. V. Vinogradov. Osnovnye etapy istorii russkogo yazyka // Russkiy yazyk v shkole. № 5. 1940.
- Vinogradov 1941 — V. V. Vinogradov. Leksikologicheskiye zametki // Uch. zapiski Moskovskogo defektologicheskogo in-ta. T. 1. Moskva, 1941. S. 3–57.
- Vinogradov 1999 — V. V. Vinogradov. Istoriya slov. Moskva, 1999.
- Dal 1863 — V. I. Dal. Tolkovyy slovar zhivago velikoruskago yazyka. V 4-kh t. Moskva, 1863.
- Mikhelson 1896 — M. I. Mikhelson. Khodyachiye i metkiye slova. Sbornik russkikh i inostrannykh citat, poslovic, pogovorok, poslovichnykh vyrazheniy i otdelnykh slov (inoskazaniy). St.-Peterburg, 1896.
- NKRYA — Nacionalnyy korpus russkogo yazyka. (www.ruscorpora.ru).
- Ostrovskiy 1950 — A. N. Ostrovskiy. Polnoye sobraniye sochineniy. Moskva, 1950.
- Russkaya beseda 1841 — Russkaya beseda. Sobraniye sochineniy russkikh literaturov, izdavayemoye v polzu A. F. Smirdina. St.-Peterburg, 1841.

- Russkaya starina 1872 — Russkaya starina. № 5. 1872. St.-Peterburg, tipografiya V. S. Balasheva.
- RFV 1905 — Russkiy filologicheskii vestnik. Vyp. 1. 1905.
- Sl. RYa, 1895 — Slovar russkago yazyka, sostavlennyy Vtorym otdeleniem Imperatorskoy Akademii Nauk. St.-Peterburg, 1895.
- SRNG 1970 — Slovar russkikh narodnykh govorov. T. 1—43—. Moskva — Leningrad, 1965—2010—.
- SIRYa XI—XVII vv. 1976 — Slovar russkogo yazyka XI—XVII vv. T.1—28—. Moskva, 1975—2011—.
- Sl. RYa 1982 — Slovar russkogo yazyka v 4-kh tomakh. Moskva, 1982.
- Trakhtenberg 1908 — V. F. Trakhtenberg. Blatnaya muzyka («Zhargon» tyurmy). St.-Peterburg, 1908.
- Trubeckoy 1991 — V. S. Trubeckoy. Zapiski kirasira. Moskva, 1991.
- Chistyakov 1847 — M. B. Chistyakov. Kurs teorii slovesnosti. St.-Peterburg, 1847.

Резюме

В современной фразеологии, начиная с В. В. Виноградова, распространено мнение о том, что фразеологизм *втереть очки* происходит из картёжного арго и означает ‘добавлять очки на карту с помощью специального клейкого состава и красного или чёрного порошка’. Нам эта гипотеза представляется неубедительной, так как, во-первых, дополнительные очки не втирались, а насыпались на карту, во-вторых, фразеологизм *втереть очки* встречается в литературе не только в контексте карточной игры. Мы считаем, что данный фразеологизм возник из дополнительного значения глагола *втереть* ‘всунуть, навязать’ и существительного *очки* ‘прибор для улучшения зрения’, то есть *втереть очки* означает ‘навязать ложное представление о чем-то’.

Ключевые слова: фразеологизм, втереть, очки, Виноградов, Даль, Грот, Михельсон, картёжное арго, шулер, глаза, зрение, всучить, навязать, вставить, учебные заведения, втирать в глаза, изменять точку зрения.

Статья получена 20.11.2013

IRINA A. GORBUSHINA

ON THE ORIGIN OF THE PHRASEOLOGICAL UNIT *VTERET' OCHKI*

Beginning with V. V. Vinogradov, it has been generally believed that the phraseological unit *vteret' ochki* ‘to humbug smb.’ came from the gambling slang and means ‘to add points to the card using of sticky mixture and red or black powder’. We think that this hypothesis is not convincing for two reasons: 1) added points were not rubbed into, but sprinkled onto to the card, and 2) the phraseological unit *vteret' ochki* occurs in literature not only in gambling contexts. We think that in this phraseological unit the verb *vteret'* has the meaning ‘to put, to impose’, and the noun *ochki* has the meaning ‘glasses’, thus, *vteret' ochki* means ‘to impose a false view (on smb.)’.

Keywords: phraseological unit, to rub, glasses, Vinogradov, Dal, Grot, Mikhelson, gambling slang, sharper, eyes, sight, to impose, to insert, schools, to rub into eyes, to change the point of view.

Received on 20.11.2013

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Международный научный семинар «Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича»

19—21 сентября 2013 г. в Петрозаводском государственном университете был проведен международный научный семинар «Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича». Организатором форума, собравшего ученых-славистов из России, Молдовы, Норвегии, Финляндии, Франции, Чехии, Хорватии, Эстонии, Японии, стала кафедра русского языка филологического факультета ПетрГУ. Стремление обратиться к научным достижениям слависта с мировым именем Ватрослава (Игнатия Викентьевича) Ягича, открыть новые грани его творческого наследия, обсудить на современном этапе развития лингвистики проблемы диахронического описания фонологии, лексики и грамматики славянских языков объединило представителей как классической методологической традиции, так и новых направлений в изучении структуры и семантики языковых единиц и категорий. Программа семинара включала более 50 докладов, посвященных научным идеям В. Ягича, проблемам истории и теории русского языка и его диалектов, текстологии, лексическому и грамматическому описанию западно- и южнославянских языков, исторической стилистике. Широка заявленная организаторами и участниками форума тематика отвечает чрезвычайной разносторонности научных интересов самого Ватрослава Ягича, «патриарха славистики», по определению В. М. Истрина: «И язык, и литера-

тура, и этнография, и народная поэзия — все это служило предметом его изучения. И издания памятников, и монографическая разработка крупных научных вопросов ... захватывали настолько широкую область славяноведения, что обозрение всей ученой деятельности Ягича затруднительно даже в общих чертах» (Памяти И. В. Ягича // Изв. II Отд. РАН. 1923. Т. 28. С. 337).

Открыла пленарное заседание зав. кафедрой русского языка Петрозаводского гос. университета **Н. В. Патроева** с докладом, посвященным основным вехам творческой биографии Ватрослава Ягича — автора свыше 700 филологических трудов, инициатора издания «Энциклопедии славянской филологии», организатора первого международного славистического журнала, большого друга России, не перестававшего мечтать о том, чтобы именно наша страна стала «центром славянской науки, к которому с уважением и любовью обращались бы взоры всех славян, где было бы место для взаимного их сотрудничества» (Письма И. В. Ягича к русским ученым (1865—1886). М.; Л., 1963. С. 175).

В докладе **Н. С. Ганцовской** (Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова) анализировалась точка зрения И. В. Ягича на происхождение окончания *-а (-я)* Р.-В. п. ед. ч. личных местоимений *меня, тебя, себя* в севернорусских говорах под влиянием форм кратких местоимений *мя, ты, ся* в сопоставлении с мнениями А. А. Шахматова и А. И. Соболев-

ского. Правомерность теории И. В. Ягича доказывается на примере костромских говоров, где до сих пор даже в области причастий отсутствуют медиальные залоговые отношения и где свободно употребляются краткие формы личных местоимений ед. ч. Р. и В. падежей.

Л. Я. Костючук (Псковский гос. ун-т) в докладе «Псковское слово в диахронном аспекте (Вспоминая традиции И. В. Ягича...)» предложила обзор основных принципов лексикографической работы (принцип полной выборки материала, методы лингвогеографии, этнолингвистики, описательный, сравнительно-сопоставительный) и результатов, достигнутых представителями научной школы Б. А. Ларина, с опорой на славистическую традицию И. В. Ягича, на примере некоторых вокабул (в современной и диахронической их частях) «Псковского областного словаря с историческими данными» (СПб./Л.: ЛГУ/СПбГУ, 1967—2013—... Вып. 1—24—...). Докладчик, сопоставляя словарные толкования лексем, выбранных из народной речи авторами словаря, словообразовательные, семантические и грамматические особенности конструкций с разными формами данных лексем и их синтагматику, пришла к вполне обоснованным выводам о том, что изучение и представление слова с учетом синхронии и диахронии при соотношении с экстралингвистическими факторами бытования — это верный путь к решению актуальных теоретических и практических проблем в области диалектной лексикографии и исторической лексикологии. В докладе были приведены языковые факты, не зафиксированные в историческом «Словаре русского языка XI—XVII вв.» и дошедшие до нас только благодаря «Псковской судной грамоте» или «Данной грамоте на землю» (например, два профессиональных значения для лексемы *весна* или слово *летье*).

Н. А. Нечунаева (Институт славянских языков и культур Таллиннского ун-та, Эстония) с привлечением данных рукописей студийского и иерусалимского типа и славянских и греческих рукописей архаичного типа (всего 18 рукописей XI—XIV вв.), представила лингвотекстологическое описание структуры, состава и языковых различий Майской Миней — древнего славянского гимнографического многосписочного текста, одним из первых исследователей которого был И. В. Ягич. Текстологической проблематике были посвящены также доклады **Т. П. Лёнгрен** (Норвегия) «Супрасльский кодекс в древнерусской книжности» и **М. Хрома** (Прага, Славянский институт Академии наук Чешской республики) «Ватрослав Ягич и Первое славянское житие Вячеслава Чешского».

Б. Тафра (Загребский ун-т, Хорватия), в докладе «Ватрослав Ягич между двумя филологическими школами» рассказала о хорватском литературном языке второй половины XIX в. и о различных литературно-языковых концепциях того времени, предложив отличающуюся от общепринятого в кroatистике взгляда гипотезу, согласно которой: а) во второй половине XIX в. в истории хорватского языка не наблюдалось единства и б) Ягич не был последователем языковой и орфографической концепции Вука Караджича.

С. Дамьянович (Загребский университет, Хорватия) в докладе «Загребские основы великой славистической деятельности» сосредоточил особое внимание на первом (загребском) периоде творческой деятельности Ватрослава Ягича и пришел к следующим заключениям: 1) Загреб является отправным пунктом многих важных работ и достижений зрелого периода Ягича (в Берлине, Петербурге, Вене); 2) молодой Ягич превосходно знал болгарскую литературную и языковую тради-

цию, которую представил хорватской культурной общественности; 3) молодой Ягич пользовался большой поддержкой знаменитого русского слависта И. И. Срезневского.

Е. В. Сирота и **Н. И. Мигирин** (Бэлцкий гос. ун-т им. Алеку Руссо, Молдова) в докладе «Принципы исторического и синхронного описания словообразовательной системы языка» отметили, что многоаспектные исследования в области современной дериватологии зачастую содержат элементы смешения синхронного и диахронного подходов к интерпретации процессов, характеризующих реальный механизм порождения лексических единиц рядовыми носителями языка. Строгая дифференциация синхронного и диахронного аспектов, по мнению авторов, дает нам возможность отказаться от традиционно постулируемой точки зрения, согласно которой слова с разным морфологическим статусом образуются друг от друга даже в рамках синхронного описания словообразовательной системы языка, поэтому реализация словообразовательных моделей в современном языке не должна подменяться экскурсом в историю их формирования на основе мотивационных связей слов, принадлежащих к разным морфологическим классам.

К. Скварска (Славянский институт Академии наук Чешской республики, Прага) представила участникам семинара словарь валентностей чешских глаголов «VALLEX», который с 2001 г. создается в Институте общей и прикладной лингвистики математико-физического факультета Карлова университета в Праге; он доступен в печатной (2008 г.) и электронной версиях. К. Скварска изложила основные принципы выбора единиц для эквивалентации — способности вступать в разного рода лексикализованные альтернативы — и осветила проблемы, связанные

с описанием русских и польских лексических единиц: правильный выбор эквивалента, понятие видовой пары в словаре, применение чешской системы диатез к описанию русских и польских глаголов. В словаре VALLEX, расширенном за счет описания польских и русских единиц, можно найти много материала для сопоставительного изучения морфологических, синтаксических и семантических свойств глаголов в исследуемых языках: различия в форме актантов или свободных дополнений, в возможности поверхностной реализации актанта, в возможности образовать грамматикализованную или лексикализованную альтернативу.

Л. Л. Шестакова (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва) в докладе «Устаревшие слова в лексическом фонде поэзии Серебряного века (по материалам сводного словаря поэтического языка)», используя лексикографический метод изучения устаревшей лексики (по данным «Словаря языка русской поэзии XX века»), охарактеризовала оригинальное образное осмысление историзмов и архаизмов, их включение в рифменные и другие звуковые связи, обусловленность аллюзийного, афористического характера поэтических строк использованием устаревших слов. По данным исследования, большинство устаревших слов носит единичный характер, некоторые встречаются у двух-трех поэтов, отдельные (общепозетические) — у всех авторов, представленных в Словаре (*огнь, око, пажить*).

20 сентября состоялись секционные заседания. Руководитель секции «Вопросы истории фонологического строя, грамматической системы и лексического состава славянских языков» **А. В. Петров** (Институт филологии и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального ун-та им. М. В. Ломоносова), выступивший с докладом «Новая

концепция преподавания праславянской фонологии», обратил внимание слушателей на то, что главными принципами изучения праславянской фонологии должны быть причинность и системность. В полной мере данным требованиям соответствует теория группофонем В. К. Журавлева, которая обладает большой объяснительной силой. Наиболее эффективной методикой является построение цепочки форм, позволяющее студентам вывести фонетическое развитие любого слова от протославянского до русского состояния, выявив закономерности, причины и механизмы фонетических изменений.

Г. Х. Гилазетдинова (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т) свой доклад «Развитие терминологических значений восточных заимствований в русском языке Московского государства» посвятила описанию процесса семантического освоения тюркизмов в русском языке XV—XVII вв.; этот процесс сопровождался развитием терминологических значений у заимствований и формированием устойчивых словосочетаний, используемых для специальных наименований, прочно вошедших в жизнь Московской Руси.

Н. А. Сужаев (Институт восточных языков и цивилизаций, Париж, Франция) в докладе «К истории формирования словообразовательного типа на *до-...-ся* с отрицательно-результативным значением в русском языке» изложила результаты исследования производных конфиксальных глагольных основ, предложив классификацию глаголов по тематическому гласному и выдвинув гипотезу о том, что конфикс *до-...-ся*, являющийся словообразовательной морфемой, выступает также в роли субъективно-оценочного аффикса.

Л. М. Боряева (Санкт-Петербургский гос. ун-т) в докладе «Дистантный словопорядок в свете проблемы построения системы конструктивных еди-

ниц предложения в древнерусском синтаксисе», опираясь на материал летописей и берестяных грамот XI—XV вв., обосновала следующую идею: для пишущего приоритетно достраивание конструктивного центра предложения (предикативного и номинативного минимума), на который в дальнейшем нанизываются распространяющие словоформы.

А. А. Тюняев (Вычислительный центр им. А. А. Дородницына РАН, Москва) в исследовании «О древних стадиях русского языка», используя мультидисциплинарный подход, представил стадиальную картину развития русского языка («палеолитическая», «мезолитическая», «неолитическая» стадии, «стадия бронзового века», «стадия железного века» и т. д.) с опорой на данные археологии, генетики и других наук.

Н. А. Тупикова (Волгоградский гос. ун-т), выступившая с докладом «“Дневник” польского гетмана Яна Петра Сапеги как памятник славянского культурно-языкового наследия», охарактеризовала языковые и жанрово-стилистические особенности старопольского памятника письменности начала XVII в., отразившего формирование норм польской литературной речи в преднациональный период ее развития, когда складывались новые способы выражения светского содержания на основе взаимодействия книжно-письменных традиций и народно-разговорной стихии.

Участниками заседания секции «Проблемы ареальной лингвистики» обсуждались вопросы грамматического, семантического и лексикографического описания севернорусских диалектов и региональных социолектов и топонимики. Так, доклад **Л. П. Михайловой** (ПетрГУ) «Вопросы разграничения фонетических явлений исконного и экстенционального характера в русских говорах» был посвящен фонемному составу слов с так называемой экстенциональной протезой — элементом, занимающим

положение перед корнем слова и формально совпадающим с префиксами, появление которого обусловлено влиянием соседних агглютинативных языков. В докладе **Л. Г. Яцкевич** (Вологодский гос. пед. ун-т) «Эволюционные причины вторичной грамматикализации категории рода имен существительных в вологодских говорах» специально рассматривалась наиболее дивергентная грамматическая категория — род имен существительных в вологодских говорах, в связи с эволюционным процессом вторичной грамматикализации категории рода имен существительных, усиления их морфологического маркирования по роду. Программу заседания составили также выступления **Л. А. Климовой** (Арзамасский филиал Нижегородского гос. ун-та) «Онимический и апеллативный лексические пласты в региональной топонимии», **Е. Е. Котцовой** (Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова) «Семантическое пространство профессиональной лексики медицинских работников г. Архангельска», **Л. П. Михайловой** и **Т. Е. Рутт** (ПетрГУ) «Состав и принципы построения этнокультурного словаря русских говоров Карелии», **Т. М. Юдиной** (Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова) «Системные отношения терминов в ЛСГ “Названия рудных месторождений, горных предприятий и их частей” (на материале деловой письменности Олонечских заводов конца XVII — начала XVIII вв.)», **Н. В. Марковой** (ПетрГУ) «К истории северо-западного перфекта», **Е. В. Цветковой** (Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова) «Пространственная параметризация костромских микропонимов», **А. В. Приображенского** (ПетрГУ) «Слово *печище* в русских говорах и топонимии Карелии и сопредельных областей», **Е. Г. Тонковой** (Марийский гос. ун-т) «Особенности функционирования категории сте-

пеней сравнения в русском речевом субстандарте» и др.

Отдельное заседание было посвящено проблемам описания лексики и грамматики современного русского литературного языка, в рамках которого были заслушаны доклады **Л. Лёнигрена** (Тромсё, Норвегия) «Русские падежи — синтаксические или семантические?», **Ю. Иноуэ** (Университет Дзёти, Токио, Япония) «Творительный падеж в русском языке», **З. К. Сабитовой** (Хельсинкский ун-т, Финляндия; Казахский национальный ун-т им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан) «Функциональный аспект описания спецификатора “образ и способ действия”», **С. Л. Михеевой** (Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, Чебоксары) «Отглагольные существительные в тексте: аспекты грамматической семантики», **Ю. М. Кувшинской** (Высшая школа экономики, Москва) «Тенденции развития вариативности в согласовании сказуемого с подлежащим, включающим числительное “несколько”» и др.

Секция «Историческая стилистика и лингвистика текста» была представлена докладами **Н. В. Патроевой** (ПетрГУ) «Синтаксис “Слова о полку Игореве” в сопоставлении с его поэтическими переложениями», **А. С. Кулевой** (Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва) «ОН, ОНА, ОНО, ОНИ в словаре поэтического языка», **Ж. Финк** (Загребский ун-т, Хорватия) «Чтобы получить работу, набирайте “М”»: названия фильмов в хорватской прессе», **И. В. Кузнецовой** (Чувашский гос. пед. ун-т им. И. Я. Яковлева, Чебоксары) «Иисус Христос в русских устойчивых сравнениях», **А. В. Рожковой** (ПетрГУ) «Личные местоимения в русской гимнографии», **Л. А. Дмитрук** (Костромской гос. ун-т им. Н. А. Некрасова) «К истории формирования служебных слов русского литературного языка (на примере произведения А. О. Абле-

симова “Мельник-колдун, обманщик и сват”)), **М. Г. Маматовой** (Санкт-Петербургский гос. ун-т) «Роль риторических фигур в синтаксической организации переводного житийного текста (на материале “Жития Николая Мирликийского”))» и «Мифонимы в одической поэзии М. В. Ломоносова и проблемы их лексикографического описания», **А. А. Малышева** (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «Рассуждения о языке и стиле в академических “Примечаниях к Санкт-Петербургским ведомостям” (1728—1742)», **Е. А. Щеголовой** (Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург) «Сложные слова как стилистическая особенность очерков путешествия И. А. Гончарова “Фрегат «Паллада»”», **А. А. Лебедева** (ПетрГУ) «Предложения с отвлеченной связкой в стихотворных произведениях П. А. Вяземского» и др.

Во время заключительного заседания и работы круглого стола были подведены итоги семинара, отмечены активное участие в его организации представителей вузов и исследовательских учреждений разных стран евразийского континента и высокий научный уровень заслушанных докладов, свидетельствующих о том, что новое поколение ученых, бережно относясь к достижениям языковедов прошлых веков, находит в творчестве славных предшественников неисчерпаемый источник для будущих научных открытий.

По итогам работы семинара в издательстве ПетрГУ вышел сборник докладов более 50 участников международного лингвистического форума.

Н. В. Патроева, А. С. Кулева

Обзор поступил 28.11.2013.

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

Редактирование и дополнение А. И. Соболевским «Словаря столового обихода Московской Руси XVI—XVII вв.» Н. А. Смирнова

К 1912 году Императорская Академия наук уже почти 20 лет выпускала «Словарь русского языка», составляемый Отделением русского языка и словесности. Многие люди, не имея прямого отношения к работе Академии, присылали письма с материалами для этого словаря, который тем самым становился всенародным делом. В том же 1912 г. закончилось печатание трёхтомного исторического словаря И. И. Срезневского под названием «Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам». Идея составления различных словарей была популярна, тем более что в конце XIX — начале XX в. было опубликовано большое количество рукописных памятников разного времени.

Известно, что до конца своей жизни академик А. И. Соболевский читал рукописные тексты в архиве (ныне — Российский государственный архив древних актов), выписывая на узких полосках бумаги материалы для карточки, которая должна была собираться по четырём направлениям. Во-первых, предполагалось продолжение «Материалов» И. И. Срезневского, во-вторых — продолжение «Словаря церковно-славянского языка», составленного А. Х. Востоковым (1858—1861). В-третьих, картотека должна была накапливать материалы для «Словаря языка Московской Руси XV—XVII вв.» и, в-четвертых, — для «Словаря русского языка Польско-Литовской Руси XV—XVII вв.» по памятникам деловой и юридической письменности (подробнее

об этом см. докладную записку А. И. Соболевского, составленную в мае 1925 г. и опубликованную в журнале «Вопросы языкознания». 1960. № 2. С. 110).

В Архиве Российской академии наук в Санкт-Петербурге (далее — Арх.) хранятся материалы, проливающие свет на ранний этап лексикографических занятий А. И. Соболевского, — в частности, адресованные ему письма магистранта Второго Отделения Академии наук Н. А. Смирнова. В письме от 4 ноября 1912 г. Н. А. Смирнов пишет о своём желании включиться в лексикографическую работу: «Глубокоуважаемый Алексей Иванович! “Орёл российский” ещё в мае был отдан В. В. Майкову и ждёт возвращения гр. Шереметева¹. На днях узнал, что Вы на премии имени Михельсона предложили тему “Словарь столового обихода Московской Руси XV—XVII вв.”. Тема эта меня заинтересовала, и я решил на(д) ней поработать. Поэтому обращаюсь к Вам с покорнейшей просьбой дать мне указания более подробные, чем в печатном объявлении, откуда черпать материал и на что обратить особенное внимание. Простите, что я беспокою Вас своею просьбой» (Арх., ф. 176, оп. 2, ед. хр. 410, л. 2).

---

¹ Сочинение Симеона Полоцкого «Орёл российский», подготовленное Н. А. Смирновым для Общества любителей древней письменности, вышло в свет в 1915 г. О работе над этим изданием Н. А. Смирнов упоминает и в другом письме к А. И. Соболевскому, от 2 февраля 1911 г.

А. И. Соболевский, по-видимому, указания дал, и к весне 1915 г. этот словарь был готов и представлен на соискание премии имени М. И. Михельсона.

К этому времени Н. А. Смирнов уже был известным лексикографом. В 1910 г. была напечатана его работа под названием «Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху». В неё входило исследование «Определение путей, которыми в Петровскую эпоху шли заимствования из западноевропейских языков» (с. 1—20) и значительный по объёму «Словарь иностранных слов, вошедших в русский язык в эпоху Петра Великого» (с. 27—360). Перед словарём помещён «Список сочинений Петровского времени, из которых заимствовались примеры» (с. 21—22). Автор привёл и перечень справочной литературы — «Список словарей, которыми приходилось пользоваться при настоящей работе» (с. 23—24), затем дал «Объяснение сокращений» (с. 25—26). На стр. 354—360 Н. А. Смирнов поместил особый перечень «Слова, происхождение которых не определено» с примечанием: «Из 142 слов, происхождение которых было не определено, как это указано на стр. 13, во время печатания удалось определить ещё 58 слов; таким образом остались неопределёнными 84 слова» (с. 354).

В Приложениях к этому труду Н. А. Смирнов издал три рукописных словаря Петровской эпохи. В первом из них — «Лексиконе вокабулам новым по алфавиту» (рукопись БАН 32.6.14) — до буквы Г включительно имеется правка толкований, сделанная рукою Петра Великого, которую Н. А. Смирнов напечатал курсивом (с. 362—382). Второй словарь, представляющий перечень слов без толкований и названный «Различные речения иностранных противу Славено Российских» (с. 383—384), извлечён из Сборника 1730 г., принадлежащего Библиотеке А. Уваро-

ва, № 619 (1931), л. 128 об. В нём всего 51 слово. Н. А. Смирнов предположил, что это своего рода выборка «иностранных слов из одного какого-нибудь сочинения, подобно *Толкованию иностранных речей*, находящихся в Генеральном регламенте... 1720 г.» (с. 17). Третий словарь (с. 385—386) — это отрывок из Генерального регламента, в котором даны иностранные слова с переводом, озаглавлен «Толкование иностранных речей, которые в сем регламенте».

В конце своего исследования Н. А. Смирнов пишет: «...Мы не претендуем видеть в своей работе учёное исследование, а только сырой материал, который и решаемся предложить на рассмотрение II-го Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук» (с. 18).

Эта работа Н. А. Смирнова была напечатана в 88 томе Сборника ОРЯС (СПб., 1910) и удостоена «Императорской Академией наук половинной премии имени М. И. Михельсона», о чём сообщается на титульном листе.

Таким образом, «Словарь столового обихода Московской Руси XV—XVII вв.» (далее — Словарь) был продолжением предшествующих лексикографических трудов Н. А. Смирнова с углублением в историю русского языка более раннего периода.

Вместе с рукописью Н. А. Смирнов представил Указатель «Печатных памятников, из которых извлекались данные для Словаря столового обихода Московской Руси XVI и XVII вв.» (один рукописный лист), однако этот Указатель сейчас в деле отсутствует. Кроме этого автор предполагал дать вводную статью и дополнения: «Представляя во Второе Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук на соискание премии им. М. И. Михельсона свой труд «Словарь столового обихода Московской Руси XVI и XVII вв.» (рукопись в лист

231 стр.), честь имею покорнейше просить Отделение разрешить мне остальную часть работы (статью и дополнения к Словарю) доставить не позже 1 мая н(ынешнего) г(ода). Магистрант Русской Словесности Н. А. Смирнов. Март 1915 г.» (Арх., ф. 9, оп. 3, ед. хр. 62, л. 107).

Рецензирование Словаря было поручено А. И. Соболевскому и Д. К. Зеленину. Первый ограничился кратким отзывом, второй в апреле 1915 г. представил обширную (на 66 страницах) положительную рецензию. Эти отклики способствовали тому, что 7 ноября 1915 г. академики В. М. Истрин, Н. А. Котляревский, А. И. Соболевский и А. А. Шахматов присудили Н. А. Смирнову малую Михельсоновскую премию за 1915 г. в размере 500 руб., а для рецензентов Академией были заказаны золотые медали на Петроградском Монетном дворе (см. там же, л. 177).

В своей рецензии Д. К. Зеленин тщательно проанализировал Словарь Н. А. Смирнова и дал высокую оценку этому труду. Он одобрил сравнительно-этимологическую часть, способствующую выяснению значений слов. О составе лексики рецензент писал: «В Словарь вошли названия кушаний и напитков, приправ, способов и мест их приготовления, посуды и утвари — поваренной и столовой, а также названия некоторых лекарств растительного происхождения» (там же, л. 114). Здесь же он высказал пожелание: «Надеемся, что составитель присоединит к Словарю систематическое оглавление предметов по указанным их разрядам, как это сделано, например, В. Бурнашевым в его Опытте терминологического словаря 1843 г.» (там же).

В качестве достоинства Словаря Д. К. Зеленин отметил унификацию написания слов: «Заглавные слова приведены в Словаре с современным правописанием, а часто даже более того — в

их современном виде; подлинное же правописание памятников сохраняется только в примерах... Такой порядок слов нужно назвать весьма удобным для справочного издания. Правописание исчерпанных в Словаре памятников разнообразно; некоторые из них писаны церковно-славянскою азбукою, немало встречается ошибочных написаний, например *шоть* вместо *иготь*, *сь умачомь* вместо *сь сумачомь*. Если бы все слова расположить по различным их написаниям в памятниках, то Словарь много проиграл бы: примеры на отдельные слова во многих случаях не дали бы той полной картины, какую они дают теперь, когда черновая работа по отождествлению различных написаний выполнена словарником без заполнения лишнего места в Словаре. — Соответствующие ссылки для разных написаний одного и того же слова в нужных случаях в Словаре имеются, но их могло бы быть несколько более» (там же, л. 112—113).

Говоря об иллюстративной части, Д. К. Зеленин подчеркнул, что примеры «составляют главную и бесспорно самую ценную часть Словаря. В них мы находим не только доказательства тому, что внесённые в Словарь термины действительно употреблялись в XVI—XVII вв., но также и весьма много бытовых подробностей о разных предметах старорусского столового обихода. Если Словарь Смирнова отразил богатство и разнообразие стола наших предков, то отразил именно в своих примерах. Примеры под словом *пирог*, например, представляют своего рода энциклопедию об этом любимом русском блюде... В громадном большинстве случаев примеры выписаны прекрасно» (там же, л. 122).

Д. К. Зеленин высказал и ряд критических замечаний. Он отметил, что в Словаре слабо отражён этнографический аспект, «не отражён народный

быт» (там же, л. 138); что Н. А. Смирнов «областными словарями воспользовался не в достаточной мере; он привлёк мало этнографических описаний, которыми у нас приходится пользоваться всякому словарнику вследствие скудости областных словарей» (там же, л. 118). С целью расширения этнографических сведений рецензент предложил список литературы, состоящий более чем из 20 наименований, включающий «Записки по этнографии» Русского Географического общества, «Ботанический словарь» Анненкова и «Материалы для словаря древнерусского языка» А. Дювернуа, «Этнографический сборник II», работы П. С. Ефименко, И. Д. Кузнецова, Балова, Мартынова, Макаревича, Савваитова, Костомарова (без указания инициалов) и др.

Разбирая состав словарных статей, Д. К. Зеленин упрекает Н. А. Смирнова за то, что он «оказался особенно скупым на имена прилагательные, которые он вносит в алфавит заголовочных слов не так часто» (там же, л. 123). Например, в Словаре Н. А. Смирнова под словом БЕЛУГА даны такие сочетания: «белуга горбуша — 13—14 пядей, белуга мерная — 6 четвертей 2 вершка, белуга урлюшная 10—11½ четвертей длиною от носа до красного пера». При этом, как отмечает Д. К. Зеленин, на алфавитном месте нет словосочетания *урлюшная рыба*, которое встретилось в примерах под словом БЕЛУГА, и предлагает его внести в следующем виде: «то же, что урлюк, т. е. белуга от 10 до 11½ четвертей длины (Исследование о состоянии рыболовства в России. IV, 138). У Даля и у Грота (Слов. Ак. Н. под сл. БЕЛУГА) ошибочно *удушная белуга*. Таким образом, рассматриваемый Словарь вносит поправку в эти лучшие наши словари» (там же, лл. 164—165).

Д. К. Зеленин отметил словарные статьи, которых, по его мнению, не должно быть в этой работе: «В Словарь

вошло также несколько слов иноземных, упоминаемых лишь путешественниками, таковы *инжирь, каштань, китры, неранж*», а также *лавашь* — «описание турецкого (кавказских турок) кушанья на Руси неизвестного» (там же, лл. 120—121). Он также указал на избыточные толкования: «В объяснительной части, — пишет он, — встречаемся ещё с одним неудобством: при некоторых словах приведены лишние значения, которые никакого отношения к дальнейшим примерам не имеют. При слове *белуга* находим два разных значения этого слова: 1) известная рыба и 2) морской зверь белуха *Delphinus Leucas*, между тем все примеры имеют в виду только рыбу белугу, а зверь белуха в столовом обиходе XVI—XVII вв., по видимому, совсем не употреблялся» (там же, л. 120). Вместе с тем ряд слов, как отметил рецензент, не снабжены толкованиями: «Необъяснёнными остаются в Словаре Н. А. Смирнова термины: *гамалейка, коленкъ, кельчевина (рыба), мисенное, мтевая рыба, мтя, назимная уха, насадный (косяк рыбы), омьль (омуль?), покошевинная (посуда), получас(т)ное, полуянь, расловъ (= рощенье солода?), рашникъ, сандрики, ступишныя звенья рыбы, труба бѣлужья, хринтернинъ, юрма*» (там же, л. 109).

Д. К. Зеленин отметил также случаи неверной интерпретации слов в сочетаниях: «Яблоки *скрут* ошибочно попали под слово *скрута* 'заготовка', калачи *хомутинные* отождествлены с *калачами* съестными, *поднос* посуда — с *поднос* подношение» (там же, лл. 117—118).

В официальном документе «Дело ОРЯС Императорской Академии наук о шестом присуждении премии имени М. И. Михельсона в 1915 г.» приложена записка Д. К. Зеленина: «Как всякий словарный труд работа г. Смирнова не избежала некоторых недостатков; но богатство собранного словарником материала искупает эти недостатки с лих-

вою. — В дополнении составитель уже исправил ряд допущенных им промахов. Ещё несколько работы, согласно с высказанными мною пожеланиями, и Словарь г. Смирнова, ценный и теперь, будет во всех отношениях вполне удовлетворительным» (там же, л. 172).

О значении для лингвистики Словаря Н. А. Смирнова Д. К. Зеленин пишет: «Столь бедная словарными трудами, особенно же словарями старого русского языка, наука русского языковедения обогатится, через труд Смирнова, весьма полезным словарём, одинаково любопытным и для языковеда, и для исследователя русской старины» (там же).

На следующие три года (1916—1918) на соискание премии имени М. И. Михельсона А. И. Соболевским было предложено составлять разнообразные словари: словарь лексики графических искусств, военного дела, словарь юридических терминов и др. Среди шестнадцати тем была указана и прежняя — «Словарь столового обихода Московской Руси XVI—XVII вв.», видимо, с той целью, чтобы Н. А. Смирнов с учётом замечаний и дополнений мог подготовить свой труд к печати. Известно, что на Михельсоновскую премию можно было подавать работы и в виде рукописей, и даже в карточках.

Уже 25 февраля 1916 г. Н. А. Смирнов в письме к П. К. Симони попросил: «Многоуважаемый Павел Константинович! Будьте любезны прислать мне рукопись «Словаря столового обихода Московской Руси XVI, XVII ст.» для дополнения её новым материалом и приготовления к печати, а также список новых тем на премию им. М. И. Михельсона, чем очень меня обяжете. Преданный Вам Н. А. Смирнов» (там же, л. 190).

Через месяц в письме к А. И. Соболевскому в Москву Н. А. Смирнов сообщает: «Рукопись своего Словаря из Академии получил, но к пересмотру её

не приступал, так как ни Вашей, ни Зеленина рецензии пока не присылали. Не получил ещё и списка новых тем на Михельсоновскую премию, и поэтому пока работаю над университетской библиографией» (письмо от 25 марта 1916 г. — там же, л. 192).

Работу над своим Словарём Н. А. Смирнов закончить не смог: изменилась обстановка в стране, и Михельсоновская премия после 1915 г. больше не присуждалась.

Осенью 1918 г. А. И. Соболевский в письме к А. А. Шахматову из Москвы сообщает: «Находясь под судом, я не могу выехать в П(етро)гр(ад); как скоро меня будут судить (за что, не знаю), неизвестно; что решат, трудно предугадать, но ничего хорошего ждать нельзя; одинаково возможен и расстрел и оправдание... Веду кое-какие работы библиографического характера, благо есть доступ в Рум(янцевскую) и Унив(ерситетскую) б(ibliote)ки. Другие работы в голодной и трепещущей Москве невозможны... Я уже писал П. К. Симони, нельзя ли разыскать Н. А. Смирнова и у него его работу по столовому обиходу Моск(овской) Руси. Если бы мне её доставили, я бы охотно проредактировал, исправил, дополнил... но до сих пор ответа не получил. Вероятно, розыск знакомых теперь не лёгок. Но я готов заняться специально акад(емическим) делом, приготовить нечто полезное к печати» (Письмо от 21 окт. 1918 г. — Арх., ф. 134, оп. 3, № 1429, л. 41 об.—42).

Словарь Н. А. Смирнова был доставлен А. И. Соболевскому и с его поправками и дополнениями возвращён в Академию в 1919 г. К этому времени его автора уже не было в живых.

В письме от 23 февр. 1919 г. А. И. Соболевский пишет: «Узнал о смерти Н. А. Смирнова. Наследница его дочь Евгения. Словарь столового обихода

можно печатать. Бумаги его посмотреть, приобрести. (Есть у него о Симеоне Полоцком.) Я, слава Богу, хоть и не совсем, но здоров, усердно работаю. Со Словарём Н. А. Смирнова не особенно спешу. Работы над ним много... Я вношу имеющиеся у меня материалы (порядочно)» (там же, лл. 45—46, 49 об.).

В настоящее время Словарь хранится в Санкт-Петербургском отделении Архива РАН (ф. 176, оп. 1, ед. хр. 1. 362 л.). Эта книга (переплетённая, но без обложки), форматом в лист, состоит из 24 отдельных тетрадей, по 12 листов каждая. В ней на 284 листах (без оборотов) чёрными чернилами разборчивым почерком (почти без наклона) написан текст Словаря.

В рукописи есть поправки и дополнения на оборотах листов, внесённые рукою Н. А. Смирнова. Так, на л. 5 об. находим²: «БЕРКОВЕСКЪ. Мера веса. Стар. То же, что Берковец = 10 пудъ»; на л. 15 об. — не учтённые им ранее сведения о словах *вахка* и *вахкий*: «ВАХКИЙ, пр. от вахка. В Олонецком уезде кормятся травою вахкою и сосною коркою (Олонец. сборн. 3 т., вып. I, 109 стр.). ВАХКА... Вахта. Корневище употребляется от укушения змей. Высушенное и вымоченное в воде примешивается на Севере к ржаной муке и идёт в хлеб, откуда и название *хлебница*. Листья и корни могут служить для откармливания свиней (Ан-

ненков. Ботанич. словарь)» [15 об.]³. Здесь виден отклик на пожелание рецензента Д. К. Зеленина, который упрекнул автора в недостатке этнографических сведений в его словаре. В этом же направлении Н. А. Смирнов привёл из рекомендованных ему источников много разнообразных данных о слове и обозначаемом им предмете, однако часть из них сам впоследствии вычеркнул. Приведём его словарную статью на слово ЛУКЪ.

ЛУКЪ. Известное пряное растение *Allium* суга. — *Куплень луку четверикъ, данъ три алтына двѣ деньги* (Расходн. кн. митр. Никона. Времен. 13-я кн. 30 стр.). — *Куплено 15 чети луку романовсково* (Никольский. Кирил. Белоз. монаст. I т. Материалы. LXXXIV, CCLV стр.). — *Лукъ чеснокъ* (Домостр. 127 стр.). **Лукъ саженець, который садится луковичными головками. Купилъ осмину луку саженцу. Лукъ. Утверждаютъ, что естели кто будетъ всякой день употреблять сие огородное растение, тотъ не будетъ болѣть, лишь только бы лукъ былъ лежалый, ибо сухой здоровѣ зеленаго, а пареной здоровѣ сыраго. Далель запрещаетъ лукъ холерикамъ, флегматикамъ же рекомендуетъ употребление онаго. Аспелий напротивъ того говоритъ, что пища сия прилична ровно всякого сложения людемъ. Онъ почитаетъ лукъ весьма здоровымъ для желудка и приписываетъ ему свойство производить хороший и здоровый цвѣтъ въ лицѣ. Лукъ умножаетъ дѣтородныя соки, производитъ вѣтры и во время сна приключаетъ волнение, какъ то вздрогивание и проч. Онъ полезенъ также отъ цынготной болѣзни. Естели ѣсть лукъ с укропомъ, то врачуетъ онъ начинающуюся водяную болѣзнь. Смѣшанный с куринымъ саломъ или поджаренный въ*

² Цитаты из Словаря оформляем так, как это предполагал сделать в издании Н. А. Смирнов: заголовочные слова даются заглавными буквами, толкования — прямым шрифтом, примеры — курсивом. Названия источников подчеркнуты в рукописи пунктиром; мы даем их в скобках, без подчёркивания. Толкования и комментарии А. И. Соболевского и Н. А. Смирнова приводятся в современной орфографии.

³ Здесь и далее в квадратных скобках указываются номера листов Словаря.

ветчинномъ жирѣ гонить мочу; высушиваетъ водяные пузыри, на пяткахъ бывающие, и излѣчаетъ от ознобления. Смѣшанный съ крепкимъ уксусомъ остонавливаетъ [так в ркп.] кровотечение изъ носу, въ какомъ случаѣ должно впускать его въ носъ перышкомъ. Лукъ испечѣнный на угольяхъ и употребляемый въ пищу съ сахаромъ, деревяннымъ масломъ, а иногда с примѣсью малаго количества уксусомъ [так в ркп.], исцѣляетъ отъ кашля, удушья и одышки, и укрѣпляетъ грудь; истолчѣнный и смѣшанный съ коровьимъ масломъ утоляетъ боль отъ почечуя происходящую, ежели его къ ожогу прикладывать будутъ. Сверхъ всего лукъ имѣетъ многие врачевные свойства, описание коихъ почитаемъ мы здѣсь излишнимъ (Нов. повар и приспешн. I ч. 77 стр.)* [98—99].

Весь текст, заключѣнный между звѣздочками, вычеркнут самим автором.

Светло-коричневыми (почти жѣлтыми) чернилами на широких полях справа, а также на верхних и нижних полях и в междустрочиях, реже — на оборотах листов сделаны поправки и дополнения почерком А. И. Соболевского. Отдельно на 78 особых листах А. И. Соболевский сделал дополнения с указанием, к какому листу Словаря они должны быть отнесены. Его дополнения включают как отдельные цитаты, так и готовые словарные статьи, состоящие из заголовочного слова, толкования, иллюстраций в виде цитат из текстов XVI—XVII вв., сопровождаемых кратким обозначением источника, иногда — датой. Заметим: по сравнению с первоначальным замыслом Н. А. Смирнова изменилась «нижняя» граница словаря — источники XV в. ни им, ни А. И. Соболевским не привлекались⁴.

⁴ Среди публикаций рукописей в конце XIX — начале XX в. из ранних памятников известны Жития Бориса и Глеба по сп.

Рукопись Словаря оказалась не в Москве, где хранятся (в РГАЛИ) бумаги А. И. Соболевского, — следовательно, А. И. Соболевский, возвращая её в Академию наук, считал, что она готова к изданию. Вероятно, по его мнению, Словарь нуждался лишь в технических доработках. В сопроводительной записке, датированной 4 окт. 1919 г., он пишет: «Для редактора словаря. Я не успел заменить его длинные ссылки на источники краткими. Не усп(ел) вычеркнуть этимологические объяснения с помощью Бернекера, Феста и т. п. Я имел в виду сделать издание труда См(ирнова) просто “Материалы для словаря русскаго языка XV—XVII вв.”» (там же, л. 283).⁵

Приведём несколько статей из Словаря с дополнениями и правкой А. И. Соболевского.

XIII—XIV вв., некоторые части Успенского сборника XII—XIII вв., Изборники 1073 и 1076 гг., Палея толковая 1477 г., Александрия XII в. по списку XV в., Житие Александра Невского XIII в. и некоторые другие, которые вряд ли содержали достаточно материала по избранной теме. Одним из главных и доступных источников для Н. А. Смирнова был несомненно Домострой XVI в., публикации в Известиях Академии наук и нек. др. В рукописном отделе Публичной библиотеки, где можно было найти рукописи XV в., он, видимо, работать не мог. См. его письмо к А. И. Соболевскому от 2 февраля 1911 г.: «Простите великодушно, что не заявлялся к Вам лично вследствие своего несчастного безножия, и примите уверения в истинном к Вам почтении» (Арх., ф. 176, оп. 2, ед. хр. 410, л. 1.).

⁵ А. И. Соболевский, изменив название Словаря и указав даты XV—XVII вв., видимо, предполагал дополнить его своими материалами, не касающимися столового обихода, но относящимися к более раннему времени. Однако таких материалов в его дополнениях нами не обнаружено.

АМБАРЪ. АНБАРЪ. Тюрк. амбар, из перс. *unbār*. Житница, склад, очень известный в старой Польше и особенно на Руси с персидского яз. (*Gloger z Encyklor. staropol. I c.*). — *Амбар перерубной 5 сажень, а въ немъ всякой сѣмянной хлѣбъ* (Записки Отд. рус. и слав. Археол. II т. 95 стр.). — *Солодовенные амбары* (Акты, собран. Калиновым II т. 707 стран.). — *Амбарь... в которомъ дѣлали морсы и въ немъ ягодный столъ* (Записки Отд. рус. и слав. Археол. II т. 49 стр.) [2].

К этой словарной статье на правом широком поле А. И. Соболевский приписал две цитаты: «— *Мѣсто поваренное, а нынѣ на томъ мѣстѣ амбаръ сѣнной* (Пск. кн. 429). — *Съ рыбаго двора изъ Никитскаго анбара 50 бѣлугъ* (Расх. Патр. д. 1112)».

АНИСНЫЙ, пр. отъ с. анисъ. — *Постила яблониная, съ коруною, на патоки, пересытана съ сахаромъ съ аниснымъ масломъ* (Записки Отд. рус. и слав. Археол. II т. 58 стр.) [2].

А. И. Соболевский добавляет цитату: «*Благовонныхъ елеовъ (для мироваренья)... анисного. 1681 г. (Заб. Мат. 105)*».

АНИСЪ. Гр. *ἄνισον*. Однолетнее травянистое растение *Pimpinella Anisum* (Сл. Ак. н.) нем. *Anis*. — *22 пуда и 21 фунтъ анису* (Рус. ист. библи. II т., № 162). — *Анису пуда с полтора* (Розыск. д. о Фед. Шаклов. IV т. 71 стр.). — *Анису фунтъ, коли дешево, — 1 алтынъ 2 деньга, а дорого — 3 алтына; а стювертъ русская — 2 деньга* (Память товар. немецк. Сборн. Муханова, 2-е изд. 361 стр.) [2].

После слова *Anis* (Н. А. Смирнов указал на это место стрелкой) А. И. Соболевский на поле добавляет выписку из источника, который не использовался Н. А. Смирновым: «*Для пересиживанья вина | куплено | 15 золотниковъ гвоздики, бадьяну, корда|мону по тому*

же, | да фунт анису. (Расх. Возн. м. 322)». Эта же цитата добавлена им к словарным статьям БАДЬЯНЪ и КАРДАМОНЪ.

БАДЬЯННЫЙ, пр. отъ с. бадьянь. *Бадьянная водка* (Записки Отд. рус. и слав. Археол. II т. 60 стр.) [3—4].

А. И. Соболевский зачеркнул «пр. отъ с. бадьянь».

БАРБАРИСЪ. *(Ар. барбарисъ). Растение *Verberis*. 1. Куст. Кислица. Кислянка. Паклунъ. 2. Ягода этого куста (Сл. Ак. н.). Малор. банбарисъ.* *Приискать въ Нѣмецкой слободѣ у иноземцовъ въ садикѣ ягодъ байбарису и купить* (Сборн. выпис. изъ архив. бум. о Петре В. I т. 351 стр.). — *64 саж. барбарису* (Забелинъ. Домашн. бытъ рус. царей. Материалы. 73 стр.) [3].

А. И. Соболевский вычеркивает текст, обозначенный здесь звёздочками, и добавляет две цитаты: «*Ягоды барбарисъ въ сахарѣ* (Мат. медиц. 35). *Берберисъ въ сахарѣ* (Мат. медиц. 35. 83)».

Вычеркнутый фрагмент удалён, видимо, в соответствии с мнением рецензента Д. К. Зеленина, который писал: «Сравнительно-этимологическая часть Словаря г. Смирнова не даёт специалистам ничего нового. Привлечённый словарником сравнительный материал взят из разных пособий, частью уже устаревших. Составитель, по-видимому, плохо разобрался в нём: он, например, весьма редко различает заимствованные слова от слов исконно родственных. Нигде не указывает времени появления того или иного заимствованного слова на русской почве» (Арх., ф. 9, оп. 3, ед. хр. 62, л. 114).

Обозначение источника (Мат. медиц. 35) в первой из добавленных им цитат А. И. Соболевский тоже вычеркнул (очевидно, после того, как нашёл и вписал вторую цитату). Заметим, что он постоянно использует данный принцип

подачи нескольких цитат из одного источника — название источника приводится один раз с последовательным указанием номеров страниц. Здесь и далее А. И. Соболевский вводит новый источник, который Н. А. Смирновым не использован, а именно: «Материалы для истории медицины в России», четыре части которого с единой пагинацией вышли в 1881—1885 гг. в Санкт-Петербурге.

БИТИ. Всыпать что-нибудь в что-нибудь, плотно вбивая, утискивая, сильно растирать, давить, превращая в плотную массу. *Въ Турчасовѣ (село Архангел. г. Онежск. у. [Семенов. Географ. сл.] *де и на Порозѣ* [Порожье — дер. в 24 в. от Онеги. Семенов. Географ. сл.] *ту* соль бьютъ у нихъ (жителей) въ рогожи казаки* (Акты Археограф. экспед., I т., № 211). *Бьютъ икру много да процѣдятъ сквозе рѣшето* (Забѣлин. Посмерт. изд. I. Материалы, 701 стр.) [5].

Обозначенный звёздочками текст А. И. Соболевский вычёркивает. Как видим, вычеркнуты географические сведения.

БРОДНИКЪ. Рыболовная снасть. *Въ моей откупной рѣкѣ ловятъ рыбу бродниками и неводками* (Акты Москов. госуд. I т., 261 стр.) [10 об.].

А. И. Соболевский исправляет слово *снасть* на *сѣть* и добавляет ещё одну цитату: *Купленъ бродникъ про монастырской обиходъ къ истоку на сакъ, дано пятнатцать алтынъ четыре денги* (Расх. Бог. м. 84).

ВОДЯНОЙ. Употребляемый для держания воды. *Три вставка, въ которые вставляють водяные скляницы* (Забелин. Домашн. бытъ рус. царей. Материалы, 194 стр.) [20]. (Эта цитата нашлась на стр. 700 в кн. И. Е. Забелина 1918 г. издания — Л. А.).

А. И. Соболевский на поле добавил цитату: *Четверы колеса на воденя роспуски* (Расх. Бог. м. 231). Кроме того, с его дополнительного листа № 289 сюда нужно было добавить словарную статью «ВОДОВОЗЪ. *Водовозомъ дано годовой ихъ ряды* (Ниж. Крут. 139)».

Правка А. И. Соболевского осуществлялась по различным направлениям. Начал он с работы над источниками.

Н. А. Смирнов имел список источников (в материалах Архива этот список пока не найден), однако не пользовался их сокращёнными обозначениями. Цитаты-иллюстрации он сопровождал названием источника в почти полной форме, так что можно было, не обращаясь к списку источников, найти и проверить по изданию приведённый им пример. Возможно, он предполагал дать сокращённые обозначения при дальнейшей работе над Словарём. А. И. Соболевский, редактируя и дополняя Словарь, заменял длинные названия источников максимально краткими. Так, источник, который Н. А. Смирнов обозначал то как «Розыск о Фед. Шаклов.», то как «Розыск. д. о Фед. Шаклов.», приобрёл вид «Д. Ш.», название источника «Забелин. Посмерт. изд. I. Материалы» сокращено до «Заб. Мат.», а «Записки Отд. рус. и слав. Археол.» — до «Зап.». А. И. Соболевский использовал здесь сокращённые обозначения источников, принятые в «Материалах» И. И. Срезневского, и дополнял их новыми. Система сокращений, выработанная А. И. Соболевским, впоследствии легла в основу указателя источников Картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.».

Однако работу над источниками Словаря А. И. Соболевский довёл только до слова БАРБАРИС. Не успел он и составить своего списка сокращённых обозначений источников (см. приве-

дённее выше его обращение к будущему редактору Словаря). Очевидно, он рассчитывал, что опытный редактор сможет проделать эту работу по первым его сокращениям и по дополнениям, которые он дал на приложенных 78 листах.

А. И. Соболевский провёл основательную работу со словником. Он добавил множество статей, которых не было в Словаре. Статьи небольшого объёма обычно вписаны на полях рукописи Н. А. Смирнова, например:

БАЙДАКЪ. *Велѣно изготovitи и согнати въ Киевѣ 50 струговъ, 50 лодокъ... Въ Киевѣ принято и к Орлу городку согнати 42 байдаки большихъ, 46 меньшихъ однодеревыхъ, 31 лодка. — Которые байдаки присланы с хлѣбными запасами и тѣ байдаки беречь.* 1696 г. (Новомб. 410, 411) [4].

БЛИННИКЪ. Торговец блинами (Моск. кн. 32) [5];

БЛЮДО Триоцкое — по-видимому, сладкое или печенье [там же];

БОГДАНОВСКИЕ (яблони) [+цитата] (Новг. т. кн. 48) [7];

БОРОВИКЪ, посуда вроде кувшина [+цитата] (Расх. патр. 1108) [там же];

БОРОШЕНЬ — добавлено к имевшемуся у Н. А. Смирнова слову **БОРОШНЯ** мука всякого рода [там же];

БОЧЕВНИКЪ. Бочар [+ цитата] (Новг. кн. 32) [там же];

БОЧКАРЬ. Бочар [+ цитаты] (Писц. 1687 г., Вл. сб. 145, 151) [там же];

БРАСКВА, БРАСКВИНА. Абрикос [+цитата] (Щ. 1668 г.). См. еще **ПРАСКВА** [там же];

БУКВИЦА. *Сахаръ буквица бѣлой* (Мат. медиц. 36) [11].

Более объёмные статьи, добавленные А. И. Соболевским, находятся на дополнительных листах в конце книги. Синим карандашом на верхнем поле А. И. Соболевский указывал номер листа рукописи Н. А. Смирнова, на котором следует поместить данную словарную статью. Например, на дополни-

тельном листе № 284 находим ряд статей к л. 3:

АРТОСНИКЪ. Артосной сосуд. Артос. см. **АРТУСЪ**.

АРТУСНИЦА. Форма, в которой печется артус. *Кадило да чаша да артусница.* 1611. (Р. Б. II. 246).

АРТУСЪ. *Хлѣбъ, освящаемый в церкви на Свѣтлой* [надписано над зачёркнутым словом *Пасхальную*] *недѣль. Патриархъ... попадетъ къ себѣ въ келью, а передъ нимъ идутъ съ артусомъ, и потомъ бываетъ кушанье съ молчаньемъ. — Патриархъ во всю Свѣтлую недѣлю провожаетъ артусъ изъ церкви изъ собору за столъ. Проговоря молитву над артусомъ... режутъ ножомъ въ куски на три угла.* (Уставъ М. Усп. собора ок. 1635 г. Р. Б. III 69, 132, 126).

Перед обозначением источника в последней цитате (перед словом «Уставъ») сделан знак вставки и написано рукой А. И. Соболевского: *«Просфiry и артусъ съ двorca бывають. — Велѣтъ [ключарю велѣтъ — зачёркнуто] просфорнице на Пасху къ [великой субботы испечь — зачёркнуто] литургии испечь съ просфорами великую просфору на артусъ, величествомъ, якова вѣстится во артосникъ* [Чин. Холм. 110 — зачёркнуто]. — *Приносятъ просфору великую, уготованную на артосъ, и приимъ ключарь полагаетъ ю во артосной сосудъ. — Архиерей... раздробляетъ артосъ и посылаетъ ко воеводѣ с частью артоса протопопа со диакономъ...* (Чин. Холм. 110, 116, 123)».

Как можно видеть, А. И. Соболевский зачёркивал те фрагменты, которые сначала извлекал из одного места источника, а потом на других страницах того же источника находил другие цитаты, точнее иллюстрирующие семантику слова. Он проштудировал не менее 14 страниц источника, чтобы выписать лишь четыре примера, в которых полнее (по его мнению) отражена семантика слова **АРТУСЪ**.

На л. 286 находим следующие статьи: ВЕРТЛОВОЙ. Годный для жаренья на вертеле. — *Четыре стерледи вертловых да четыре ушныхъ (для уха).* — *Стерлеть паровая да двѣ стерледи ветрловыхъ* (Расх. Бог. м. 112, 239);

ВЕРТЛЮЖНЫЙ. То же, что вертловый. — *Сто стерлелей паровыхъ и вертлюжныхъ* (Расх. Бог. м. 76).

На лл. 290—291:

ВОЛОКЪ. Рыболовная снасть. *Во все лѣто ловятъ малымъ частымъ неводомъ... а зимѣ волоки и норотами и вершами* (Пск. кн. 97);

ВЫХОДЪ. Подвал. *На Шуйском кружечномъ дворѣ хоромное строение, изба и выходъ винной и ледники пивные вѣтхи.* *(1690 г. А. Ш. 318.) — *Большой винной выходъ и питейный ледникъ и пивную зимнюю избу** (1690 г. А. Ш. 318, 323). — Фрагмент между звёздочками зачёркнут карандашом (очевидно, потому, что вторая цитата аналогична первой), а дальше написаны цитаты, представляющие слово в иных контекстах: *Погребъ и съ выходомъ выкладенъ весь каменемъ, у выходу затворы и рѣшетки желѣзные.* 1697 г. (А. К. П. 410). — *Погребъ каменной, передъ нимъ выходъ деревянной, а въ немъ кладется хлѣбъ печеной, а зимнею порою становятъ капусту и огурцы и всякой монастырской обиходъ* (Расх. Бог. м. 267).

Большая словарная статья помещена на слово ЖИТНИЦА [296].

В дополнениях к статье Н. А. Смирнова ПАСХА (л. 140) читаем:

ПАСХА. Печенье из сдобного теста или кушанье из творога, особой формы, изготавливаемое для розговенья в первый день праздника Пасхи. *Государевы стольники поднесутъ патриарху пасху рушану (разломленную) да яйцы, и патриархъ благословитъ государя пасхою и яичкомъ да и самъ кушаетъ* (Устав М. Усп. собора, ок. 1635 г. Р. Б. Ш. 130) [300]; *Къ образомъ прикладывался и*

святою водою крапливался и пасху ѿдалъ. 1623 г. (Р. Б. П. 641) [325].

Ниже на этом же листе помещена статья: «ПАСОЧНЫЙ. *Хлѣбъ пасоченъ с яйцы печень (в монастыре)* (ДАИ I. 220)».

В то же время на дополнительных листах встречаются и небольшие статьи:

БЕЗЖИЛОВАТИ. Обезсилить? — *Неизвѣстно качество и количество брашна, еже убога и кромѣ алканя (пощеня) безжсловати можетъ* (Зин. 901) [285];

ДРОБИНЫ. Дрожжи. *Принято у погребнова старца за продажные дробины съ десяти варь 4 рубли.* 1696 г. (Вл. сб. 182) [293];

ЖИТАРЬ. Ячмень. *Въ 2 стругахъ у насъ хлѣба: пиеницы... ржы... да овса... да конопель... да житарю... да гороху* (Новомб. 124) [296].

В дополнениях А. И. Соболевского встречаются и такие слова: «ОДРИНА. Навес, чердак в сарае; ОДРИННИКЪ. Рабочий при навесе. *Даль 20 денегъ Сеньки одриннику (в монастыре при церкви)* (Сборн. Мух. 3)» [322]. Эти слова отдалённым образом относятся к теме «столовый обиход». Возможно, подобные лексикографические редкости и навели А. И. Соболевского на мысль расширить тематику Словаря, сделать из него «Материалы по истории русского языка XVI—XVII вв.», как он писал в записке к редактору в 1919 г. (см. выше).

Добавленные им в словник слова А. И. Соболевский, за редкими исключениями, снабжает толкованиями. Нет у Н. А. Смирнова следующих слов, которые А. И. Соболевский привёл только с цитатами, но без толкований (они дополнены из источников, которые Н. А. Смирнов не использовал): БОБОВЫЙ [+ цитата] (Мат. медиц. 7) [7]; БУРАЧЕКЪ [+ цитата] (Расх. Бог. м. 239) [11]; ОТКУШАТЬ. *Хлѣба откушавъ в монастырь поѣхали* (Чин. Холм. 146); ОТЪЕСТЬ. *Братия на трапезѣ отѣли* (Чин. Холм. 148) [322].

Как правило, слова без толкований даются в дополнительных листах А. И. Соболевского тогда, когда они уже зафиксированы в Словаре, но к ним у него нашлись другие цитаты. Например, на л. 285 приведены цитаты к словам БЕЗСОЛИЦА, БИСАГА, БИТЬЕ, БЫКОВЫЙ, БЪЛЁНЪ, на л. 290 — к словам ВОЛОВИЙ, ВОЛЬ, ВОСКЪ, на л. 291 — к словам ВЫСИДЪТЬ, ВЬЮННЫЙ, ВЫБИВАТИ, на л. 292 — к ГНЪЗДО, ГОЛОДНЫЙ, ГОЛУБЬ.

А. И. Соболевский следит за отражением в словнике морфологических вариантов. Так, у Н. А. Смирнова к слову ТЕРНОВЫЙ [238] приведены цитаты: «Сулея водки из терновых костей; 4 гряды терновых семян (Зап. отд. рус.-слав. Археол. II т., 51, 60 стр.)». А. И. Соболевским добавлен прямо в текст Словаря вариант ТЕРНОВНЫЙ, так как в примере есть это слово, и дано толкование: «относящийся к терновнику».

Если в Словаре помещён только диминутив, то А. И. Соболевский приводил и так называемую начальную форму. Так, к словарной статье ЛОПАТКА [95] он приписывает ЛОПАТА с примером «За лопату хлѣбную 8 ден. ...покупалъ хлѣбный старецъ в хлѣбню (Расх. патр. д. 1107), а к словарной статье ЛОЖЕЧКА [94] на левом поле пишет: ЛОЖКА.

Слово БУКОВИЧНЫЙ А. И. Соболевский исправляет на БУКВИЧНЫЙ [11] от *буквица*.

Встречаются у А. И. Соболевского и добавления отсылочного характера:

АЛИЛУИЯ. См. САХАРЪ [1]; БАЛАХНА. См. СОЛЬ [4]; БРИНЕЦЪ. См. БРЫНЕЦЪ [10].

Большое внимание А. И. Соболевский уделяет толкованиям. В словарной статье «БЛИНЧАТЫЙ. Составленный из блинов, расположенных слоями» [5] он заменяет первое слово на «Сделанный».

В слове ТЪЛЬНОЕ [242] А. И. Соболевский исправляет Е на Ё, убирает

толкование «Рыбное кушанье, котлеты, колобки из рыбьего мяса» и прибавляет на правом поле: «Тѣльное (между жареными рыбами). (Дом. К. 73)». Наш поиск цитаты на это слово по Домострою (по списку Н. М. Коншина, XVI—XVII вв.) окончился неудачей. Дальнейшие поиски по списку ОИДР (XVI в.), опубликованному И. Е. Забелиным в 1881 г., показали, что этим словом обозначали не только рыбные кушанья: *А прибудетъ с Семеня дни короваем, поросята телные, утки телные... В Филипово говѣние в столѣтствы подают... короваи, поросята телные, утята телные, уха шафранная* (Дом., 149). Как видим, и А. И. Соболевский не использовал источник с исчерпывающей полнотой.

К толкованию Н. А. Смирнова слова «ХЛЕБАНЫЙ. От хлебать, похлебка» [254] прямо в тексте А. И. Соболевский добавляет: «жидкий, для хлебання», а в словарной статье «ХЛѢБЕННЫЙ. *пр.* Относящийся к хлебне» толкование заменяет на «состоящий при хлебне». На отдельном листе к этому словарному отрезку [365] добавлено: «ХЛѢБАРЬ. Служащий в хлебне, хлебник (Ж. Дан. П. 45)». Здесь же приведены цитаты из РИБ III. 255, Ж. Дан. П. 46, Ст. 58, Хл. в. 9, 46.

Таким образом, толкования А. И. Соболевский стремился сделать более точными, отвечающими задачам словаря определённой тематики. Нередко он исключал из словарных статей географические сведения, в частности, названия территорий, на которых зафиксировано слово или обнаружено бытование тех или иных реалий и понятий.

В числе вставок, сделанных А. И. Соболевским, встречаются и некоторые сведения, расширяющие представления читателей не только о слове, но и о самом понятии (предмете). Так, в словарной статье БЛИНЫ [6] к цитате Н. А. Смирнова *На блюдо блинов крас-*

ных он приписал: «на молоке и дрожжахъ. Какъ красные блины готовятся см. въ книжке Ю. Михайлова. Здоровый домашний стол. СПб., стр. 133. Ср. другая мнѣнія». Далее он оставил подробности, которые были у Н. А. Смирнова: «Красные блины называются так потому, что их после печенія «прижариваютъ», обмазав масломъ. См. Новѣйшій повар и приспешн. IV. 138 стр. СПб. 1811 г.). Н. И. Костомаров говорит, что те блины назывались красными, которые пеклись из гречневой муки. Костом. *На блюдо блиновъ тонкихъ, а въ нихъ пол-2 лопатки муки крупчатые, 50 ящъ, четь ведра молока прѣсного, 2 гривенки масла коровья* (Росп. царск. кушан. Акты истор. II т. 428 стр.)». К выражению «блины просыпныя» отъ гл. просыпать = разсыпать, рассыпчатый, замешенный не на дрожжах, но с большим количеством масла» А. И. Соболевский, исправляя «с большим количеством масла» на «на масле», на поле добавляет: «из т. наз. «песочнаго» теста?». На нижнем поле им приписана цитата: «*Крестьяне (христиане) приносятъ (въ церковь) колачи и пироги и блины и короваи и всякие овоци* (ст. 38)». Зачёркнутую Н. А. Смирновым цитату *Блины съ масломъ да съ лукомъ* А. И. Соболевский восстанавливает, подчёркивая её пунктиром, и пишет: «Надо!».

Характеризуя принципы отображения материала, которых придерживался А. И. Соболевский при работе над Словарём, нужно сказать и о его отношении к орфографии цитируемых источников. Как это было отмечено в рецензии Л. К. Зеленина, цитаты выписаны у Н. А. Смирнова весьма тщательно. Особенно скрупулёзно он относился к текстам, изданным в церковно-славянской орфографии, в частности к «Домострою» (М., 1881). В примерах из этого памятника он сохраняет все древние буквы, а выносные пишет над строкой:

ОТСТОЯТЬСЯ. Дать гуще осесть. *Ка^к са о^тстои^т мо^с каго^онои ѿ гуци* (Домостр. 155 стр.) [135].

ПАДЫШЕКЪ. Опавшій до времени плод дерева. *Падушокъ каблочны^х... в пору бы обирати* (Домостр. 45 гл., Коншинск. сп. 121 стр.) [137].

А. И. Соболевский в последнем примере заменяет «ка» на «я» в слове *яблочных*, в конце к букве «х» приписывает «ъ» и опускает «хъ» в строку. Как видно, воспроизведение старинной орфографии воспринималось им как излишнее при издании Словаря. Впрочем, в одном месте он делает исправление по иному принципу: в цитате из Домостроя *Арбузь в патоке* им зачёркнут *ъ* в слове *арбузь* (поскольку в Домострое оно написано с выносной: арбу^з).

Прежде чем подвести итог работе А. И. Соболевского над Словарём, приведём ещё один пример. Обратимся к словарной статье СОЛЬ в Словаре Н. А. Смирнова и сравним с тем, что получилось бы с прибавлениями и правкой А. И. Соболевского.

СОЛЬ. Арм. al; греч. ἄλς; латинск. sal; стр. иран. Salann; гот. sall, стр. прек. sal; латш. sāls, стр. блгр. solo (S. Fieist). *Куплено пуд соли, дано шесть алтынъ. *Купленъ пудъ соли, дано шесть алтынъ четыре денги** (Расходн. кн. митр. Никона. Времен. 13-я кн., 32 стр.). *Дача **же въ домовој Федоровској... монастырь* (Федоровское с. Московской г. Коломенский у., вотчина бояр. О. Н. Шереметева. Семенов. Геогр. сл.)** ... *на мѣсяць по 2 пуда соли пермянки ****(соль вывариваемая въ Пермской г.)***. — *Старцомъ отпущано... по полупуду соли || бузуну (эстонская *^озерная самосадочная соль*. (Расходн. кн. патриарш. прик. патр. Адриана^{***}), 295, 298 стр.). (Запасъ:) *ман, пшено, горох, масло... соль и дрова мыло и зола* (Домостр. 119) [213—214].

Фрагменты, обозначенные одинаковыми комбинациями звёздочек, вы-

черкнуты А. И. Соболевским. Его дополнения к этой статье написаны между строк, на правом и нижнем полях, а также на обороте л. 213. Приводим эти вставки. «*А другой городъ ставити у (озера) соленово... а соли въ томъ озере добръ много... и опрочъ тово мѣста во всѣхъ горахъ соли нѣтъ.* 1604. (Белок. Кавк. 405); — *Торгуютъ заспою и солью* (Пск. кн. 59); — *Пять рогожь соли балахонки, а в нихъ вѣсу 121 пудъ, а всякой пудъ по 4 алтына съ деньгою.* 1625. (А. Ш. 42); — *Куплено соли пермянки тритцать пять меховъ, а вѣсомъ шестьсотъ шездесять два пуда, за пудъ цѣна по четыре алт. по двѣ ден.* (Расх. Бог. м. 234)». Сюда же относятся дополнения на следующем, 214-м, листе: «*Свальной соли въ Брянске нѣтъ, а кто привезетъ изъ Калуги соль, ино купятъ бузуну по 10 алт. по 4 ден., а мяжку по 10 алт. пудъ.* — *Заняли мы соли пудъ чистой* (Новомб. 14, 60). — *Съ монастырскихъ варницъ з двунатцети црѣновъ с соли полушечные пошлны* (Прих. Ниж. ч. 157). — *Которые люди емлютъ соль... тѣ даютъ съ мѣха по полторѣ московки* (Пск. кн. 14). — *Кормъ на день... сметаны и хлѣбовъ и колачей и крупы и соли давали бы ему* (писцу), *како мочно сыту быти.* Гр. 1589 г. (А. Юшк. 264). — *Нѣкоторые невѣгласы попы въ великий четвергъ соль подь престоль кладутъ и до седмаго четверга по Велицѣ дни тамъ держатъ, а ту соль даютъ на врачевание людемъ и скотомъ* (Ст. 91)». Беспорно, словарная статья обогатилась бы за счёт этих прибавлений.

Заметим, что позднее, в 1926—1929 гг., А. И. Соболевский внёс в Картоотеку ДРС (по подсчётам Б. А. Ларина и Е. Н. Шиповой в начале 1934 г.) более 100 тыс. карточек. Собственноручно со словом СОЛЬ он выписал 20 карточек. Одна из них такая: «*Нам, тужащим о соль.* Зос. С., 106» — с примечанием: «для солки рыбы. О солъ [ять на конце

слова подчеркнута] от соль». На других карточках выписаны сведения о происхождении соли: «*Воду отъ моря черпаху и тако соль варя приготовляху.* Зос. С. 39; *риские соли 400 бочек.* Мск. ст. 2, 517 [с примечанием: «=рижск-?»]; *Соль собираютъ самородную.* Спф. С. 43; *в томъ озере садится соль и ходятъ соль варить.* Спф. С. 128; *ту родится соль на море.* Флор. с. 87.; *ту родися соль крупка.* Флор. с. 86 [с примечанием: «в воде. крупн.»]; *с Усольской с вареной соли.* Смб. 3. 129 [с примечанием: «об астраханской соли 129»]. Некоторые карточки содержат примеры, говорящие о применении соли и о торговле ею: «*Торгуетъ солью.* Ал. П. 171; *рыбной соли 2500 пудъ.* Смб. 3., 157; *соли боярской в куле пудъ съ 6.* Им. Н. Ром. 7; *дал вкладу рогожу соли.* Серп. мон. 21». Другие касаются применения соли в церкви, в медицине: «*Попы... соль подь престоль кладутъ... соль даютъ на врачевание.* Стгл. 91». Отмечаются различные виды соли: «*Соли корольковые (род. надеж).* М. мед. 41; *дати... въ соль янтарную три крушки вина.* М. мед. 9; *О различныхъ солехъ.* Тр. Л. 665; *поруски соль соколя.* Тр. Л. 713». Отмечено им и особое употребление слова соль в переносном значении: «*Бяше слово ея солию разтворено* [с примечанием: «похвала!»]».

В тексте Словаря Н. А. Смирнова на отрезке АЛАДЬИ — ВЕКО (лл. 1—24), по нашим подсчётам, представлено 143 слова и 246 цитат. А. И. Соболевский добавил 34 новых слова и 101 цитату. К этому же словарному отрезку на дополнительных листах (л. 284—285) он добавил ещё 9 слов и 14 цитат. Здесь им добавлено 43 слова и 115 цитат. Всего Н. А. Смирновым в Словарь включено 1501 слово, а А. И. Соболевский добавил ещё 472 слова.

А. И. Соболевский считал свою работу по подготовке Словаря к печати

законченной. К сожалению, не нашлось возможности опубликовать этот труд, который для своего времени был серьёзной работой русского лексикографа.

В настоящее время Словарь представляет интерес не только для истории русской лексикографической науки, для характеристики деятельности его автора Н. А. Смирнова. В рукописи содержатся весьма редкие историко-лингвистические сведения о столовом обиходе Московской Руси XVI—XVII столетий, которые до сих пор не были учтены в исторических словарях.

Многое эта работа говорит и о последних годах деятельности академика А. И. Соболевского, который, редактируя и пополняя Словарь, глубоко погрузился в лексикографическую работу и, вероятно, именно тогда и начал накапливать материал для задуманных им в 1925 г. четырёх будущих направлений словарной работы. В письме к А. И. Лященко он писал: «Подойдя к 70-му году жизни (я родился 26 дек.), я решил потрудиться (согласно давно составленному плану) в собирании словарного материала. Работа без срока, без спеха, без принуждения и понукания очень удобна для старческого возраста. И вот я сижу за разными писцов(ыми), дзорн(ыми), переписн(ыми) и т. д. кни-

гами, не без удовольствия. Но куда складывать карточки? Мой домишко — утлый чёлн, ненадёжный для нынешнего волнующегося времени. Сотрудники есть, но я вижу, как много значит образование и близость к науке. Нет ли у Вас желания потрудиться для потомства — по Вашему вкусу. Например, нанести на карточки годный для словаря материал из Русской истории Ключевского, из Ист(ории) р(усской) ц(еркви) Голубинского (концы I и II тт.), из Казанского летописца (по изд. Кунцевича), из Жития и чудес Зосимы и Савватия Солов(ецких), из Чудес преп(одобного) Сергия Сим(она) Азарьина и т. п. По Вашему вкусу. Выбор значителен». — Письмо от 7 янв. 1926 г. (Арх., ф. 156, оп. 2, № 415, л. 1).

Эти материалы А. И. Соболевского послужили основой для исторической Картотеки ДРС, которая хранится в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Теперь она содержит около 2 млн. карточек. С 1975 г. на её основе издаётся «Словарь русского языка XI—XVII вв.» (в настоящее время доведён до буквы Т).

Л. Ю. Астахина

Статья поступила 16.10.2013*.

---

* Работа подготовлена при поддержке гранта РГНФ, проект № 13-04-00093 «Лексикологическое исследование и словарное описание русского языка XI—XVII вв. («у»—«умытник»)» (рук. М. И. Чернышева) и проекта «Русская историческая лексикография как способ описания культурно-языковой эволюции восточных славян в эпоху Средневековья» программы фундаментальных исследований Президиума РАН (ЗЗП) «Традиции и инновации в истории и культуре» (рук. Р. Н. Кривко).

РЕЦЕНЗИИ

Никита Михайлов. Творительный падеж в русском языке XVIII века.
Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis, 2012. — 296 p. —
(Studia Slavica Upsaliensia, 47)

Рецензируемая книга подготовлена в Уппсальском университете в лучших традициях скандинавской русистики: из сравнительно недавних публикаций того же рода на близкую тему, см., в частности, работу Людмилы Ферм [Ферм 2005] (и обстоятельную рецензию на нее В. М. Живова [Живов 2006]). В книге Никиты Михайлова тщательно собраны и подробнейшим образом проанализированы употребления творительного падежа в языке XVIII века — прежде всего те, которые претерпели изменения в истории русского языка в этот период или впоследствии. Это комплексное исследование: оно опирается на анализ имеющихся грамматических описаний (грамматики — А. А. Барсова, М. В. Ломоносова, Н. И. Греча и др.), историко-лингвистические работы А. А. Потемни, А. М. Пешковского, В. И. Борковского и многих других, специальные работы, посвященные русскому творительному (известный сборник под ред. С. Я. Бернштейна, монографии А. Вежбицкой, Р. Мразека, Л. Янды и др.), а также, что особенно ценно, на собственный материал автора.

Во введении сказано, что в рамках данного проекта проанализировано 10 900 страниц текстов XVIII в. Конечно, в век корпусных технологий трудно вести подсчеты в страницах — естественнее в словоформах, — но все равно можно приблизительно представить себе объем разобранного материала. Если исходить из того, что обычная современная страница русского текста — это

400 слов, то почти 11 тыс. таких страниц — это около 4,5 млн словоупотреблений. Даже если наши подсчеты слишком приблизительны и не учитывают коротких поэтических строк (а поэзии в этих текстах 31%, т. е. практически треть) и малоформатных страниц, видно, что объем текстов, на основе которых сделаны выводы, никак не меньше миллиона словоупотреблений — а это, конечно, достаточно для такого исследования. Причем, как следует из косвенных замечаний автора, в основном сортировка примеров производилась вручную: электронного корпуса текстов, который имел бы разметку и существенно облегчил эту работу, видимо, не было. Сплошной выборке подвергалась четверть всего объема текстов, а весь остальной массив был своего рода «контрольным»: в нем автор искал подтверждения своим гипотезам. Всего проанализировано 11 300 предложений с творительным (огромный массив, значительная работа!). Замечательно, если бы в результате они были бы сведены в единую размеченную и открытую для следующих поколений лингвистов базу данных, но, кажется, пока таких традиций в русистике еще нет¹. Но и сейчас это довольно

---

¹ Пожалуй, единственным исключением является только что вышедшая книга по следам трехлетнего проекта, организованного Лорой Яндой в университете Тромсе (Норвегия) [Janda et al. 2013]. В проекте участвовали (и значатся как соавторы книги)

подробный и хорошо иллюстрированный справочник по проблемам, связанным с творительным падежом — и шире, вариативности предложно-падежных форм в русском языке XVIII века.

Идея автора была в том, чтобы, оставив в стороне морфологическую вариативность (о ней сказано на нескольких начальных страницах), сосредоточиться на семантике творительного и отдельных предложно-падежных конструкциях. Поэтому в основу оглавления была положена семантико-синтаксическая классификация значений этого падежа, принятая в русистике, а акцент делался на тех конструкциях с творительным, которые претерпели наибольшие изменения в семантико-синтаксическом отношении. Надо сказать, что в последнее время исследователи творительного, в общем, не спорят о числе его значений (их выделяют около 20), но в работе есть своя особенность: она в том, чтобы объединить предложные и беспредложные контексты одной семантики. Поэтому хотя автор и пишет (с. 30), что

Анна Эндерсен, Юлия Кузнецова, Ольга Ляшевская, Анастасия Макарова, Туре Нессер и Светлана Соколова. Книжка вышла очень небольшой по объему, несмотря на обширнейшую тему семантики русских приставок и огромный языковой материал, который лег в ее основу. Но материал в ней обсуждается с теоретических позиций, а целиком он доступен в базах данных, которые открыты в Интернете (<http://emptyprefixes.uio.no/book.htm>). Эта публикация впервые вводит в русистику полезную практику, которая уже давно существует в мировой лингвистике (а еще раньше — в экспериментальных областях мировой науки, связанных с большими объемами данных): в журналах публикуют очень короткие статьи, суммирующие полученные результаты, а в интернете размещают к ним приложения в виде развернутых иллюстраций, полных списков необходимых классов объектов, баз данных и проч.

для него основополагающим является синтаксический принцип, на самом деле (и это кажется очень удачным и для структуры книги, и для исследования в целом), пожалуй, семантический принцип оказывается не менее важным. Как видно уже из подробного оглавления, в работе рассматриваются практически все подклассы употреблений, частные конструкции, глагольная сочетаемость — в этом отношении работу Н. Михайлова можно с полным правом назвать корпусно-ориентированной.

Несколько слов о текстовой коллекции автора: художественная проза составляет 13,5%, драма — 2,5%, мемуары и письма — 32%, дидактическая литература — 3%, научная — 18%, поэзия — 31%. Почти нет переводов, для которых особенно остро встает проблема калькирования, и, в общем, по тем же причинам — официально-деловых текстов. В наименьшей степени тексты отражают период первой трети XVIII века (до 1735 года), более широко представлено десятилетие 1740—1750, а лучше всего — екатерининская эпоха. В работе учитывались также произведения рубежа XVIII—XIX века (в первую очередь, Н. М. Карамзина) и, на их фоне, материал Национального корпуса русского языка, позволяющий производить сравнение старой нормы с современной.

Исследуются следующие типы употреблений творительного: неадвербиальные (вторая глава), адвербиальные (третья глава) и приименные (четвертая глава).

В класс неадвербиальных включаются прежде всего предикативные, «логического субъекта» (агентивного дополнения в пассивной конструкции), объекта при разных типах глаголов и инструментальные; в класс адвербиальных — образа действия, причины, пространства, времени, цели и ряд приименных употреблений; в небольшой

четвертой главе рассматриваются творительный меры (*годом позже*), комитатив, творительный в ограничительном значении (*моложе летами / чином*) и некоторые другие, периферийные употребления.

Предикативным употреблениям посвящен один из самых больших разделов, в нем произведена подробная фиксация и мониторинг изменений в употреблении творительного — при связке и в бессвязочных сказуемых, при формах прошедшего и будущего времени глагола *быть*. Приведены и примеры употреблений при полузнаменательных и полнозначных глаголах, расклассифицированные по разным типам предикатов (называния, преобразования, выявления и пребывания). Теоретики называют эту конструкцию депиктивной и, отмечая ее крайнюю нестандартность, предлагают разные подходы к ее описанию в современном русском языке, часто с учетом диахронического материала (ср. [Krasovitsky et al. 2008]), пытаются описать ее в рамках разных лингвистических подходов: формальной семантики, формального синтаксиса, когнитивной лингвистики и под. Основные из этих работ упомянуты — для того, чтобы дать читателю возможность соотнести предлагаемый в книге материал с теми выводами, к которым пришли авторы конкретной гипотезы, но сам Н. Михайлов не входит в детали обсуждения и интерпретации конкретных языковых наблюдений.

В этом есть свой стиль и позиция, которая принята в книге: теория, обобщение — это то, что придет следом за тщательным, строгим и подробным изложением фактов. Интерпретаций много, они — дело читателя и стимул для него с увлечением прочесть эту книгу, открывая для себя в ней новые и новые параллели, многие из которых, не сомневаюсь, приходили в голову и самому ее автору.

Очень интересно, например, думать, разбирая примеры из раздела 2.2.1, о конкуренции беспредложного творительного в привычной нам функции логического субъекта (агентивного до-полнения), как, например, в

Однако скажут все: я был судьбою избран (М. В. Ломоносов, 1750),

и аблативной конструкции с *от* + РП, ср. примеры ее употреблений на с. 84:

В пример представляю многожды повторенный от меня стих князя Антиоха Дмитриевича Кантемира (В. К. Третьяковский, 1735);

Такой мне от богов уже предел поставлен, | Что я хоть на сей брег от ярых волн избавлен (М. В. Ломоносов, 1750—1751).

Общепризнано, что аблативная конструкция в русском языке того времени является по происхождению заимствованной. Как показано в монографии, в XVIII в. она оказывается стилистическим вариантом творительного: в художественных текстах употребляется творительный, а в письмах и в особенности в научных текстах, — родительный с предлогом *от*. Так, действительно, бывает довольно часто с разного рода конструкциями: в ходе языковых изменений они распределяются по стилистическим пластам, так что могут служить стилистическими диагностиками текста. Однако если бы мы рассматривали современные тексты и современные конструкции, то в них стилистическое распределение, скорее всего, выглядело бы иначе: средоточием заимствований была бы публицистика. В данном случае публицистики в выборке нет, как нет и официально-деловой прозы, и получается, что на их место в каком-то смысле встает научный (тоже официальный!) и эпистолярный (в каком-то смысле — замена публицистике) дис-

курс. Кажется, что наблюдаемая эквивалентность была бы полезна для теории дискурса. Что касается художественных текстов, то они ведут себя предсказуемо: слегка «впитывают» заимствования, но быстро от них освобождаются, оставаясь по-прежнему более консервативными: в художественной прозе последних десятилетий XVIII века аблативная конструкция исчезает.

Другой примечательный пример субъектной вариативности — конкуренция беспредложного творительного с конструкцией *через* + ВП (с. 94):

*Не довольно того, что я назван мятежником и пасквилянтом, но еще и конфирмацию разглашают, будто мне **через графа Салтыкова** [от имени императрицы] учинен жестокий выговор* (А. П. Сумароков, 1767).

Согласно Н. Михайлову, А. А. Барсов в «Российской грамматике» квалифицировал эту предложную конструкцию как результат французского влияния — видимо, имея в виду отчасти сходные контексты употребления французского предлога *par* (хотя это и не прямой коррелят для *через*). Наряду с его гипотезой Н. Михайлов упоминает и гипотезу М. Мозера, который усматривает здесь «польский след». Кто из них прав — автор не уточняет, он не становится ни на чью сторону, так что читатель вправе присоединиться к любой точке зрения. Впрочем, в данном случае такая независимость от выбора интерпретации небезразлична для дальнейшего изложения.

А. А. Барсов оценивает это заимствование как недавнее — т. е. по-видимому, относит его к XVII в., а Н. Михайлов показывает, как уже в XVIII веке оно постепенно выходит из употребления, теряя свои позиции то в одном характерном контексте, то в другом. Между тем, такие употребления вовсе не исчезли из русского языка: в имити-

рующих устный и близких устному типам дискурса они представлены и в текстах XIX—XX века, см. следующие примеры из НКРЯ:

*Ну, и стал **через это** самое вроде последней свиньи...* (Г. И. Успенский. Власть земли, 1882);

*⟨...⟩ я упросил его пожаловать в мою домашнюю обстановку и стал **через это** его хозяином и вел с ним разговор не о страданиях, а об одной комсомолке, которая ⟨...⟩* (М. М. Пришвин. Дневники, 1927),

а в просторечии сохранились до сих пор, ср. следующие примеры из НКРЯ:

[Лопахин:] *В земляной работе / как в любви / надо достигать определенной глубины. А ты всё сверху норювишь... копать. Поверхностный ты человек / Ваня / поверхностный. Вот / **через это** тебе жена и письма-то редко шлёт / вспоминать тебя / чёрта / ничем добрым не может* (Сергей Бондарчук, Михаил Шолохов. Они сражались за родину, к/ф, 1975);

[Леонид Петрович:] *А я с сукой за стол не присяду. А с тобой / видишь / присел. Знаю потому что / кто на деле падла / кто всю кодлу ващу притопил и **через это** судьбу тебе заделал* [Константин Мурзенко. Апрель, к/ф, 2001).

Если учитывать это обстоятельство, то замечание автора на с. 97 о том, что оборот с *через* сохраняется в современном русском либо для лица-посредника, либо в качестве устойчивых сочетаний (имеются в виду, видимо, фраземы типа *через посредство / посредничество* и, может быть, некоторые другие — примеров не приведено), не вполне точно. Стойкость оборотов с *через* подтверждает его связь с украинскими аналогами и, тем самым, гипотезу М. Мозера.

В каких именно контекстах сегодня сохраняется конструкция *через* + ВП — этот вопрос мог бы стать задачей интересного параллельного синхронного исследования, продолжающего задачу, которую решает монография Н. Михайлова.

Раздел о вариативности объекта тоже содержит подробнейший языковой материал, структурированный по основным предикатам, способным управлять творительным (владения, руководства, двигательного действия и др.). Внутри подразделов дается анализ управляемых слов, которые тяготеют к данному типу употреблений. В ряде случаев изложение перекликается и с тематикой Л. Ферм, исследовавшей беспредложное глагольное управление [Ферм 2005], и с фундаментальной книгой В. Б. Крысько [Крысько 2006], аналитика которой не нуждается в пересмотре.

Как уже было сказано, третья глава книги посвящена творительному адвербиальному. Это большая и разнородная область употреблений, лингвистически интересная — во-первых, в силу высокой вариативности, а во-вторых, нестабильности: с XVIII века в целом число таких значений творительного в русском языке существенно изменилось, причем по-разному — какие-то из них упрочили свои позиции, а какие-то исчезли.

В разделе 3.2.3 прослеживается развитие творительного сравнения (ср.: *колесом за сини горы солнце красное скатилось; заливатья соловьем, парить орлом, идти цепью* и др.). Таких примеров в выборке относительно немного (всего около 60), но и на них видно, что в XVIII в. контексты, приписывающие объекту некую каноническую форму, уже довольно устойчивы, ср. (с. 175):

Он поднял пыль столбом (А. Н. Радищев, 1787—1790),

или

Смотри: как цепью птиц станции|летят под небом и трубят (Г. Р. Державин, 1797).

Между тем, как считает Н. Михайлов, творительный сравнения стал использоваться как стилистическое средство не раньше конца века — а до того примеры его единичны. И, как литературный прием, соответствующие примеры, конечно, более свободны и разнообразны в сочетаемости, чем теперь, ср. нестандартное *кровь ударилась рекою* в примере из М. В. Ломоносова на с. 173:

Из раны черна кровь ударилась рекою (М. В. Ломоносов, 1750).

Сегодня такое сочетание было бы неуместно: кровь, конечно, может *течь рекой* — но не из одной-единственной раны: это выражение ассоциируется с батальными сценами или иными массовыми убийствами, ср. примеры из НКРЯ:

Я думал, что выражение «кровь лилась рекой» — это только поэтическая вольность, эффектная метафора. А когда на смоленской дороге в октябре 1941 года нашу Краснопресненскую дивизию, окруженную врагами, потерявшую почти все оружие, сбивавшуюся в плотную кучу все туже и туже, стали расстреливать из пулеметов, минометов, автоматов (...), я полз в придорожной канаве через трупы, и мой ватник набух от крови густо и тяжело (В. Розов. Удивление перед жизнью, 1960—2000);

В этот день кровь льется рекой, и животный страх вселяется в души случайных туристов, услышавших гул Великих барабанов, расположенных напротив статуи Бхаираба (Ю. Капишникова. Катманду — город живой богини // «Пятое измерение», 2002),

— и так же у Карамзина на рубеже веков (с. 176):

*На всей равнине затрепало оружие,
и кровь полилась рекою.*

Ср., однако, почти ломоносовский контекст, встретившийся в специализированном медицинском тексте конца XIX века (не убийства — но все-таки уже множественный субъект):

Кровоупускание считалось необходимым чуть не при всех болезнях, почему кровь лилась рекой. Кровь пускали иногда по 3—4 раза в день (И. М. Луценко. К столетию гомеопатии // «Врач-гомеопат», № 2, с. 47—62, 1897).

В отличие от творительного сравнения, становление которого мы только наблюдаем в XVIII веке — в буквальном смысле, судя по примерам в разделе 3.2.3, беспредложный творительный причины использовался регулярно и в древнерусских, и в старославянских памятниках. В разделе 3.3.1 исследуется, в каком объеме это значение сохранилось к XVIII веку. Речь идет о примерах типа (с. 183):

Ярославом мы и храбрым Мономахом | Достигли, как враги взирали к нам со страхом (М. В. Ломоносов, 1754).

Спасаясь от врага, другими пал врагами (В. А. Озеров, 1798).

В современном русском от всего этого круга употреблений остались жалкие «осколки», вроде умерла **родами** (= ‘по причине родов’, хотя даже и в этом реликтовом контексте не исключена чуть более распространенная в целом в современном языке темпоральная интерпретация ‘во время родов’), поэтому нам естественно воспринимать причинные употребления как нечто особое и экзотическое, не связанное со всей остальной системой. Между тем, на тот момент, когда причинный творительный был еще продуктивен, возможно, он воспринимался как тесно связанный

с тем, что мы теперь называем агентивным дополнением, ср.: *уморить голодом* (агентивное дополнение) и *умереть голодом* (причина).

Причинное употребление творительного фактически ушло из языка, но процесс его ухода фотографически зафиксирован в книге Н. Михайлова, и, повторим еще раз, такого рода материал, описывающий распад фрагмента категории, как кажется, чрезвычайно значим для теории. В частности, материал Н. Михайлова показывает нам, как перед тем как исчезнуть, причинный творительный «задерживается» в компактной группе экспериенциальных глаголов с обязательным стимулом-причиной, т. е. в своего рода «сильных» для него контекстах, ср. глаголы *скуцать*, *страдать*, *беспокоиться*, *веселиться* и под. (с. 189):

Мы с великим князем очень огорчились этой отставкой (Екатерина II, 1771—1772).

Тем временем в русском языке происходят другие процессы, затрагивающие причинное значение: оно закрепляется за предложным сочетанием с предлогом *за*, ср. в примерах со с. 194: *за неимением*, *за недостатком*, *за незнанием*, *малолетством* и проч. и утрачивается у предлогов *ради* и *для*, ср. старые, причинные употребления, которые приводятся на с. 200, такие как

Сии ради малолетства, она для старости не могли стать против тяжкой силы печенежской {...} (М. В. Ломоносов, 1754—58).

Основой для такой «специализации», как считает автор, является многозначность оборотов *для* + РП и *ради* + РП, которая «приводила к ненужной двусмысленности, когда *для затруднения* могло восприниматься и как ‘по причине затруднения’, и ‘с целью затруднить’». Наверное, в определенном смысле

Н. Михайлов прав — и все-таки заметим, что граница между причиной и целью часто довольно эфемерна: не случайно во многих языках вопросительные местоимения со значением причины и цели почти не разведены. Таково, например, английское *why* или французское *pourquoi*; русское *зачем* в недавнем прошлом было таким же, ср. пушкинское: *Зачем* (= ‘почему’) *Арапа своего младая любит Дездемона?*

Другое дело — оценка события: положительная или отрицательная. Оценочная дихотомия достаточно часто поддерживается лексическими средствами — есть целые ряды оценочных антонимов, прежде всего, признаковых, но не только (*хороший — плохой, глупый — умный; попасть — промахнуться, выиграть — проиграть* и под.). Понятно, что в том же ряду могут стоять и конструкции: причинная семантика, закрепляющаяся за конструкцией с *за*, как правильно замечено на с. 193 сл., сугубо отрицательна: это то, что не позволяет действию осуществиться. Целевая семантика конструкций с *для* или *ради* — наоборот, желаемое и, как правило, положительное событие.

Более того, и сама конструкция *за* + ТП, как следует из раздела 3.5.2, в XVIII веке, как и в наше время, обозначала цель, ср. на с. 238:

Уж не послать ли за доктором в город? (Д. И. Фонвизин, 1781)

Ср. также из примеров Н. Михайлова: *за тюленями, за водой, за деньгами*.

Отсюда видно, что язык легко «разрешает» одно и то же средство для причины и цели, но между соответствующими употреблениями вырабатываются сочетаемостные различия: в данном случае в качестве причин выступают (как правило, неконтролируемые) события, процессы или свойства, а в качестве цели — предметные имена или лица.

Любопытно, что в то же время действуют две параллельные не-инструментальные конструкции с *по* с тем же семантическим распределением: одной стороны, причинная *по* + ДП, ср. *по слабости здоровья, по неизвестности, по возрасту, по неосведомленности*, тоже описывающая отрицательно оцениваемые препятствия к совершению действия, с другой стороны, целевая *по* + ВП: *по воду, по ягоды*, а также (с. 240):

Я послала по Графа Чернышева (Екатерина II, 1777).

Но и это не все: в то же самое время *за* могло вводить и «положительную» причину — но в рамках другой конструкции (сохранившейся и продуктивной в наше время) — не с творительным, а с винительным падежом (с. 196—197), ср. *благодарение за старание*. Мы видим, как в XVIII веке для нее формируется современное значение похвалы/наказания, а конкурирующие употребления с семантикой препятствующей причины тогда же уходят из языка, ср.:

И хотя бы о пользе миромудрия мог вам обстоятельнее изъяснить, но за краткость времени оставлю (В. Н. Тагищев, 1733).

Как видим, XVIII век представляет для русского языка уникальную возможность наблюдать процессы живой конкуренции значений, которые приводят к действительной перестройке синтаксиса. Это демонстрирует нам и монография Н. Михайлова. Позднее норма становится много жестче и перемены замедляются, а для столь же тщательного мониторинга более ранних периодов нам не всегда хватает языкового материала. Поэтому так важно, чтобы все языковые данные по этому периоду (конечно, включающие анализ официально-деловых текстов) были как можно скорее обработаны и введены в оборот теоретической лингвистики, описывающей общиe принципы языковой

перестройки и семантических сдвигов. Результаты Н. Михайлова уже и сейчас могут быть использованы в этих целях. Другое применение они могли бы найти в корпусной грамматике современного русского языка, соединяющей синхронию и диахронию. Такого проекта пока нет, но чтение монографии настолько увлекательно, что хочется его придумать.

Л и т е р а т у р а

Живов 2006 — В. М. Ж и в о в. Рец. на кн. [Ферм 2005] // ВЯ. 2006. 5. С. 139—146.

Крысько 2006 — В. Б. К р ы с ь к о. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. М., 2006.

Ферм 2005 — Л. Ф е р м. Вариативное беспредложное глагольное управление в русском языке XVIII века. Stockholm: Södertörns högskola, 2005.

Janda et al. 2013 — L. J a n d a et al. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, IN: Slavica. 2013.

Krasovitsky et al. 2008 — А. К р а - s o v i t s k y, А. L o n g, М. B a e r m a n,

D. P. B r o w n, G. G. C o r b e t t. Predicate nouns in Russian // Russian Linguistics. 2008. 32 (2). P. 99—113.

R e f e r e n c e s

Ferm 2005 — L. F e r m. Variativnoye bespredlozhnoye glagolnoye upravleniye v russkom yazyke XVIII veka. Stockholm: Södertörns högskola, 2005.

Janda et al. 2013 — L. J a n d a et al. Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers. Bloomington, IN: Slavica. 2013.

Krasovitsky et al. 2008 — А. K r a s o v i t s k y, А. L o n g, М. B a e r m a n, D. P. B r o w n, G. G. C o r b e t t. Predicate nouns in Russian // Russian Linguistics, 2008, 32.2. P. 99—113.

Krysko 2006 — В. Б. K r y s k o. Istoricheskiy sintaksis russkogo yazyka: Obyekt i perekhodnost. Moskva, 2006.

Zhivov 2006 — В. М. Z h i v o v. Retenziya na knigu [Ferm 2005] // Voprosy jazykoznanija. 2006. № 5. S. 139—146.

Е. В. Рахилина

Рецензия поступила 14.11.2013.

НОВЫЕ КНИГИ

Marguerite Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive.
Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2011
(Langues et langage, 17). — 340 с.

Книга известного французского слависта польского происхождения Маргерит Гиро-Вебер «Очерки по русскому и контрастивному синтаксису» вышла в лингвистической серии монографий университета Экс-ан-Прованса, где многие годы работает автор. Это сборник статей, написанных автором начиная с 1974 года; некоторые из них уже хорошо знакомы русистам. Всего в книгу входят 29 статей, первые публикации многих из которых в настоящее время труднодоступны; ряд текстов печатается впервые. Сборник адресован лингвистам, интересующимся славянскими языками и типологией, поэтому статьи, первоначально выходившие в узкоспециальных изданиях для русистов, переработаны с учётом более широкой аудитории и унифицированы с остальными работами (примеры даны в транслитерации латиницей и обычно с переводами на французский язык, иногда даже глоссированы, некоторые литературные цитаты упрощены и т. п.). Книга состоит из пяти разделов («глав»), посвящённых, соответственно, синтаксическим отношениям, подлежащему, глаголу, безличным конструкциям и сопоставлению русского языка с другими (прежде всего западнославянскими и французским).

Автор занимает позицию, характерную для лингвистов, условно объединяемых под названием «функционального направления». Анализируются реальные примеры, извлеченные из корпусов, в значительной мере собран-

ных и обработанных самим автором. Теоретическое объяснение наблюдаемых языковых явлений иногда предложено, но приоритет отдаётся «возможно более адекватному и объективному» описанию. Гиро-Вебер, вслед за своим учителем Полем Гардом (кстати, именно ему, «великому слависту и выдающемуся профессору», посвящена книга), обращает внимание на исторические процессы, ведущие к синхронному состоянию языка, и различает в последнем те или иные черты, восходящие к старой системе. Автор также признаёт связь между языком и национальной культурой в духе, например, работ Вежбицкой (ср., особенно, последнюю статью сборника «Восприятие времени у русских и французов»).

Статьи Гиро-Вебер сравнительно невелики по объёму (в среднем примерно по 12 страниц) и сжато, но информативно затрагивают разные очень конкретные сюжеты русской грамматики. В центре интересов автора находится синтаксис, который, как она говорит, «вышел из моды» среди русистов.

В раздел «Синтаксические отношения» входят работы «Связка: форма и функция в современном русском языке» (1976), «Некоторые особенности экзистенциального предложения в русском языке» (2006), «Отношение принадлежности» (1996), «Дифференциальное маркирование объекта в современном русском языке: что нового?» (2004), «Синтаксис русского компаратива: некоторые уточнения» (1996), «Бисинхронный

метод в описании адъективного сказуемого» (1993), «К вопросу о субстантивном сказуемом в современном русском языке: Можно ли по-прежнему говорить о семантической оппозиции?» (1994), «Статус локализатора» (1998). Центральные сюжеты этого раздела — классификация базовых связок и глаголов, выступающих в их функции, статус тех или иных именных групп как актантов и/или сирконстантов в определенных конструкциях, вариативность синтаксических средств и принципы выбора между ними, типы именного сказуемого.

Второй раздел книги состоит из трёх статей и называется «Подлежащее (субъект): формы, трансформации, устранение». Сюда входят статьи «Подлежащее в русском языке» (2003); «Предикация без подлежащего: случай русского языка» (2008), «Эллипсис, устранение подлежащего, нулевое подлежащее» (1977). Автор использует подход Кинэна—Комри для определения степени «подлежащности» тех или иных русских именных групп и обращает внимание на процессы «устранения» подлежащего в ходе диахронической эволюции синтаксиса и выработки тех или иных конструкций без канонического подлежащего в номинативе (традиционно относимых к «неопределённо-личным» или «безличным»).

Раздел «Безличность» состоит из статей «Недавняя эволюция безличных предложений в русском языке» (2003), «Количественное предложение» (1980), «Предложения типа *с отцом нехорошо*» (1979), «Двойной статус творительного падежа в безличном предложении» (печатается впервые), «*Весело кататься — кататься весело*: одна или две конструкции?» (1981). Он продолжает тематику предыдущих разделов: затрагивается и синтаксическая роль предложных групп, и типы неканонического подлежащего. Гиро-Вебер считает, что традиционный ярлык «безличное предло-

жение» определяет несколько различных типов конструкций, и стремится их выделить на основании различных синтаксических тестов. Затрагиваются проблемы нулевого подлежащего в русском языке, различных типов согласования, предикативов и другие.

Следующий раздел сборника называется «Вокруг глагола»: это постоянная тема интересов Гиро-Вебер, посвятившей русскому глаголу целую книгу [Guiraud-Weber 2004]. Он состоит из статей «Грамматические категории русского глагола» (1997), «Полезно ли еще понятие способа действия?» (1989), «Глагольная префиксация» (публикуется впервые), «Понятие контролируемости и вид глагола» (1996), «Аспектуальная корреляция в русском языке и проблема троек» (2008). Центральной проблемой этого раздела является вид и проблемы формального и семантического соотношения в видовых парах. Автор предлагает оригинальный взгляд, в частности, на такие вопросы, как «пустые» глагольные приставки, семантическая классификация предикатов, двойная префиксация, нестандартные конструкции с частицей *бы*.

В раздел «Русский в сопоставлении с другими языками» входят статьи «Согласование времён: русский в сопоставлении с французским» (1974), «Русские глаголы движения и их французские эквиваленты» (1992), «Некоторые замечания об анафорической отсылке в русском языке в сопоставлении с французским узусом» (написана совместно с Робером Руде, 1988), «Структура неопределённого лица: нулевое подлежащее в русском и местоимение *он* во французском» (1990), «От пассива к безличной конструкции: русский в сравнении с польским» (1984), «Реакция на заимствование: на примере русских и польских глаголов» (1998), «Эволюция славянского генитива отрицания в русском, польском и чешском языках»

(2007), «Восприятие времени у русских и французов» (2001). Сюжеты этого раздела перекликаются с проблематикой первых четырёх. Ряд свойств русской грамматики (неопределенно-личное подлежащее, выбор анафорического местоимения, формирование видовых противопоставлений, устройство временной системы) рельефно выступает на фоне как языков западноевропейского типа, так и других славянских языков.

Несомненно, книга заслуживает перевода на русский язык и публикации в России. Очень хотелось бы, чтобы

идеи и решения, предлагаемые Гиро-Вебер, стали доступны для возможно более широкого круга наших русистов.

Л и т е р а т у р а / References

Guiraud-Weber 2004 — M. Guiraud-Weber. Le Verbe russe: temps et aspect. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence. 2004.

Д. В. Сичинава

Обзор поступил 20.02.2013.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

Т. А. Афанасьева / Tatyana I. Afanasyeva

Санкт-Петербургский государственный университет / Saint Petersburg State University

В. Ю. Апресян / Valentina Yu. Apresyan

Высшая школа экономики / Higher School of Economics

Л. Ю. Астахина / L. Yu. Astakhina

Институт русского языка РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

М. А. Бобрин / M. A. Bobrik

Потсдамский университет, Германия / University of Potsdam, Germany

В. Л. Васильев / Valery L. Vasil'ev

Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого / Yaroslav-the-Wise Novgorod State University

Е. А. Власова / Ekaterina A. Vlasova

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

И. А. Горбушина / Irina A. Gorbushina

Московский педагогический государственный университет / Moscow Pedagogical State University

Е. А. Гришина / Elena A. Grishina

Институт русского языка РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. С. Кулева / A. S. Kuleva

Институт русского языка РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

А. П. Майоров / Alexandr P. Mayorov

Бурятский государственный университет / Buryat State University

Н. В. Патроева / N. V. Patroyeva

Петрозаводский государственный университет / Petrozavodsk State University

Я. А. Пенькова / Yana A. Penkova

Институт русского языка РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Е. В. Рахилина / Ekaterina V. Rakhilina

Высшая школа экономики / Higher School of Economics

Институт русского языка РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Д. В. Сичинава / Dmitriy V. Sichinava

Институт русского языка РАН / Vinogradov Institute of Russian Language, RAS

Адреса университетов и институтов

Addresses of universities and institutes

Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет

101000, Москва, ул. Мясницкая, 20

Higher School of Economics, National Research University

20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Бурятский государственный университет
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а
Buryat State University
24a Smolin str., Ulan Ude 670000, Buryat Rep., Russian Federation

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka str., Moscow 119019, Russia

Московский педагогический государственный университет
119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1
Moscow Pedagogical State University
1/1 Malaya Pirogovskaya str., Moscow 119991, Russian Federation

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russian Federation

Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого
173024 Новгородская область, г. Великий Новгород, ул. Свободы, 4
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University
4 Svobody str., Veliky Novgorod, 173024 Novgorod region, Russian Federation

Петрозаводский государственный университет
185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33
Petrozavodsk State University
33 Lenin av., Petrozavodsk 185910, Karelia rep., Russian Federation

Потсдамский университет
University of Potsdam
Universität Potsdam Am Neuen Palais 1014469 Potsdam, Germany

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 11
Saint Petersburg State University
11 Universitetskaya emb., St. Petersburg 199034, Russian Federation

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях. Все публикации бесплатны.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры отисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовки статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45—58] или [Иванов 2012: 45—58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34—38; 2012: 78—81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45—58; 2012б: 12—15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45—58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere. All publications are free of charge.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45—58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45—58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34—38; 2012: 78—81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45—58; 2012b: 12-15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45—58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").